

ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

1

2022

ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 года

2022

Том 28

№ 1

Январь – Март

VESTNIK
OF KOSTROMA
STATE
UNIVERSITY

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL

Appears since 1995

2022

Volume 28

№ 1

January – March

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ
РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ (ПЕРЕЧЕНЬ ВАК),
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
ДИССЕРТАЦИЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК, ПО СЛЕДУЮЩИМ ОТРАСЛЯМ:
07.00.00. – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ;
10.00.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ;
12.00.00 – ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ) С 2003 ГОДА

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе,
Костромской государственный университет

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
И ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ**

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук,
Костромской государственный университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственный университет

БЕРЕЗОВИЧ ЕЛЕНА ЛЬВОВНА

доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Институт русского языка им. В.В.Виноградова (г. Москва)
Уральский государственный университет (г. Екатеринбург)

БИБИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

доктор юридических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, председатель Научного
Совета РАН по проблемам российской и мировой
экономической теории (г. Москва), Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова

ВИШНЕВСКАЯ ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА

доктор филологических наук, профессор, действительный
член Российской Академии Естествознания (академик),
Ивановский государственный университет

ГАНЦОВСКАЯ НИНА СЕМЕНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ГЛАДКОВ АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт Всеобщей истории РАН

ДЕФЬЕ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор, Московский педа-
гогический государственный университет (г. Москва)

ЕРМАКОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

доктор филологических наук, профессор,
Тюменский государственный университет (г. Тобольск)

ЗАХАРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ИЗОТОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
директор института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

КАПУСТИН НИКОЛАЙ ВЕНАЛЬЕВИЧ

доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

КОМАРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

доктор юридических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor,
prorector of science
Kostroma State University

**ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF AND
EXECUTIVE SECRETARY**

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
Doctor of Philology,
Kostroma State University

EDITORIAL BOARD STAFF

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
Kostroma State University

ELENA L'VOVNA BEREZOVICH

Doctor of Philological Sciences, Professor,
leading scientific associate
Vinogradov Russian Language Institute (Moscow)
State University of the Urals (Yekaterinburg)

ALEKSANDR IVANOVICH BIBIKOV

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Russian Natural Sciences Academy corresponding member,
chairman of scientific council of Russian Academy of Sciences
on the issues of Russian and world economics (Moscow),
Lomonosov Moscow State University

GALINA MIKHAILOVNA VISHNEVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Full Member of Russian
Academy of Natural History (academician),
Ivanovo State University

NINA SEMYONOVNA GANTSOVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ALEKSANDR KONSTANTINOVICH GLADKOV

Candidate of Historical Sciences, senior staff scientist,
Universal History Institute of the Russian Academy of Sciences

OLEG VIKTOROVICH DEFYE

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow Pedagogic State University

ELENA NIKOLAIEVNA ERMAKOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Tobolsk State University

NATALIYA VLADIMIROVNA ZAKHAROVA

Candidate of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

NATALIYA VALERIYANOVNA IZOTOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
director of Philology, Journalism
and Intercultural Communication Institute,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

NIKOLAY VENALIYEVICH KAPUSTIN

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY ALEKSANDROVICH KOMAROV

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Russian Academy of National Economy
and Career Service under
the President of the Russian Federation (Moscow)

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

КОЧЕШКОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Почетный работник Высшего профессионального
образования РФ, Ярославский государственный педагогиче-
ский университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

МАЛЬКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
директор Саратовского филиала Института государства
и права Российской академии наук (г. Саратов)

МАРКОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ
доктор филологических наук, кандидат философских наук,
профессор, ведущий научный сотрудник
Российский государственный гуманитарный университет,
Московский государственный университет

МЫЗНИКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
заведующий Словарным отделом ИЛИ РАН
Институт лингвистических исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ПЕТРОВИЧЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор исторических наук, профессор,
директор Гуманитарного института,
Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (г. Владимир)

ПОЛИЩУК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний России (г. Рязань)

ПОЛУБОЯРИНОВА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой истории зарубежных литератур,
Санкт-Петербургский государственный университет

ПОЛЫВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего образования,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

ПОПОВА ТАТЬЯНА ГЕОРГИЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ.,
Почетный работник сферы образования РФ,
действительный член Российской Академии
Естествознания (академик), Военный университет
Министерства обороны Российской Федерации (г. Москва)

РОМАНОВСКАЯ ВЕРА БОРИСОВНА
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

NATALIYA GENNADIEVNA KOPTILOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GENNADIY NIKOLAEVICH KOCHESHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ALEKSANDR VASILIEVICH MAL'KO
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
honoured science worker of the Russian Federation,
director of Saratov branch of State and Law Institute
of Russian Academy of Sciences

ALEKSANDR VIKTOROVICH MARKOV
Doctor of Philology, Candidate of Philosophic Sciences,
Professor, leading researcher,
Russian State University for the Humanities,
Lomonosov Moscow State University

SERGEY ALEKSEEVICH MYZNIKOV
Doctor of Philological Sciences, principal scientific associat,
head of Dictionary division,
Linguistic Investigations Institute
of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA PETROVICHEVA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute for the Humanities,
A.G. and N.G. Stoletovs
Vladimir State University

NIKOLAY IVANOVICH POLISHCHUK
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Academy of Federal
Penitentiary Service (Ryazan)

LARISA NIKOLAYEVNA POLUBOYARINOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of History of Foreign Literature,
Saint Petersburg State University

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ivanovo State University

TATIANA GEORGIYEVNA POPOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation,
honorary educationalist of education of the Russian Federation,
Russian Natural Sciences Academy full member (academician)
Military University of the Ministry of Defence
of the Russian Federation

VERA BORISOVNA ROMANOVSKAYA
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Lobachevsky Nizhny Novgorod
State University

ТИХОМИРОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Тульский государственный университет
им. Л.Н. Толстого (г. Тула)

ТОПОРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ТРЕТЬЯКОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет

ФОКИНА МАДИНА АЛЕКСАНДРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
ведущий научный сотрудник, Институт мировой
литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук,
заведующий отделом классических литератур Запада
и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕРКАСОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного суда Российской Федерации (г. Москва)

**ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ**

ЙОСИФОВА ТАНЯ НИКОЛОВА
доктор права,
Университет национального
и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет, Сорбонна, (г. Париж, Франция)

РОЗОВСКИЙ БОРИС ГРИГОРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Украины,
Институт экономико-правовых исследований
Национальной Академии наук Украины (г. Луганск)

VLADIMIR VASILIEVICH TIKHOMIROV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Leo Tolstoy Tula
State University

ANNA VLADIMIROVNA TOPOROVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

IRINA YURIEVNA TRET'YAKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY MIKHAYLOVICH USMANOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

MADINA ALEKSANDROVNA FOKINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
Doctor of Philological Sciences,
Doctor of Philosophy (the USA), leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
Doctor of Philological Sciences,
head of the Department of Western Classic Literature
and Comparative Litera Studies,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KONSTANTIN VALERIEVICH CHERKASOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
judge of Supreme Court of the Russian Federation

**EDITORIAL BOARD
FOREIGN STAFF**

TANYA NIKOLOVA JOSIFOVA
Doctor of Law,
University of Economy for the Bulgarian Nation and World,
Sofia, Bulgaria

PHILIPPE COMTE
Professor of modern Russian language and literature
Pantheon-Sorbonne University, Paris, France

BORIS GRIGORIEVICH ROZOVSKIY
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Honoured lawyer of the Ukraine,
Institute of economical and legal research
National Academy of Sciences of Ukraine (Lugansk)

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

- 7 Семилет Т.А., Фотиева И.В., Лукашевич Е.В., Витвинчук В.В., Кирилин К.А.
Искажение реальности в новостной журналистике: детерминирующие факторы и социокультурные следствия

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- 15 Павлов К.В.
Источник-историографические аспекты датирования первой закладки Михайло-Архангельского и Спасо-Преображенского соборов в Нижнем Новгороде
- 21 Ферапонт, Митрополит Костромской и Нерехтский (Кашин Д.В.)
Шествие московского посольства 14 марта 1613 г. в Ипатьевский монастырь: версии события
- 26 Большакова Д.А., Петровишева Е.М.
Влияние религиозных воззрений сельского населения на практику земского страхования во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах Владимирской и Рязанской губерний)
- 32 Бриль Г.Г., Зайцев Л.Н.
Владимир Константинович Семигановский – последний начальник Костромского губернского жандармского управления (по материалам архивов Костромской области)
- 40 Ковров Т.А., Околотин В.С.
Роль фабрикантов в деятельности учетно-ссудного комитета при Иваново-Вознесенском отделении Государственного банка
- 48 Виноградова Ю.А., Околотин В.С.
Деятельность органов Наркомпроса по организации деятельности музеев в Иваново-Вознесенской губернии в 1918–1920 гг.
- 55 Стадник Ю.А.
Этиология болезней и поведение человека в народных представлениях семейских Бурятии
- 63 Никифоров Ю.С.
«На пути к “зеленой повестке”»: дискурс региональной власти о благоустройстве Ярославля в историческом контексте взаимодействия с центром (1960–1980-е гг.)
- 70 Шукуров Ш.З.
Силовая политика США и их партнеров по внедрению западной демократии в афганское общество

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 77 Чекалов К.А.
Протонаучная фантастика и становление жанровой номенклатуры французской массовой прозы
- 85 Мосалева Г.В.
Онтология юмора в романе «Обломов» И.А. Гончарова
- 93 Медведева Н.А.
Пьеса А.Н. Островского «Не от мира сего» как семейные сцены
- 98 Стрельникова Л.Ю., Тарасова И.И.
Модернистский мифологизм в ранней прозе В.В. Набокова (на материале романов «Машенька», «Дар», «Приглашение на казнь»)
- 105 Андреева В.Г.
Контрасты в письмах С.А. Есенина: проза действительности и душевная жизнь
- 112 Османова К.П.
«В фиакре» Артюра Адамова: поэтика и проблематика
- 118 Дубаков Л.В.
Буддийская экзотика в творчестве Э.В. Лимонова: философская и эстетическая критика

CONTENTS

TOPICAL THEAM

- 7 T.A. Semilet, I.V. Fotieva, E.V. Lukashevich, V.V. Vitvinchuk, K.A. Kirilin
Distortion of reality in news journalism: determinants and socio-cultural implications

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

- 15 K.V. Pavlov
Source-historiographical aspects of dating the first laying of the cathedrals of Archangel Michael and the Savior's Transfiguration in Nizhny Novgorod
- 21 Ferapont, Metropolitan of Kostroma and Nerekhta (D.V. Kashin)
Procession of the Moscow embassy on March 14, 1613 to Hypatian Monastery: versions of the event
- 26 D.A. Bolshakova, E.M. Petrovicheva
The influence of religious beliefs to the practice of zemstvo insurance at the 2nd half of the 19th - early 20th century (based on the materials of Vladimir and Ryazan provinces)
- 32 G.G. Bril', L.N. Zaitsev
Vladimir Konstantinovich Semiganovskiy – the last head of Kostroma provincial gendarmerie department (based on materials from the archives of Kostroma Region)
- 40 T.A. Kovrov, V.S. Okolotin
The role of the manufacturers in the activity of the accounting and loan committee at Ivanovo-Voznesensk branch of the Russian State Bank
- 48 Yu.A. Vinogradova, V.S. Okolotin
Museum-organising activities of the People's Commissariat of Education in Ivanovo-Voznesensk province in 1918–1920
- 55 Yu. A. Stadnik
Etiology of diseases and human behaviour in folk ideas of the Semeiskie of Buryatia
- 63 Yu.S. Nikiforov
“On the way to the “green agenda””: discourse of regional authorities on the improvement of Yaroslavl in the historical context of interaction with the centre (the 1960s–1980s)
- 70 Sh.Z. Shukurov
The power politics of the US and its partners in introducing Western democracy into Afghan society

SCIENCE OF LITERATURE

- 77 K.A. Chekalov
Protoscience fiction and formation of the genre nomenclature in French paraliterature
- 85 G.V. Mosaleva
Ontology of humour in the novel “Obломov” by Ivan Goncharov
- 93 N.A. Medvedeva
The play “Not of This World” by Alexander Ostrovsky as family scenes
- 98 L.Yu. Strelnikova, I.I. Tarasova
Modernist mythologism of Vladimir Nabokov's creative work (based on the material of the novels “Mary”, “The Gift”, “Invitation to a Beheading”)
- 105 V.G. Andreeva
Contrasts in the letters of Sergei Yesenin: from the prose of reality to spiritual life
- 112 K.P. Osmanova
“In a Fiacre” by Arthur Adamov: poetics and problematics
- 118 L.V. Dubakov
Buddhist exoticism in the works of Eduard Limonov: philosophical and aesthetic criticism

123 Гордиенко Н.Н.

Просветительская деятельность современных СМИ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

129 Волкова Е.Б., Коротун В.Л.

Трёхкомпонентные сложноподчинённые предложения с неоднородным соподчинением в научном стиле русского языка (на материале текстов математических произведений)

134 Галкина Н.П.

Опыт лингвистического исследования слова *правда* в качестве служебного

139 Ганцовская Н.С.

Дикорастущие растения и отходы сельскохозяйственных культур как основа номинаций блюд костромской народной кухни (комментарии к V разделу Программы ЛАРНГ)

143 Ильина Е.Н.

Описание крестьянского жилища в борбужинском говоре

150 Попова А.Р.

Фразеологическая единица как основа поэтического текста: жанр стихофразы

157 Фокина М.А.

Субъектно-речевая организация рассказа Владимира Корнилова «Шишкар»

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

163 Грибкова К.В.

Правовые позиции и положения судебной практики: понятие, особенности, значение

169 Калужный А.Н.

Назначение судебно-психиатрической экспертизы по преступлениям, связанным с незаконной госпитализацией в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях

174 Семионов Д.Л., Сироткин А.Г., Хлестакова Л.А., Бекренев П.Ю.

О неопределённости правового регулирования государственной регистрации договора аренды здания или сооружения

180 Орловская И.В.

Система специализированных природоохранных прокуратур Российской Федерации: исторические, организационно-правовые аспекты и принципы ее формирования

193 ТРЕБОВАНИЯ

К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

123 N.N. Gordienko

Enlightenment activities of modern mass media

SCIENCE OF LANGUAGE

129 E.B. Volkova, V.L. Korotun

Three-component complex sentences with heterogeneous subordination in the scientific style of the Russian language (based on texts of mathematical works)

134 N.P. Galkina

Experience of linguistic research of the word *pravda* as a syntactic word in the Russian language

139 N.S. Gantsovskaiy

Wild plants and crop waste as a basis for nominations of dishes of Kostroma folk cuisine (comments to Section V of the Lexical Atlas of Russian Folkish Patois Programme)

143 E.N. Ilyina

Description of a peasant abode in the patois of the hamlet of Borbushino

150 A.R. Popova

Phraseological item as the basis of a poetic text: the genre of poemphrase

157 M.A. Fokina

Subject-speech organisation of Vladimir Kornilov's short story "Cone Picker"

JURAL SCIENCE

163 K.V. Gribkova

Legal positions and provisions of judicial practice: concept, features, meaning

169 A.N. Kalyuzhny

Appointment of a forensic psychiatric examination for crimes related to illegal hospitalisation in a medical organisation providing psychiatric care in in-site settings

174 D.L. Semionov, A.G. Sirotkin, L.A. Khlestakova, P.Y. Bekrenov

On the uncertainty of the legal regulation of the state registration of the lease agreement of a building or structure

180 I.V. Orlovskaya

The system of specialised environmental prosecutor's offices of the Russian Federation: historical, organisational and legal aspects and principles of its formation

193 REQUIREMENTS

TO REGISTRATION OF ARTICLES

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 7–14. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 7–14. ISSN 1998-0817

Обзорная статья

УДК 070.4

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-7-14>

ИСКАЖЕНИЕ РЕАЛЬНОСТИ В НОВОСТНОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ: ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СЛЕДСТВИЯ

Семилет Тамара Алексеевна, доктор философских наук, профессор, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, 7let@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1680-9707>

Фотиева Ирина Валерьевна, доктор философских наук, профессор, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, fotieva@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9918-1635>

Лукашевич Елена Васильевна, доктор филологических наук, профессор, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, lmce@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2861-1068>

Витвинчук Владимир Валерьевич, кандидат филологических наук, доцент, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, amon-ra17@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9485-8512>

Кирилин Кирилл Анатольевич, кандидат филологических наук, доцент, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, kirilink@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9191-7241>

Аннотация. В статье представлены итоги круглого стола, посвященного анализу факторов, провоцирующих искажение действительности в новостях СМИ, показана амбивалентность оценок и разность в определении сущности новостей и новостной журналистики. Авторы дискуссии выявляют роль технологических, экономических, политических и мировоззренческих факторов, влияющих на искажение действительности в новостях, рассматривают причины появления фейков в новостных сообщениях, их бенефициаров и получаемые бонусы, а также делают попытку выявить недоработки правовой базы в сфере ответственности коммуникаторов за недостоверность новостных сообщений. В ходе обсуждения были подвергнуты анализу тексты новостей как оппозиционной прессы, так и СМИ лоялистского уклона; рассмотрена специфика формирования и подачи новостей с точки зрения приемов искажения реальности. Доказано: искажение реальности в масс-медиа носит массовый характер, что обусловлено целым рядом факторов – технологических, экономических, политических и мировоззренческих. Эта ситуация многими журналистами и редакциями не воспринимается как проблема, что говорит о снижении профессионально-этического уровня журналистики и радикальной трансформации представлений о профессиональной ответственности. Выявленные тенденции характерны как для проправительственных, так и для оппозиционных СМИ, что подтверждено результатами эмпирических исследований.

Ключевые слова: новости, новостная журналистика, искажение реальности, дезинформация, манипуляция, fake news.

Для цитирования: Семилет Т.А., Фотиева И.В., Витвинчук В.В., Лукашевич Е.В., Кирилин К.А. Искажение реальности в новостной журналистике: детерминирующие факторы и социокультурные следствия // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 7–14. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-7-14>

Review Article

DISTORTION OF REALITY IN NEWS JOURNALISM: DETERMINANTS AND SOCIO-CULTURAL IMPLICATIONS

Tamara A. Semilet, Doctor of Philosophical Sciences, Altai State University, Barnaul, Russia, 7let@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1680-9707>

Irina V. Fotieva, Doctor of Philosophical Sciences, Altai State University, Barnaul, Russia, fotieva@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9918-1635>

Elena V. Lukashevich, Doctor of Philological Sciences, Altai State University, Barnaul, Russia, lmce@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2861-1068>

Vladimir V. Vitvinchuk, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Altai State University, Barnaul, Russia, amon-ra17@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9485-8512>

Kirill A. Kirilin, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Altai State University, Barnaul, Russia, kirilink@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9191-7241>

Abstract. The article presents the results of a round table devoted to the analysis of factors that provoke the distortion of reality in the media news, we show the ambivalence of assessments and the difference in defining the essence of news and news journalism. The authors of the discussion identify the role of technological, economic, political and ideological factors that influence the distortion of reality in the news, consider the causes of “fakes” in news reports, their beneficiaries and the bonuses received, and also make an attempt to identify shortcomings in the legal framework in the area of responsibility of communicators for the unreliability of news messages. During the discussion, the news texts of both the opposition press and the media of a loyalist bias were analysed from the standpoint of assessing and interpreting political events, meaningful and axiological priorities; the specifics of the formation and presentation of news from the point of view of reality distortion techniques are considered. As a result, the participants of the discussion came to the following conclusions. Firstly, the distortion of reality in the mass media is of a massive nature, which is due to a number of factors – technological, economic, political and ideological. Secondly, this situation is perceived as a problem only by few journalists and editorial offices, which indicates a decrease in the professional and ethical level of journalism and a radical transformation of ideas about professional responsibility. Thirdly, the identified trends are typical for both regime and opposition media, which is confirmed by the results of empirical studies.

Keywords: news, news journalism, distortion of reality, disinformation, manipulation, fake news.

For citation: Semilet T.A., Fotieva I.V., Vitvinchuk V.V., Lukashovich E.V., Kirilin K.A. Distortion of reality in news journalism: determinants and socio-cultural implications. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 7–14 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-7-14>

В статье обозревается круглый стол преподавателей кафедры теории и практики журналистики Алтайского государственного университета

Семилет Т.А. Коллеги, я начну наш круглый стол с того, что теории новостной журналистики показывают: амбивалентность оценки сущности и социальных эффектов новостей детерминирована несовпадением и даже конфликтами должного и сущего.

С позиций должного новостные сообщения дают возможность когерентного понимания социальной реальности, удовлетворяют атрибутивную потребность человека в познании окружающей действительности, происходящих в ней изменений, что, собственно, является условием выживания и ориентации в социуме. Так, Эверетт Дэннис и Джон Мэррилл в «Беседах о масс-медиа» писали: «Новость – это сообщение, в котором представлен современный взгляд на действительность в отношении конкретного вопроса, события или процесса. В новости прослеживаются важные для индивида или общества изменения, которые подаются в контексте общепринятого или типичного» [Дэннис, Мэррилл: 35]. Московские авторы Г.В. Лазутина и С.С. Распопова утверждают: «Являясь посредником между новостью и удаленными от нее людьми, журналист адаптирует их ко всему НОВОМУ». По их оценке, это сложная, но и «великая миссия», «так как мир движется новыми событиями и через новые события, а поэтому отстраненность от новостей всегда чревата не только потерей точной ориентации в действительности, но и застоем, остановкой в развитии» [Лазутина, Распопова: 98].

А с позиций сущего Зария Горветт утверждает: «Чем больше вы смотрите и читаете новостей, тем более искаженное у вас представление о мире» [Gorvett]. Всем хорошо известно мнение Нейа Постмана: «Проблема состоит в том, что мы чрезвычайно глубоко

включены в мир новостей, созданный по принципу “А теперь... о другом”. В условиях фрагментарности, когда события существуют сами по себе, вне какой-либо связи с прошлым, будущим, или с другими событиями... новостная информация превращается в дезинформацию» [Postman].

Искажение реальности в новостях констатируют Аллен де Боттон: «Новости... не просто докладывают об окружающем мире, но постоянно заняты тем, что создают в нашем сознании новую планету вкупе со своими, зачастую сильно различающимися приоритетами» [Боттон] и его последователь Бретт МакКейн: «Правда, которой с нами делятся средства массовой информации, до невозможности однобока и отражает только одну сторону нашей жизни», и эта сторона, по его мнению, «полна негатива» [МакКейн].

Важнейшие факторы, детерминирующие искажение реальности в новостях средств массовой информации, вписываются в триаду: 1) технологии, 2) бизнес, 3) политика.

1. В силу технологических закономерностей СМИ не могут отразить полную картину реальности и вынуждены представлять ее фрагментарно, путем соединения сообщений об отдельных фактах и событиях. В результате новостной комплекс издания представляет собой коллаж или лоскутное одеяло, где соединены сообщения о явлениях разных по сфере бытия, по масштабу, по социальной значимости и потенциальной возможности заинтересовать максимальную аудиторию.

Такая картина дня по определению не может быть полной и когерентной объективной реальности. «По законам жанра», то есть исходя из коммуникативной

сущности новостей, СМИ вынуждены создавать новостные сообщения «на скорую руку», в короткий промежуток времени, промедление невозможно, так как новости – «скоропортящийся продукт».

Эта же причина – необходимость создания сообщения и его опубликования в условиях цейтнота – порождает ситуацию игнорирования процедуры фактчекинга, что чревато трансляцией недостоверной информации.

2. Индустрия новостей – это бизнес, и в качестве такового главной целью имеет получение прибыли, основной источник которой – популярность у аудитории: читаемость, просмотры, прослушивания. Погоня за рейтингами – мощный фактор искажающего эффекта в отражении действительности новостями, понимаемыми в идеале как «современный взгляд на действительность в отношении конкретного вопроса, события или процесса», отслеживание важных для индивида или общества изменений [Дэннис, Мэррилл: 35]. Как образно выразилась одна из авторов журнала «Медиаскоп», «основанная на рейтингах новостная индустрия утверждает “менталитет блокбастеров” в новостях» [Конкина], то есть отдает предпочтение ярким и драматичным историям. Именно эта тенденция создает наибольшее количество информационного мусора в новостном пространстве, способствуя трансляции незначительных происшествий, замещая ими социально значимые события и рисуя искаженную картину социальных процессов.

3. Политический фактор столь влиятелен в информационной, в том числе и новостной, сфере, что выступает определяющим критерием в определении ценностно-смысловой сущности изданий (в частности, деление СМИ на лоялистские и оппозиционные). В большинстве случаев именно политической ангажированностью СМИ вызвано стремление применить любые средства из манипулятивного арсенала в намерении показать социальную действительность однобоко, дать однозначно негативную или столь же однозначно позитивную интерпретацию событиям и обнародованным фактам, утвердить правоту одних и неправоту других, сформировать особую повестку дня. Можно утверждать, что лоялистские и оппозиционные СМИ ведут друг с другом идеологические информационные войны, и новости – их оружие, а жертвы – дезинформированная аудитория.

Витвинчук В.В. Конкретизируя сказанное Тамарой Алексеевной, мне хочется добавить следующее. Проблема искажения медийной реальности носит социально-хронологический характер структурирования виртуального универсума СМИ и социальных сетей. Оставляя за скобками длительную дискуссию между сторонниками «журналистики-зеркала» и «журналистики-конструктора», необходимо обратить внимание на матрицы, по которым воссоздается медийная реальность. Хронологический характер проблемы отсылает

нас к знаменитой книге Славоя Жижека «Добро пожаловать в пустыню реального» и первоисточнику фразы из заголовка книги – фильму «Матрица» (1999 г.).

Здесь показателен, на мой взгляд, анализ наиболее массовых проправительственных и правительственных (лоялистских) информационных источников («ТАСС», «РИА Новости», RT, «Комсомольская правда», «Российская газета», агрегатор «Яндекс Новости» и др.). Он демонстрирует чрезвычайную степень фрагментации виртуального пространства масс-медиа. Мы видим одиноко стоящие «воздушные замки» конструируемых новостных массивов и пустоши социального, где должна быть информация о внутренних проблемах и репрезентация региональной повестки. Хронологичность виртуализации реальности в СМИ заключается в том, что большей части субъектов федерации просто нет в «матрице». Медийное пространство РФ шито из лоскутов Москвы, Московской области, Санкт-Петербурга, Крыма и Чечни. Остальные регионы появляются лишь ситуативно и в качестве реакции на крупное событие антисоциального характера. Эта «пустыня» теоретически должна заполняться местными новостными ресурсами и ньюсмейкерами, кроме того, большинство крупных информационных источников автоматически определяют IP-адрес пользователя и рядом с федеральной повесткой предлагают региональные новости (например, «Яндекс Новости»). Однако кризисная финансовая ситуация в региональной журналистике побуждает редакции либо переходить в статус сервильной журналистики, либо транслировать новости сугубо криминального характера, которые увеличивают просмотры и доходы от рекламы.

Анализ показывает, что основная часть сообщений региональных СМИ – это информационное сопровождение деятельности губернаторов и государственных органов, а также воспроизведение пресс-релизов следственных органов об убийствах, грабежах, отравлениях и т. д. Таким образом, региональные СМИ превращаются в бодрийеровскую «черную дыру», где гибнет все социальное. Журналистская «социалочка» ушла на малопопулярные сайты благотворительных организаций и в паблики социальных сетей. На федеральном уровне ресурсы сайтов «Такие дела», COLTA.RU, «АНТРОПОГЕНЕЗ.РУ», пытающихся вернуть человека в журналистику, весьма ограничены и занимают слишком узкую нишу.

Фрагментарность виртуальной России связана и с проблемой ограниченного количества влиятельных ньюсмейкеров. Главным, если не единственным актором масс-медийной «матрицы» в трансляции позитивной повестки выступает В. Путин и его «голос» – Д. Песков. Вся внутренняя и внешняя политика виртуально сконцентрирована в основном в образе одной медиаперсоны, что размывает представления ауди-

тории об уровнях власти, сферах влияния и ответственности. Есть еще несколько медиаперсон, которые несравненно реже фигурируют в СМИ, но все же существуют здесь на правах акторов. В рейтингах компании «Медиалогия» среди упоминаемых и цитируемых глав регионов первую строчку занимает С. Собянин, за ним с большим отрывом следуют А. Беглов, А. Воробьев, С. Аксенов, Р. Кадыров и Р. Минниханов. В медийном рейтинге министров за 2021 г. с большим отрывом лидирует С. Лавров, транслирующий негативную повестку – конфликты с иностранными государствами. Закономерно, что следующую строчку упоминаемости занимает С. Шойгу, который как министр обороны также воспроизводит конфликтный дискурс.

Данная информация подводит нас к следующей проблеме лоялистских масс-медиа – доминированию иностранной повестки. Лояльность проправительственных медиа проявляется не в повествовании об эффективности работы российских властных органов, а в критике иностранных государств. Возьмем для примера из содержания сайта информационного агентства «ТАСС» за 30.01.2022: на главном экране расположено 4 новости: о событиях в Великобритании, КНДР, США и Украине; в разделе «Популярное» – 5 новостей о событиях в Украине, Конго, 2 новости про США и одна новость про погоду в России. Медиагруппа «Россия сегодня», несмотря на свое название, декларирует иностранную повестку в своей структуре: в медиагруппу помимо прочего входит сеть инновационных каналов RT, сайт «ИНОСМИ» и информационно-аналитический ресурс «Украина.ру».

Новостная повестка конструируется в негативной модальности из зарубежных событий: рефреном повторяются новости про Украину и США, а другие иностранные государства возникают в медийном пространстве России ситуативно: протесты в Белоруссии, протесты во Франции, протесты в Казахстане, социально-политические проблемы стран Евросоюза, стихийные бедствия, крупные аварии по всему миру. И все это имеет мало отношения к актуальным информационным запросам обитателей российской медиареальности. Многих потребителей создаваемого таким образом информационного продукта, вероятно, можно убедить, что в других странах нет «стабильности», «порядка», «ценностей», «духовности» и пр., но на этом функциональная и логическая цепочка медийного воздействия обрывается, поскольку информационные ресурсы не дают ответа на вопрос – «а как обстоят дела у нас?»

Лукашевич Е.В. Как известно, явный пропагандистский уклон проправительственных изданий порождает скепсис населения в восприятии предлагаемой ими новостной информации, сомнения в аутентичности передачи событий и фактов, желание слышать альтернативные точки зрения. Эконо-

мист Д. Прокофьев пишет, что «люди перестают доверять даже правдивым новостям, если они исходят от подконтрольных властям источников информации» [Прокофьев] и подчеркивает роль свободной прессы как инструмента контроля над собственной бюрократией и как источника альтернативной информации о происходящем в стране [Прокофьев]. Так, «Новая газета» в своей редакционной политике ставит целью независимое освещение российских проблем по острым и общественно значимым темам. Эту позицию подчеркнул ее главный редактор Д. Муратов [Ванденко], а миссию журналистов охарактеризовал так: «Когда правительства все время улучшают прошлое, журналисты пытаются улучшить будущее <...> Мы – антидот от тирании» [Нобелевская речь].

Мы попытались посмотреть, насколько независимым СМИ удастся соблюсти баланс и беспристрастность при создании новостной медиакартинки. Для этого проанализировали новости в «Новой газете» (далее – НГ), широко известной своими журналистскими расследованиями. На сайте НГ с 16.01.2022 г. по 04.02.2022 г. было опубликовано 508 новостей. Из них почти 77 % – в рубрике «Общество», 13 % – в рубрике «Политика», 5 % – «Экономика», 3 % – «Культура», 2 % – «Спорт».

В результате анализа мы пришли к выводу, что редакция НГ в новостной повестке явно демонстрирует направленность на формирование общественного мнения российской аудитории, причем неважно, на основе каких событий. Так, часть новостей, размещенных в рубрике «Общество», имеет прямое отношение к международной политике: «Байден: в Сирии американские военные убили лидера “Исламского государства”» (выпуск от 03.02.2022); «Генпрокуратура Беларуси возбудила дело о разжигании вражды против польского судьи, отказавшего в выдаче главреда NEXTA» (выпуск от 01.02.2022) и т. п.

Одной из причин такой редакционной политики может служить аполитичность россиян: «Доля интересующихся политикой респондентов по общероссийским выборкам не превышает за 20 лет в среднем 10–12 %» [Мануйлова]. При этом молодые россияне до 35 лет в качестве ценностей обозначают права человека, безопасность, экономическое благополучие, трудоустройство, равенство, демократию и т. д. [Мануйлова]. И, несмотря на то, что из трех фреймов подотчетности, выделенных Д. МакКуэйлом: политической/юридической, профессиональной и публичной, – для журналистов «Новой газеты», работающих в новостном формате, наиболее значим фрейм профессиональной ответственности [МакКуэйл: 253], они не свободны от применения манипулятивных практик при создании новостей.

Приведем пример. Большая часть новостей в «Новой газете» построены как расширенная новость (суть

события + бэкграунд), для них характерны объемные информативные заголовки (от 76 до 133 знаков с пробелами). Но в анализируемой группе ярко выделяются две психологические новости с цитатным, в значительной степени эмоциогенным заголовком: «“Нам что, воевать с блоком НАТО?”: Путин – о перспективах вступления Украины в альянс» (выпуск от 02.02.2022); «“Если вторгнутся, они заплатят”. Байден предупредил об ограничениях для России в использовании доллара в случае нападения на Украину» (выпуск от 20.01.2022). В основе этих новостей лежит коммуникативное событие: новость строится на основе цитат выступлений Президентов России и США. Причем эти выступления не адресованы прямо оппоненту, а состоялись в рамках официальных мероприятий: встречи В. Путина с премьер-министром Венгрии В. Орбаном; пресс-конференции Д. Байдена по случаю первой годовщины вступления в должность.

С точки зрения манипулятивных практик можно говорить о том, что новость строится журналистами по принципу: два лидера мнений, смещая акцент в сторону потенциальной угрозы (удар на опережение) со стороны оппонента, создают яркий образ врага. За счет того, что в заголовок вынесена самая яркая, вырванная из контекста цитата, происходит эмоциональное заражение потенциальной аудитории.

На наш взгляд, интересно продолжение новости с цитированием В. Путина в НГ. Во время визита Президента Франции Э. Макрона состоялась пресс-конференция, на которой Президент РФ напомнил присутствующим о своих словах по поводу ситуации с Украиной во время встречи с премьер-министром Венгрии (см. выше) и переключил остроту вопроса на Францию: «“Вы хотите, чтобы Франция воевала с Россией?!” – пугал Путин, призывая журналистов обратиться к своим читателям и зрителям с этим вопросом» (курсив мой. – Е. Л.) (выпуск от 08.02.2022). Однако не этот эпизод стал ключевым при освещении события. В короткую новость НГ включила другую цитату: «Российский президент высказался и о безальтернативности минских соглашений: “Нравится, не нравится – терпи, моя красавица, надо исполнять”» (выпуск от 08.02.2022). Эту же цитату привели в своих новостях «Российская газета», «Коммерсант», «РИА Новости», «Лента.ру», «Газета.ру», «Фонтанка.ру» и др. Пресс-секретарю Президента РФ пришлось давать комментарии и объяснения по поводу использования сомнительного по источнику и смыслу текста. В новостях произошло смещение акцентов и искажение реального события: неудачный выбор цитаты поместил обсуждаемую на пресс-конференции политическую ситуацию совсем в иной (негативный) контекст, увел от обсуждения важных вопросов, для определенной части аудитории сыграл на понижение статуса В. Путина.

Кирилин К.А. Казалось бы, искажение реальности в новостной (и не только) журналистике, распространение недостоверной информации в СМИ и других медиа должно ограничиваться законодательно. Действительно, за последние три года принят целый ряд законов, внесены поправки и дополнения в действующие нормативно-правовые акты, направленные на минимизацию распространения в СМИ не соответствующих действительности сведений. Приведем наиболее значимые из них.

В 2019 г. в статью 13.15 КоАП РФ «Злоупотребление свободой массовой информации» добавлены части 9–11, устанавливающие ответственность за распространение недостоверной общественно значимой информации под видом достоверной; в 2020 г. была ужесточена административная ответственность за распространение фейковой информации [Кодекс РФ об административных правонарушениях]. Максимальный штраф – до 10 млн руб. В этом же году введено новое основание для блокировки интернет-ресурсов, включая сетевые СМИ, – распространение фейковых сведений: изменена ст. 15.3 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [ФЗ № 149]. Если редакция сетевого СМИ немедленно не удалит ненадлежащую информацию по требованию надзорного органа, то он вправе предъявить операторам связи требование об ограничении доступа к этому изданию.

В 2020 г. в УК РФ появились статьи: 207.1 «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан» и 207.2 «Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия» [УК РФ]. В 2021 г. утверждено постановление Правительства РФ от 25.06.2021 № 1020 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) за соблюдением законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации» [Постановление Правительства РФ № 1020].

Мы привели лишь самые значимые правовые нововведения, касающиеся ужесточения ответственности СМИ, журналистов и других лиц за распространение недостоверной информации. Однако их наличие отнюдь не гарантирует решения проблемы. Возникает резонный вопрос – почему? Ответ прост: большое количество – это далеко не всегда высокое качество. Оставим за скобками огромные статьи законов и кодексов; сложные для восприятия формулировки нормативно-правовых положений и обратимся к главной проблеме – правоприменительной практике. Приведем показательные примеры.

Одно из первых судебных дел в России о распространении фейковых новостей посвящено публикации материалов о попытках, применявшихся сотрудниками

ФСБ к программисту Северо-Восточного федерального университета (СВФУ) А. Аммосову. Материал «Жертва режима» был опубликован в 2018 г. в еженедельной газете «Якутск вечерний» [Эксперты оценили]. Судья признала журналиста виновным в распространении ложных новостей, и Якутский городской суд назначил штраф в размере 30 000 руб. сотруднику издания «Якутск вечерний» Михаилу Романову. Однако возник вопрос о наличии реального вреда от распространенных сведений. По словам Г. Араповой, директора Центра защиты прав СМИ², для привлечения к ответственности важным является наличие угрозы серьезных последствий. И девятый кассационный суд во Владивостоке отменил решение суда.

Противоположная ситуация сложилась в 2020 г., когда Богородский городской суд (Нижегородская область) приговорил журналиста А. Пичугина к штрафу в 300 000 руб., признав виновным в совершении преступления по статье 207.1 УК РФ «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан» [Суд оштрафовал]. Поводом стал пост в Telegram-канале «Сорокин хвост», где отмечалось, что проходит «спланированная акция по инфицированию смертельно опасной болезнью». Но А. Пичугин уточнил, что имел в виду празднование Вербного воскресенья и массовое посещение храмов, несмотря на введение в области ограничений из-за пандемии коронавируса, что текст был опубликован для того, чтобы предупредить о возможности заражения. Несмотря на апелляцию, 26 января 2021 г. нижегородский областной суд оставил без изменений приговор журналисту [Нижегородский журналист].

Таким образом, легко увидеть следующее.

Во-первых, в ходе рассмотрения «фейковых дел» их участники сталкиваются со следующими проблемами: а) разграничения фактов и мнений, оценочных суждений; б) наличия прямого умысла нарушителя; в) наличия или отсутствия, а также оценки степени вреда от распространенных сведений; г) уровня их общественной значимости. Сложно бывает доказать реальный вред от фейковой новости, как и, наоборот, показать, что налицо лишь личная оценка, преувеличение, но никакого вреда ни отдельной личности, ни обществу не было.

Во-вторых, российское законодательство касается лишь прямо недостоверных сведений, но не тех ситуаций, о которых говорят наши остальные участники дискуссии – то есть односторонности подачи события, использования манипулятивных приемов, ангажированности многих изданий и конкретных журналистов и т. д. Все это остается на совести самих журналистов.

Фотиева И.В. Я продолжу тему фейков (fake news), начатую Кириллом Анатольевичем. На мой взгляд, обозначенная в сегодняшней дискуссии проблема

проявляется в этом феномене особенно ярко. Здесь уже речь идет не об односторонности или ангажированности подачи информации, а о создании прямо поддельных, сфабрикованных новостей, имитаций. Фейковые новости имеют ряд общих черт с такими инструментами манипуляции, как пропаганда и черный PR. При этом в современной научной дискуссии мнения относительно этого явления расходятся. Часть исследователей утверждает, что данное явление – давно существующее и хорошо известное, так как практики дезинформирования в журналистике существуют с начала ее создания. Другие авторы, – к которым мы склонны присоединиться, – считают, что именно новые технологии создали питательную среду для того, чтобы данное явление стало массовым и, по сути, управляемым; более того, почти легитимизированным.

Под моим руководством было проведено эмпирическое исследование, направленное на экспликацию целей и механизмов распространения фейковой информации в современных СМИ. В качестве эмпирической базы были взяты материалы, опубликованные на сайтах популярных СМИ, фактической основой которых послужили «новости» ИА «Панорама», известного своей направленностью на преднамеренное создание фейков. Было выявлено, что большинство изданий, заимствуя фейки с сайта «Панорамы», преследуют одновременно несколько целей. Основная цель, как и можно было ожидать, – стимулирование интереса аудитории и, соответственно, монетизация своей популярности (100 %). На втором месте идеологические и политические цели, пропаганда (61 %). На третьем месте – более «благородные» цели привлечения внимания к какой-либо социальной проблеме (33 %), но теряющие смысл в силу недостоверности информации. При этом смысл транслируемой «новости» редактируется и даже меняется согласно политике данного СМИ. Показательно, что нередки случаи нецеленаправленного заимствования фейков в силу низкого профессионально-этического уровня журналиста и редакции в целом; практического отсутствия требования фактчекинга.

Каковы причины этой тенденции – равно как и более «мягких» форм искажения информации?

Многие из них уже названы в выступлении Т.А. Семилет. Но сюда следует добавить фактор мировоззренческий, связанный со старейшими проблемами истины, ее критериев, механизмов верификации в современном «плюральном» мире. Не только в практической журналистике, но и в современном менталитете в целом, прежде всего под влиянием философии постмодернизма, господствует установка на элиминирование самого понятия истины, или обосновывается множественность различных истин, как, например, еще у М. Мейер [Meuer: 258]. Соответственно, один из важнейших профессионально-этических принципов

журналистики – требование *объективности и достоверности информации* – не только отходит на второй план, но и нередко сознательно отвергается как устаревший. Так, В.И. Чередниченко, вспоминая М. Новака, утверждает: «Фактов не существует, существуют люди, наблюдающие за ними... именно “здоровая” субъективность составляет саму сущность журналистской профессии как профессии творческой» [Чередниченко: 69], подчеркивая неизбежность субъективной составляющей в журналистских материалах в виде убеждений, ценностных оснований, пристрастий и т. д.

Но здесь, на наш взгляд, налицо смешение понятий. Наличие убеждений и, соответственно, субъективного ракурса представления информации журналистом не противоречит достоверности материала, если сопровождается, во-первых, проверкой фактов, во-вторых, давно известным приемом отделения фактов от мнений. Разумеется, здесь речь идет не об истине в абстрактно-философском понимании, а именно о специфическом ее преломлении в виде журналистской достоверности. Как отмечает Н.Н. Панченко, категория достоверности состоит из двух планов: «соответствия реальному положению вещей в мире и субъективной уверенности человека в адекватной интерпретации данного соответствия» [Панченко: 135]; добавим здесь не только субъективную уверенность, но и, повторим, осознание своей субъективности, отчетливо выраженное в тексте.

Согласимся с И.А. Королевым в том, что «полноценное выполнение журналистикой как социальным институтом своих функций способна обеспечить лишь комплексная... верификация журналистского произведения на всех этапах его подготовки... Реализация же методологического потенциала верификации возможна лишь при опоре журналиста на принцип достоверности» [Королев: 69]. Очевидно, что это идеальная модель. Ее реализация требует, конечно, изменения социокультурной ситуации в целом: стабилизации политической обстановки, смягчения социальных противоречий и многого другого. Тем не менее журналистика, будучи вплетенной в общую систему социальных связей, обладает определенной самостоятельностью, поэтому не только может, но и должна, хотя бы до известной степени, взять на себя ответственность за качество производимого контента.

Семилет Т.А. Итак, коллеги, завершаем наш круглый стол и резюмируем сказанное. Прежде всего, мы подтвердили высказанное центральное положение: искажение реальности в масс-медиа носит массовый характер, что обусловлено целым рядом факторов – технологических, экономических, политических и мировоззренческих. Более того, эта ситуация многими журналистами и редакциями не воспринимается как проблема, что говорит не только о снижении профессионально-этического уровня журналисти-

ки, но и о радикальной трансформации представлений о профессиональной ответственности. При этом данная тенденция характерна как для проправительственных, так и для оппозиционных СМИ, что подтверждено результатами эмпирических исследований.

В то же время можно предположить, что растущий научный интерес к этим проблемам у теоретиков, обеспокоенность ряда наиболее ответственных журналистов, все более явное недовольство аудитории должны так или иначе разрешиться, говоря системным языком, сменой искусственного и деструктивного аттрактора на конструктивный и естественный для нормально развивающегося социума.

Примечания

¹ Блокбастер – развлекательное произведение средства массовой информации, весьма популярное и финансово успешное.

² Признан некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента.

Список источников

Боттон А. де. Новости. Инструкция для пользователя. URL: <https://knizhnik.org/alen-de-botton/novosti-instrukcija-dlja-polzovatelja/1> (дата обращения: 16.01.2022).

Ванденко О. Дмитрий Муратов: нет бесполезных усилий. URL: <https://tass.ru/top-officials/13317773> (дата обращения: 16.01.2022).

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 28.01.2022). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 12.01.2022).

Мануйлова А. Аполитичная молодежь // Коммерсант. 26.04.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4771699> (дата обращения: 17.01.2022).

Нобелевская речь Дмитрия Муратова // ТАСС. 10.12.2021. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13170825> (дата обращения: 16.01.2022).

Нижегородский журналист за 9 часов собрал 300 тысяч рублей на погашение штрафа за фейк о коронавирусе URL: <https://news.rambler.ru/world/45687836-nizhegorodskiy-zhurnalists-za-9-chasov-sobral-300-tysyach-rublej-na-pogashenie-shtrafa-za-feyk-o-koronaviruse> (дата обращения: 17.01.2022).

Постановление Правительства РФ от 25.06.2021 № 1020 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) за соблюдением законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации» // КонсультантПлюс. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 16.01.2022).

Прокофьев Д. Есть пресса! Сколько стоят независимые СМИ: объясняет экономист // Новая газета. 12.10.2021. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/10/12/est-pressa> (дата обращения: 16.01.2022).

Суд оштрафовал нижегородского журналиста, обвиненного по статье о фейк-ньюс, на 300 тыс. рублей // Центр защиты прав СМИ. URL: <https://mmdc.ru/news-div/sud-oshtrafoval-nizhegorodskogo-zhurnalista-obvinennogo-po-state-o-fejk-nyus-na-300-tys-rublej/> (дата обращения: 16.01.2022).

Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.01.2022) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 16.01.2022).

Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 16.01.2022).

Эксперты оценили риск вооруженного конфликта на Украине // РБК. 05.12.2021. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/12/2021/> (дата обращения: 16.01.2022).

Gorvett Z. How the news changes the way we think and behave. URL: <https://www.bbc.com/future/article/20200512-how-the-news-changes-the-way-we-think-and-behave> (дата обращения: 17.01.2022)

Список литературы

Дэннис Э., Мэррилл Дж. Беседы о масс-медиа. М: Вагриус, 1997. 383 с.

Колесниченко А.В. Настольная книга журналиста. М.: Изд-во Аспект Пресс, 2013. 334 с.

Конкина (Филиппова) К.М. Континуум новостей: концептуальное структурирование // Медиаскоп. 2021. Вып. 2. URL: <http://www.mediascope.ru/2704> (дата обращения: 17.01.2022)

Королев И.А. Категории «истинность», «достоверность», «объективность» как методологические основания верификации в журналистике // Журналистика – Медиалогия – Наставничество. Минск: Изд-во Белорусского гос. ун-та, 2021. С. 66–69.

Лазутина Г.В., Распопова С.С. Новостная журналистика в свете предметно-функционального подхода к дифференциации жанров // Вестник Московского университета. Сер. 10, Журналистика. 2008. № 5. С. 82–98.

МакКейн Б. Почему мы следим за новостями и стоит ли это делать. URL: <https://liferhacker.ru/keep-up-with-the-news/> (дата обращения: 17.01.2022)

МакКуэйл Д. Журналистика и общество / пер. с англ. М.: МедиаМир, 2014. 368 с.

Панченко Н.Н. Когнитивные категории «истинность» и «достоверность»: общее и различное // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 1. С. 132–136.

Чередниченко В.И. Принцип объективности в журналистике как научный миф // Вестник КСЭИ. 2018. № 3 (79). С. 67–69.

Meyer M. The rhetorical foundation of philosophical argumentation. *Argumentation*, 1988, vol. 2, issue 2, pp. 255–269.

Postman N. Amusing Ourselves to Death. URL: <https://quote.ucsd.edu/childhood/files/2013/05/postman-amusing.pdf> (дата обращения: 16.01.2022)

References

Dennis E., Merrill Dzh. *Besedy o mass-media* [Mass Media Conversations]. Moscow, Vagrius Publ., 1997, 383 p. (In Russ.)

Kolesnichenko A.V. *Nastol'naiia kniga zhurnalista* [Handbook of a journalist]. Moscow, Izd-vo Aspekt Press Publ., 2013, 334 p. (In Russ.)

Konkina (Filippova) K.M. *Kontinuum novostei: kontseptual'noe strukturovanie* [News continuum: conceptual structuring]. *Mediaskop* [Mediascope], 2021, issue 2. URL: <http://www.mediascope.ru/2704> (access date: 17.01.2022) (In Russ.)

Korolev I.A. *Kategorii "istinnost'", "dostovernost'", "ob'ektivnost'" kak metodologicheskie osnovaniia verifikatsii v zhurnalistike* [Categories "truth", "reliability", "objectivity" as methodological foundations of verification in journalism]. *Zhurnalistika – Medialogiia – Nastavnichestvo* [Journalism – Medialogy – Mentorship]. Minsk, Izd-vo Belorusskogo gos. un-ta Publ., 2021, pp. 66–69. (In Russ.)

Lazutina G.V., Raspopova S.S. *Novostnaia zhurnalistika v svete predmetno-funktsional'nogo podkhoda k differentsiatsii zhanrov* [News journalism in the light of the subject-functional approach to the differentiation of genres]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10, Zhurnalistika* [Bulletin of the Moscow University. Ser. 10, Journalism], 2008, № 5, pp. 82–98. (In Russ.)

МакКейн В. *Pochemu my sledim za novostiami i stoit li eto delat'* [Why do we follow the news and is it worth it]. URL: <https://liferhacker.ru/keep-up-with-the-news/> (access date: 17.01.2022) (In Russ.)

МакКейл Д. *Zhurnalistika i obshchestvo* [Journalism and society]. Moscow, MediaMir Publ., 2014, 368 p. (In Russ.)

Panchenko N.N. *Kognitivnye kategorii "istinnost'" i "dostovernost'": obshchee i razlichnoe* [Cognitive categories "truth" and "reliability": common and different]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2009, № 1, pp. 132–136. (In Russ.)

Cherednichenko V.I. *Printsip ob'ektivnosti v zhurnalistike kak nauchnyi mif* [The principle of objectivity in journalism as a scientific myth]. *Vestnik KSEI* [Vestnik KSEI], 2018, № 3 (79), pp. 67–69. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.01.2022; одобрена после рецензирования 26.01.2022; принята к публикации 09.02.2022.

The article was submitted 18.01.2022; approved after reviewing 26.01.2022; accepted for publication 09.02.2022.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 15–20. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 15–20. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 281.2

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-15-20>

ИСТОЧНИКО-ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДАТИРОВАНИЯ ПЕРВОЙ ЗАКЛАДКИ МИХАЙЛО-АРХАНГЕЛЬСКОГО И СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОБОРОВ В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ

Павлов Кирилл Витальевич, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, pavlov_kirill_2015@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0270-8585>

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу историографии и источников, затрагивающих раннюю историю древнейших храмов Нижнего Новгорода – Михайло-Архангельского и Спасо-Преображенского соборов, – с целью датирования их первой закладки в XIII–XIV вв. В историографической части исследования привлекается как региональная нижегородская, так и всероссийская научная и научно-популярная литература – ряд публикаций различного типа, написанных с 1840-х гг. по 2010-е гг. Главными объектами источниковедческого анализа выступают нижегородские летописные памятники XVII века – Летописец о Нижнем Новгороде и Нижегородский летописец, а также общерусские летописные своды XIV–XVI вв. – Лаврентьевская, Симеоновская и другие летописи. Проведенный анализ историографии и источников по начальной истории древнейших храмов Нижнего Новгорода позволил сформулировать следующие основные положения. Во-первых, закладка Спасо-Преображенского собора в 1225 г. является бесспорным историческим фактом. Во-вторых, существование каменного Михайло-Архангельского собора в XIII в. крайне маловероятно. И в-третьих, закладка в 1221 г. деревянного храма в честь Архангела Михаила в Нижнем Новгороде, на наш взгляд, вполне допустима.

Ключевые слова: Спасо-Преображенский собор, Михайло-Архангельский собор, Нижний Новгород, Нижегородский летописец, закладка храма, Лаврентьевская летопись, общерусские летописи, источниковедение, историография.

Для цитирования: Павлов К.В. Источнико-историографические аспекты датирования первой закладки Михайло-Архангельского и Спасо-Преображенского соборов в Нижнем Новгороде // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 15–20. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-15-20>

Research Article

SOURCE-HISTORIOGRAPHICAL ASPECTS OF DATING THE FIRST LAYING OF THE CATHEDRALS OF ARCHANGEL MICHAEL AND THE SAVIOR'S TRANSFIGURATION IN NIZHNY NOVGOROD

Kirill V. Pavlov, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, pavlov_kirill_2015@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0270-8585>

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of historiography and sources concerning the early history of the most ancient temples of Nizhny Novgorod – the cathedrals of Archangel Michael and the Savior's Transfiguration – in order to date their first laying in the 13th – 14th centuries. The historiographical part of the research involves both regional Nizhny Novgorod and All-Russia scientific and popular science literature – a number of publications of various types written from the 1840s to the 2010s. The main objects of the source analysis are Nizhny Novgorod chronicle monuments of the 17th century – the Chronicler about Nizhny Novgorod and Nizhny Novgorod Chronicler, as well as the all-Russia chronicle vaults of the 14th – 16th centuries – Laurentian Codex, Simeonov Codex and other chronicles. The analysis of historiography and sources on the initial history of the oldest temples of Nizhny Novgorod allowed us to formulate the following main provisions. Firstly, the laying of the Savior's Transfiguration cathedral in 1225 is an indisputable historical fact. Secondly, the existence of the stone cathedral of Archangel Michael in the 13th century is extremely unlikely. However, thirdly, the laying of a wooden church in honour of Archangel Michael in Nizhny Novgorod in 1221 is quite acceptable, in our opinion.

Keywords: cathedral of Archangel Michael, cathedral of Savior's Transfiguration, Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Chronicler, laying of temple, Laurentian Codex, all-Russia chronicles, source studies, historiography

For citation: Pavlov K.V. Source-historiographical aspects of dating the first laying of the cathedrals of Archangel Michael and the Savior's Transfiguration in Nizhny Novgorod. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 15–20 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-15-20>

Прошедшее празднование 800-летия Нижнего Новгорода в 2021 г. было важной вехой в истории города и сделало чрезвычайно актуальным обращение к славным страницам его прошлого. Нельзя не отметить тот факт, что основание и первые столетия существования Нижнего Новгорода традиционно являются одной из активно разрабатываемых и дискуссионных проблем в нижегородском историческом краеведении [Меморский; Кузнецов; Сочнев]. Среди таких исследовательских сюжетов, наряду с биографией князя Юрия Всеволодовича – основателя Нижнего Новгорода – и определением города-предшественника, находится и закладка первых храмов – Спасо-Преображенского и Михайло-Архангельского соборов. Эти храмы на всем протяжении своей истории в значительной мере определяли религиозную и культурную идентичность нижегородцев. К сожалению, до нашего времени сохранился только Михайло-Архангельский собор. Кафедральный Спасо-Преображенский собор 1830–1834 гг. постройки после Октябрьской революции был закрыт и в 1929 г. взорван¹.

В настоящий момент Михайло-Архангельский собор постройки 1628–1631 гг. является древнейшим сооружением на территории Нижегородского Кремля и объектом историко-культурного наследия федерального значения. В современной краеведческой литературе распространено мнение о том, что это первый храм Нижнего Новгорода, заложенный еще в 1221 г. при основании города и перестроенный в камне в 1227 г. Однако последние несколько десятилетий эта точка зрения постепенно пересматривается [Кузнецов: 14; Селезнев: 46–47]. Это связано в первую очередь с активным изданием исторических источников по начальной истории Нижнего Новгорода. Важнейшей публикацией в данном ряду выступает новое и наиболее полное издание списков Нижегородского летописца, предпринятое М.Я. Шайдаковой [Шайдакова]. Так какой же из этих двух храмов Нижнего Новгорода является древнейшим?

Данная статья посвящена комплексному анализу историографии и исторических источников, затрагивающих раннюю историю Михайло-Архангельского и Спасо-Преображенского соборов Нижнего Новгорода с целью датирования их первой закладки в XIII–XIV вв. В историографической части исследования привлекается как региональная нижегородская, так и всероссийская научная и научно-популярная литература – ряд публикаций различного типа, написанных с 1840-х гг. по 2010-е годы. Главными объектами источниковедческого анализа выступают нижегородские летописные памятники XVII века – Летописец о Нижнем Новгороде (далее – ЛНН) и Нижегородский летописец (далее – НЛ), а также общерусские летописные своды XIV–XVI вв. – Лаврентьевская,

Симеоновская и другие летописи. Дополнительно использовались также документальные материалы археологических раскопок, музейные экспонаты и эпиграфические источники.

Историографический анализ. Зарождение исторического краеведения в Нижегородском крае относят к 40–50-м годам XIX столетия [Архангельский: 71]. Эти десятилетия знаменательны не только первыми краеведческими работами, но и начавшимся процессом массового издательства исторических источников по русской истории с древнейших времен и до конца XVII века.

До 1840-х годов, когда начали публиковаться первые тома Полного собрания русских летописей (далее – ПСРЛ), работы по истории первых храмов Нижнего Новгорода во многом продолжали традицию поздних списков Нижегородского летописца, широко распространенных в конце XVIII – начале XIX вв. Об этом свидетельствует ряд фактов. Так, в «Истории о древности Нижегородского кафедрального собора», составленной в 1820-е гг., первая закладка этого храма датируется 1252 г.², что является одной из характерных ошибок в тексте НЛ. Такую же датировку мы встречаем в очерке И.И. Сахарова [Сахаров: 367]. Известия, близкие к НЛ по содержанию, также отразились в настенной надписи с названием «Краткое историческое начертание о сем архангельском соборе», сделанной в этом храме в 1816 г. [Нижегородский летописец: 129].

Среди томов ПСРЛ наиболее важным для нашего анализа является первый том, в который вошла Лаврентьевская летопись, составленная в XIV в. в Нижнем Новгороде [Лаврентьевская и Троицкая летописи: 1]. Существенное расширение источниковой базы ставило перед исследователями новые задачи и проблемы. В работах нижегородских исследователей 1850-х годов наблюдается изменение датировки закладки первых храмов Нижнего Новгорода в XIII в. Так, в работе архимандрита Макария закладка Спасо-Преображенского собора датируется 1225 г. согласно Лаврентьевской летописи [Памятники: 1]. При этом исследователь справедливо считал сведения этой летописи «...как более близкой к Нижнему Новгороду и более достоверной» заслуживающими доверия [Памятники: 67]. «Разногласие» других летописей, фиксирующих первую закладку Спасо-Преображенского собора в XIV в., со сведениями Лаврентьевской летописи исследователь объяснял смешением первоначального основания с перестройкой храма. Датирование закладки собора в 1252 г. он полагал следствием обращения к неверному списку НЛ [Памятники: 2].

Первую закладку нижегородского Михайло-Архангельского собора исследователь, согласно уникальной записи в НЛ, не находящей подтверждения в других источниках, датировал 1221 г. Однако

перестройку этого храма в камне Макарий датировал 1236 г. Скорее всего, указанный автор, опираясь на ошибочную датировку основания Нижнего Новгорода в тексте НЛ (1212 год – характерная ошибка для всех списков НЛ [Шайдакова: 56]), экстраполировал эту хронологическую разницу на дату закладки каменного Михайло-Архангельского собора (в тексте НЛ – 1227 год) и получил на выходе 1236 г.

Несколько более обстоятельный анализ исторических источников был проведен нижегородским исследователем Н.И. Храмцовским. Признавая деревянный Михайло-Архангельский собор первым храмом города, заложенным одновременно с его основанием в 1221 г., исследователь занимает двойственную позицию относительно того, какой из храмов был первым построен в каменном виде. Опираясь на сведения Нижегородского летописца и Лаврентьевской летописи, он отмечает, что таким храмом мог быть как Михайло-Архангельский собор 1227 г., так и Спасо-Преображенский собор 1225 года [Храмцовский: 7].

В целом эти две работы сформировали дореволюционную концепцию истории первых храмов Нижнего Новгорода. Древнейшим продолжал считаться Михайло-Архангельский собор, закладку которого относили к 1221 г. Общепринятым было также мнение о его последующей перестройке в камне в 1227 г. Такая точка зрения отражена в последующих работах: А.С. Гациского [Гациский: 121–122], А.М. Меморского [Меморский: 35], А.А. Савельева [Савельев: 5], И.А. Милотворского [Милотворский: 2] и в очерке «Нижний Новгород и Нижегородский край» [Нижний Новгород: 12]. Также во второй половине XIX в. в нижегородском краеведении окончательно утвердилась точка зрения о закладке в 1225 г. Спасо-Преображенского собора. Это заметно, например, в путеводителях по Нижнему Новгороду [Добровольский: 1–2].

Период с 1917 г. и до 1960-х гг. не внес каких-либо изменений в дореволюционную концепцию истории первых храмов Нижнего Новгорода. Так, А.П. Мельников в своей работе также отмечает, что Михайло-Архангельский собор является первым храмом города, заложенным в 1221 г. [Мельников: 11]. Так же считал и Л.М. Каптерев [Каптерев: 78].

1960-е гг. отмечены изданием фундаментальных работ двух известных советских исследователей: специалиста по древнерусскому зодчеству Н.Н. Воронина и источниковеда А.Н. Насонова. Н.Н. Воронин впервые предложил дату окончания строительства Спасо-Преображенского собора в XIII в. – 1227 г. Такая датировка была обусловлена прежде всего взглядами исследователя на историю Михайло-Архангельского собора, на территории которого в 1960 г. Н.Н. Воронин проводил археологические раскопки. В ходе них ему удалось проследить фундаменты двух предыдущих храмов – XIII и XIV веков [Воронин:

49–54]. В целом Н.Н. Воронин считал, что обнаружение остатков Михайло-Архангельского собора XIII в., строительство которого он датировал 1227–1229 гг., повышает доверие к сведениям НЛ.

Совершенно противоположный взгляд на Нижегородский летописец как исторический источник имел известный советский историк А.Н. Насонов. Он признавал основную часть НЛ достоверной, основанной на выборках известий из общерусских летописей и прежде всего свода, близкого к Никоновской летописи. В то же время, по его мнению, «начальная часть Нижегородского летописца представляет собой малоискусную позднейшую компиляцию, содержание которой подсказано отчасти желанием возвеличить собор Михаила и... приписать ему наибольшую по сравнению с другими нижегородскими церквями древность» [Насонов: 189]. Таким образом, он допускал, что весь текст НЛ, или, вернее, первый комплекс известий, был составлен не без участия клириков Михайло-Архангельского собора.

Как показывает анализ последующих работ, точка зрения Н.Н. Воронина оказалась более предпочтительной в нижегородском краеведении. Подтверждение сведений НЛ археологическими данными позволило дореволюционной концепции истории первых храмов Нижнего Новгорода остаться в неизменном виде до начала 2000-х годов. Об этом свидетельствуют работы С.Л. Агафонова [Агафонов: 44–45], Н.Ф. Филатова [Филатов: 26] и др.

Источниковедческий анализ. Анализ источников, затрагивающих раннюю историю первых храмов Нижнего Новгорода, стоит начать со Спасо-Преображенского собора ввиду наличия надежных свидетельств о его строительстве в XIII столетии. Закладка этого храма в 1225 г. фиксируется в одной из древнейших русских летописей – Лаврентьевской, созданной в конце 1370-х гг. [Лаврентьевская и Троицкая летописи 1: 190] Это летописное сведение, безусловно, обладает большой исторической достоверностью. Кроме того, данный факт подтверждают и более поздние летописные своды, например Симоновская летопись [Симоновская летопись 18: 121], Московский великокняжеский свод [Московский летописный свод 25: 52] конца XV в. и др. Поэтому факт закладки Спасо-Преображенского собора в 1225 г. является бесспорным.

Датирование первой закладки храма Архангела Михаила в XIII в. является более сложной задачей. Во-первых, важно понимать роль Нижегородского летописца как источника по нижегородской истории. Его использование российскими историками, например В.Н. Татищевым, и первое издание Н.И. Новиковым относятся еще к XVIII в. [Шайдакова: 3]. В XIX в. списков НЛ обнаруживалось все больше. Так, известно, что у архимандрита Макария был свой список

НЛ, еще один список был издан в «Ученых записках Казанского университета в 1836 г. [Шайдакова: 8–9]. В издании А.С. Гациского 1886 г. было представлено уже 8 списков НЛ. Указанный автор считал НЛ одним из важнейших источников по изучению нижегородской старины. Однако, как справедливо отмечает М.Я. Шайдакова, издание А.С. Гациского отрицательно повлияло на работу по обнаружению и обнаружению новых списков НЛ [Шайдакова: 3]. В XX в. также делались попытки в этом направлении, например упоминавшимся А.Н. Насоновым, но они не имели определяющего значения. Лишь издание в 2006 г. М.Я. Шайдаковой всех известных и вновь обнаруженных списков НЛ поставило определенную точку в его изучении и позволило более уверенно судить о степени достоверности известий в нем. В частности, исследователь выяснила, что под распространенным названием «Нижегородский летописец» скрываются сразу два памятника: Летописец о Нижнем Новгороде и собственно Нижегородский летописец, сильно различающиеся между собой.

Во-вторых, археологические раскопки, проводившиеся около Михайло-Архангельского собора в 2004–2005 гг., не выявили культурного слоя XIII в. [Селезнев: 46]. Это обстоятельство заставило исследователей тщательно проанализировать отчеты Н.Н. Воронина и позволило поставить под сомнение датировку обнаруженного культурного слоя домонгольским временем и, соответственно, строительство каменного храма в 1227–1229 гг. [Гусева, Зарубин]. Найденные при раскопках собора резные камни ввиду, прежде всего, трудности точной датировки также не могут свидетельствовать о существовании храма в XIII веке. Таким образом, вероятность существования каменного Михайло-Архангельского собора в XIII в. крайне мала. Скорее всего, этот храм был впервые заложен в 1359 году, что подтверждается данными общерусских летописей [Летописный сборник: 230].

Описанные выше обстоятельства в совокупности с полным изданием списков НЛ в 2006 г. повлияли на современную оценку этого источника как позднего и малодостоверного, составленного не без участия священнослужителей Михайло-Архангельского собора [Кузнецов: 14; Селезнев: 46–47]. Однако с этой «реанимацией» выводов А.Н. Насонова трудно согласиться. Так, М.Я. Шайдакова, отмечая, что этот памятник несет в себе очевидный отпечаток церковного мировоззрения его составителя, считает, что только протопоп Спасо-Преображенского собора мог осуществить такую важную задачу в середине XVII в. [Шайдакова: 100–101]. Использование большого количества различных документов, хранившихся в Спасо-Преображенском соборе, как и частое упоминание этого храма в тексте НЛ, также не позволяют согласиться с точкой зрения А.Н. Насонова.

Имеющийся комплекс исторических источников не позволяет со всей уверенностью говорить о том, насколько закладка деревянной церкви в честь Архангела Михаила в 1221 г. соответствует действительности. На наш взгляд, несмотря на уникальность записи о данном событии в НЛ, такое вполне допустимо. Во-первых, исследователи отмечают интерес Юрия Всеволодовича к культу архистратига Михаила, который, в частности, выразился в росписи Суздальского собора 1222–1225 гг., в основании в Юрьеве-Польском Архангельского монастыря [Воронин: 46] и т. д. Во-вторых, как считал Н.Н. Воронин, составитель НЛ мог располагать древними источниками особого рода и, в частности, местными храмовыми записями. О ведении таких записей в Спасо-Преображенском соборе упоминает и А.Н. Насонов [Насонов: 170]. И в-третьих, активное развитие Нижнего Новгорода в XIII–XIV вв. отразилось и на церковном строительстве. Так, Лаврентьевская летопись, кроме закладки Спасо-Преображенского собора в 1225 г., фиксирует в 1229 г. сожженный монастырь святой Богородицы и церковь [Лаврентьевская и Троицкая летописи 1: 192]. А Рогожский летописец упоминает, что при нападении монголов в 1377 г. в городе сгорело 32 церкви [Рогожский летописец 15: 120]. Такое количество храмов в Нижнем Новгороде XIV века не должно удивлять. Исследователи отмечают, что большинство церквей в древнерусских городах было частными (домашними) храмами знатных горожан [Стефанович: 118]. Разумеется, такие церкви могли быть и у богатых нижегородцев, в первую очередь – у князя и его приближенных. Княжеский и дворцовый характер Михайло-Архангельского собора особо подчеркивается в Нижегородском летописце.

Таким образом, проведенный комплексный анализ историографии и источников по начальной истории первых нижегородских храмов позволяет сформулировать следующие основные положения. Во-первых, закладка Спасо-Преображенского собора в 1225 г. является бесспорным фактом. Во-вторых, существование каменного Михайло-Архангельского собора в XIII в. крайне маловероятно. И в-третьих, закладка в 1221 г. деревянной Архангельской церкви, на наш взгляд, вполне допустима.

Примечания

¹ Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 1684. Оп. 1. Д. 87. Л. 226.

² ЦАНО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 284. Л. 18.

Список литературы

Агафонов С.Л. Нижегородский Кремль. Архитектура, история, реставрация. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1976. 136 с.

Архангельский С.И. Из истории краеведческой идеи в Нижегородском крае (Мельников-Печерский – Гациский – Короленко) // Краеведение. 1925. № 1–2. С. 71–80.

Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. Т. 2. 559 с.

Гацицкий А.С. Нижегородка. Путеводитель и указатель по Нижнему Новгороду и по Нижегородской ярмарке. Н. Новгород: Тип. Губ. правл., 1875. 183 с.

Гусева Т.В., Зарубин Ю.В. Обеспечение сохранности объекта археологического наследия – культурного слоя г. Нижнего Новгорода. URL: <https://clck.ru/UTvWD> (дата обращения: 23.01.2022).

Добровольский М.В. Путеводитель по святыням и церковным достопримечательностям г. Нижнего Новгорода. Н. Новгород: Тип. Губ. правл., 1912. 165 с.

Кантерев Л.М. Нижегородское Поволжье X–XVI веков. Горький: ОГИЗ, 1939. 184 с.

Кузнецов А.А. Основание и ранняя история Нижнего Новгорода // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 5–1. С. 9–17.

Памятники церковных древностей. Нижегородская губерния / соч. архим. Макария. СПб.: Археол. общество, 1857. 514 с.

Мельников А.П. Нижегородская старина: Путеводитель в помощь экскурсантам. Н. Новгород: Культура, 1923. 88 с.

Меморский А.М. Основатель Нижнего Новгорода Великий князь Георгий (Юрий) II Всеволодович (1189–1889). Н. Новгород: Тип. Ройского и Душина, 1889. 67 с.

Милотворский И.А. Нижний Новгород, его прошлое и настоящее: (краткое описание исторических событий Нижнего в связи с историей всего Нижегородского княжества и Нижегородской губернии). Н. Новгород: Отделение тип. газ. «Волгарь», 1911. 127 с.

Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII веков. М.: Наука, 1969. 555 с.

Нижегородский летописец / работа А.С. Гациского. Н. Новгород: Тип. Губ. правл., 1886. 144 с.

Нижний Новгород и Нижегородский край: очерк. СПб., 1896. 32 с.

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). СПб., 1846. Т. 1: Лаврентьевская и Троицкая летописи. 392 с.

ПСРЛ. СПб., 1885. Т. 10: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. 256 с.

ПСРЛ. Петроград, 1922. Т. 15: Рогожский летописец. 186 с.

ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18: Симеоновская летопись. 321 с.

ПСРЛ. М., 1949. Т. 25: Московский летописный свод конца XV века. 464 с.

Савельев А.А. Время и причины основания Н. Новгорода. Н. Новгород, 1896. 8 с.

Сахаров И.И. Историческое обозрение Нижнего Новгорода и его губернии. Ст. 1 // Журнал Министерства внутренних дел. 1840. № 6. С. 366–401.

Селезнев Ф.А. История Нижегородского края с древнейших времен до конца XVI вв.: учеб. пособие. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2014. 198 с.

Сочнев Ю.В. Источниковедческие проблемы начальной истории Нижнего Новгорода // Вопросы исторического и экологического регионоведения. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2020. С. 7–17.

Стефанович П.С. Некняжеское церковное строительство в домонгольской Руси: Юг и Север // Вестник церковной истории. 2007. № 1. С. 117–133.

Филатов Н.Ф. Купола, глядящие в небеса: Нижегородское храмовое зодчество XVII–XX вв. Н. Новгород: Нижегородский институт экономического развития, 1996. 248 с.

Храмцовский Н.И. Краткое очерк истории и описание Нижнего Новгорода. Н. Новгород: Тип. Губ. правл., 1857. 272 с.

Шайдакова М.Я. Нижегородские летописные памятники XVII в. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 2006. 281 с.

References

Agafonov S.L. *Nizhegorodskii Kreml'. Arkhitektura, istoriia, restavratsiia* [Nizhny Novgorod Kremlin. Architecture, history, restoration]. Gorky, Volgo-Viatskoe kn. izd-vo Publ., 1976, 136 p. (In Russ.)

Arkhangel'skii S.I. *Iz istorii kraevedcheskoi idei v Nizhegorodskom krae (Mel'nikov-Pecherskii – Gatsiskii – Korolenko)* [From the history of the local history idea in the Nizhny Novgorod Region (Melnikov-Pechersky – Gatsisky – Korolenko)]. *Kraevedenie* [Local history], 1925, № 1–2, pp. 71–80. (In Russ.)

Voronin N.N. *Zodchestvo Severo-Vostochnoi Rusi XII–XV vekov* [Architecture of North–Eastern Russia of the XII–XV centuries]. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR Publ., 1962, vol. 2, 559 p. (In Russ.)

Gatsiskii A.S. *Nizhegorodka. Putevoditel' i ukazatel' po Nizhnemu Novgorodu i po Nizhegorodskoi iarmarke* [Nizhny Novgorod. Guide and index to Nizhny Novgorod and the Nizhny Novgorod Fair]. Nizhny Novgorod, Tip. Gub. pravl. Publ., 1875, 224 p. (In Russ.)

Guseva T.V., Zarubin Iu.V. *Obespechenie sokhranosti ob'ekta arkheologicheskogo naslediiia – kul'turnogo sloia g. Nizhnego Novgoroda* [Ensuring the preservation of the object of archaeological heritage – the cultural layer of Nizhny Novgorod]. URL: <https://clck.ru/UTvWD> (access date: 23.01.2022). (In Russ.)

Dobrovol'skii M.V. *Putevoditel' po sviatyniam i tserkovnym dostoprimechatel'nostiam g. Nizhnego Novgoro-*

da [Guide to shrines and church sights of Nizhny Novgorod]. Nizhny Novgorod, Tip. Gub. pravl. Publ., 1912, 165 p. (In Russ.)

Kapterev L.M. *Nizhegorodskoe Povolzh'e X–XVI vekov* [Nizhny Novgorod Volga region of the X–XVI centuries]. Gorky, OGIZ Publ., 1939, 184 p. (In Russ.)

Kuznetsov A.A. *Osnovanie i ranniaia istoriia Nizhnego Novgoroda* [The founding of Nizhni Novgorod and its early history]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2014, № 5–1, pp. 9–17. (In Russ.)

Pamiatniki tserkovnykh drevnostei. Nizhegorodskaiia guberniia [Monuments of church antiquities. Nizhny Novgorod Province], soch. arkhim. Makariia. St. Petersburg, Arkheol. o-vo Publ., 1857, 514 p. (In Russ.)

Mel'nikov A.P. *Nizhegorodskaiia starina: Putevoditel' v pomoshch' ekskursantam* [Nizhny Novgorod antiquity: A guide to help tourists]. Nizhny Novgorod, Kul'tura Publ., 1923, 88 p. (In Russ.)

Memorskii A.M. *Osnovatel' Nizhnego Novgoroda Velikii kniaz' Georgii (Iurii) II Vsevolodovich (1189–1889)* [The founder of Nizhny Novgorod, Grand Duke George (Yuri) II Vsevolodovich (1189–1889)]. Nizhny Novgorod, Tip. Roiskogo i Dushina Publ., 1889, 67 p. (In Russ.)

Milovtorskii I.A. *Nizhnii Novgorod, ego proshloe i nastoiashchee: (kratkoe opisanie istoricheskikh sobytii Nizhnego v sviazi s istoriei vsego Nizhegorodskogo kniazhestva i Nizhegorodskoi gubernii)* [Nizhny Novgorod, its past and present: (a brief description of the historical events of Nizhny Novgorod in connection with the history of the entire Nizhny Novgorod Principality and Nizhny Novgorod province)]. Nizhny Novgorod, Otd-nie tip. gaz. «Volgar» Publ., 1911, 127 p. (In Russ.)

Nasonov A.N. *Istoriia russkogo letopisaniia XI – nachalo XVIII vekov* [History of the Russian chronicle of the XI – beginning of the XVIII centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1969, 555 p. (In Russ.)

Nizhegorodskii letopisets [Nizhny Novgorod Chronicler], rabota A.S. Gatsiskogo. Nizhny Novgorod: Tip. Gub. pravl. Publ., 1886, 144 p. (In Russ.)

Nizhnii Novgorod i Nizhegorodskii krai: ocherk [Nizhny Novgorod and the Nizhny Novgorod Region: an essay]. St. Petersburg, 1896, 32 p. (In Russ.)

PSRL. St. Petersburg, 1846, vol. 1: *Lavrent'evskaia i Troitskaia letopisi* [Laurentian and Trinity Chronicles], 392 p. (In Russ.)

PSRL. St. Petersburg, 1885, vol. 10: *Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarsheiu ili Nikonovskoiu letopis'iu* [The chronicle collection, called the Patriarchal or Nikon Chronicle], 256 p. (In Russ.)

PSRL. Petrograd, 1922, vol. 15: *Rogozhskii letopisets* [Rogozhsky chronicler], 186 p. (In Russ.)

PSRL. St. Petersburg, 1913, vol. 18: *Simeonovskaia letopis'* [Simeon's Chronicle], 321 p. (In Russ.)

PSRL. Moscow, 1949, vol. 25: *Moskovskii letopisnyi svod kontsa XV veka* [Moscow chronicle of the end of the 15th century], 464 p. (In Russ.)

Savel'ev A.A. *Vremia i prichiny osnovaniia N. Novgoroda* [Time and reasons for the founding of N. Novgorod]. Nizhny Novgorod, 1896, 8 p. (In Russ.)

Sakharov I.I. *Istoricheskoe obozrenie Nizhnego Novgoroda i ego gubernii. St. 1* [Historical review of Nizhny Novgorod and its province. Article 1]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del* [Journal of the Ministry of Internal Affairs], 1840, № 6, pp. 366–401. (In Russ.)

Seleznev F.A. *Istoriia Nizhegorodskogo kraia s drevneishikh vremen do kontsa XVI vv.: ucheb. posobie* [The history of the Nizhny Novgorod Region from ancient times to the end of the XVI century: Textbook]. Nizhny Novgorod, Nizhegorod. gos. un-t Publ., 2014, 198 p. (In Russ.)

Sochnev Iu.V. *Istochnikovedcheskie problemy nachal'noi istorii Nizhnego Novgoroda* [Source problems of the initial history of Nizhny Novgorod]. *Voprosy istoricheskogo i ekologicheskogo regionovedeniia* [Questions of historical and ecological regional studies]. Arzamas, Arzamasskii filial NNGU Publ., 2020, pp. 7–17. (In Russ.)

Stefanovich P.S. *Nekniazhskoe tserkovnoe stroitel'stvo v domongol'skoi Rusi: Iug i Sever* [Non-Princely Church Construction in Pre-Mongol Russia: South and North]. *Vestnik tserkovnoi istorii* [Bulletin of Church History], 2007, № 1, pp. 117–133. (In Russ.)

Filatov N.F. *Kupola, gliadiashchie v nebesa: Nizhegorodskoe khramovoe zodchestvo XVII–XX vv.* [Domes looking into the sky. Nizhny Novgorod temple architecture of the XVII–XX centuries]. Nizhny Novgorod, Nizhegorodskii institut ekonomicheskogo razvitiia Publ., 1996, 248 p. (In Russ.)

Khramtsovskii N.I. *Kratkoe ocherk istorii i opisanie Nizhnego Novgoroda* [A brief outline of the history and description of Nizhny Novgorod]. Nizhny Novgorod, Tip. Gub. pravl. Publ., 1857, 272 p. (In Russ.)

Shaidakova M.Ia. *Nizhegorodskie letopisnye pamiatniki XVII v.* [Nizhny Novgorod chronicle monuments of the XVII century]. Nizhny Novgorod, Nizhegorod. un-t Publ., 2006, 281 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 19.12.2020; одобрена после рецензирования 14.01.2021; принята к публикации 12.02.2021.

The article was submitted 19.12.2020; approved after reviewing 14.01.2021; accepted for publication 12.02.2021.

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 21–25. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 21–25. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 394.5

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-21-25>

ШЕСТВИЕ МОСКОВСКОГО ПОСОЛЬСТВА 14 МАРТА 1613 Г. В ИПАТЬЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ: ВЕРСИИ СОБЫТИЯ

Ферапонт, Митрополит Костромской и Нерехтский (Кашин Дмитрий Витольдович), кандидат богословия, глава Костромской митрополии Русской православной церкви, ferapontk@ya.ru

Аннотация. В статье рассматриваются два варианта описания событий 14 марта 1613 года в Костроме, положивших начало призыванию на царство Михаила Феодоровича Романова. Первый вариант основан на «Сказании Авраамия Палицына» и говорит о двух шествиях: посольства московского земского собора, отправившегося из села Селище, и костромского духовенства и граждан, вышедших из самого города; соединившись близ Ипатьевского монастыря, участники этих шествий направились к матери и сыну Романовым. Второй вариант основывается на тексте «Нового летописца»: из села Селище московское посольство пришло в Костромской кремль и уже затем, взяв из Успенского собора Феодоровскую икону Божией Матери, направились в Ипатьевскую обитель. Приводятся аргументы в пользу второго варианта, подразумевающие личную заинтересованность келаря Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына в замалчивании той роли, которую сыграл Феодоровский образ Пресвятой Богородицы в призывании Михаила Феодоровича на царство. Отмечается, что объективное описание событий 14 марта 1613 года имеет особое значение в связи с воссозданием Костромского кремля.

Ключевые слова: Кострома, Дом Романовых, призывание на царство, Костромской кремль, село Селище, Ипатьевский монастырь, Феодоровская икона Божией Матери, Сказание Авраамия Палицына, земский собор.

Для цитирования: Ферапонт (Кашин Д.В.; Митрополит) Шествие московского посольства 14 марта 1613 г. в Ипатьевский монастырь: версии события // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 21–25. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-21-25>

Research Article

PROCESSION OF THE MOSCOW EMBASSY ON MARCH 14, 1613 TO HYPATIAN MONASTERY: VERSIONS OF THE EVENT

Ferapont, Metropolitan of Kostroma and Nerekhta (Dmitry V. Kashin), Candidate of Theology, Head of Kostroma Metropolis of the Russian Orthodox Church, ferapontk@ya.ru

Abstract. The article discusses two options for describing the events of March 14, 1613, in Kostroma, which marked the beginning of the calling of M.F. Romanov to become Tsar Michael of Russia. The first version is based on the “Tale of Avraamy Palitsyn” and speaks of two processions – the embassy of the Assembly of Moscow Land, which set off from the suburb village of Selishche, and Kostroma clergy and citizens, who left the city proper; uniting near the Monastery of St. Hypatius of Gangra; the participants of those processions went to the mother and son the Romanovs. The second version is based on the text of the New Chronicler – Moscow embassy came from the village of Selishche to Kostroma Kremlin and only then, having taken from the Assumption Cathedral the Icon of the Mother of God dedicated to Saint Theodore Stratelates, went to Hypatian Monastery. Arguments are given in favour of the second option, implying the personal interest of Avraamy Palitsyn, cellarer of the St. Sergius Trinity Monastery, in hushing up the role played by the said image of Our Most Holy Lady in begging Michael to become the tsar. It is noted that an objective description of the events of March 14, 1613, is of particular topicality as the cathedral of Kostroma Kremlin is being under reconstruction.

Keywords: Kostroma, House of Romanov, vocation to tsardom, Kostroma Kremlin, Selishche village, Hypatian Monastery, holy image of Our Lady of St. Theodore, Tale of Avraamy Palitsyn, Zemsky Sobor.

For citation: Ferapont (Kashin D.V.; Metropolitan) Procession of Moscow embassy on March 14, 1613, to Kostroma Hypatian Monastery: versions of the event. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 21–25 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-21-25>

День 14 марта (по старому стилю) 1613 г., когда в Свято-Троицком Ипатьевском монастыре состоялось призвание на царство Михаила Феодоровича Романова, является знаменательной датой в истории как Костромы, так и всей России; с XVII в. он отмечен установлением особого церковного празднования в честь главной костромской святыни, Феодоровской иконы Божией Матери. События этого дня многократно описывались и в научных сочинениях, и в популярной литературе. Обычно такие описания начинаются с шествия посольства земского собора (прибывшего из Москвы к Михаилу Феодоровичу и его матери инокине Марфе) и костромичей в Ипатьевскую обитель. Церковный ученый и краевед И.В. Баженов посвятил этому шествию статью «Московский и костромской крестный ход в Ипатьев монастырь 14 марта 1613 года», опубликованную в 1911 году [Баженов] и изображающую картину, ставшую традиционной для историков и краеведов. Согласно И.В. Баженову, шествий 14 марта в действительности было два. Возглавляемое архиепископом Рязанским и Муромским Феодоритом и боярином Ф.И. Шереметевым посольство земского собора, прибывшее в Кострому вечером 13 марта и остановившееся, не заходя в город, в селе Селище (или Новоселки) на правом берегу реки Волги, утром 14 марта перешло по льду на левый берег, к месту впадения в Волгу реки Костромы. Одновременно с этим – первым – шествием состоялось и второе: костромские священнослужители и горожане, взяв из Успенского собора Костромского кремля хранившийся там Феодоровский образ Божией Матери и другие иконы, крестным ходом направились в сторону Ипатьевской обители. Этот ход «прибыл к устью реки Костромы, впадающей в реку Волгу, и здесь-то соединился с московским крестным ходом. От этого сборного пункта соединенная процессия освященных соборов в совокупности московских и костромских великих святых (...) следовала по льду реки Костромы до самого Ипатьева монастыря...» [Баженов: 142].

Основанием для такого описания стал, пожалуй, самый известный источник сведений о событиях Смутного времени – «Сказание Авраамия Палицына» (или «История в память впредьидущим родом»), автор которого, келарь Троице-Сергиева монастыря и известный церковно-общественный деятель той эпохи, бывший участником посольства и лично наблюдавший происходившее, завершил работу над своим сочинением в 1620 г. Отец Авраамий изобразил события утром 14 марта так: «Заутра же архиепископ Феодорит со всем освященным собором облекаются в ризы, а боярин Федор Иванович и вси пришедши с ним, учредивше чины по достоянию и взявше честный крест и вышепомянутый чудотворный образ Пресвятыя Богородица и прочаа святыя иконы,

поидоша ко обители Святыя Живоначальныя Троица в Ыпацкой монастырь. И егда приидоша на устье реки Костромы весь же церковный чин града того облекаются во священныя ризы и взявше честныя кресты и чудотворныя иконы, изыдоша из града со множеством народа, с женами и з детми, и поидоша вкупе в той же Ипацкой монастырь» [Сказание Авраамия Палицына: 234]. Следует уточнить, что «вышепомянутый чудотворный образ» – это отмеченная в повествовании отца Авраамия чуть ранее икона Божией Матери, принесенная посольством (как и другая икона, образ святителей Московских) в Кострому из столицы. О московской иконе Пресвятой Богородицы упоминается и в других документах того времени, но ее название указывает лишь отец Авраамий Палицын, сообщающий: «...коже написал Петр митрополит» [Сказание Авраамия Палицына: 233]; следовательно, речь идет о Петровском образе Божией Матери, хранившемся в Успенском соборе Московского Кремля. Кстати отметим, что и иное именование села Селище – Новоселки – встречается только в сочинении отца Авраамия, костромские источники такого названия не знают [Зонтиков: 15].

Версия двух шествий (изложенная, в частности, И.В. Баженовым) до наших дней не подвергалась сомнению, она и сейчас излагается в работах костромских авторов [Зонтиков: 21–22]. Между тем в другом весьма авторитетном источнике, составленном около 1630 г. «Новом летописце», картина утра 14 марта изображается принципиально иначе – московские послы сначала приходят в Успенский собор Костромского кремля: «Архиепископ же Феодорит и боярин Федор Иванович Шереметев и все люди придоша в соборную церковь Пречистыя Богородицы и пеша молебны, и взяша чесныя кресты и месной чудотворной образ Пречистыя Богородицы Федоровския и многия иконы, и поидоша в Ыпацкой монастырь, и пеша молебны у Живоначальныя Троицы, и придоша к нему, государю, и к матери ево...» [Полное собрание русских летописей: 129–130]. У нас нет оснований подвергать эти сведения сомнению, ведь исследователи единодушно подчеркивают достоинства «Нового летописца» как источника, составитель которого проявляет «поразительную, даже для очевидца и современника описываемых событий, осведомленность» [Зотов: 179]. Такая альтернативная версия одного шествия нашла свое отражение и в «Новом летописце», и в связанных с ним текстах [Летопись о многих мятежах: 303]. Созвучно с «Новым летописцем» и изложение событий 14 марта в составленной, как полагают, игуменом Макариево-Унженского монастыря Леонтием в 20–30-х годах XVIII в. четвертой редакции «Сказания о явлении и чудесах Феодоровской иконы Божией Матери» (первые три редакции «Сказания...», составленные в XVII столетии, никак не упоминают о про-

исходившем в 1613 г.) [Радеева: 349–350]. Кроме того, в исторических записках протоиерея Успенского собора города Костромы Иакова Арсеньева (эту рукопись, над которой автор работал с 1833 года, обычно называют «Летописью костромского Успенского кафедрального собора») также указывалось, что московские послы «из Нового Селища 14-го числа марта, препровождаемые всеми гражданами, шли в соборную города Костромы церковь» [Арсеньев: 2].

Противоречивость изложенных версий очевидна, а вот противоречия в источниках, на основании которых эти версии выстраивались, формально нет. Для согласования последних достаточно предположить, что отец Авраамий Палицын в своем описании событий 14 марта 1613 г. (возможно, сознательно) умалчивает о некоторых моментах, связанных с Феодоровской иконой Божией Матери и ее ролью в призвании Михаила Феодоровича на царство. Действительно, из «Сказания Авраамия Палицына» вовсе не следует, что московское посольство утром 14 марта направилось из Селища прямо в Ипатьевский монастырь, никуда более (то есть в кремль) не заходя. Да, такое впечатление создается у читателя «по умолчанию», но упрекнуть троицкого келаря на самом деле не в чем! Более того, картину такого же умолчания мы обнаруживаем в «Сказании Авраамия Палицына» далее, при описании умоления Михаила Феодоровича и его матери в Троицком соборе Ипатьевской обители. Отец Авраамий, вообще не упоминая о Феодоровской иконе, подчеркнуто обращает внимание читателя на икону Петровскую, принесенную посольством из Москвы. Это побудило некоторых современных исследователей сделать поспешный вывод о том, что и призвание Михаила Феодоровича на царство состоялось не перед Феодоровским, а перед Петровским образом Пресвятой Богородицы [Радеева: 71]. Но такое суждение опровергается как косвенными доводами (достаточно напомнить об удивительном, можно даже сказать небывалом почитании, которым Романовы окружили Феодоровскую икону сразу же после событий 1613 г.), так и внимательным рассмотрением собственно «Сказания Авраамия Палицына».

Отец Авраамий не скрывает того, что костромское духовенство шло в Ипатьевский монастырь, «взвешав честныя кресты и чудотворныя иконы» [Сказание Авраамия Палицына: 234], но не уточняет, о каких иконах идет речь. Принципиальная конкретика появляется лишь в кульминационный момент повествования, когда умоление на царство заходит в тупик из-за упорного отказа матери и сына Романовых. Положение изменяется благодаря решительным действиям архиепископа Феодорита и (вот она, истинная причина отмеченных нами умолчаний!) самого «келаря старца Авраамия»: «Видев же архиепископ и иже с ним, яко не успеха ничто же и толик труд подъяша,

желаемого же не получиша, и взем на руце свои чудотворную икону образ Пресвятыя Богородица, юже написал Петр митрополит, а троицкой келарь старец Аврамей взем образ великих чудотворцов Петра и Алексея и Ионы, и принесоша пред государыню. И рече архиепископ и келарь Аврамей: “Виждь, благовернаа великаа государыня Марфа Ивановна и благоверный и благородный великий государь Михаил Феодорович, виждь, что ради шествова с нами толик путь пречестнаа и чудотворная сия икона Богоматере и величьи святителие! И аще на милость не положили есте, но сего ради чудотворнаго образа всех Царицы Богоматере и великих ради святителей не мозите преслушати, но сотворите повеленное вам от Бога: во истинну бо от Бога избранни есте; и не прогневайте всех Владыку и Бога”» [Сказание Авраамия Палицына: 234–235].

Итак, архиепископ Феодорит и отец Авраамий взяли принесенные из Москвы Петровскую икону Богоматери (здесь указание на нее однозначно) и образ святителей Московских. А вот далее троицкий келарь, описывая мгновения, определившие судьбу России на последующие три века, прибегает к характерному умолчанию: «Тогда благовернаа государыня инока Марфа Ивановна многи слезы пред образом Пречистые излиа (...). Многа же и ина пред образом со многими слезами государыня изрече...» [Сказание Авраамия Палицына: 235]. О какой конкретно иконе здесь идет речь? О Петровской? Но точного указания на нее нет, хотя читатель и готов «раскрыть» умолчание троицкого келаря именно так. Мы же полагаем, что отец Авраамий здесь лукавит, как и при описании шествия в Ипатьевскую обитель, избегая прямого упоминания о Феодоровской иконе Божией Матери. И не перед Петровским (хотя он и находился рядом с главной костромской святыней), а именно перед Феодоровским образом Пресвятой Богородицы инокиня Марфа произнесла знаменитые слова, запечатленные тем же отцом Авраамием: «Се Тебе, о Богомати, Пресвятаа Богородице, и в Твои пречистей руце, Владычице, чадо свое предаю и, яко же хоцещи, устроиши ему полезнаа, и всему православному христианьству» [Сказание Авраамия Палицына: 235]. Наконец, совершаемое и сейчас церковное празднование 14 марта, о котором говорится и в «Новом летописце» [Полное собрание русских летописей: 130], было установлено в честь не Петровской, а именно Феодоровской иконы Богоматери.

В чем же причина такого отношения отца Авраамия Палицына к костромской святыне? Видимо, любое упоминание о Феодоровском образе Божией Матери в связи с событиями 14 марта, с точки зрения Палицына, принижало не только роль принесенных в Кострому святынь московских, но и роль самого отца Авраамия в призвании Михаила Феодоро-

веча на царство. Допустить такого старец не мог, да и в целом его произведение отнюдь не беспристрастно. Принципиальное отношение к сообщаемым отцом Авраамием сведениям наилучшим образом, на наш взгляд, выразил Н.И. Костомаров. «Мы далеки от того, – говорил он (Костомаров. – М. Ф.), – чтоб доверять безусловно Авраамию. В его рассказах есть легенды... старец немного и прихвастывает». Тем не менее Костомаров признавал за Сказанием Палицына и большую историко-литературную важность: он видел в нем прекрасный памятник “чувства и воображения современников”; он считал необходимым пользоваться данными Палицына хотя бы потому, что старец является в иных случаях единственным источником наших сведений. “Поверить (то есть проверить. – М. Ф.) – нечем, и отвергать вовсе – также нет основания”, – говорил Костомаров и признавал, что, передавая иногда рассказы старца, считал необходимым сделать при них оговорку: “Если только доверять Сказанию, которое передается самим тем, кто здесь играет столь блестящую роль”» [Платонов: 170]. И не случайно келаря-летописца упрекали в том, что он желал «внести в историю свой собственный панегирик» [Платонов: 169].

Небезынтересно проследить, как исторически складывалась версия двух шествий. Мы ссылались на статью И.В. Баженова, но Иван Васильевич являлся лишь популяризатором такого мнения, а первые утверждение о шествии посольства из Селища прямо в Ипатьевскую обитель прозвучало много раньше. В «Собрании исторических известий, относящихся до Костромы» И.К. Васькова, изданном в 1792 г., повторялась версия одного шествия (возможно, заимствованная из «Летописи о многих мятежах...») [Васьков: 53–54]. В 1832 г. епископ Костромской и Галичский Павел (Подлипский), плодотворно занимавшийся историческими исследованиями, опубликовал «Описание костромского Ипатьевского монастыря», где цитировал отрывок будто бы из монастырской летописи – а в действительности выписку из «Сказания Авраамия Палицына», сделанную существенно позднее создания самого сочинения отца Авраамия (о чем свидетельствует употребляемое в тексте выписки титулование Михаила Феодоровича самодержцем «всех Великих и Малых и Белых России») и дополненную некоторыми деталями. О шествии посольства в выписке говорилось лаконично: «И поидоша чрез великую реку, глаголемую Волгу, ко обители Живоначальной Троицы в Ыпацкой монастырь» [Подлипский: 50]. Но в таком же описании, составленном протоиереем Михаилом Диевым и изданном в 1858 г., мы встречаем уже оформленную версию двух шествий: «Между тем как священная процессия (московское посольство. – М. Ф.) подходила к устью, где река Костро-

ма сливает свои воды с волжскими, называемому Стрелка, в это время костромское духовенство, также в облачении, вышло из собора с чудотворной Феодоровской иконой Богородицы как святой хоругвью города, в соупутствии многочисленного народа, и соединилось с посольством» [Диев: 65]. Аналогичную картину изобразил протоиерей Павел Островский в своей книге, изданной в 1864 г.: «На том месте, где река Кострома сливается с Волгой, соединились Москва и Кострома...» [Островский: 59]. И наконец, в 1887 г. И.В. Миловидов, комментируя документ из архива Ипатьевской обители (еще одну выписку из «Сказания Авраамия Палицына» о событиях 1613 г.), указывал: «Очевидно, от Селищ к Ипатьевской обители посольство переходило чрез Волгу по льду» [Миловидов: 7].

Учитывая сказанное выше и критически оценивая сведения из «Сказания Авраамия Палицына», мы можем предложить следующую реконструкцию событий утра 14 марта 1613 г. Проведя ночь с 13 на 14 марта в селе Селище, ранним утром московское посольство по льду перешло реку Волгу и, несколько пройдя вниз по течению реки, прибыло в Костромской кремль. Совершив в кремлевском Успенском соборе молебен пред Феодоровской иконой Божией Матери, посольство, взяв этот образ Пресвятой Богородицы и другие чтимые костромские святыни (имея при этом с собой и святыни московские), торжественным шествием направилось в Ипатьевский монастырь. Весьма вероятно, что костромское духовенство и жители города ожидали эту процессию на городской окраине, у места впадения реки Костромы в Волгу (как об этом писал отец Авраамий). Назначить в качестве «сборного пункта» [Баженов: 142] для костромичей, отправляющихся в Ипатьевский монастырь, место за чертой города и вблизи самой обители было весьма разумно: если, предположим, горожане собирались бы в кремле или около него, многолюдная толпа перекрыла бы улицы и московское посольство не смогло бы пройти в Успенский собор.

Полагаем, место для полемики в данном вопросе остается. Тем не менее, предполагая в «Сказании Авраамия Палицына», являющимся первоисточником версии двух шествий, принижением значение костромских святынь в рассматриваемом событии, считаем версию одного шествия более объективной и обоснованной. Сейчас, когда на наших глазах совершается восстановление Костромского кремля, нам требуется вместе с тем и воссоздание памяти о славных страницах истории кремля и его главной святыни, Феодоровской иконы Пресвятой Богородицы. Не подлежит сомнению, что такое воссоздание должно основываться на всей совокупности имеющихся в нашем распоряжении исторических сведений.

Список источников

Арсеньев И.А., протоиерей. Летопись костромского Успенского кафедрального собора. Костромская областная универсальная научная библиотека. Инв. № ЦРМ 416032.6 [Рукопись].

Баженов И.В. Московский и костромской крестный ход в Ипатьев монастырь 14 марта 1613 года // Костромские епархиальные ведомости. 1911 (1 марта). № 5. Отдел неофициальный. С. 139–145.

Васьков И.К. Собрание исторических известий, относящихся до Костромы: Сочиненное полковником Иваном Васьковым. М.: Тип. М. Пономарева, 1792. 64 с.

Диев М.Я., протоиерей. Историческое описание костромского Ипатского монастыря. М.: Тип. Александра Семена, 1858. 90 с.

Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей и от прочих тогдашних времен многих случаев, по преставлении царя Иоанна Васильевича; а паче о междугосударствовании по кончине царя Феодора Иоанновича, и о учиненном исправлении книг в царствование благоверного государя царя Алексея Михайловича в 7163/1655 году. СПб.: Тип. сухопутного кадетского корпуса, 1771. 366 с.

Миловидов И.В. Содержание рукописей, хранящихся в архиве Ипатьевского монастыря. Кострома: Губернская типография, 1887. Вып. 1. 104 с.

Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Императорской Археологической комиссией. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1910. Т. 14. Первая половина: I. Повесть о честном житии царя и великого князя Феодора Ивановича всея Руси. II. Новый летописец.

Островский П.Ф., протоиерей. Исторические записки о Костроме и ее святыне, благочестно-чтимой в императорском Доме Романовых. Кострома: Тип. Андроникова, 1864. 247 с.

[Павел (Подлинский), епископ.] Описание костромского Ипатьевского монастыря, в коем юный Михаил Феодорович Романов умолен знаменитым посольством московским на царство Русское: Составлено из подлинных монастырских бумаг. М.: Синодальная типография, 1832. 128 с.

Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1888. 372 с.

Сказание Авраамия Палицына / под ред. Л.В. Черепнина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 344 с.

Список литературы

Зонтиков Н.А. Церковь святых мучеников Александра и Антонины в Селище в Костроме: К 230-летию возведения в камень, 1779–2009 гг. Кострома: ДиАр, 2010. 368 с.

Зотов А.М. «Новый летописец» как памятник литературы первой трети XVII века: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 1999. 228 с.

Радеева О.Н. Сказание о Федоровской иконе Пресвятой Богородицы в книжной культуре России XVII–XVIII вв.: дис. ... канд. истор. наук. М., 2011. 369 с.

References

Zontikov N.A. *Tserkov' sviatykh muchenikov Aleksandra i Antoniny v Selishche v Kostrome: K 230-letiiu vozvedeniia v kamne, 1779–2009 gg* [Church of the Holy Martyrs Alexander and Antonina in Selishche in Kostroma: To the 230th anniversary of the construction in stone]. Kostroma, DiAr Publ., 2010, 368 p. (In Russ.)

Zotov A.M. "Novyi letopisets" kak pamiatnik literatury pervoi treti XVII veka: dis. ... kand. filol. nauk ["New chronicler" as a literary monument of the first third of the 17th century: PhD thesis]. Novosibirsk, Institut filologii SO RAN Publ., 1999, 228 p. (In Russ.)

Radeeva O.N. *Skazanie o Fedorovskoi ikone Presviatei Bogoroditsy v knizhnoi kul'ture Rossii XVII–XVIII vv.: dis. ... kand. istor. nauk* [The Legend of the Fedorov Icon of the Most Holy Theotokos in Russian Book Culture in the 17th–18th Centuries: PhD thesis]. Moscow, 2011, 369 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 26.11.2021; одобрена после рецензирования 19.12.2021; принята к публикации 09.02.2022.

The article was submitted 26.11.2021; approved after reviewing 19.12.2021; accepted for publication 09.02.2022.

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ВОЗЗРЕНИЙ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ПРАКТИКУ ЗЕМСКОГО СТРАХОВАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. (на материалах Владимирской и Рязанской губерний)

Большакова Диана Анатольевна, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир, Россия, dianka.bolshakova.1993@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0280-9669>

Петровичева Елена Михайловна, доктор исторических наук, профессор, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир, Россия, helenp94@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2740-0616>

Аннотация. В представленной статье на материалах Владимирской и Рязанской губерний исследуется влияние менталитета и религиозных воззрений сельского населения на действие института земского страхования во второй половине XIX – начале XX веков. Земства не только занимались страхованием движимого и недвижимого имущества от огня, скота, от различных болезней, полей и посевов от стихийных бедствий, но и вели массовую противопожарную деятельность: составляли селенные планы, занимались посадкой деревьев, копали колодцы, обустроивали запруды и плотины, приобретали пожарный инвентарь, распространяли огнестойкое строительство. И все же земствам не всегда удавалось привлечь крестьян к страховым операциям. Крестьяне старались сохранить свои дома, скот и урожай любой ценой, однако вместо того, чтобы обратиться к страхованию полей и урожая, они нередко «растворялись» в глубине религиозных верований и различных предрассудков. В данной работе на основе анализа широкого круга источников, прежде всего архивных, исследуется земская деятельность в сфере страхования на территории Владимирской и Рязанской губерний. Делается вывод о том, что религиозные верования, наряду с предрассудками, продолжали играть важную роль в жизни деревни, а страховое дело крестьяне рассматривали во многом через призму всевозможных примет и суеверий.

Ключевые слова: страхование, религия, земство, Владимирская губерния, Рязанская губерния, менталитет, религия, суеверия.

Для цитирования: Большакова Д.А., Петровичева Е.М. Влияние религиозных воззрений сельского населения на практику земского страхования во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах Владимирской и Рязанской губерний) // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 26–31. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-26-31>

Research Article

THE INFLUENCE OF RELIGIOUS BELIEFS TO THE PRACTICE OF ZEMSTVO INSURANCE AT THE 2ND HALF OF THE 19TH - EARLY 20TH CENTURY (based on the materials of Vladimir and Ryazan provinces)

Diana A. Bolshakova, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, dianka.bolshakova.1993@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0280-9669>

Elena M. Petrovicheva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia helenp94@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2740-0616>

Abstract. Based on the materials of Vladimir and Ryazan provinces, the influence of mentality and religious beliefs of rural population on zemstvo insurance institute in the 2nd half of the 19th – the early 20th century is analysed in the article. Zemstvos not only insured movable and immovable property from fire, or cattle against various diseases, or fields and crops against natural calamities, but they also carried out mass fire-fighting activities – including planning settlements, planting trees, digging wells, embanking, buying fire-fighting equipment, developing fire-resistant construction. However, sometimes zemstvos failed to involve peasants in insurance operations. Peasants tried to keep their houses, cattle and crops at any cost, but, instead of insuring fields and crops, they often “dissolved” in the depth of religious beliefs and various prejudices. Based on the analysis of a wide range of sources, especially archival ones, zemstvo insurance activity within the territory of Vladimir and Ryazan provinces is studied in the article. The authors conclude that religious beliefs, along with prejudices, still played an important role in the life of rural people of that time, and insurance was viewed by peasants mainly through the prism of different superstitious beliefs.

Keywords: insurance, religion, zemstvo, Vladimir Province, Ryazan Province, mentality, superstitious beliefs

For citation: Bolshakova D.A., Petrovicheva E.M. The influence of religious beliefs to the practice of zemstvo insurance at the 2nd half of the 19th – early 20th century (based on the materials of Vladimir and Ryazan provinces). Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 26–31 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-26-31>

Ведущую роль в жизни сельского населения традиционно играла религия, распространяя свое влияние на все стороны жизни, включая праздники, обряды, общественную мораль, содержание быта, одежду, домашнюю утварь, сельскохозяйственные работы и т. п. Подчас христианские традиции соединялись с языческими ритуалами, сопрягаясь с природной силой и духами умерших предков [Тулцева; Костовска, Стульшапку]. Религия выступала важнейшим фактором, помогающим крестьянам оставаться особой социальной группой и оказывать сопротивление тем переменам, которые влекли угрозу ее существованию. Поэтому всё новое в деревне истолковывалось крестьянами, прежде всего, с оглядкой на свой менталитет, культуру и религию [Тулцева].

В отечественной историографии существует значительное число работ, посвященных бытовому православию, религиозным и обрядовым верованиям сельского населения многих регионов [Завойко; Зайкова; Милов; Птицына; Тулцева; Egofova, Petrovicheva]. Тем не менее влияние крестьянского менталитета и религиозных воззрений на институт и практику земского страхования оказываются недостаточно изученными [Петровичева, Большакова]. Выяснению этого вопроса и посвящена наша работа.

Цель данной статьи – исследовать влияние бытового православия и языческих верований крестьян на практику земского страхования во второй половине XIX – начале XX в. (на материалах Владимирской и Рязанской губерний). Работа основана на широком круге источников, прежде всего архивных, многие из которых введены в научный оборот впервые. Исследование базируется на применении статистических методов анализа документов. Важную роль в методологии работы сыграла историческая антропология. Изучая крестьянскую обыденность в социокультурном контексте, мы также обращаемся к истории повседневности, которая позволила исследовать не просто быт, традиции и религиозные взгляды, но и все многообразие реакций крестьян на институт страхования в деревне.

Сельское страхование набирает свои обороты во второй половине XIX в., после введения Положения о губернских и уездных земских учреждениях¹. Реализация земской реформы привела к тому, что начиная с 1867 года органы местного самоуправления активно поднимали страховое дело в деревнях². Главная цель земского страхования заключалась в том, чтобы уберечь крестьянское хозяйство от тягот, невзгод и полного разложения, в противовес частным страховым и акционерным обществам, которые воспринимали институт страхования как инструмент обогащения и наживы⁴. Органы местного самоуправления занимались страхованием движимого и недвижимого имущества от огня, животных – от массовых

болезней, полей и посевов – от различных невзгод. Также они занимались противопожарной деятельностью: составляли селенные планы, сажали деревья, копали колодцы, обустроивали запруды и плотины, приобретали пожарный инвентарь, распространяли огнестойкое строительство⁵.

Положительная динамика земского страхования во второй половине XIX века прослеживается в различных докладах и отчетах губернских и уездных управ, страховых агентов и волостных обществ. С каждым годом увеличивались страховые взносы, а с ними увеличивался и страховой капитал. Так, в 1876 году, почти через 10 лет после введения земского страхования, всего было застраховано имущества более чем на 433 млн рублей при средней оценке около 25 рублей за строение и 68 рублей за двор. Сама оценка составляла около 64 % действительной стоимости застрахованного имущества, а оклад страховых сборов достигал почти 6 855 рублей. Еще через пару лет, в 1883 году, страховые капиталы в губерниях, имеющих земские учреждения, возросли до 9 116 рублей [Максимов: 3].

Доклады и постановления земских управ в первом десятилетии XX в. также свидетельствуют о том, что положение страхового дела оставалось на прочной основе и наращивало свои обороты. В 1912 г. в Рязанской губернии по обязательному и добровольному страхованию поступило 1 206 366 рублей [Доклады по вопросам: 4], во Владимирской – 1 573 704 [Доклады Владимирской губернской земской управы: 8].

Приведенные цифры свидетельствуют о значительном влиянии земского страхования на экономическое благосостояние сельского населения. При таком положении дел, казалось бы, польза страхования не подлежала сомнению. Тем не менее, вопреки положительному эффекту, органам местного самоуправления не всегда удавалось привлечь крестьян к страховым операциям. Основной причиной этого послужило не только недоверие к страховому делу, но и культура, менталитет, религиозные воззрения сельского общества.

С христианской точки зрения понятие «страхование» объяснялось как «искушение устрашающего характера, стремящееся запугать молящегося и тем самым отвлечь его от спасительных дел, от прямого общения с Богом» [Азбука веры], а всякие природные катаклизмы, осадки и бедствия воспринимались как божья кара за людские грехи, преступления и соблазны. Сельский человек был убежден, что Господь Бог обязательно покарает и пошлет наказание за каждый совершенный проступок.

Одним из таких ярких примеров являлся пожар от молний, называемый в народе «небесным огнем» и считавшийся «божьей карой». Пожары признавались самым губительным и разорительным народ-

ным бедствием, опережая неурожаи и повальные болезни животных. Ущерб от огня приносил деревне непоправимый урон, в связи с этим страхование движимого и недвижимого имущества от огня значилось главным видом и занимало первое место на страховом рынке⁷.

Среди выделяемых причин возгорания пожар от молнии был самым редким явлением и происходил вне зависимости от людских действий. Поэтому сельские жители воспринимали данное возгорание как «данность свыше», усматривая в этом природном явлении «божий промысел» или «божью милость». По подсчетам противопожарной статистической комиссии, с 1895 по 1909 гг. на территории Владимирской губернии было зарегистрировано 490 пожаров от молний, что составляло всего 2,7 % от общего количества возгораний, а на территории Рязанской губернии – 446, что составляло 1,6 % [Статистика пожаров: 130]. В деревне существовал страх перед молнией, страх перед высшими силами, вследствие чего тушить такой пожар считалось грехом. При такой ситуации соломенная деревня выгорала махом, принося страховому рынку непоправимый убыток; от полной катастрофы спасал только дождь, который часто приходил вместе с молниями и грозой. В народе встречалось поверье о том, что тушить такие пожары следует не водой, а только молоком или квасом. Часто, чтобы уберечь двор от молний, дверные косяки обмазывали молоком, а рядом ставили ветки березы, освященные в праздник Троицы. Пожар не гасили, но, как правило, обходили иконами. Верили и в силу «первохристового» яйца, того, которым первым христосовались в светлый праздник Пасхи. При пожаре яйцо кидали в огонь против ветра, чтобы отклонить пламя в сторону, тем самым защищая дома. «Спасти» от грозового пожара могли черная собака или кошка, живущая в доме [Милов: 83].

Парадокс заключался и в отношении сельских жителей к противопожарным средствам. Поняв, что пожары с каждым годом становятся все более частыми и разорительными, органы местного самоуправления старались осуществлять самые разнообразные предупредительные меры против них. К 1912 г. в Рязанской губернии на противопожарные меры тратилось 12 667 рублей [Доклады по вопросам: 53], во Владимирской – 162 249 рублей, почти в 12 раз больше [Доклады Владимирской губернской земской управы: 8]. В их число входила закупка всевозможного противопожарного инвентаря (бочек, лопат, труб и т. п.), постройка строений и крыш из огнеупорных материалов (железо, черепица, кровельный толь), организация противопожарных дружин и обществ, устройство колодцев, запруд и плотин, составление селенных планов. Однако крестьяне верили, что дер-

жать в исправности противопожарные средства – значит искушать Бога, вот поэтому часто пожарные бочки в селениях стояли без обручей [Селивановский].

Считалось также, что «цель» грозовых пожаров состояла не только в том, чтобы наказать русский народ за грехи, но и в том, чтобы отвлечь крестьян от греховной жизни и пробудить в них покаяние. В такое время, забывая о своих горестях, крестьяне старались проводить дни свято. Они прославляли святых, молились в церквях и часовенках, отстаивали службу, а вернувшись домой, ни в коем случае не работали. Дни эти в народе назывались «обреченными», «заказными» или «обещанными» [Птицына: 145].

Чаще всего различные суеверия касались агрострахования (страхования животных и сельскохозяйственных культур). Неблагоприятные погодные условия и природные катаклизмы нередко приводили к тому, что результаты тяжелого, всепоглощающего крестьянского труда полностью гибли. Это формировало в сознании сельских жителей идею божьей всевластности и наказуемости. Они искренне верили, что вся природа в божьей власти: солнце, дождь, заморозки, плодородие почв, качество семян, состояние скота и т. д. Крестьяне старались сохранить свои дома, скот, урожай любой ценой, однако вместо того, чтобы обратиться к страхованию имущества, животных, полей и урожая, они «растворялись» в глубине всевозможных примет, суеверий и обрядов. Рассудительный крестьянин-землепашец отдавал предпочтение «мудрости предков», а не культуре страхования, он знал, как, когда и при каких обстоятельствах нужно молиться, чтобы получить желаемое, превращая обрядность в своеобразную науку.

Многие стремились воспользоваться помощью высших сил, «разыскивая» среди них заступников в повседневной жизни и труде. Как правило, такими заступниками являлись святые: Илья Пророк, мученик Власий, великомученик Георгий, выступавшие посредниками между людьми и богом. Народная вера особенно чтит святого Николая, который «помогал налаживать крестьянство» и «спасал народ от всех бедствий и напастей» [Старинный быт: 37–38]. Никола стал важнейшим богом в хозяйстве, символизирующим урожай и плодородность. Общеизвестны пословицы: «Николе молимся о всех нуждах, а Илье – о дожде», «Проси Николу, а он Спасу скажет» [Тулцева: 34].

Разнообразные магические ритуалы сопровождали весь земледельческий цикл крестьян Владимирской и Рязанской губерний, которые сохранялись в неизменном виде вплоть до XX в. [Зайкова: 93]. Сельское общество поддерживало важнейшие календарные обряды, связанные с началом весенних полевых работ. В Рязанской и Владимирской губерниях таким обрядом считалось «наречения пахаря». Суть

обрядом состояла в выборе крестьянина для первой за-пашки поля и засева хлеба. Обряд имел и свои местные особенности. В с. Курове Зарайского уезда пахаря «нарекали» на Красную горку во время крестного хода. Избранного пахарем священник кропил святой водой и давал ему хлеб и просфору, которые съедались на ниве при начале засева. В с. Мишине пахарь выбирался после общего молебна на пасхальной неделе. На этот молебен крестьяне приносили пироги. Чей пирог, по мнению священника, был лучше, того и выбирали пахарем [Материалы для историко-статистического описания церквей: 1045]. Когда приходила пора сеять урожай, мужики собирались и назначали засеять первым – «доброего», хорошего человека. Вследствие этого неурожаи приписывали часто тому, что первым засевал рожь недобрый человек. Или неудачу в жатве, когда хлеб гнивал от дождей в копнах, приписывали также тому, что первой зажинала рожь «недобрая баба» [Тульцева: 41].

Как отмечал Н. Баратынский, страхование урожая в сельской местности вводилось крайне медленно, главным образом из-за менталитета, склонностям к различным суевериям и неприятием любого нововведения. Всякая перемена воспринималась земледельцами как обременение, которое не дает вздохнуть и лишь усиливает уже лежащие на них тяготы [Баратынский: 337].

Различные обряды и суеверия затрагивали и страхование скота от эпизоотий. Эпизоотии – временно возрастающие в пределах определенного региона различные инфекционные заболевания животных, зачастую превращались в настоящие стихийные бедствия. Наиболее распространенными во Владимирской и Рязанской губерниях считались сибирская язва, лошадиный сап и мыг⁸, которые ежегодно как пожар охватывали без исключения все уезды⁶. Отдельно стоит сказать о чуме, которая после своего появления превратилась в ужасный бич скотоводства и нарушила естественный порядок хозяйственно-экономической жизни губерний. Распространение чумы, продолжавшееся из года в год, послужило причиной принятия закона 1879 г. об убое зачумленных животных с выдачей вознаграждения. Этот закон стал важным шагом в деле распространения страхования животных. Однако население, в силу устоявшихся предрассудков, не сразу приняло этот закон ввиду особого отношения к скоту. Крестьяне часто отказывались вести скотину на убой и просили дать им умереть самим³.

Сельские жители безропотно принимали эпизоотии, считая их также «наказанием свыше», «божьей карой», и часто вместо ветеринара больное животное лечили сами либо водили к знахарям, бабкам и целителям. К примеру, хозяйка самостоятельно лечила у коров простуду, болезнь вымени и продои. Чтобы избавить корову от продоев, она брала веточку моло-

дой березы, сорванную на светлый праздник Троицы, сжимала ее в кольцо и доила корову так, чтобы молоко проходило через это кольцо.

Особенно внимательно в крестьянском хозяйстве следили за лошадьми. Именно лошадь считалась живым инвентарем, от которого во многом зависело благосостояние населения. Существовало огромное количество примет и суеверий, связанных именно с лошадью. Например, чтобы лошадь была сыта и не болела, в стойло вешали медвежью лапу. Считалось, что двузильная лошадь служила домовому и потому не должна применяться в работе, а если она вдруг заболела и сдыхала на территории двора, то за ней умирали и все остальные животные. Фигурировало и иное поверье: «У кого умрет двузильная лошадь, надень на нее хомут и свежи так со двора. Без этого еще лошадь издохнет» [Милов: 82].

Продельвая обряды, направленные на защиту животных от болезней и различных мифических сил, крестьяне тем самым заботились и об урожае, что обуславливало тесное переплетение аграрной и животноводческой магии.

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. религиозные верования, наряду с традициями и суевериями, продолжали играть важнейшую роль в жизни деревни. В общинном быту сохранялись аграрные обряды, которым придавалось магическое значение при начале важнейших полевых работ. Становится очевидным, что, крестьяне верили в судьбу и в решения, принимаемые Господом Богом и высшими силами. Урожай, жизнь животных, сохранность имущества – все зависело от них. «Что господь даст, силой у него не возьмешь», – говорили земледельцы.

Как и любое нововведение, институт страхования рассматривался крестьянами через призму традиций, всевозможных обрядов и суеверий. Это способствовало формированию в среде сельского населения негативного образа института страхования как неведомого соблазна, призванного отвлекать крестьян от праведных дел, Стараясь опираться на опыт предков, крестьяне не спешили постигать страховую культуру и с недоверием относились к земским страховым операциям. Суеверия на подсознательном уровне блокировали само обращение к услугам страхования. Поэтому перед органами местного самоуправления стояла важная задача изменить отношение крестьян к институту страхования и не допустить полного расшатывания страхового дела в сельской местности. Владимирское и Рязанское земства достигли в этом отношении заметных успехов.

Примечания

¹ Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 379. Оп. 1. Д. 163. Л. 3.

² ГАВО. Ф. 381. Оп. 3. Д. 3. Л. 53.

³ ГАВО. Ф. 379. Оп. 1. Д. 312. Л. 18.

⁴ Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. 29. Оп. 267. Д. 1. Л. 30.

⁵ ГАРО. Ф. 29. Оп. 276. Д. 5. Л. 4.

⁶ ГАРО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 83. Л. 29.

⁷ ГАРО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 758. Л. 44.

⁸ Об убивании зачумленных животных из местного рогатого скота // Полный свод законов Российской Империи. Собрание (1825–1881). Т. 54. Ч. 1. № 59759. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 22.12.21).

Список литературы:

Азбука веры. URL: <https://azbyka.ru/straxovanie> (дата обращения: 20.08.2021).

Баратынский Н. О страховании урожаев // Русский вестник. 1890. № 11. С. 321–338.

Доклады Владимирской губернской земской управы 49 очередному губернскому земскому собранию сессии 1914 года по страховому отделению. О ходе взаимного земского страхования строений и движимости в 1913 году. Владимир: Типо-лит. губернской земской управы, 1915. 111 с.

Доклады по вопросам, касающимся взаимного земского страхования от огня, и относящиеся к ним журналы 48 очередного Рязанского губернского земского собрания. Рязань: Тип. Н.В. Любомудрова, 1913. 417 с.

Завойко Г.К. Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии // Этнографическое обозрение. 1914. № 3–4. С. 80–121.

Зайкова А.С. Сельскохозяйственные обряды крестьян Владимирской губернии в XIX веке // Материалы исследований. Владимир, 2008. Вып. 14. С. 87–93.

Иорданский М.А. Что такое земская страховка. Владимир, Новое сотрудничество, 1912. 47 с.

Костовска С.К., Стульшанку В.О. Чума рогатого скота как причина экономического неблагополучия в Центрально-черноземных районах России // История и современность. 2016. № 2. С. 174–179.

Лебедева Л.В. Повседневная жизнь пензенской деревни в 1920-е годы: традиции и перемены. М.: РОССПЭН, 2009. 182 с.

Максимов Е.Д. Земское страхование и его роль в экономической жизни страны. М.: Вестник русского сельского хозяйства, 1890. 24 с.

Материалы для историко-статистического описания церквей и приходов рязанской епархии // Рязанские епархиальные ведомости. 1889. № 22. С. 1007–1062.

Милов Л.В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 76–87.

Петровичева Е.М., Большакова Д.А. Земское страхование во Владимирской и Рязанской губерниях //

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 49–53. DOI: <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-49-53>.

Птицына Г.М. Религиозные представления крестьян Владимирской губернии в марте – октябре 1917 г. // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 144. С. 143–149.

Селивановский И.П. Борьба с деревенскими пожарами: Руководство по предупреждению сельских пожаров, их тушению и восполнению погорельцам. СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1911. 318 с.

Старинный быт и хозяйство Переславской деревни. Переславль-Залесский: Государственная тип. № 12, 1927. 149 с.

Статистика пожаров в Российской империи за 1895–1910 годы: Центр. стат. ком. МВД, 1912. Ч. 1–2. 276 с.

Тульцева Л.А. Религиозные верования и обряды русских крестьян на рубеже XIX и XX веков (по материалам среднерусской полосы) // Советская этнография. 1978. № 3. С. 31–46.

Тульцева Л.А. Традиционные верования, праздники и обряды русских крестьян. М.: Знание, 1990. 63 с.

Egorova G.S., Petrovicheva E.M. The secularization of the Russian mind in the nineteenth century (case study: old-believer merchants). European Journal of Science and Theology, 2017 (October), vol. 13, № 5, pp. 131–142.

References

Azbyka very [The ABC of Faith]. URL: <https://azbyka.ru/straxovanie> (access date: 19 august 2021). (In Russ.)

Baratynskii N. *O strakhovanii urozhaev* [About crop insurance]. *Russkii vestnik* [Russian bulletin], 1890, № 11, pp. 321–338. (In Russ.)

Doklady Vladimirskoi gubernskoi zemskoi upravu 49 ocherednomu gubernskomu zemskomu sobraniuu sessii 1914 goda po strakhovomu otdeleniiu. O khode vzaimnogo zemskogo strakhovaniia stroenii i dvizhivosti v 1913 godu [Reports of the Vladimir provincial zemstvo council to the 49th regular provincial zemstvo meeting of the 1914 session on the insurance department. On the course of mutual zemstvo insurance of buildings and movable property in 1913]. Vladimir, Tipo-lit. gubernskoi zemskoi upravu Publ., 1915, 111 p. (In Russ.)

Doklady po voprosam, kasaiushchimsia vzaimnogo zemskogo strakhovaniia ot ognia, i otnosishchiesia k nim zhurnaly 48 ocherednogo Riazanskogo gubernskogo zemskogo sobraniia [Reports on issues related to mutual zemstvo fire insurance, and related journals of the 48th regular Ryazan provincial zemstvo assembly]. Riazan', Tip. N.V. Liubomudrova Publ., 1913, 417 p. (In Russ.)

Zavoiko G.K. *Verovaniia, obriady i obychai velikorossov Vladimirskoi gubernii* [Beliefs, rituals and customs of the Great Russians of the Vladimir province].

Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review], 1914, № 3–4, pp. 80–121. (In Russ.)

Zaikova A.S. *Sel'skokhoziaistvennye obriady krest'ian Vladimirskoi gubernii v XIX veke* [Agricultural ceremonies of the peasants of the Vladimir province in the 19th century]. *Materialy issledovaniia* [Research materials]. Vladimir, 2008, vol. 14, pp. 87–93. (In Russ.)

Iordanskij M.A. *Chto takoe zemskaja strahovka* [What is zemstvo insurance]. Vladimir, Novoe sotrudnichestvo Publ., 1912, 47 p. (In Russ.)

Kostovska S.K., Stulyshapku V.O. *Chuma rogatogo skota kak prichina ekonomicheskogo neblagopoluchii v Tsentral'no–chernozemnykh raionakh Rossii* [Cattle plague as a cause of economic distress in the Central Black Earth regions of Russia]. *Istoriia i sovremenost'* [History and modernity], 2016, № 2, pp. 174–179. (In Russ.)

Lebedeva L.V. *Povsednevnaia zhizn' penzenskoj derevni v 1920-e gody: tradicii i peremeny* [Everyday life of a Penza village in the 1920s: traditions and changes]. M., ROSSPJeN Publ., 2009, 182 p. (In Russ.)

Maksimov E.D. *Zemskoe strahovanie i ego rol' v jekonomicheskoi zhizni strany* [Zemstvo insurance and its role in the economic life of the country]. M., Vestnik russkogo sel'skogo hozjajstva Publ., 1890, 24 p. (In Russ.)

Materialy dlja istoriko–statisticheskogo opisaniia cerkvej i prihodov rjazanskoj eparhii [Materials for the historical and statistical description of the churches and parishes of the Ryazan diocese]. *Rjazanskie eparhial'nye vedomosti* [Ryazan Diocesan Gazette], 1889, № 22, pp. 1007–1062. (In Russ.)

Milov L.V. *Prirodno–klimaticheskii faktor i mentalitet russkogo krest'ianstva* [Natural and climatic factor and the mentality of the Russian peasantry]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 1995, № 1, pp. 76–87. (In Russ.)

Petrovicheva E.M., Bol'shakova D.A. *Zemskoe strahovanie vo Vladimirskoi i Riazanskoj guberniiakh* [Zemsky insurance in the Vladimir and Ryazan provinces]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvenno-*

go universiteta [Bulletin of Kostroma State University], 2021, vol. 27, № 2, pp. 49–53. DOI: <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-49-53>. (In Russ.)

Ptitsyna G.M. *Religioznye predstavleniia krest'ian Vladimirskoi gubernii v marte – oktiabre 1917 g.* [Religious representations of the peasants of the Vladimir province in March–October 1917]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2019, № 144, pp. 143–149. (In Russ.)

Selivanovskij I.P. *Bor'ba s derevenskimi pozharami. Rukovodstvo po preduprezhdeniju sel'skih pozharov, ih tusheniju i vosposobleniju pogorel'cam* [Fighting village fires. Guidelines for Rural Fire Prevention, Suppression and Compensation]. SPb, A.F. Devriena Publ., 1911, 318 p. (In Russ.)

Starinnyj byt i hozjajstvo Pereslavskoj derevni [Ancient life and economy of the Pereslavl village]. Pereslavl'-Zalesskij, Gosudarstvennaja tipografija № 12 Publ., 1927, 149 p. (In Russ.)

Statistika pozharov v Rossijskoj imperii za 1895–1910 gody [Fire statistics in the Russian Empire for 1895–1910]. SPb, Centr. stat. kom. MVD Publ., 1912, vol. 1, 2276 p. (In Russ.)

Tul'tseva L.A. *Religioznye verovaniia i obriady russkikh krest'ian na rubezhe XIX i XX vekov (po materialam srednerusskoj polosy)* [Religious beliefs and rituals of Russian peasants at the turn of the 19th and 20th centuries (based on materials from the Central Russian strip)]. *Sovetskaja etnografiia* [Soviet ethnography], 1978, № 3, pp. 31–46. (In Russ.)

Tul'tseva L.A. *Tradicionnye verovanija, prazdniki i obrjady russkikh krest'jan* [Traditional beliefs, holidays and rituals of Russian peasants]. M., Znanie Publ., 1990, 63 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.11.2021; одобрена после рецензирования 20.01.2022; принята к публикации 09.02.2022

The article was submitted 28.11.2021; approved after reviewing 20.01.2022; accepted for publication 09.02.2022

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 32–39. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 32–39. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 94(470.317)''19''

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-32-39>

**ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ СЕМИГАНОВСКИЙ – ПОСЛЕДНИЙ НАЧАЛЬНИК
КОСТРОМСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
(по материалам архивов Костромской области)**

Бриль Геннадий Геннадьевич, доктор юридических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, g_bril@ksu.edu.ru

Зайцев Леонид Николаевич, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, l_zaycev@ksu.edu.ru

Аннотация. В статье на основе обширного архивного и исторического материала раскрываются основные этапы жизненного пути, формирования и профессионального становления полковника В.К. Семигановского. Актуальность темы обусловлена отсутствием в историографии его биографии, а также расширением источниковой базы исследований о деятельности политической полиции Российской империи в регионе. Авторами изучены основные жизненные и профессиональные пути Семигановского. Введены в научный оборот новые факты о его деятельности в должности начальника Костромского губернского жандармского управления, что позволило воссоздать портрет последнего жандарма Костромской губернии. Отмечена роль Семигановского в борьбе с революционным движением в губернии, в том числе с учетом эффективной агентурной работы в период с июня 1913 г. по март 1917 г. Сделан вывод о его профессионализме и личном вкладе Семигановского в поддержание стабильной политической ситуации в регионе.

Ключевые слова: политическая полиция, Костромское губернное жандармское управление, политический розыск, В.К. Семигановский

Для цитирования: Бриль Г.Г., Зайцев Л.Н. Владимир Константинович Семигановский – последний начальник Костромского губернского жандармского управления // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 32–39. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-32-39>

Research Article

**VLADIMIR KONSTANTINOVICH SEMIGANOVSKIY – THE LAST HEAD
OF KOSTROMA PROVINCIAL GENDARMERIE DEPARTMENT
(based on materials from the archives of Kostroma Region)**

Gennadiy G. Bril', Doctor of Jural Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, g_bril@ksu.edu.ru

Leonid N. Zaitsev, Kostroma State University, Kostroma, Russia, l_zaycev@ksu.edu.ru

Abstract. The article, based on extensive archival and historical material, reveals the main stages of the life path, formation and professional development of Colonel Vladimir Semiganovskiy. Topicality of the topic is due to the absence of his scientific biography in the historiography, as well as the expansion of the source base of research on the activities of the political police of the Russian Empire in the region. The authors have studied the main life and professional paths of Vladimir Semiganovskiy. New facts about his activities as the head of Kostroma provincial gendarmerie department were introduced into scientific circulation, which made it possible to recreate the portrait of the last gendarme of Kostroma Province. His role and place in fighting revolutionary movement in the province is noted, including his effective agency work between June 1913 and March 1917. The conclusion about his professionalism and about Vladimir Semiganovskiy's personal contribution to the maintenance of stable political situation in the region is made.

Keywords: political police, Kostroma provincial gendarmerie department, political search, Vladimir Semiganovskiy

For citation: Bril G.G., Zaitsev L.N. Vladimir Konstantinovich Semiganovskiy – the last head of Kostroma provincial gendarmerie department (based on materials from the archives of Kostroma Region). Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 32–39 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-32-39>

Невозможно писать историю отдаленных эпох, поскольку у нас недостаточно источников, и невозможно писать историю новейшего времени, поскольку у нас слишком много источников

Шарль Пегу

Тема политической полиции в Российской империи в последнее время стала довольно популярной среди отечественных исследователей. Историками и правоведами исследуются профессиональная деятельность как центральных органов жандармских управлений, так и работа их региональных подразделений. При этом освещаются и различные региональные особенности. Значительное внимание уделяется отдельным руководителям политической полиции, в том числе занимавшим должности начальников губернских подразделений политической полиции. Исследуются кадровые вопросы в обеспечении деятельности правоохранительных органов – одна из важнейших проблем в указанном направлении.

Отдельное место среди органов политической полиции занимало Костромское губернское жандармское управление, которое было создано в 1867 г. и просуществовало до марта 1917 г.¹

О личности и деятельности последнего его руководителя, полковника В.К. Семигановского, в научной литературе сведения отсутствуют. Информацию о нем можно найти в редких свидетельствах современников [Мартынов: 30]. Источников личного происхождения, содержащих сведения о Семигановском, не установлено. Основным материалом для изучения его личности являются архивные материалы Государственного архива Российской Федерации (далее ГАРФ) и Государственного архива Костромской области (далее ГАКО). Так, в фонде ГАРФ Штаба Отдельного корпуса жандармов (Ф. 110) имеется послужной список полковника Семигановского. Особый интерес представляют материалы ГАКО, в котором имеется фонд (Ф. 749) Костромского губернского жандармского управления (далее КГЖУ), позволяющий нам почерпнуть сведения о личности Семигановского из делопроизводительных документов. Также сведения о интересующем нас лице содержатся в справочных изданиях дореволюционной России.

Владимир Константинович Семигановский родился 19 апреля 1864 г. в Смоленской губернии в семье отставного подпоручика². Новорожденный был крещен по православному обряду. Род Семигановских был внесен в список дворянских родов Смоленской губернии, а происходил из Волынской губернии, в Духовщинском уезде которой находилась недвижимость семьи [Список 1897: 28].

Общее образование Семигановский получил в Полоцкой военной гимназии, которую окончил в 1881 г. 30 августа 1881 г. Семигановский поступил на службу юнкером рядового звания в Первое военное Пав-

ловское училище, а 4 февраля 1832 г. он стал юнкером унтер-офицерского звания. В училище им были получены обширные специальные военные знания, такие как тактика, фортификация, топография, баллистика, механика, артиллерия и др. Особое внимание в училище уделялось общефизической подготовке юнкеров. Они занимались конным спортом, бегом, коньками, гребными и парусными гонками. По окончании курса наук в военном училище юнкера сдавали экзамены. Вот как вспоминает видный деятель Белого движения на Юге России атаман П.Н. Краснов о своем обучении в указанном училище: «Экзамены были очень серьезные. Начинались они в 9 часов утра и продолжались до тех пор, пока не будут спрошены все юнкера отделения... последние юнкера возвращались из классной комнаты иногда после вечерней переключки» [Краснов: 50].

В.К. Семигановский окончил курс двух классов по 1-му разряду и Высочайшим приказом от 12 августа 1883 г. был подпоручиком определен в 4-й пехотный Копорский Его Высочества Короля Саксонского полк, где и началась его офицерская карьера. Для Семигановского были характерны такие качества, как верность царю и Отечеству, семейные и общественные добродетели, благородство души, чистота нравов, твердость характера [Викентьев: 108].

30 сентября 1886 г. приказом по артиллерии за № 96 он был прикомандирован к 32-й артиллерийской бригаде для испытания по службе и перевода впоследствии в неё. 27 декабря 1887 г. Высочайшим приказом переведен в 32-ю артиллерийскую бригаду. 8 января 1888 г. зачислен в списочное состояние бригады с назначением в 6-ю батарею. 9 августа 1888 г. командирован в Каменец-Подольскую губернию для Военно-конской переписки, откуда возвратился 13 октября. 24 ноября 1888 г. Высочайшим приказом произведен в поручики со старшинством с 12 августа 1887 г. 2 февраля 1890 г. Высочайшим приказом переведен в 37-й летучий артиллерийский парк³.

В дальнейшем Семигановский решил стать военным юристом и 10 сентября 1890 г. с разрешения военного министра он был зачислен сверхштатным слушателем в Военно-юридическую академию, поскольку в академию ежегодно принималось 45 офицеров сухопутного ведомства и 5 флотских офицеров. Следует отметить, что в 1891 г. в Академии в младшем классе состояло 13 сухопутных офицеров, 1 офицер морского ведомства, 17 сверхштатных слушателей и 1 офицер болгарской армии. В академии был установлен трехлетний курс обучения. Пер-

вые два года изучались общеюридические предметы, а на последнем курсе – специальные военно-юридические предметы, в частности военно-уголовные законы, военно-уголовное судопроизводство, военно-административные законы и др. [Кузьмин-Караваев: 154–168].

С 30 мая по 9 августа 1892 г., на основании ст. 35 Положения о Военно-юридической академии, объявленного в приказе по Военному министерству от 17 июня 1891 г. за № 179, Семигановский был прикомандирован к 147-му пехотному Самарскому полку. 22 мая 1893 г., по окончании полного курса наук в Военно-юридической академии, по 2-му разряду отчислен из неё в распоряжение Главного военно-судного управления. На основании ст. 45 Положения о Военно-юридической академии, объявленного в приказе по Военному министерству от 17 июня 1891 г. за № 179, он был обязан прослужить в военном ведомстве полтора года за каждый год пребывания в академии, а всего 4 года и 6 месяцев. 22 мая 1893 г. приказом по Главному военно-судному управлению прикомандирован, на основании изложенных в ст. 44 Положения о Военно-юридической академии, объявленного в приказе по Военному министерству от 17 июня 1891 г. за № 179, к Санкт-Петербургскому военно-окружному суду для практического ознакомления с военно-судной частью по 4 июля 1893 г., а затем к прокурорскому надзору Кавказского военно-окружного суда. 20 мая 1894 г. в связи с отсутствием вакансий кандидатов на военно-судные должности отчислен в свою часть. 15 июля 1894 г. Высочайшим приказом произведен в штабс-капитаны, а 9 декабря 1894 г. переведен в 23-ю артиллерийскую бригаду, где 27 января 1895 г. был утвержден в должности командира полубатареи⁴.

Следует отметить, что по положению о Военно-юридической академии окончившие ее по второму разряду должны быть возвращены в свои части, в отличие от офицеров, окончивших академию по первому разряду, которые впоследствии продолжали службу в Главном военно-судном управлении.

Впоследствии, не получив возможности проходить службу в военных судах, Семигановский решил перейти на службу в политическую полицию и 5 апреля 1895 г. был прикомандирован к Штабу Отдельного корпуса жандармов для испытания по службе и перевода впоследствии в Корпус. Успешно закончив курсы, Семигановский 29 июля 1895 г. Высочайшим приказом переведен в Отдельный корпус жандармов с переименованием в штабс-ротмистры. Как и все жандармские офицеры, Семигановский начинал свою карьеру с низшей штаб-офицерской должности и 4 августа 1895 г. приказом по Отдельному корпусу жандармов за № 79 был назначен адъютантом Новгородского губернского жандармского

управления. 6 декабря 1895 г. Высочайшим приказом произведен в ротмистры⁵.

О его деятельности в Новгородском ГЖУ нами сведений не обнаружено. Прослужив в данной должности два года, 31 октября 1897 г. приказом по Отдельному корпусу жандармов за № 99 он был назначен помощником начальника Самарского губернского жандармского управления в Новокузенском уезде, куда отправился 3 декабря, а прибыл 12 декабря. Уже здесь он проявил себя по службе и 9 апреля 1900 г. Высочайшим приказом награжден орденом Святого Станислава 3-й степени. 16 марта 1901 г. за отлично-усердную и полезную службу ему Всемилостивейше пожаловано единовременное денежное пособие в размере 195 руб. 5 марта 1903 г. приказом по Отдельному корпусу жандармов за № 28 он был отстранен от занимаемой должности с оставлением в Отдельном корпусе жандармов с зачислением в распоряжение начальника Санкт-Петербургского губернского жандармского управления. Здесь он успешно выполнял свои должностные обязанности и уже 6 апреля 1903 г. Высочайшим приказом награжден орденом Святой Анны 3-й степени. А 26 февраля 1904 г. Высочайшим приказом произведен в подполковники. 22 апреля 1907 г. Высочайшим приказом награжден орденом Святого Владимира 4-й степени. 24 сентября 1907 г. приказом по Отдельному корпусу жандармов за № 203 был назначен на должность начальника Саратовского губернского жандармского управления⁶.

Вот как его характеризовал начальник Саратовского охранного отделения ротмистр А.П. Мартынов: «Полковник Семигановский был человек оригинальный, как оригинальна была и его внешность, человек высокого, даже слишком высокого роста, с мужественным профилем, но застенчивый и не любивший много говорить, особенно в большом обществе. В дамском обществе он терялся. Непринужденно он чувствовал себя только в небольшой компании, в особенности без подчиненных. В присутствии посторонних он не находил нужного тона и не импонировал никому, что не вязалось с его, казалось бы, внушительной внешностью. Главной его страстью была охота, и он скоро завёл на этой почве многочисленные знакомства и связи с окружающими помещиками» [Мартынов: 30].

В отличие от предыдущих начальников Саратовского ГЖУ полковника Д.С. Померанцева и полковника князя А.П. Микеладзе, которые конфликтовали с начальником Саратовского охранного отделения ротмистром А.П. Мартыновым, В.К. Семигановский, будучи неконфликтным человеком, наладил с последним деловые служебные отношения [Лаврѐнова: 99–116].

Если в начале своей деятельности в указанной должности Семигановский не был знаком с ведением политического розыска, то в результате общения

с Мартыновым он восполнил этот пробел, подробно изучил все способы розыскной и агентурной работы, успешно впоследствии применяя полученные на практике знания. 6 декабря 1907 г. Высочайшим приказом за отличие по службе он был произведен в полковники с утверждением в должности начальника Саратовского губернского жандармского управления, а за отличную службу 6 декабря 1910 г. Высочайшим приказом был награждён орденом Святого Станислава 2-й степени. В период службы в Саратовском ГЖУ, наряду с организационными вопросами деятельности управления, Семигановский занимался и вопросами агентурной работы, которой овладел в совершенстве. Об одном из таких случаев в период допроса в Чрезвычайной следственной комиссии в 1917 г. рассказывал начальнику Саратовского ГЖУ один из революционеров, ставший впоследствии агентом Петровым по кличке Южный, а также бывший в 1905–1909 гг. начальник Петербургского охранного отделения генерал-майор А.В. Герасимов и М.И. Трусевич, бывший в 1906–1909 гг. директором Департамента полиции [Щеголев 3: 12, 13]. Об этих фактах Чрезвычайной следственной комиссии сообщал также и бывший вице-директор Департамента полиции С.Е. Виссарионов [Щеголев 5: 30].

3 июля 1912 г. приказом по Отдельному корпусу жандармов за № 150 Семигановский был отстранен от занимаемой должности с оставлением в Отдельном корпусе жандармов с зачислением в резерв и с прикомандированием к Санкт-Петербургскому губернскому жандармскому управлению. 12 ноября 1912 г. ему была пожалована высочайше утвержденная в память 300-летия царствования Дома Романовых светло-бронзовая медаль на Владимирской ленте. 21 февраля 1913 г. пожалована высочайше утвержденная в память столетия Отечественной войны 1812 г. светло-бронзовая медаль на ленте желтого, белого и черного цветов. 3 мая 1913 г. приказом по Отдельному корпусу жандармов за № 117 Семигановский был назначен начальником жандармского управления г. Омска. При назначении на службу в г. Омск получил усиленные прогонные деньги сверх ординарных 147 руб. 28 коп. и пособие на подъем в размере 343 руб. 50 коп., а всего 490 руб. 78 коп. Однако, не успев еще прибыть в Омск, 11 июня 1913 г. приказом по Отдельному корпусу жандармов за № 169 Семигановский был назначен начальником Костромского губернского жандармского управления⁷.

По сравнению с Самарским ГЖУ, в котором численный состав управления был 94 сотрудника [Гончарова: 28], в Костромском ГЖУ на тот период проходили службу 23 человека [Список 1914: 44].

Именно в период работы в Костромском ГЖУ Семигановский 6 декабря 1913 г. Высочайшим приказом был награждён орденом Святой Анны 2-й степени,

а 6 декабря 1915 г. Высочайшим приказом награждён орденом Святого Владимира 3-й степени. Эти награды свидетельствуют о его высокопрофессиональном исполнении своих должностных обязанностей.

Как начальник управления полковник Семигановский вел и агентурную работу, опыт которой он приобрел в Саратовском ГЖУ. В тот период в Костромской губернии действовали не менее 122 секретных сотрудников и осведомителей [Рябинцев: 24]. Борьба с революционным подпольем в губернии была успешной. Однако встречались и непредвиденные случаи по работе с агентурой. О провале одного из агентов сохранилась переписка с Департаментом полиции.

А именно, 21 января 1914 г. Департамент полиции в секретной переписке дал указание начальнику Костромского ГЖУ полковнику Семигановскому установить причины провала агента Константина Дмитриевича Баскакова, работавшего в Костромской губернской земской управе и уволенного оттуда. Причиной этого указания явилось обращение самого Баскакова к товарищу министра внутренних дел Свиты Его Величества генерал-майора В.Ф. Джунковскому в связи с его увольнением после провала как агента Костромского ГЖУ. В этом обращении Баскаков писал: «Исполняя желание полковника Семигановского, мною давались ему разные сведения, по моему мнению, заслуживающие внимания...» Баскаков писал: «По настоянию доктора Тарасенко мне был выдан расчёт. Таким образом сочувствием правительству я лишился должности с окладом в 86 руб. 50 коп. в месяц и остался с семьёй без куска хлеба». Далее в этом секретном письме указано: «Департамент полиции по приказанию господина товарища министра внутренних дел Свиты Его Величества генерал-майора Джунковского просит Ваше Высокоблагородие дать самое обстоятельное пояснение и, в частности, сообщить о степени достоверности всех излагаемых Баскаковым данных о причинах его провала, роли исправника в этом деле, а также препроводить сведения о личности и нравственным облике Баскакова и ваше заключение о возможном облегчении его участи, если он действительно находится в затруднительном материальном положении»⁸.

В своем ответе полковник Семигановский указал, что данного агента он получил от прежнего начальника управления при сдаче им должности, подробно объяснил, что причиной провала явились непрофессиональные действия галичского исправника Кулябко, который показал подозреваемой Зуфер расшифрованную секретную телеграмму Костромского ГЖУ о её задержании и обыске. Впоследствии Зуфер, возвратившись в Кострому, разоблачила Баскакова. Далее Семигановский отметил, что в связи с увольнением агента, который не может найти другую работу и поэтому находится в затруднительном материаль-

ном положении, учитывая, что Баскаков действительно «пострадал за правительство», он ходатайствовал о возможности обращения о его участии или предоставлении ему какого-либо места в полиции в Костромской губернии путем рекомендации его местному губернатору или оказании ему материальной помощи⁹.

Анализ архивных документов позволяет сделать вывод, что важной особенностью периода деятельности КГЖУ в 1915 г. было практически полное отсутствие офицерских кадров. В указанный период В.К. Семигановский был единственным офицером управления, не считая прикомандированного в период с 17 октября 1914 г. по 5 мая 1916 г. из Вятского ГЖУ ротмистра В.Г. Жиленко. В этот период вакансии адъютанта управления и помощника начальника управления в Кинешемском уезде оставались свободными [Список 1915: 44]. Также в связи с войной ряд унтер-офицеров управления часто командировались в армейские и другие подразделения.

Но и в этих условиях благодаря полученному высшему военно-юридическому образованию, опыту и профессиональным качествам полковник Семигановский продолжал на должном уровне осуществлять руководство вверенным ему жандармским управлением, которое до последнего момента выполняло свои функции по защите государственного строя.

Семигановский был всегда требовательным к своим подчиненным. Так, дважды заметив ротмистра Архангельского одетым не по форме, он своим приказом по КГЖУ объявил ему выговор за неисполнение указаний и предупредил его, что «при первом следующем случае неисполнения им в полной точности приказа начальника тот будет подвергнут более строгому наказанию и будет арестован с содержанием на гауптвахте»¹⁰.

В одном из приказов по ГЖУ 7 февраля 1916 г. полковник Семигановский отмечал ненадлежащее выполнение своих обязанностей унтер-офицерами управления: «Из поступающих ко мне донесений унтер-офицеров видно, что очень часто они представляются с большим запозданием и не немедленно по совершении факта, о котором доносится, и донесения бывают неполными. Это указывает, что унтер-офицеры эти не понимают обязанностей своей службы, а думают, что их служба заключается в том, что они должны сидеть у себя дома, заниматься своими домашними делами и только своевременно доносить о получаемом ими содержании. Казенное жалование платится не за это. Главнейшей обязанностью жандармского унтер-офицера является обязанность знать всё, происходящее в его районе, знать об этом своевременно и обо всём заслуживающем внимания своевременно и подробно осведомить своего начальника. Для добросовестного выполнения этой обязанности унтер-офицер обязан ежедневно некоторое время употре-

бить на обход своего района исключительно в целях службы. Находясь на пункте в городе или селе, он обязан ежедневно выйти и посетить тот или иной участок. Проходя по улице, обратить внимание, не происходит ли на них чего-либо, чего не было накануне: какого-либо съезда особого движения, не было ли пожара, не умер ли кто-то, поговорить со встречающимися знакомыми; зайти в лавки, спросить о цене на продукты, о подвозе их. То же на базаре: зайти в гостиницы, на почтовый двор, узнать, не приехал ли кто-либо или не выехал ли. Если есть наблюдаемые лица, пройти около их дома, поговорить с соседями и выяснить о наблюдаемом, что нужно; зайти в полицию, исправиться, не случилось ли чего, не ожидается ли чего и т. д. Если что-либо заметил сам, то передать при возможности в полицию о замеченном. Обход своего участка производить по районам, не весь сразу, но обследовать всё внимательно. Если при обходе будет что-либо замечено: пожар, смерть, приезд кого-либо, съезды в управе, в земстве и т. д., то немедленно замеченное обследовать самым подробным образом; если пожар, то что сгорело, от какой причины, не было ли поджога, кто владелец и т. д.; если кто приехал, откуда, кто именно, зачем, надолго ли, куда поедет и т. д. Если собрание – то кто на собрании, что будет разбираться, долго ли продлится. Вообще обо всем замеченном немедленно выяснять все подробности, для того чтобы ясно себе представить, что произошло, а если при этом будет замечено что-либо заслуживающее внимания, то немедленно же донести мне»¹¹.

Несмотря на успешную службу в Костромском ГЖУ, Семигановский предпринял попытку перевестись в Казанское ГЖУ после смерти его начальника генерал-майора К.А. Калинина, умершего 3 октября 1916 г., и обращался с письмом к Казанскому губернатору П.М. Боярскому с просьбой о таком содействии, однако на эту должность уже был назначен полковник В.В. Тржецяк.

В Костромской губернии Семигановский снискал уважение среди жителей. Об этом свидетельствует следующий факт: когда в период революционных волнений 1917 г. в г. Костроме разъяренная толпа пыталась с ним расправиться, то рабочие одной из фабрик его защитили.

По неподтвержденным сведениям, 21 июня 1917 г. Семигановский был уволен в отставку с мундиром и пенсией с производством в генерал-майоры [Волков: 475].

Впоследствии Семигановский был арестован Временным правительством и содержался в Петропавловской крепости и тюрьме «Кресты», но затем он был освобожден под честное слово не выступать против советской власти. После освобождения находился в отставке. В 1918 г., спасаясь от красного террора, перебрался в Сибирь. В период Гражданской войны

В.К. Семигановский 2 февраля 1919 г. был определён на службу, с назначением в резерв чинов при штабе Омского военного округа белой Сибирской армии. 9 марта 1919 г. назначен исполняющим должность штаб-офицера для поручений при Главном управлении военных сообщений. 24 июня 1919 г. переведён в резерв чинов при штабе Омского военного округа. 11 июля 1919 г. назначен председателем окружной следственной комиссии. 15 июля 1919 г. назначен в распоряжение командующего войсками Омского военного округа. Дальнейшая судьба Семигановского неизвестна [Волков, Егоров, Купцов: 187–188].

При составлении в 1940 г. органами НКВД списка бывших жандармов он был включен в этот список как разыскиваемое лицо [Справочник-список: 249]. Можно предположить, что он вместе с остатками Сибирских армий перешел в Забайкалье, а впоследствии осенью 1920 г. – в Маньчжурию. Возможно, жил в эмиграции в Харбине.

Личность В.К. Семигановского занимает особое место в истории деятельности жандармских органов Костромской губернии. На период его службы выпали сложные и даже трагические события, происходившие в стране: участие России в Первой мировой войне, революционные потрясения 1917 г. Несмотря на напряжённую внутривнутриполитическую ситуацию, принимались меры по совершенствованию розыскной и агентурной деятельности, по выявлению организаторов и участников антиправительственных выступлений, уделялось особое внимание организационным вопросам деятельности Костромского жандармского управления.

В.К. Семигановский внес значительный вклад в поддержание стабильной политической ситуации в регионе на протяжении всей своей службы.

Примечания

¹ Положение о Корпусе жандармов // Полное собрание законов. Собр. 2 (ПСЗ-2). Т. 42. Ч. 2. № 44956.

² Здесь и далее по старому стилю.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 110. Оп. 17. Д. 356. Л. 216–217 об.

⁴ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 17. Д. 356. Л. 217–217.

⁵ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 17. Д. 356. Л. 217–217 об.

⁶ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 17. Д. 356. Л. 218.

⁷ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 17. Д. 356. Л. 219.

⁸ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 17. Д. 356. Л. 219.

⁹ Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 749. Оп. 1. Д. 89. Л. 3–5.

¹⁰ ГАКО. Ф. 749. Оп. 1. Д. 89. Л. 6–8.

¹¹ ГАКО. Ф. 749. Оп. 1. Д. 122. Л. 42–42 об.

Список литературы

Весь Петербург на 1904 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1904. 890 с.

Весь Петербург на 1905 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1905. 883 с.

Весь Петербург на 1906 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1906. 876 с.

Весь Петербург на 1907 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1907. 936 с.

Викентьев В.П. Полоцкий кадетский корпус. Исторический очерк 75-летия его существования. Полоцк, 1910. 460 с.

Волков С.В. Генералитет Российской империи: Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. М.: Центрополиграф, 2009. Т. 2. 831 с.

Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны: Биографический справочник. М.: Русский путь, 2003. 240 с.

Гончарова Е.А. Местные органы политической полиции России в 1902–1914 гг.: (на материалах Саратовской и Самарской губерний): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2008. 34 с.

Григорьев Б.Н. Повседневная жизнь российских жандармов. М.: Молодая гвардия, 2007. 851 с.

Краснов П.Н. «Павлоны»: Первое военное Павловское училище полвека тому назад: воспоминания. Париж, 1943. 95 с.

Кузьмин-Караваев В.Д. Военно-юридическая академия. 1866–1891 гг. СПб.: Тип. В.С. Балашева. 1891. 302 с.

Лаврёнова А.М. Служба А.П. Мартынова в Саратовском охранном отделении (о кризисе идентичности в жандармской среде) // Новый исторический вестник. 2015. № 1 (43). С. 99–116.

Мартынов А.П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // «Охранка»: воспоминания руководителей политического сыска: в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2004. Т. 1. 512 с.

Памятная книжка Новгородской губернии на 1897 год. Новгород: В Губернской тип., 1897. 240 с.

Румянцев П.П. Жандармские штаб-офицеры и начальники губернского жандармского управления в Томской губернии: практика назначения и социальный портрет // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 141–149.

Рябинцев Р.В. Становление и развитие системы органов политического сыска в российской провинции в 1880–1914 гг.: (на материалах Костромской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2004. 34 с.

Список дворянских родов, внесенных в родословные дворянские книги Смоленской губернии / сост. в 1897 г. Смоленск: Смолен. дворян. депутат. собр., 1897. 82 с.

Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов: исправлен по 15 июня 1914 г. Петроград, 1914. Ч. 1–2. 784 с.

Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов: исправлен по 01.07.1915. Петроград, 1915. 807 с.

Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен по 1-е февраля 1916 года / Отд. корпус жандармов Деп. полиции. Пг., 1916. Ч. 1–2. 816 с.

Справочная книжка по Костромской губернии и календарь на 1914 год. Кострома, 1914. 362 с.

Справочник-список офицерского и рядового состава жандармских управлений, охранных отделений, агентов охранной агентуры дворцового коменданта и чинов департамента полиции Министерства Внутренних Дел Царской России // Главное архивное управление НКВД Союза ССР. М., 1940. 162 с.

Щеголев П.Е. Падение царского режима: стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: в 7 т. М.; Л.: Гос. изд-во, 1924–1927.

References

- Ves' Peterburg na 1904 god: adresnaya i spravoch-naya kniga g. S.-Peterburga* [The whole of St. Petersburg for 1904: address and reference book of St. Petersburg], ed. by A.S. Suvorin. St. Petersburg, 1904, 890 p. (In Russ.)
- Ves' Peterburg na 1905 god: adresnaya i spravoch-naya kniga g. S.-Peterburga* [The whole of St. Petersburg for 1905: address and reference book of St. Petersburg], ed. by A.S. Suvorin. St. Petersburg, 1905, 883 p. (In Russ.)
- Ves' Peterburg na 1906 god: adresnaya i spravoch-naya kniga g. S.-Peterburga.* [The whole of St. Petersburg for 1906: address and reference book of St. Petersburg], ed. by A.S. Suvorin. St. Petersburg, 1906, 876 p. (In Russ.)
- Ves' Peterburg na 1907 god: adresnaya i spravoch-naya kniga g. S.-Peterburga* [The whole of St. Petersburg for 1907: address and reference book of St. Petersburg], ed. by A.S. Suvorin. St. Petersburg, 1907, 936 p. (In Russ.)
- Vikent'ev V. P. *Polockij kadetskij korpus. Istoricheskij ocherk 75-letiya ego sushchestvovaniya.* [Polotsk cadet corps. Historical sketch of the 75th anniversary of its existence]. Polotsk, 1910, 460 p. (In Russ.)
- Volkov S.V. *Generalitet Rossijskoj imperii: Enciklopedicheskij slovar' generalov i admiralov ot Petra I do Nikolaya II* [Generals of the Russian Empire: Encyclopedic dictionary of generals and admirals from Peter I to Nicholas II]. Moscow, Centropolygraph Publ., 2009, vol. 2, 831 p. (In Russ.)
- Volkov E.V., Egorov N.D., Kupcov I.V. *Belye generaly Vostochnogo fronta Grazhdanskoj vojny: Biograficheskij spravochnik* [White Generals of the Eastern Front of the Civil War: a Biographical Guide]. Moscow, Russian way Publ., 2003, 240 p. (In Russ.)
- Goncharova E.A. *Mestnye organy politicheskoi policii Rossii v 1902–1914 gg.: (na materialah Saratovskoj i Samarskoj gubernij)* [Local bodies of the political police of Russia in 1902–1914: (based on the materials of the Saratov and Samara provinces): PhD thesis]: abstract dis. ... candidate historical Sciences. Saratov, 2008, 34 p. (In Russ.)
- Grigor'ev B.N. *Povsednevnyaya zhizn' rossijskikh zhandarmov* [Daily life of Russian gendarmes]. Moscow, Young guard Publ., 2007, 851 p. (In Russ.)
- Krasnov P.N. “Pavlony”: *Pervoe voennoe Pavlovskoe uchilishche pol veka tomu nazad: vospominaniya* [“Pavlony”: The first Pavlovsk Military School half a century ago: memoirs]. Paris, 1943, 95 p. (In Russ.)
- Kuz'min-Karavaev V.D. *Voenno-yuridicheskaya akademiya. 1866–1891 gg.* [Military Law Academy. 1866–1891: Brief. history feature article]. Saint Petersburg, A type. V.S. Balasheva, 1891, 302 p. (In Russ.)
- Lavryonova A.M. *Sluzhba A.P. Martynova v Saratovskom ohrannom otdelenii (o krizise identichnosti v zhandarmskoj srede)* [Service A.P. Martynova In the Saratov security department (about the identity crisis in the gendarme environment)]. New historical bulletin, 2015, № 1 (43), pp. 99–116. (In Russ.)
- Martynov A. P. *Moya sluzhba v Otdel'nom korpuse zhandarmov. “Ohranka”: vospominaniya rukovoditelej politicheskogo syska: v 2 t.* [My service in the Separate Corps of Gendarmes. Okhranka: Memoirs of the Leaders of the Political Investigation in 2 vols.]. Moscow, New Literary Review Publ., 2004, vol. 1, 512 p. (In Russ.)
- Pamyatnaya knizhka Novgorodskoj gubernii na 1897 god* [Commemorative book of the Novgorod province for 1897]. Novgorod, 1897, V Gubernskoj tipografii, 240 p. (In Russ.)
- Rumyancev P.P. *Zhandarmskie shtab-oficery i nachal'niki gubernskogo zhandarmского управления v Tomskoj gubernii: praktika naznacheniya i social'nyj portret* [Gendarmerie staff officers and chiefs of the provincial gendarme department in the Tomsk province: appointment practice and social portrait]. Bulletin of Tomsk State University, 2020, № 457, pp. 141–149. (In Russ.)
- Ryabincev R.V. *Stanovlenie i razvitie sistemy organov politicheskogo syska v rossijskoj provincii v 1880–1914 gg (na materialah Kostromskoj gubernii)* [Formation and development of the system of political investigation bodies in the Russian provinces in 1880–1914 (on the materials of the Kostroma province): PhD thesis]. Kostroma, 2004, 34 p. (In Russ.)
- Spisok dvoryanskih rodov, vnesennyh v rodoslovnye dvoryanskie knigi Smolenskoj gubernii: sost.*

v 1897 g. [List of noble families included in the genealogical books of the nobility of the Smolensk province]. Smolensk, 1897, 82 p. (In Russ.)

Spisok obshchego sostava chinov Otdel'nogo korpusa zhandarmov: Ispravlen po 15 iyunya 1914 g. [List of the general composition of the ranks of the Separate Corps of Gendarmes: Corrected on June 15, 1914]. Petrograd, 1915, parts 1–2, 784 p. (In Russ.)

Spisok obshchego sostava chinov Otdel'nogo korpusa zhandarmov: Ispravlen po 01.07.1915 [List of the general composition of the ranks of the Separate Corps of Gendarmes Corrected on on June 07, 1915]. Petrograd, 1915, 807 p. (In Russ.)

Spisok obshchego sostava chinov Otdel'nogo korpusa zhandarmov: ispravlen po 1-e fevralya 1916 goda [List of the general composition of the ranks of the Separate Corps of Gendarmes: Corrected to February 1, 1916], 1916, parts 1–2, 816 p. (In Russ.)

Spravochnaya knizhka po Kostromskoj gubernii i kalendar' na 1914 god [A reference book on the Kostroma province and a calendar for 1914]. Kostroma, 1914, 362 p. (In Russ.)

Spravochnik-spisok officerskogo i ryadovogo sostava zhandarmskih upravlenij, ohrannyh otdelenij, agen-

tov ohrannoj agentury dvorcovogo komendanta i chinov departamenta policii Ministerstva Vnutrennih Del Carskoj Rossii [Directory-list of officers and rank and file of the gendarme departments, security departments, agents of the security agents of the palace commandant and officials of the police department of the Ministry of Internal Affairs of Tsarist Russia]. The Main Archival Administration of the NKVD of the USSR. Moscow, 1940, 162 p. (In Russ.)

Shchegolev P.E. *Padenie carskogo rezhima: stenograficheskie otchety doprosov i pokazanij, dannyh v 1917 g. v chrezvychajnoj sledstvennoj komissii Vremennogo pravitel'stva: v 7 t.* [The Fall of the Tsarist Regime: Verbatim Records of Interrogations and Testimony Given in 1917 at the Extraordinary Investigation Commission of the Provisional Government]: in 7 vols. Moscow, State publishing house, 1924–1927. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.11.2021; одобрена после рецензирования 26.01.2022; принята к публикации 09.02.2022.

The article was submitted 28.11.2021; approved after reviewing 26.01.2022; accepted for publication 09.02.2022.

РОЛЬ ФАБРИКАНТОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЕТНО-ССУДНОГО КОМИТЕТА ПРИ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОМ ОТДЕЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА

Ковров Тимур Артушевич, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, covrov.t@yandex.ru

Околотин Владимир Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, okolotin.vladimir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>

Аннотация. Статья посвящена исследованию участия фабрикантов в деятельности учетно-ссудного комитета по торгово-промышленным кредитам при Иваново-Вознесенском отделении Государственного банка. Статья подготовлена на основе архивных материалов из Государственного архива Ивановской области, и прежде всего персональных данных из личных дел членов комитета М.Н. Гарелина и Д.Г. Бурлыгина. С использованием просопографического метода определены типовые качества, свойственные деловому облику членов учетно-ссудного комитета при Иваново-Вознесенском отделении Госбанка в дореволюционный период. В состав комитета приглашались фабриканты с безупречной деловой репутацией, состоявшие на поприще общественной, представительской и социальной деятельности. Механизм их приглашения регламентировался циркулярами Государственного банка, а представляемые кандидаты утверждались Министром финансов Российской империи. Для предпринимателей, состоявших в комитете, было характерно хорошее состояние имущественных и торговых дел. Кроме того, фабриканты были компетентны в тех отраслях торговли и промышленности, которые представляли финансовый интерес для Иваново-Вознесенского отделения Госбанка. Члены комитета из предпринимательских кругов Иваново-Вознесенска информировали руководство банка о состоянии различных отраслей торговли и промышленности, беспристрастно оценивали кредитоспособность лиц, были гарантами возврата заемных средств банку. Отделение банка, руководствуясь полученными от фабрикантов сведениями, проводило более надёжные с экономической точки зрения операции по учёту векселей и выдаче ссуд. Авторы делают вывод, что фабриканты в составе учетно-ссудного комитета при Иваново-Вознесенском отделении Госбанка осуществляли социально значимый и государственно важный вид деятельности.

Ключевые слова: Государственный банк, учетно-ссудный комитет, кредитование, фабрикант, предприниматель, деловой облик.

Для цитирования: Ковров Т.А., Околотин В.С. Роль фабрикантов в деятельности учетно-ссудного комитета при Иваново-Вознесенском отделении Государственного банка // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 40–47. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-40-47>

Research Article

THE ROLE OF THE MANUFACTURERS IN THE ACTIVITY OF THE ACCOUNTING AND LOAN COMMITTEE AT IVANOVO-VOZNESENSK BRANCH OF THE RUSSIAN STATE BANK

Timur A. Kovrov, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, covrov.t@yandex.ru

Vladimir S. Okolotin, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, okolotin.vladimir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>

Annotation. The article is devoted to the study of the participation of the manufacturers in the activities of the accounting and loan committee for commercial and industrial loans at Ivanovo-Voznesensk branch of the State Bank of the Russian Empire. The article was prepared on the basis of archival materials from the State Archives of Ivanovo Region and, first of all, personal data from the personal files of Mefodiy Garelin and Dmitry Burylin – the committee’s members. Using the prosopographic method, the typical qualities inherent in the business image of the members of the accounting and loan committee at Ivanovo-Voznesensk branch of the State Bank in the pre-revolutionary period were determined. The committee invited manufacturers with an impeccable business reputation, held in the field of public, representative and social activities. The mechanism of their invitation was regulated by circulars of the State Bank, and the candidates nominated were approved by the Minister of Finance of the Russian Empire. The entrepreneurs who were on the committee were characterised by a good state of property and trade affairs. In addition, the manufacturers were competent in those branches of trade and industry that were of financial interest for Ivanovo-Voznesensky branch of the State Bank. The members of the committee from the entrepreneurial

circles of Ivanovo-Voznesensk informed the bank's management about the state of various branches of trade and industry, impartially assessed the creditworthiness of individuals, and were guarantors of the return of borrowed funds to the bank. The branch of the bank, guided by the information received from the manufactures, carried out more economically reliable operations for the accounting of bills and the issuance of loans. The authors conclude that the manufacturers as part of the accounting and loan committee at Ivanovo-Voznesensk branch of the State Bank carried out a socially significant and state-important type of activity.

Keywords: Russian State Bank, accounting and loan committee, lending, manufacturer, entrepreneur, business image.

For citation: Kovrov T.A., Okolotin V.S. The role of the manufacturers in the activity of the accounting and loan committee at Ivanovo-Voznesensk branch of the Russian State Bank. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 40–47 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-40-47>

Авторы статьи исследуют тему участия предпринимателей в учетно-ссудных комитетах, учреждённых при отделениях Государственного банка России по кредитованию промышленности и торговли в пореформенный период на территории Владимирской, Костромской и Ярославской губерний. В статье поставлена цель изучить деловой облик членов комитета на примере состава учётно-ссудного комитета, открытого при Иваново-Вознесенском отделении Госбанка.

В трудах местных исследователей производственная и меценатская деятельность иваново-вознесенских фабрикантов, их биография, а также участие в представительных организациях буржуазии в целом изучены. Они освещены на страницах монографий А.А. Додоновой [Додонова 1997], А.М. Тихомирова [Тихомиров 2015], К.Е. Балдина и Л.А. Коховой [Балдин, Кохова 2004], В.С. Околотина [Околотин 2006; Околотин 2018] и А.С. Сироткина [Околотин, Сироткин 2014] и других. Однако общественное служение иваново-вознесенских фабрикантов и представителей других сословий по ведомству Государственного банка на территории Владимирской губернии нашло отражение лишь в работах В.С. Околотина и Т.А. Коврова [Околотин, Ковров 2021; Околотин, Ковров 2021]. Тема службы предпринимателей Иваново-Вознесенска разных сословий практически не освящена в региональной историографии. Данная статья основана как на делопроизводственных документах Иваново-Вознесенского отделения Госбанка, так и на материалах личных дел фабрикантов, входивших в состав учетно-ссудного комитета, образованного при нем. Многие документы были исполнены самими фабрикантами, что значительно увеличивает их ценность для данного исследования и позволяет говорить о введении в научный оборот новых, не опубликованных ранее архивных материалов.

Согласно Уставу Государственного банка, образованного в 1860 г., к основным задачам комитетов относились оценка платежеспособности местных торговцев и промышленников, а также выработка предложений по их кредитованию в отделениях Государственного банка Российской империи. Действие данной нормы распространялось и на структурные

подразделения Госбанка в указанных губерниях. В состав комитетов приглашались представители различных сословий, занятых в промышленности, торговле или сельском хозяйстве, обладавших общественным и деловым признанием. Однако приоритет отводился тем из них, кто представлял наиболее развитые отрасли хозяйства, свойственные данному городу или курируемые отделением Госбанка местности, или те отрасли, в которых имелся спрос на кредитные ресурсы и существовала вероятность их своевременного возврата. Изученные авторами архивные материалы, часть из которых была уже апробирована на страницах различных изданий, подтверждают данное суждение. В частности, учетно-ссудные комитеты, созданные при отделениях Госбанка Владимирской губернии, значительно отличались по своему составу. В основном они имели смешанный характер, то есть состояли из торговцев и сельскохозяйственных производителей. Данный подход в формировании состава комитетов не претерпел значительных изменений вплоть до начала Первой мировой войны, что свидетельствует об отсутствии значимых структурных изменений в развитии предпринимательства в районах, отнесенных к ведению отделений Государственного банка во Владимирской губернии. Лишь в Иваново-Вознесенске, образованном в 1871 г. и объединившем фабрично-заводской потенциал Вознесенского посада и села Иваново, учетно-ссудный комитет при местном отделении Госбанка с самого начала формирования приобрел промышленную направленность.

Отделение Госбанка в городе Иваново-Вознесенске Шуйского уезда Владимирской губернии, в отличие от губернских центров, было образовано по инициативе гласных Городской думы, состоявшей в основном из местных фабрикантов и заводчиков, лишь в 1886 году. Существовавший до этого в городе общественный банк был упразднен, поскольку по своим кредитным возможностям уже не соответствовал растущим потребностям местных предпринимателей в заемных ресурсах. Тем не менее в бытность его существования в Иваново-Вознесенске были заложены банковские традиции, которые с открытием отделения Госбанка были значительно упрочены.

После открытия Иваново-Вознесенского отделения Государственного банка в октябре 1886 г. при нем министром финансов был учрежден учетно-ссудный комитет по торгово-промышленным кредитам. К основным задачам комитета относились принятие решения о кредитовании того или иного лица, а также проверка клиентов, желавших получить кредиты из Государственного банка. Таким путем Госбанк страховал себя от предоставления кредитов несуществующим или некредитоспособным лицам. Комитет возглавлял управляющий отделением, а на правах членов в него входили в основном купцы первой и второй гильдий (они же фабриканты), а также представители других сословий города Иваново-Вознесенска. Они сообщали банку сведения о состоянии разных отраслей торговли и промышленности, оценивали кредитоспособность лиц, были гарантами возврата кредита банку. Их участие в работе комитета не оплачивалось, но формы социально-значимого поощрения для них все же были. Так, фабриканты за полезное служение по ведомству Государственного банка на протяжении многих лет неоднократно представлялись к государственным наградам и получали их. В целом с 1886 по 1917 г. в деятельности учетно-ссудного комитета при Иваново-Вознесенском отделении Госбанка участвовали фабриканты: Д.Г. Бурьлин, А.Н. Витов, А.Ф. Витов, Ф.Н. Витов, А.М. Гандурин, Л.М. Гандурин, М.Н. Гарелин, Я.П. Гарелин, П.Н. Дербенёв, Г.В. Кузнецов, В.И. Куражёв, Н.И. Куражёв, И.С. Латышев, Е.В. Меньшиков, Н.М. Самохвалов, А.П. Собинов, С.И. Соколов, С.А. Софронов. И лишь в 1910–1917 гг. в его состав вошли представители мелкого предпринимательства, а также из числа капиталистских крестьян.

Их личные дела по характеру содержащихся документов во многом схожи. Речь идет о процедуре подбора кандидатов, получения от них согласия на участие в деятельности комитета, утверждении их кандидатур министром финансов и, наконец, механизме закрепления обязательств о сохранении банковской тайны в соответствующей расписке. Но оценки их деятельности в других документах личных дел во многом индивидуальны. Тем не менее они позволяют раскрыть деловой облик или деловой портрет конкретного члена комитета и в целом сформировать определенный тип его участников. Для подтверждения данного суждения обратимся к документам на наиболее ярких представителей местного предпринимательства, чьи фамилии широко известны и современной общественности города Иванова – это М.Н. Гарелин и Д.Г. Бурьлин.

Мефодий Никонович Гарелин. Родился в 1837 г. в с. Иваново Шуйского уезда Владимирской губернии. По сословному происхождению принадлежал

к купеческому сословию 1-й гильдии. Православно-го вероисповедания. Был женат на Марье Ивановне Лихачёвой, дочери потомственного почётного гражданина, детей не имел. Родовое имущество (в общем владении с наследниками умершего брата) состояло из фабрики, домов и земель разных угодий¹.

М.Н. Гарелин активно участвовал в общественной жизни Иваново-Вознесенска, о чем свидетельствует его представительская и благотворительная нагрузка, в частности: попечитель училища при фабрике торгового дома «Никона Гарелина сыновья», гласный Иваново-Вознесенской городской думы, директор больницы мастеровых и рабочих, председатель комитета торговли и мануфактур в г. Иваново-Вознесенске, член Иваново-Вознесенского городского податного присутствия и почётный мировой судья по Шуйскому уезду. Кроме того, он являлся членом комиссии по постройке школы колористов при Иваново-Вознесенском реальном училище; почетным членом Иваново-Вознесенского отделения Императорского русского технического общества; почётным членом Владимирского управления Российского общества Красного Креста; председателем общества для вспомоществования учащимся Иваново-Вознесенского реального училища и т. д.² За столь обширную деятельность он был удостоен почетными званиями и наградами, решение о пожаловании которыми принимал сам император. Так, согласно формулярному списку, 27 апреля 1873 г. ему было пожаловано звание мануфактур-советника, а в дальнейшем он был награжден: 31 июля 1879 г. знаком Красного Креста; 21 марта 1880 г. медалью с надписью «За усердие» на Владимирской ленте; 8 августа 1886 г. золотой медалью с надписью «За усердие» для ношения на шее на Андреевской ленте; 19 января 1891 г. – орденом Св. Станислава 3-й степени; 3 февраля 1894 г. – орденом Св. Анны 3-й степени; 15 июня 1895 г. – орденом Св. Станислава 2-й степени и 17 апреля 1895 г. – орденом Св. Владимира 4-й степени³.

Также М.Н. Гарелин был награжден так называемыми коронационными медалями – это «серебряная медаль, для ношения на груди, на Александровской ленте, в память царствования императора Александра III (10 декабря 1896 г.); серебряная медаль, для ношения на груди, на Андреевской ленте, в память Священного Коронования Их Императорских Величеств (февраль 1897 г.); серебряная медаль в память бракосочетания Их Императорских Величеств (24 ноября 1897 г.)»⁴.

В качестве члена комитета по торгово-промышленным кредитам Министром финансов он был утвержден 10 октября 1886 г.⁵ В дальнейшем его пребывание в составе указанного комитета неоднократно продлевалось. В общей сложности он трудился в составе комитета 23 года: с 1886 по 1909 г.

Перед каждым утверждением в должности члена комитета на новый двухлетний срок канцелярия Госбанка запрашивала с управляющего отделением подробные сведения о М.Н. Гарелине. Они касались состояния его имущественных и торговых дел, участия в деятельности комитета за предшествующий срок; нравственных качеств кандидата и т. д. Основанием для таких запросов служил циркуляр Госбанка от 15 февраля 1893 г. Он подробно регламентировал перечень необходимой информации и порядок ее представления⁶. Благодаря этому сохранились сведения о характере предпринимательской деятельности М.Н. Гарелина. Так, согласно записи в деле от 1 августа 1901 г. он осуществлял производство хлопчатобумажных изделий на трёх фабриках: бумагопрядильной, бумаготкацкой и ситцепечатной, входивших в состав торгового дома «Никона Гарелина сыновья». В этой связи он мог сообщать полезные сведения по мануфактурному делу. Кроме трёх предприятий он имел дом и владел лесными дачами. Его имущественные дела, говорилось в одном из ответов на такой запрос, находились в отличном состоянии и не зависели от кредитов. Он занимал видное положение в местном обществе и по рассматриваемым в комитете вопросам мог излагать свое мнение, как правило, беспристрастно, независимо от мнений других его членов. Однако далее к содержанию записей возникают исследовательские вопросы. Так, в течение двухлетнего пребывания М.Н. Гарелина комитет провел 33 заседания, из которых он пропустил 20⁷. В сведениях от 19 сентября 1905 г. М.Н. Гарелин вновь характеризовался положительно как уважаемый гражданин с безупречной репутацией. Но, как и в первом случае, обращает на себя внимание большое число пропусков им заседаний комитета. Так, в течение отчетного двухлетнего срока состоялось 92 заседания комитета, из которых он присутствовал только на 75⁸. Аналогичные пропорции содержатся и в сведениях от 25 октября 1907 г.: «Происходит из хорошей фамилии и, обладая значительными финансовыми средствами, принадлежит к соответственной группе местного общества. В течение двухлетнего срока было проведено 82 заседания комитета, из числа которых Гарелин присутствовал только на 14-ти»⁹.

В результате возникает вполне аргументированный вопрос: «Почему в течение длительного времени М.Н. Гарелин допускал пропуски заседаний комитета, а его вновь утверждали в указанной должности?». По мнению авторов, это может быть связано с тем, что Устав Государственного банка 1860 г., в частности его статья 172, устанавливала поочередное и попеременное участие в деятельности комитета по заведенному списку «в дни, назначенные для учета векселей и выдачи ссуд под залог товаров и других торговых ценностей»¹⁰. В новом Уставе Госбанка, принятом

6 июня 1894 г., статья 62 уточняла данную процедуру: «Члены комитета присутствуют на заседаниях комитета попеременно, по заведённой очереди»¹¹.

Позиция авторов находит косвенное подтверждение в других архивных материалах. Например, «на заседании комитета от 8 мая 1908 г. в числе прочих обсуждалось заявление торгового дома «С.В. Лаханин с Сыновьями» об открытии вексельного кредита и заявление крестьянина В.М. Моторина, торгующего по свидетельству, о переводе его кредита в 5 000 руб., открытого во Владимирском отделении, для пользования таковым в Иваново-Вознесенске»¹². На данном заседании присутствовали «иваново-вознесенские купцы А.М. Гандурин и М.Н. Гарелин, а также предприниматель крестьянского сословия д. Гари Ярославского уезда Ярославской губернии А.А. Лаврентьев»¹³. По итогам заседания Гарелин, Гандурин и Лаврентьев приняли следующее решение: «Торговому Дому “С.В. Лаханин с Сыновьями”» открыть кредит в 18 тыс. руб. Перевести из Владимирского отделения кредит В.М. Моторина, с оставлением такового в размере 5000 руб.»¹⁴.

Или: «...на заседании комитета, состоявшемся 20 мая 1908 г., рассматривалось заявление крестьянки деревни Змеево Шуйского уезда Марии Романовны Колобовой об открытии вексельного кредита»¹⁵. На этом заседании отсутствовал М.Н. Гарелин, но присутствовали другие члены комитета – «иваново-вознесенские купцы А.Н. Витов и Н.М. Самохвалов»¹⁶. По окончании заседания Витовым и Самохваловым было принято решение «открыть кредит М.Р. Колобовой в размере 2 000 руб.»¹⁷.

В архивных документах отражены также обоснования представления М.Н. Гарелина к почетным наградам. В частности, управляющий отделением В.И. Умняков в письме от 15 марта 1898 г. управляющему Госбанком Э.Д. Плеске обращал его внимание, что полезная деятельность и справедливое отношение к обязанностям, возложенным на членов учётно-ссудного комитета Иваново-Вознесенского отделения, не поставлены ему в заслугу¹⁸. На основании этого В.И. Умняков просил Э.Д. Плеске «не оставить без внимания личные достоинства состоящего в должности члена комитета в течение 12 лет мануфактур-советника потомственного почётного гражданина Мефодия Никоновича Гарелина и удостоить его наградой – орденом Св. Анны 2-й степени, к каковой награде он, Гарелин, представляется от отделения Госбанка ко второй награде после первой, пожалованной ему в 1 день января 1891 г.»¹⁹.

К вышеупомянутому письму В.И. Умнякова был приложен перечень ранее полученных М.Н. Гарелиным наград, и вновь подчеркивалось его «добросовестное отношение к задачам учётного комитета Иваново-Вознесенского отделения Госбанка»²⁰. В ре-

зультате «1 января 1900 г. Государь Император соизволил пожаловать Гарелину за заслуги по ведомству Госбанка орден Св. Анны 2 степени»²¹, о чём канцелярия Госбанка уведомила управляющего отделением В.И. Умнякова донесением от 17 января 1900 г.

Мефодий Никонович Гарелин умер в 1909 г., и на основании донесения нового управляющего отделением М.В. Иванова в канцелярию Госбанка был исключен из состава комитета.

Дмитрий Геннадьевич Бурылин. Родился в 1852 г. в Вознесенской слободе Шуйского уезда Владимирской губернии. Происходил из купеческого сословия. Православного вероисповедания. Был женат вторым браком на Анне Александровне, имел детей от первого брака – Ивана, Елизавету, Елену и от второго брака – Ксению, Сергея, Милицу, Софию и Диодора. Жена и дети были православного вероисповедания и находились при нём. Владел вместе с братом родовым имуществом, заключавшимся в двух каменных со службами домах в г. Иваново-Вознесенске на Александровской улице. Как член Товарищества мануфактур имел две фабрики: одну ситцепечатную при реке Уводи и другую миткалево-ткацкую²².

Д.Г. Бурылин активно участвовал в социально значимой жизни города Иваново-Вознесенска и Владимирской губернии, занимал ответственные посты в городском управлении и в местных благотворительных обществах. Наиболее значимыми из них являются: попечитель земской начальной школы в г. Иваново-Вознесенске; эконом Иваново-Вознесенской больницы чернорабочих; член попечительства при Иваново-Вознесенском реальном училище; гласный Шуйского земского собрания; член Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии; член комиссии по устройству школы колористов в г. Иваново-Вознесенске; член особого раскладочного присутствия для распределения дополнительного промыслового налога между предприятиями крупной фабрично-заводской промышленности; почетный член Шуйского уездного попечительства детских приютов; член комиссии по постройке городской больницы имени Х.И. и Е.О. Куваевых; церковный староста при Иваново-Вознесенской единоверческой Благовещенской церкви; почетный смотритель рисовальной школы в г. Иваново-Вознесенске и т. д.²³

Так же, как и М.Н. Гарелин, Д.Г. Бурылин неоднократно награждался за заслуги в общественно полезной деятельности. В частности, золотой медалью для ношения на шее на Станиславской ленте (4 марта 1894 г.); золотой медалью для ношения на шее, на Владимирской ленте (13 апреля 1897 г.). 23 ноября 1902 г. он был удостоен звания потомственного почетного гражданина и затем был вновь награжден знаком Красного Креста (26 апреля 1907 г.), медалью

Красного Креста (9 июня 1907 г.) и даже стал кавалером Императорского ордена Св. Анны 3-й степени (3 февраля 1908 г.)²⁴. Д.Г. Бурылин был награжден и коронационной серебряной медалью для ношения в петлице на Андреевской ленте в память Священного Коронования Государя Императора Николая II²⁵.

Исходя из имевшихся у Д.Г. Бурылина заслуг, управляющий Иваново-Вознесенским отделением Госбанка М.В. Иванов в своем письме от 9 июня 1909 г. «предложил ему войти в состав членов комитета и в случае согласия Бурылина не отказать в уведомлении письменно». В письме он также подчеркнул, что Дмитрий Геннадьевич «весьма осведомлен в делах торгово-промышленной сферы, благодаря чему он мог бы быть полезным для дела членом комитета Иваново-Вознесенского отделения Госбанка»²⁶. В ответном письме Д.Г. Бурылин сообщил о своем согласии стать членом комитета отделения, но только после возвращения с Кавказа, куда он бывал для лечения²⁷.

Далее канцелярия Госбанка, как и в случае с М.Н. Гарелиным, запросила с управляющего отделением подробные сведения о состоянии торговых, промышленных и имущественных дел Д.Г. Бурылина, которые и были представлены. В них, в частности, отмечалось, что Д.Г. Бурылин с 1873 г. по 1909 г. торгово-промышленное дело вёл от своего имени, а с 1909 г. – от имени учрежденного им «Товарищества мануфактур Д.Г. Бурылина в г. Иваново-Вознесенске как главный пайщик этого товарищества». В этой связи он располагал сведениями, касавшимися положения дел на мануфактурных рынках Российской империи. Обращалось внимание на то, что им «торговля производится оптовая в кредит и за наличный расчёт. Имущественные и торгово-промышленные дела находятся в надлежащем порядке. Кредитуется в местном отделении банка по предъявительству на 100 тысяч руб., но ввиду избытка свободных денежных средств пользуется кредитом весьма умеренно, представляя векселя солидных торговых фирм»²⁸. Относительно личных качеств Д.Г. Бурылина в архивных данных значится следующая запись: «Человек весьма предприимчивый и дельный. В общественной среде пользуется безупречной репутацией»²⁹. Относительно деловых качеств и возможностей Д.Г. Бурылина говорит следующая фраза из формулярного списка: «Располагает сведениями, касающимися положения дел на мануфактурных рынках Империи»³⁰.

Д.Г. Бурылин «был утверждён Министром финансов в должности члена комитета 26 августа 1909 г.»³¹. Об этом канцелярия Госбанка уведомила письмом от 5 сентября 1909 г. управляющего отделением М.В. Иванова, а тот, в свою очередь, письмом от 9 сентября 1909 г. известил Д.Г. Бурылина.

При утверждении в должности Д.Г. Бурылин дал подписку, которая ввиду краткости приводится дословно: «Я, нижеподписавшийся потомственный почётный гражданин Дмитрий Геннадьевич Бурылин, даю сию подписку Иваново-Вознесенскому отделению Государственного банка в том, что согласно ст. 64 устава Государственного банка, вступая в должность члена учетно-ссудного комитета названного отделения банка, я во всех делах, по которым приглашён буду дать мнение и указание, обещаюсь действовать по совести и хранить тайну по делам Государственного банка, касающихся кредитов лиц торгово-промышленного сословия. Потомственный почетный гражданин Дмитрий Геннадьевич Бурылин»³².

26 августа 1911 г. Д.Г. Бурылина вновь утвердили в должности члена комитета на новый двухлетний срок. В письме от 9 июля 1911 г. управляющему Госбанком М.В. Иванов «ходатайствовал о возобновлении полномочий Бурылина, принимая во внимание полезную для службы в учреждении Госбанка деятельность Бурылина»³³. Впоследствии Д.Г. Бурылин был утверждён в этой же должности в 1913 и 1915 гг. Так, в датированном 24 июня 1913 г. письме М.В. Иванов, «вновь ходатайствуя перед Госбанком о возобновлении полномочий Дмитрия Геннадьевича, подчеркивал полезную деятельность и вполне добросовестное отношение названного лица к его обязанностям по должности члена комитета»³⁴. То же самое Иванов отметил и в третьем ходатайстве от 25 июня 1915 г. управляющему Госбанком «о возобновлении полномочий Бурылина как члена комитета»³⁵.

В личном деле также содержится информация о посещаемости Д.Г. Бурылиным заседаний комитета. Так, в сведениях от 9 июля 1911 г.: «В течение двухлетнего срока с 26 августа 1909 г. по 26 августа 1911 г. заседаний комитета было 85, из числа которых г. Бурылиным было пропущено 34 заседания»³⁶. Согласно сведениям от 24 июня 1913 г., «за период с 26 августа 1911 г. по 26 августа 1913 г. состоялось 87 заседаний комитета, Бурылин отсутствовал на 45 заседаниях»³⁷. За третий двухлетний срок – с 26 августа 1913 г. по 26 августа 1915 г. – «комитет провел 124 заседания, из которых Бурылин посетил лишь 45»³⁸.

Пропуски им заседаний комитета, как и в случае с М.Н. Гарелиным, объяснялись содержанием статьи 62 Устава Госбанка 1894 г. (см. выше в статье. – Т. К.), согласно которой «каждый член комитета посещал заседания комитета поочередно»³⁹.

О содержании вопросов, рассматриваемых на заседаниях комитета с участием Д.Г. Бурылина, также можно судить на основании архивных документов. Так, «на заседании комитета, проведённого 11 сентября 1909 г., в числе прочих рассматривалось заявление торгового дома «И. Латышев с Сыновьями» об увеличении кредита». На данном заседании при-

сутствовали «иваново-вознесенские купцы А.М. Гандурин, Д.Г. Бурылин, А.Ф. Витов, В.И. Куражев и Н.М. Самохвалов». Обсудив все вопросы повестки заседания, члены комитета приняли решение «увеличить кредит торговому дому «И. Латышев с Сыновьями» с 30 тыс. руб. до 50 тыс. руб.»⁴⁰.

Сохранились сведения о переписке Иваново-Вознесенского отделения Госбанка с канцелярией Госбанка о награждении Д.Г. Бурылина. В частности, канцелярия Госбанка в письме от 2 мая 1912 г. сообщила управляющему Иваново-Вознесенским отделением следующее: «Вследствие представления от 9 сего апреля, за № 81, об испрошении члену комитета вверенного Вам отделения Дмитрию Бурылину награждения орденом Св. Станислава 2 степени, канцелярия Госбанка уведомляет, что согласно Высочайше утверждённому 16 ноября 1904 г. положению комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах лица, пожалованные орденом Св. Анны 3 степени по статуту за благотворительную и общепользную деятельность, могут быть удостоиваемы к награждению орденом Св. Станислава 2 степени не ранее 6-ти лет после оказания заслуги, послужившей основанием к пожалованию орденом по статуту. Вследствие сего Бурылину как не выслужившему указанного срока может быть исходатайствовано к 1 января 1913 г. награждение лишь орденом Св. Станислава 3 степени. О принятом Вами по сему вопросу Канцелярия просит уведомить в самом непродолжительном времени»⁴¹.

Однако управляющий отделением в ответном письме от 5 мая 1912 г. в канцелярию Госбанка вновь поддержал свое ходатайство о представлении Д.Г. Бурылина к награждению орденом Св. Станислава 3-й степени⁴². В итоге «1 января 1913 г. Государь Император, по представлению Министра финансов об отлочно-усердной службе и особых трудах служащих в Госбанке и его ведомстве, соизволил пожаловать члену комитета Иваново-Вознесенского отделения потомственному почетному гражданину Дмитрию Бурылину орден Св. Станислава 3 степени»⁴³. Порядок его уведомления о предстоящем награждении был таким же, как и у М.Н. Гарелина: канцелярия Госбанка сообщила управляющему отделением, а тот уведомил самого Д.Г. Бурылина. В 1913 г. Д.Г. Бурылин также был представлен к награждению специальной наградой: он получил право на ношение нагрудной светло-бронзовой медали, высочайше учрежденной в память 300-летия царствования Дома Романовых⁴⁴.

Таким образом, Д.Г. Бурылин занимал должность члена комитета до августа 1917 г. Всего же он состоял в комитете 8 лет: с 1909 г. по 1917 г.

Таким образом, в силу приоритетного развития в Иваново-Вознесенске фабрично-заводской промышленности учетно-ссудный комитет был изна-

чально ориентирован на торгово-промышленное кредитование предпринимателей. Именно поэтому в его состав приглашались фабриканты с безупречной деловой репутацией, состоявшие на поприще общественной, представительской и социальной деятельности. Механизм их приглашения регламентировался циркулярами Государственного банка, а представляемые кандидаты утверждались Министром финансов Российской империи. Для предпринимателей, состоявших в комитете, были характерны компетентность во многих сферах торговли и промышленности, хорошее состояние имущественных и торговых дел. По сути, они информировали банк о состоянии дел в различных сферах хозяйственной жизни и деловой активности, оценивали кредитоспособность лиц, были гарантами возврата заемных средств. Каких-либо фактов, порочивших их репутацию в ходе исполнения ими функций члена учетно-ссудного комитета, авторами не выявлено. Такие требования к деловому облику и личным качествам стали основой для типового подбора кандидатов в учетно-ссудный комитет при Иваново-Вознесенском отделении Госбанка и в целом себя оправдали. Труд фабрикантов и других предпринимателей по ведомству Государственного банка оценивался очень высоко. Многие из членов учетно-ссудного комитета были представлены к различным почетным званиям и государственным наградам. Все это позволяет говорить, что фабриканты в составе учетно-ссудного комитета при Иваново-Вознесенском отделении Госбанка осуществляли социально значимый и государственно важный вид деятельности.

Примечания

- ¹ Государственный архив Ивановской области (далее ГАИО). Ф. 15. Оп. 1. Д. 2. Л. 30 об. – 31.
- ² ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 2. Л. 31–43.
- ³ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 2. Л. 32–42.
- ⁴ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 2. Л. 39–41.
- ⁵ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 2. Л. 36.
- ⁶ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 13а. Л. 1 об.
- ⁷ ГАИО. Ф. 15. Оп. 2. Д. 6. Л. 70 об. – 71.
- ⁸ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 2. Л. 61.
- ⁹ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 2. Л. 64.
- ¹⁰ Устав Государственного банка 1860 года // Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе. Т. 35. Ст. 172. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 21.09.2021).
- ¹¹ Устав Государственного банка 1894 года // Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. Т. 14. Ст. 62. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 22.09.2021).
- ¹² ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 274. Л. 26.
- ¹³ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 274. Л. 26.
- ¹⁴ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 274. Л. 26.

- ¹⁵ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 274. Л. 27.
- ¹⁶ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 274. Л. 27.
- ¹⁷ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 274. Л. 27.
- ¹⁸ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 2. Л. 45.
- ¹⁹ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 2. Л. 45.
- ²⁰ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 2. Л. 46 об.
- ²¹ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 2. Л. 42.
- ²² ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 193. Л. 66 об. – 67.
- ²³ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 193. Л. 67–73.
- ²⁴ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 193. Л. 68–72.
- ²⁵ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 193. Л. 70.
- ²⁶ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 193. Л. 7.
- ²⁷ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 193. Л. 7.
- ²⁸ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 193. Л. 13 об. – 14.
- ²⁹ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 193. Л. 14.
- ³⁰ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 193. Л. 14 об.
- ³¹ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 193. Л. 15.
- ³² ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 193. Л. 17.
- ³³ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 193. Л. 23.
- ³⁴ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 193. Л. 49.
- ³⁵ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 193. Л. 60.
- ³⁶ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 193. Л. 26.
- ³⁷ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 193. Л. 51.
- ³⁸ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 193. Л. 62.
- ³⁹ Устав Государственного банка 1894 года // Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. Т. 14. Ст. 62 http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 24.09.2021).
- ⁴⁰ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 274. Л. 61–61 об.
- ⁴¹ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 193. Л. 32–32 об.
- ⁴² ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 193. Л. 33.
- ⁴³ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 193. Л. 43.
- ⁴⁴ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 432. Л. 27.

Список литературы

- Додонова А.А.* Дмитрий Геннадьевич Бурьлин / вступ. ст. Е.А. Богородского. Иваново: Иваново, 1997. 216 с.
- Балдин К.Е., Кохова Л.А.* От кустарного села к индустриальному «мегаполису». Иваново, 2004. 250 с.
- Ковров Т.А., Околотин В.С.* Наградное стимулирование членов учетно-ссудных комитетов при отделениях Государственного банка Владимирской губернии // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27. № 2. С. 54–59.
- Ковров Т.А., Околотин В.С.* Правовое обеспечение деятельности учётно-ссудных комитетов при отделениях Государственного банка Российской империи в пореформенный период: (На материалах устава Государственного банка 1860 г.) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27. № 1. С. 21–25.
- Околотин В.С., Сироткин А.С.* Торгово-промышленная палата Ивановской области: вехи истории // Иваново: ООО «ИИТ “А-Гриф”», 2014. 224 с.

Околотин В.С. История Государственного банка на Ивановской земле, 1886–2006: Годы. События. Люди. Иваново, 2006. 480 с.

Околотин В.С. Роль Иваново-Вознесенского и Кинешемского отделений Государственного банка в формировании Иваново-Кинешемского промышленного района (1886–1914 гг.) // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Экономика. 2018. Вып. 2/3 (36/37). С. 77–87.

Тихомиров А.М. 10 великих меценатов Ивановской земли. Иваново: Референт, 2015. 240 с.

References

Dodonova A.A. *Dmitrij Gennad'evich Burylin*, vstup. st. E.A. Bogorodskogo [Dmitry Gennadievich Burylin. The author of the introductory article is E.A. Bogorodsky]. Ivanovo, Ivanovo Publ., 1997, 216 p. (In Russ.)

Baldin K.E., Kohova L.A. *Ot kustarnogo sela k industrial'nomu «megapolisu»* [From a handicraft village to an industrial metropolis]. Ivanovo, Ivanovo Publ., 2004, 250 p. (In Russ.)

Kovrov T.A., Okolotin V.S. *Nagradoe stimulirovanie chlenov uchetho-ssudnyh komitetov pri otdelenijah Gosudarstvennogo banka Vladimirskoj gubernii* [The award promotion for the members of the accounting and loan committees at the branches of the State Bank of the Vladimir province]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University], 2021, vol. 27, № 2, pp. 54–59. (In Russ.)

Kovrov T.A., Okolotin V.S. *Pravovoe obespechenie dejatel'nosti uchjotno-ssudnyh komitetov pri otdelenijah Gosudarstvennogo banka Rossijskoj imperii v poreformennyj period (Na materialah ustava Gosudarstvennogo banka 1860 g.)* [The law ensuring of the activities of the accounting and loan committees at the branches of

the State Bank of the Russian Empire in the post-reform period (On the materials of the charter of the State Bank of 1860)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University], 2021, vol. 27, № 1, pp. 21–25. (In Russ.)

Okolotin V.S., Sirotkin A.S. *Torgovo-promyshlennaja palata Ivanovskoj oblasti: vehi istorii* [The Chamber of Commerce and Industry of the Ivanovo Region: milestones in history]. Ivanovo, ООО «ИТ “А-Гриф”» Publ., 2014, 224 p. (In Russ.)

Okolotin V.S. *Istoriia Gosudarstvennogo banka na Ivanovskoi zemle, 1886–2006: Gody. Sobytiia. Liudi* [The history of the State Bank on Ivanovo land, 1886–2006: Years. Events. People]. Ivanovo, Ivanovo Publ., 2006, 480 p. (In Russ.)

Okolotin V.S. *Rol' Ivanovo-Voznesenskogo i Kineshemskogo otdelenij Gosudarstvennogo banka v formirovanii Ivanovo-Kineshemskogo promyshlennogo rajona (1886–1914 gg.)* [The role of the Ivanovo-Voznesensky and Kineshemsky branches of the State Bank of Russia in formation of the Ivanovo-Kineshemsky industrial area (1886–1914)]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Jekonomika* [Bulletin of Ivanovo State University. Economics series], 2018, vol. 2/3 (36/37), pp. 77–87. (In Russ.)

Tihomirov A.M. *10 velikih mecenatov Ivanovskoj zemli* [10 great patrons of the Ivanovo land]. Ivanovo, ID «Referent» Publ., 2015, 240 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.02.2021; одобрена после рецензирования 18.01.2022; принята к публикации 09.02.2022.

The article was submitted 12.02.2021; approved after reviewing 18.01.2022; accepted for publication 09.02.2022.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ НАРКОМПРОСА ПО ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЕВ В ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1918–1920 ГГ.

Виноградова Юлия Александровна, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, juli-vinolub@mail.ru
Околотин Владимир Сергеевич, доктор исторических наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, okolotin.vladimir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>

Аннотация. Статья посвящена исследованию деятельности органов народного образования по организации работы музеев на территории вновь образованной Иваново-Вознесенской губернии в первые годы советского государства. На примере музеев в Кинешме и Иваново-Вознесенске рассматриваются основные проблемы, возникавшие перед ними. Раскрывается важность и востребованность музеев в просветительских целях не только для центра губернии, но и для уездного города. Приведены примеры из практики собирания историко-культурных, художественных и музейных ценностей в усадьбах промышленников и предпринимателей, подвижничестве первых музейных работников. В статье использованы документы из Государственного архива Ивановской области и вспомогательного фонда Кинешемского художественно-исторического музея, значительная часть из которых впервые вводится в научный оборот. Она адресована исследователям, изучающим действия исполнительных органов власти советского государства в первые годы его становления и развития, а также научной общественности.

Ключевые слова: Совет народных комиссаров, Наркомат просвещения, декреты, отдел народного образования, Иваново-Вознесенская губерния, национализация, музеи, собирание ценностей, просветительская деятельность, историко-культурный потенциал, Музей промышленности искусства, Кинешемский музей, Иваново-Вознесенский губернский музей

Для цитирования: Виноградова Ю.А., Околотин В.С. Деятельность органов Наркомпроса по организации деятельности музеев в Иваново-Вознесенской губернии в 1918–1920 гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 48–54. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-48-54>

Research Article

MUSEUM-ORGANISING ACTIVITIES OF THE PEOPLE'S COMMISSARIAT OF EDUCATION IN IVANOVO-VOZNESENSK PROVINCE IN 1918–1920

Yulia A. Vinogradova, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, juli-vinolub@mail.ru

Vladimir S. Okolotin, Doctor of Historical Sciences, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, okolotin.vladimir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>

Abstract. The article is devoted to the study of the activities of public education bodies in organising the work of museums on the territory of the newly formed Ivanovo-Voznesensk Province in the early years of the Soviet state. Using the example of museums in Kineshma and Ivanovo-Voznesensk, the main problems they had faced, were considered. The importance and relevance of museums for educational purposes is revealed not only for the centre of the province, but also for lesser towns. Examples from the practice of collecting historical, cultural, artistic and museum values in the estates of industrialists and entrepreneurs, the asceticism of the first museum workers are given. The article uses documents from the State Archive of Ivanovo Region and the auxiliary fund of Kineshma Art and Historical Museum, a significant part of which has been introduced into scientific circulation for the first time. It is addressed to researchers studying the actions of the executive authorities of the Soviet state in its early years of formation and development, as well as the scientific community.

Keywords: Council of People's Commissars, People's Commissariat of Education, decrees, Department of Public Education, Ivanovo-Voznesensk Province, nationalisation, museums, collection of valuables, educational activities, historical and cultural potential, Museum of Industrial Art, Kineshma Museum, Ivanovo-Voznesensk Provincial Museum

For citation: Vinogradova Yu.A., Okolotin V.S. Museum-organising activities of the People's Commissariat of Education in Ivanovo-Voznesensk province in 1918–1920. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 48–54 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-48-54>

Научные исследования не содержат точных сведений о количестве музеев в России до 1917 года и имеющихся в них фондах. Цифры варьируются от 155 до более чем 300 музеев различного профиля и структуры [Златоустова: 402]. Это связано с тем, что до революции не было единого учреждения по руководству музеями и учету находившихся в них культурных и исторических ценностей. Как правило, в своей повседневной деятельности они подчинялись ведомствам, организациям или обществам, при которых создавались, перед которыми и отчитывались, в частности статистическим комитетам, палатам государственных имуществ, городским думами, земствам, научным обществам и т. д. В основном они располагались в губернских городах, а также в некоторых уездах. Так, Владимирский музей естественных и промышленных произведений подчинялся местной губернской ученой архивной комиссии, насчитывал примерно 5 200 предметов искусства и старины и подразделялся на четыре отдела: археологический, бытовой, церковный и художественный. Его библиотека составляла около 15 000 томов изданий.

Костромской музей, как и во Владимире, был основан губернской ученой архивной комиссией, а в год празднования 300-летия Дома Романовых для него было построено специальное здание. К числу ярких примеров образования музеев следует отнести открытие 26 декабря 1914 г. в безуездном и заштатном городе Иваново-Вознесенске Музея промышленности и искусства. В отличие от уже названных он был образован на средства известного фабриканта и мецената Д.Г. Бурылина, который своей подвижнической деятельностью не только смог сформировать его богатейшие фонды, но построил для музея здание, украшающее градостроительный облик современного Иванова.

Проблема сохранения культурно-исторического национального достояния обострилась в первые годы советского государства. Создавалась иная система государственного управления как в центре, так и на местах и выработка соответствующих ей концептуальных подходов управления имуществом. Несмотря на то, что в губернских городах продолжали действовать ученые архивные комиссии, они не входили в структуру новых органов исполнительной власти и не обладали необходимыми полномочиями. Ситуация изменилась в мае 1918 г., когда после образования Наркомата просвещения в его структуре был создан специальный отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины. 5 октября 1918 г. Совет народных комиссаров РСФСР (СНК РСФСР) принял декрет «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений».

Этот документ объявлял «первую государственную регистрацию всех монументальных и вещевых памятников искусства и старины», в чьей бы собственности они не находились. Владельцам коллекций выдавались охранные грамоты. Принятые на учет памятники нельзя было продавать, вывозить, а также перестраивать без особого разрешения Наркомпроса. Владелец коллекции должен был составить инвентарную опись своей коллекции, которая передавалась в Наркомат просвещения, и фактически становился хранителем своей коллекции. Данные решения заложили основу для создания централизованной системы охраны и использования историко-культурного наследия в советском государстве.

С целью расширения деятельности отдела на местах в декабре 1918 г. Наркомпрос принял постановление «Об образовании губернских коллегий по делам музеев и охране памятников искусства и старины». В результате в губерниях при исполкомах местных советов в структуре органов народного образования стали создаваться подотделы по охране памятников истории и культуры теперь уже советского государства. В целом действия по их созданию во Владимирской, Костромской и Иваново-Вознесенской губерниях во многом сходны. Отличительной особенностью стало лишь то, что Иваново-Вознесенская губерния была образована 20 июня 1918 г., и в ее потенциале еще не было устоявшихся традиций по управлению музеями. Хотя основа для их создания деятельностью Д.Г. Бурылина и музея в г. Кинешме уже была заложена.

В целом все, что связано с созданием музеев и формированием единой государственной политики по сохранению историко-культурного наследия в указанный период уже рассматривалось в советских и российских исследованиях. К ним следует отнести труды В.К. Гарданова, С.А. Каспаринской, В.И. Златоустова, Г.А. Кузиной, Л.М. Бабаевой, Ю.Н. Жукова и других. Посильный вклад в изучение истории музея промышленности и искусства (Иваново-Вознесенского губернского музея) внесли И.И. Власов, Г.С. Смирнов, А.М. Семенов, Д.Л. Орлов. Однако работа автора с документами научно-вспомогательного фонда Кинешемского художественно-исторического музея и Государственного архива Ивановской области позволяет дополнить имеющиеся представления о деятельности органов народного просвещения в Иваново-Вознесенской губернии по выполнению первых декретов советского государства.

Кинешемский музей. По общепринятой версии музей в Кинешме Ивановской области появился в 1919 году по инициативе уездного отдела народного образования. Однако основой для него послужила комната для собрания наглядных учебных пособий, открытая по инициативе и на средства Костромско-

го губернского земства¹. В ней были собраны и выставлены чучела зверей и птиц, гнезда, раковины, картины, чертежи и прочее. Музей (комната) помещался в доме, арендованном земством у потомственного почетного гражданина купца Миндовского на Вознесенской улице, и был открыт ежедневно с 9 до 15 часов. Вход в музей для всех желающих – бесплатный. В дальнейшем его деятельность была связана с высшим начальным Кинешемским училищем. Он именовался педагогическим музеем и располагался в здании училища. Его экспозиции были доступны для осмотра два раза в неделю. Заведовал музеем Александр Яковлевич Лебедев, он же давал необходимые пояснения по коллекции музея. Стоимость самой коллекции оценивалось в 2 250 рублей². В 1913 и 1914 гг. на ее пополнение земство расходовало по 500 рублей ежегодно, а в 1915 и 1916 гг. из-за военных условий – лишь по 300 руб.

В 1917 и 1918 гг. музей переживал трудное время. Отсутствовало руководство, нарушились пополнение и уход за коллекциями. Однако с 1 января 1919 г. по инициативе отдела просвещения управления народного образования и нового заведующего музеем Н.И. Флерова началась работа по активизации деятельности музея, сбору новых экспонатов, поиску новых форм для демонстрации экспозиций, прежде всего для целей дошкольного образования³. Предполагалось даже объединить музей с уездной библиотекой, для чего были ассигнованы средства в размере 63 тыс. рублей⁴. Возникла дополнительная возможность пополнить фонды музея за счет «ценностей научного содержания из ликвидируемых имений, усадеб и экономий, остававшихся ранее публике недоступными». К ним относились «всевозможные коллекции, художественные картины, костюмы, посуда, мебель и вообще предметы старины»⁵. Н.И. Флерову удалось приобрести несколько ценных художественных произведений (картин), в музей поступила коллекция бабочек и жуков разных стран И.М. Рубинского, аквариум и другие экспонаты⁶. В результате в 1919 г. в музее были открыты два отдела: естественно-исторический (представлен коллекциями по зоологии, геологии, ботаники) и художественный (представлен коллекциями живописи, гобеленов, мебели, предметами из гипса, бронзы, чугуна, серебра, фарфора, фаянса, терракоты, стекла, бисера, кости)⁷.

25 марта 1919 г. было принято решение о размещении Кинешемского уездного музея в здании бывшего духовного училища на улице Красной. Музею досталась лишь треть нижнего этажа, который не был приспособлен для хранения и демонстрации музейных реликвий. В частности, окна находились на «уровне человеческого роста, не были защищены ни решеткой, ни ставнями. Вследствие малой высоты помещения дневное освещение очень слабо, электроосвещения

нет. Пожарного крана в здании нет, водопроводного крана на первом этаже, где помещается музей, нет»⁸.

Дополнить указанные недостатки важно тем, что в здании было печное отопление, причем печи требовали капитального ремонта, «они коптят, дают дым и угарную зелень, что, несомненно, должно действовать разрушающе на картины и не менее разрушающе на здоровье сотрудников музея»⁹. Отсутствовал кабинет для заведующего, не было помещения для рабочей комнаты. Единственному сотруднику музея приходилось работать в одном из выставочных залов, одновременно принимая посетителей. Остальные помещения каменного трехэтажного здания были заняты центральной библиотекой, архивом, промышленным техникумом. Кроме того, музей всегда был под угрозой выселения, что в сильной степени отражалось на экспозиционной работе. Экспозиция имела весьма примитивный вид. В те годы повсеместно была распространена густая, в несколько ярусов, развеска экспонатов по стенам и элементарная раскладка в витринах.

Для перевозки ценностей и ремонта помещения в 1919 г. было потрачено 146 тыс. рублей, но этого оказалось недостаточно, и 20 июня 1919 г. коллегия уездного отдела просвещения командировала Н.И. Флерова в Иваново-Вознесенск «для изыскания средств на музей»¹⁰. На 1920 г. смета расходов для музея была определена в сумме 200 тыс. рублей. Главными расходными статьями стали пополнение фондов музея, содержание заведующего музеем и его хозяйственной частью, истопника и сторожа. В обязанности И.И. Елисова, заведующего хозяйственной частью, входили также охрана музея и исполнение письменных работ¹¹.

Для всех желающих музей был открыт 7 сентября 1919 г. с 12 до 20 часов. Его первыми посетителями стали школьники, которые допускались группами по 15–20 человек. О свободном доступе посетителей в загроможденное экспонатами помещение не могло быть и речи.

Таким образом, можно сделать вывод, что общественность воспринимала музей, осознавала его необходимость. Со времени учреждения музея, то есть с 1 января 1919 года¹², организаторы собирали коллекции, которые могли служить прежде всего для целей внешкольного образования. Реорганизация и возобновление работы музея в Кинешме способствовала решению проблем школьного образования и воспитания в условиях образовательной концепции молодого советского государства.

С 1920 года начали организовываться регулярные посещения музея учащимися школ города. К музею проявляется большой интерес, с 1 января по 16 июня 1920 года было проведено 30 школьных экскурсий с количеством 2 039 человек. Музей посещали не толь-

ко школьники города, но и уезда – учащиеся Вичугского, Семеново-Лапотного и других училищ¹³.

В декабре 1919 г. коллегия утвердила нового заведующего – П.И. Трунтаева (1873–1940 гг.), художника по образованию, бывшего преподавателя изобразительных искусств¹⁴. П.И. Трунтаев направил свои усилия на то, чтобы превратить музей в просветительское учреждение. Он организовывал выездные выставки, читал лекции, проводил экскурсии и хлопотал о новом помещении для музея. Кроме того, он приложил все силы, чтобы составить инвентарные книги, построить складское помещение¹⁵.

При музее была организована художественно-историческая библиотека, которая пополнялась книгами по вопросам искусства, художественными изданиями и редкими книгами из центральной библиотеки, библиотек различных общественных учреждений, а также из собраний частных лиц¹⁶.

Художественная коллекция музея главным образом пополнялась из национализированных усадеб уезда и путем приобретения у частных лиц. Интересно рассмотреть процесс национализации усадьбы «Студеные ключи», которая принадлежала Н.П. Рузскому, активному собирателю исторических реликвий и художественных ценностей. Опись имущества и передача усадьбы в ведение Народного комиссариата земледелия состоялась еще в октябре 1918 года. При передаче усадьбы присутствовала дочь бывшего владельца Т.Н. Рузская¹⁷. П.С. Степанов – представитель Главмузея, обладавший широкими полномочиями, – в одном из своих отчетов о посещении усадьбы «Студеные ключи» сообщал следующее: «Ввиду явной опасности, угрожающей целостности имуществу, находящемуся в усадьбе Н.П. Рузского Воздвиженской волости со стороны открытой в усадьбе “Образцовой советской школы”, мною в марте месяце были закончены работы по перевозке в Кинешемский музей принятой на учет и оставшейся в усадьбе старинной мебели». Из усадьбы было вывезено 86 предметов мебели: «кресла, диваны, стулья, столы, зеркала, трюмо, шкафы, комоды, этажерка, экран к камину»¹⁸.

В воспоминаниях его сына есть рассказ о том, как отец и группа чекистов отправились обследовать усадьбу, так как, по слухам, там было «много ценностей и имущества и художественных произведений». Целую неделю чекисты продолжали поиски ценностей, а тем временем П.С. Степанов составлял списки и акты того, что представляло подлинную художественную и историческую ценность. В результате были «обнаружены огромные тюки с серебряной посудой и другими изделиями из серебра и бронзы. Из-под террасы извлекли несколько пудов серебра и золота (отец называл точную цифру, сын ее уже не помнил). Впоследствии именно эта цифра послужила причиной целого скандала, который разразил-

ся, когда серебро привезли в город в банк, и часть его «усохла». Во всяком случае, вокруг этой усадьбы многие погрели руки. Гостиные гарнитуры и многое другое было передано в кинешемский краеведческий музей, и кое-что из всего, что было передано в 1920 году, сохранилось и экспонируется и ныне»¹⁹.

В результате активной работы П.С. Степанова музейный фонд значительно пополнился. Это были свыше 1000 экз. предметов искусства и старины (картин, рисунков, гравюр, скульптур, фарфора, бронзы, мебели и прочих предметов прикладного искусства), около 300 экземпляров древних рукописей и печатных церковных книг и более 150 икон²⁰.

Им также в декабре 1919 г. были обследованы кинешемские усадьбы и дома состоятельных фабрикантов в селах Тезино, Бонячки, Старой и Новой Гольчихе. Удалось выяснить местонахождение ранее конфискованного имущества, которое было перевезено в Кинешемский музей. Его коллекция пополнилась древними рукописными и старопечатными книгами и иконами из бывших молелен фабрикантов Морокиных. Также из бывшего дома М.С. Морокиной, где в это время располагалась «Детская коммуна № 1», были вывезены и помещены в музей старинные картины, бронза, фарфор, стекло и прочее, всего 33 предмета (чашки, блюдца, стаканы, кружки, часы красного дерева, группа «Гений Петра I» (бронза), картины старинной живописи (шесть штук), картины (шитье шерстью) 4 штуки).

Из имущества Товарищества мануфактур Г. Разоренова и И. Кокорева из села Тезино по списку от 6 января 1920 г. поступили: «37 штук ассигнаций по 25 рублей, 12 – по 50 рублей, 1 – в 10 рублей, 1 кредитный билет 1843 года в 10 рублей, 1 кредитный билет 1843 г. в 5 рублей (всего 66 штук (в кожаном бумажнике старом)), 2 чашки фарфоровые с блюдцем в металлической оправе, 1 чашка фарфоровая повреждена»²¹.

Часть предметов искусства и старины П.С. Степанов находил в различных учреждениях и правительственных отделах. Так, в списке экспонатов, переданных в музей из Кинешемской сапожной мастерской инвалидов 31 декабря 1919 г., значились: «Две картины старинной живописи – “Вид Венеции”, “Целование Иуды” в золоченых багетных рамах. Картины находились в приюте имени Карла Маркса и три картины “Виды Венеции” в рамах». В списке предметов, принятых от Кинешемского уездного коммунального отдела от 30 апреля 1920 г. названы: «ваза, графин, пепельница китайская, чайник, сахарницы, подстаканники, кувшин, вышивка на подушку, соусник, тарелка, молочник, часы, ковры, сундучки, шипцы, шкатулка японская. Всего 156 предметов»²².

Музей промышленности и искусства в Иваново-Вознесенске. «Активные действия власти в сфере музейного дела, – отмечается в источнике тех лет, –

способствовали быстрому росту государственной музейной сети по всей стране» [Власов: 187]. В Иваново-Вознесенске, в центре этой сети, был поставлен музей Д.Г. Бурьлина. Как уже говорилось, его основателем был иваново-вознесенский фабрикант-коллекционер, меценат и просветитель Дмитрий Геннадьевич Бурьлин. Его коллекция «древностей и редкостей» была достаточно известной в России, а Музей промышленности и искусства в г. Иваново-Вознесенске по праву считался одним из лучших провинциальных музеев. Именно поэтому музей был специально обследован особой комиссией. На основании результатов этого обследования установлены принципы, которые бы стали ориентирами для реорганизации и дальнейшего развития музея.

В 1919 г. музей Д.Г. Бурьлина был национализирован и переименован в Иваново-Вознесенский губернский музей. Хранителем музея стал бывший его владелец – Д.Г. Бурьлин. 6 июля 1919 г. он был официально открыт для посетителей. В честь этого события в музее была организована выставка, посвященная революционным событиям 1917 г. в России. Она размещалась на втором этаже здания и занимала одно, но достаточно большое помещение, так называемый красный зал. Практически весь экспозиционный материал посвящался деятельности партии большевиков. Краеведческий материал был представлен в контексте работы местной организации этой партии [Куприянова: 18].

В то же время были закрыты и разобраны экспозиции музея, не отвечавшие по своему содержанию идеологической доктрине советской власти. Одними из первых расформировали выставки, на которых экспонировались оружие и масонская коллекция. В дальнейшем перестали функционировать нумизматическое, кустарное, восточное, художественное отделения, отделение раскопок. Наименьшим изменениям подверглась библиотека музея, но и здесь были внесены коррективы. Так, комплексы выставки, посвященной развитию книгопечатания, получили новые названия: «Книга на службе помещика», «Книга – орудие классово-борьбы» и т. д.

Одновременно продолжала пополняться новыми экспонатами выставка по революционному движению, которая постоянно претерпевала изменения и стала включать в себя несколько отделов: «Старый режим», «Февральская революция», «Октябрьская революция», «Гражданская война и разруха», «Социалистическое строительство». На этой выставке были отражены события, происходившие в Москве, Петрограде и Иваново-Вознесенске. Жители города и губернии могли наглядно увидеть деятельность большевиков и тот вклад, который внесли сами в победу революции и становление нового государства. Кроме того, на выставке присутствовал и агитацион-

ный материал, что способствовало укреплению советской власти.

На превращение музея в губернский культурный центр была направлена научно-исследовательская работа его сотрудников, проводимая в уездах губернии. Иваново-Вознесенский губернский подотдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины 16 июня 1919 г. выдал удостоверение художнику музея А.М. Кузнецову для его командировки в Кинешму и Кинешемский уезд с целью «обследования памятников искусств и старины и принятия мер к их охране и перевозке в Иваново-Вознесенский губернский музей». В нем указывалось: «Губернский подотдел просит уездный исполком, его отделы народного образования и все другие советские учреждения оказывать товарищу Кузнецову в осуществлении задач его командировки всевозможное содействие»²³. Подобное удостоверение было и у Д.Г. Бурьлина. Оно разрешало хранителю музея осматривать в различных учреждениях культуры предметы искусства и старины в целях принятия их на учет и перевозки в губернский музей.

Таким образом, музей превратился из частного коллекционного музея в культурно-просветительское учреждение губернского масштаба. Предусматривалось и финансирование деятельности музея за счет местного бюджета.

В то же время 1920-е гг. – это трагическая страница в жизни некогда коллекционного музея Д.Г. Бурьлина. В тот период фактически происходило нарушение целостности собранных им фондов музейных ценностей. Происходило перераспределение предметов искусства и старины: передача в фонды других музеев, продажа через различные коммерческие структуры. Некоторые предметы, служившие для отправления религиозного культа, были признаны идеологически вредными.

Выводы. Важное место в «государственной вертикали», созданной в первые годы советского государства, занимали органы народного образования и их подотделы, ведавшие охраной памятников искусства и старины. Их деятельность регламентировалась декретами СНК РСФСР и Наркомата просвещения. Они руководили музеями на территории губернии, деятельность которых была направлена на сохранение и использование в просветительских целях историко-культурного наследия. Музеи Иваново-Вознесенской губернии были включены в музейную сеть, выстроенную советской властью, в систему централизованной государственной культурной политики и идеологии. Это проявилось в национализации, изменениях в экспозиционно-выставочной деятельности, ликвидации части коллекций при формировании музея, а также запустило процесс их передачи в фонды других музеев. Музеи начинают играть большую

роль в общегосударственной политике конструирования «нового человека», руководящегося социалистическими ценностями. Музейные работники, несмотря на трудности данного периода, в условиях ограниченных ресурсов (финансовых, человеческих, административных) приложили много усилий к собиранию, пропаганде и популяризации историко-культурных, художественных и музейных ценностей, формированию историко-культурного потенциала современной Ивановской области.

Примечания

¹ Доклад Кинешемской уездной земской управы № 2 «О постановлениях губернского земского собрания, касающихся Кинешемского уезда» // Сб. постановлений Кинешемского уездного земского собрания очередной сессии с 23 по 27 сентября 1903 года. Отчет управы за 1902 г. Смета и раскладки на 1904 г. Кинешма, 1905. Вып. 1. С. 17.

² Справочный календарь Кинешемского уездного земства на 1905 год. Кинешма, 1904. С. 3.

³ Государственный архив Ивановской области (далее ГАИО). Ф. Р-2226. Оп. 1. Д. 13. Л. 38.

⁴ ГАИО Ф. Р-2226. Оп. 1. Д. 13. Л. 44.

⁵ Смирнов П.И. Кинешемский музей // Рабочий и крестьянин. 1919. 25 февраля. С. 2.

⁶ ГАИО. Ф. Р-2226. Оп. 1. Д. 13. Л. 54.

⁷ Кинешемский художественно-исторический музей (далее КХИМ), научно-вспомогательный фонд (далее НВФ) история музея, Л. 3.

⁸ ГАИО. Ф. Р-2226. Оп. 1. Д. 13. Л. 21.

⁹ ГАИО. Ф. Р-2226. Оп. 1. Д. 13. Л. 21.

¹⁰ ГАИО. Ф. Р-2226. Оп. 1. Д. 13. Л. 83.

¹¹ ГАИО. Ф. Р-2226. Оп. 1. Д. 13. Л. 105.

¹² К открытию музея // Рабочий и крестьянин. 1919. 7 сентября. С. 3.

¹³ Смирнов П.И. Кинешемский музей // Рабочий и крестьянин. 1919. 25 февраля. С. 3.

¹⁴ ГАИО. Ф. Р-2226. Оп. 1. Д. 13. Л. 127.

¹⁵ ГАИО. Ф. Р-2226. Оп. 1. Д. 13. Л. 113.

¹⁶ КХИМ. НВФ История музея. Л. 7.

¹⁷ ГАИО. Ф. Р-167. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.

¹⁸ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее ОПИ ГИМ). Ф. 54. Оп. 1. Д. 737. Л. 43 об.

¹⁹ Степанов В.П. Мои воспоминания о нашей жизни в Кинешме у нашего деда Андрея Ивановича Буксенмейстера. Тетрадь № 7 [Рукопись] // Хранится в семейном архиве потомков В.П. Степанова.

²⁰ КХИМ Книга поступления основного фонда (КП ОФ).

²¹ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 737. Л. 43 об. – 44.

²² ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 737. Л. 50.

²³ ГАИО. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 54. Л. 56.

Список литературы

Гарданов В.К. Музейное строительство и охрана памятников культуры в первые годы советской власти (1917–1920 гг.) // История музейного дела в СССР. М.: НИИМ, 1957. Вып. 1. С. 7–36.

Власов И.И. Иваново-Вознесенский губернский музей // Иваново-Вознесенский губернский ежегодник (календарь-справочник) на 1920 год. Иваново-Вознесенск: Изд. Ив.-Вознесенского Губисполкома, 1920. 223 с.

Декреты Советской власти. М.: Политиздат, 1964. Т. 3: 11 июля – 9 ноября 1918 г. 676 с.

Златоустова В.И., Каспаринская С.А., Кузина Г.А. Музейное дело в России // Российская музейная энциклопедия. М.: Прогресс, Рипол Классик, 2001. Т. 1. 416 с.

Куприянова Л.Н. Экспозиционно-выставочная деятельность Иваново-Вознесенского губернского музея в 1-й половине 1920-х годов // Музей. История. Наука: материалы Второй науч.-практ. конф. Иваново: Референт, 2009. С. 18–23.

Орлов Д.Л. Иваново-Вознесенский губернский музей. 1924 год. Иваново: Изд. Епишева О.В., 2014. 107 с.

Семенов А.М. Г. Бурьлин и И.И. Власов: из истории пересечений в Иваново-Вознесенске // Бурьлинский альманах. 2014. № 1. С. 22–27.

References

Gardanov V. K. *Muzejnoe stroitel'stvo i ohrana pamjatnikov kul'tury v pervye gody sovetsoj vlasti (1917–1920 gg)* [Museum construction and protection of cultural monuments in the first years of Soviet power (1917–1920)]. *Istorija muzejnogo dela v SSSR* [History of Museum Affairs in the USSR]. Moscow, NIIM Publ., 1957, vol. 1, pp. 7–36. (In Russ.)

Vlasov I.I. *Ivanovo-Voznesenskij gubernskij muzej* [Ivanovo-Voznesensky Provincial Museum]. *Ivanovo-Voznesenskij gubernskij ezhegodnik (kalendary-spravochnik) na 1920 god Ivanovo-Voznesensk* [Ivanovo-Voznesensky provincial yearbook (calendar-reference book) for 1920]. Edition Iv.-Voznesensky Gubernatorial Executive Committee Publ., 1920, 223 p. (In Russ.)

Dekrety Sovetskoi vlasti [Decrees of the Soviet government]. Moscow, Politizdat Publ., 1964, vol. 3: July 11 – November 9, 1918 g., 676 p. (In Russ.)

Zlatoustova V.I., Kasparinskaja S.A., Kuzina G.A. *Muzejnoe delo v Rossii* [Museum business in Russia]. *Rossijskaja muzejnaja jenciklopedija* [Russian museum encyclopedia]. Moscow, Progress Publ., 2001, vol. 1, 416 p. (In Russ.)

Kuprijanova L.N. *Jekspozicionno-vystavochnaja dejatel'nost' Ivanovo-Voznesenskogo gubernskogo muzeja v 1-j polovine 1920-h godov* [Exposition and exhibition activity of the Ivanovo-Voznesensky Provincial

Museum in the 1st half of the 1920s]. *Muzej. Istorija. Nauka: materialy Vtoroj nauch.-prakt. konf.* [Museum. Story. Science: materials of the second scientific-practical conference]. Ivanovo, Referent Publ., 2009, pp. 18–23. (In Russ.)

Orlov D.L. *Ivanovo-Voznesenskij gubernskij muzej. 1924 god* [Ivanovo-Voznesensky Provincial Museum. 1924]. Ivanovo, Episheva O.V. Publ., 2014, 107 p. (In Russ.)

Semenenko A.M. *G. Burylin i I.I. Vlasov: iz istorii peresechenij v Ivanovo Voznesenske* [G. Burylin and

I.I. Vlasov: from the history of intersections in Ivanovo Voznesensk]. *Burylinskij al'manah* [Burylinsky almanac], 2014, № 1, pp. 22–27. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 19.10.2021; одобрена после рецензирования 16.01.2022; принята к публикации 09.02.2022.

The article was submitted 19.10.2021; approved after reviewing 16.01.2022; accepted for publication 09.02.2022.

ЭТИОЛОГИЯ БОЛЕЗНЕЙ И ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СЕМЕЙСКИХ БУРЯТИИ

Стадник Юлия Александровна, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург, Россия, semeyskaya@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5950-2596>

Аннотация. В статье изложены результаты этнологического исследования разнообразия народных представлений семейских о причинно-следственных связях между поведением человека и возникновением некоторых болезней, излечимых магией. Изучение проводилось на основе этнографических фактов, имеющих в научной литературе и личном архиве автора. В процессе описания интересующих связей выяснилось существование в представлениях семейских чёткой закреплённости между причиной какой-либо болезни и поведением человека. Этиологией болезней может быть поведение самого больного и другого человека, обычных людей и обладающих сверхъестественными способностями. В этнокультуре старообрядцев Бурятии болезнетворное поведение может быть и повседневным (бытовым), и ритуальным. Этиология с бытовым поведением отображает народное представление о наказании за нарушение запрета. Этиология с ритуальным поведением относится к вредоносной магии. Далее народные знания о поведенческой (антропической) этиологии были использованы в качестве основания классификации для распределения болезней по группам. Сопоставление полученной группировки с другими показало много совпадений и позволило сделать вывод о том, что в этнокультуре семейских болезнетворное ритуальное поведение более опасно для здоровья, чем болезнетворное бытовое поведение. В целом результаты данного исследования убеждают в возможности использования народных представлений об этиологии болезней как дифференцирующего признака для упорядочивания народно-медицинских фактов в этнологии. Описание такого рода представлений обнаружило совпадение традиции семейских с общеизвестными мировоззренческими универсалиями.

Ключевые слова: народная медицина, поведение, болезнь, русские, этиология, семейские, традиционная культура, этнография, магия, ритуал.

Для цитирования: Стадник Ю.А. Этиология болезней и поведение человека в народных представлениях семейских // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 55–62. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-55-62>

Research Article

ETIOLOGY OF DISEASES AND HUMAN BEHAVIOUR IN FOLK IDEAS OF THE SEMEISKIE OF BURYATIA

Yulia A. Stadnik, Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences, Saint-Petersburg, Russia, semeyskaya@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5950-2596>

Abstract. The article presents the results of the ethnological study of the diversity of the Semeiskie folk ideas about the cause-and-effect relations between human behaviour and occurrence of certain diseases that can be cured by magic. The study was carried out on the basis of ethnographic facts available in the scientific literature and the author's personal archive. In the process of description of the ties of interest, it became clear that there is a clear link between the cause of a disease and human behavior in the Semeiskie ideas. The behaviour of the patient itself and other person, ordinary people and those having supernatural powers can be the etiology of diseases. In the ethnoculture of the Old Believers of Buryatia, disease-causing behaviour can be both everyday (routine) and ritual. The etiology with everyday behaviour reflects the popular idea of punishment for violation of a prohibition. Etiology with ritual behaviour refers to harmful magic. Further, the folk knowledge about behavioural (anthropic) etiology was used as a basis of classification for distribution of diseases into groups. Comparison of the obtained grouping with others showed a lot of coincidences and made it possible to conclude that in the Semeiskie ethnoculture, disease-causing ritual behaviour is more dangerous to health than disease-causing everyday behaviour. In general, the results of this study convince of the possibility of using the folk ideas about the etiology of diseases as a differentiating feature for arrangement of folk medical facts in ethnology. The description of this kind of ideas revealed the coincidence of the Semeiskie tradition with the well-known worldview universals.

Keywords: folk medicine, behaviour, disease, Russians, etiology, family, traditional culture, ethnography, magic, ritual.

For citation: Stadnik Yu.A. Etiology of diseases and human behaviour in folk ideas of the Semeiskie of Buryatia. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 55–62 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-55-62>

У семейских (старообрядцев Забайкалья) были обнаружены народные представления о том, почему появляются некоторые болезни, требующие лечения у знахарок. В научной медицине раздел, изучающий причины и условия возникновения болезней, называется этиологией [Этиология]. Такой термин в данном этнологическом исследовании используется по отношению к народным объяснениям причин появления болезней, излечиваемых магическими средствами.

По представлениям забайкальских старообрядцев, в отличие от научной медицины этиологией болезней могут быть человек, его анатомия, время, существа низшей мифологии, нечистый дух, покойники, духи природных явлений, животные [Стадник 2012: 55].

В статье изложены результаты исследования, целью которого было выявить разнообразие народно-медицинских представлений семейских, отражающих причинно-следственные связи между некоторыми болезнями и поведением человека. Подобного содержания народная этиология болезней может быть названа антропической.

Поставленная цель потребовала выполнить следующие задачи:

– изучить, какие поступки человека считаются этиологией тех или иных болезней в представлениях забайкальских старообрядцев;

– выяснить, кто в традиционной народной культуре семейских совершает болезнетворные поступки, или, иными словами, чьё поведение может быть причиной заболевания;

– определить, кто, по мнению старообрядцев Забайкалья, заболевает после совершения болезнетворного поступка.

В качестве методологической основы были использованы исследовательские подходы, разработанные Э.Б. Тайлором [Тайлор], Дж.Дж. Фрэзером [Фрэзер] и А.К. Байбуриным [Байбурин].

Фактологическими источниками для изучения поведения человека как этиологии болезней послужили научные публикации и полевые материалы автора, собранные у семейских Бурятии в местах их компактного проживания (Тарбагатайском и Мухоршибирском районах).

В традиционной народной культуре семейских, как и других русских, существует определённый перечень нездоровых состояний, избавление от которых подразумевает лечение магией у знахарок, *бабушек*. «Забайкальские старообрядцы магическими средствами лечат боли в руках, водянку, грыжу (клин), зубную боль, испуг (переполох), килу, колотти (боли в животе), криксы (крикты), наружное кровотечение (по-

рез), огник, порчу, пуп новорожденного, рожу, сглаз, собачью старость (рахит), утён (радикулит), от тоски, от худого, щетинку, ячмень. <...> от ночницы <...>, от лишая, от колотья в боках, от залома <...>, от родимца, от сухой жабы, от укуса змеи, волосец <...>, сучье вымя, хомут <...>» [Стадник 2012: 55; Стадник 2021: 146]. В статье речь идёт только о тех болезнях, этиология которых связана с поведением человека. Также сразу нужно предупредить читателя о том, что в данной работе отсутствует информация о симптомах (признаках) болезней. Народные симптоматические знания семейских показаны автором в другой статье [Стадник 2021].

Научный интерес к русским народным представлениям об этиологии такого рода болезней существует давно, потому что они отличаются от академических объяснений. Медики установили следующие группы причин болезней: механические; физические; химические; биологические; психогенные; генетические [Этиология]. Народно-медицинская культура семейских содержит в себе болезнетворные факторы, связанные с дорелигиозными формами верований и бытовым православием.

Разобраться в русской народной этиологии болезней пытались ещё некоторые российские дореволюционные исследователи, такие как В.Ф. Демич [Демич], Г.И. Попов [Попов] и др. В работах перечисленных авторов сведены в единое целое этнографические факты, зафиксированные по всей России, поэтому в их научных трудах отображена общерусская традиция без регионального деления. На народные воззрения у семейских об этиологии болезней обращали внимание Н.А. Ровинский [Ровинский: 122–123], В. Воскобойников [Воскобойников: 82–83], А.М. Попова [Попова: 127], Ф.Ф. Болонев [Болонев: 92].

Представления забайкальских старообрядцев об антропической этиологии болезней различны. В народно-медицинской традиции семейских возникновение некоторых недугов является следствием поведения как самого больного человека, так и других людей.

Прежде всего, необходимо сказать про поступки самого заболевшего, приводящие к недомоганию у него же. Какая-либо болезнь поражает того, кто нарушает нормы поведения приверженцев древнего православия. Например, Н.А. Ровинский сообщает, что человек, не перекрестивший воду перед питьём или севший за стол не на своё место для приёма пищи, у семейских считается уязвимым перед нечистой силой [Ровинский: 122–123]. С нарушением этих бытовых правил поведения старообрядцы Забайкалья могли связывать любое ухудшение свое-

го самочувствия. Или, по словам одной семейской женщины (информанта Н.А. Ровинского): «Всякая болезнь, скажу тебе, от нас самих получается» [Ровинский: 122].

Кроме этого, у забайкальских старообрядцев зафиксированы представления, отображающие связи между конкретными недугами и неправильными поступками самого больного.

У семейских есть запрет плевать на огонь и в печь¹. Об этом старообрядцы Забайкалья знают с ранних лет. У того, кто ослушается, появляются на лице красные влажные пузырьки. Такую болезнь семейские называют «огник». По диагностике В.Ф. Демича, он соответствует болезни мокнущий лишай / eczema [Демич: 343]. Чаше «огник» бывает у детей, знающих о запрете и всё же проверяющих на себе его действие.

Головная боль появляется у человека из-за нарушения им другого запрета поведения. Вычесанные волосы нельзя оставлять на расчёске². Их нужно сразу собрать и сжечь в печке. По другой версии, зафиксированной В. Воскобойниковым у старообрядцев в п. Вознесенском Хоринского района Бурятии, «чтобы голова не болела, нельзя свои волосы бросать на улицу» [Воскобойников: 82]. Очевидно, что в представлениях семейских нарушение этих правил бытового поведения влечёт за собой возникновение головной боли у нарушителя.

С поступком самого заболевшего тоже связана этиология кожного заболевания «лишай». Семейским было известно, что «где повалится лошадь – там нельзя ходить» [Воскобойников: 82]. У нарушителя этого запрета поведения будут «лишай» [Воскобойников: 82].

Этиологией болезни может быть поведение другого человека. В народно-медицинской культуре семейских болезнетворные поступки по отношению к кому-либо совершают обычные люди, беременные женщины, глазливые и колдуны.

У забайкальских старообрядцев В. Воскобойников записал представление об антропической этиологии болезни «залом», «которую каждый человек может “напустить” на другого» [Воскобойников: 83]. Заломом также называются завязанные узлом колоски хлебных злаков прямо на поле [Воскобойников: 83]. «По мнению “семейских”, сжать “залом”, взять в руки, упасть тени человека на него достаточно для того, чтобы тот человек захворал тяжелой болезнью» [Воскобойников: 83]. Завязывание заломы – это вредоносное магическое поведение, направленное на любого случайного человека, а не на кого-то конкретно. Судя по материалам В. Воскобойникова, для совершения такого болезнетворного магического поступка обладание сверхъестественными способностями не требуется. Поэтому у семейских было принято думать, что завязать залом может любой обычный человек.

Некоторые заболевания у детей возникают в результате неправильного поведения своих матерей во время беременности.

Одна из таких болезней – «клин». Этой болезнью страдают те дети, чьи матери во время беременности нарушали поведенческий запрет. Семейским беременным нельзя носить в запане дрова, то есть в полотнище фартука на уровне живота³.

С нарушением поведенческого запрета будущей матерью связана этиология другой детской болезни. По представлениям семейских, «щеткинка» появляется у тех новорожденных, чьи матери во время беременности переступали через собаку, пинали ногой её или свинью⁴ [Стадник, Фурман: 196]. Повсеместно такое поведение запрещено беременным женщинам. За грехи родителей расплачиваются дети. Если будущая мать не соблюдает этот запрет, то ребёнок рождается с кожным заболеванием «щеткинка» и не может спокойно лежать на спине, ёрзает.

Такая этиология свидетельствует о том, что в 90-е годы XX века у семейских присутствовала вера в происхождение болезней из-за грубого поведения человека по отношению к домашним животным.

Сходную с «щеткинкой» антропическую этиологию имеет детская болезнь «собачья старость». По убеждениям семейских, она бывает у детей, матери которых во время беременности опять же совершали неправильные поступки, пиная собаку⁵.

В других русских традициях известно иное объяснение возникновения этой болезни. «Если через ребёнка пелёнку перебежит собака, в ребёнка “увяжется сувец”, или собачья старость» [Попов: 44]. Следовательно, нельзя разбрасывать пелёнки. За нарушение этого правила поведения старшими родственниками расплачиваться будет новорожденный. Кроме этого, в некоторых губерниях русские верили, что «собачью старость» могли передать через «подброс» и «относ» [Попов: 42], имеющим отношение к вредоносной магии. У семейских представлений о возникновении «собачьей старости» в результате применения магических способов не обнаружено.

Несмотря на различие болезнетворных факторов, всё же этиологией болезни «собачья старость» у младенцев, по мнению семейских и русских европейской части России, считается поведение других людей. Это – логично. Ребёнок во младенчестве ещё не успел в своей жизни совершить какие-либо нарушающие поступки. Значит, он расплачивается болезнью за неправильное поведение кого-то другого. В этнокультуре семейских «собачьей старостью» ребёнок страдает из-за определённых поступков своей матери во время беременности.

В 20-е годы XX века советский этнограф А.М. Попова зафиксировала у старообрядцев Забайкалья объяснение этиологии оспы у детей. Взрослые семей-

ские говорили, что болеющие оспой и умирающие дети «за наши грехи маются» [Попова: 127]. Другими словами, в этнокультуре забайкальских старообрядцев существовало представление о том, что за нарушение норм поведения родителями будут нести ответственность в виде каких-либо болезней их дети. Видимо, этиология «собачьей старости», связанная с поведением беременной, является более конкретным выражением этого представления семейских.

Этиология болезни «сглаз» связана с поведением людей, обладающих особым качеством, то есть глазливостью. Общеизвестно, что достаточно одного обычного речевого высказывания (а не заговора) и/или взгляда глазливого для возникновения этого заболевания у другого человека. Повсеместно считается, что болезнетворные реплики глазливых выражают восхищение или зависть.

У семейских тоже распространено убеждение, что от «сглаза» страдают после того, как один человек восхитился другим и выразил своё восхищение словесно. Обычно после расхваливания страдают младенцы. Поэтому у забайкальских старообрядцев, как и во многих других русских традициях, есть правило поведения, запрещающее восхищаться именно маленькими детьми⁶. За совершение кем-то этого запретного поступка оказывается наказанным болезнью «сглаз» другой невинный человек. Поскольку есть убеждение о том, что глазливый может и не подозревать о своём болезнетворном качестве, то на всякий случай в этнокультуре семейских запрет восхищаться кем-нибудь распространяется на всех людей. Всё это говорит о том, что в народно-медицинской традиции данной этноконфессиональной группы русских восхищенное поведение глазливого человека является этиологией «сглаза».

Также, как и другие русские, старообрядцы Забайкалья имеют представление о том, что болезнь «сглаз» может возникнуть после выражения зависти. В этнографических материалах Н.А. Ровинского есть сообщение семейской женщины о том, как одна из невзрачных девушек высказалась с завистью о хорошем здоровье и внешнем виде в адрес своей подружки [Ровинский: 123]. После этого вербального поступка вторая девушка тяжело заболела «сглазом» с осложнением в виде поражения пальца [Ровинский: 123].

Общеизвестно, что в христианском мире зависть является одним из грехов. Христианину нельзя завидовать кому-либо. В христианстве за нарушение этого запрета расплачивается в загробной жизни тот, кто завидовал. В последнем сообщении семейской, наоборот, после проявления зависти болезнь «сглаз» возникает не у того, кто позавидовал (совершил грех), а у того, кому позавидовали (не совершал грех). В данном случае подобно восхищению от недуга страдает невинный человек. При этом сведений от семейских

о существовании чётко сформулированного поведенческого запрета высказываться с завистью в адрес кого-либо, чтобы не причинить вред его здоровью, автором не обнаружено. Как есть, например, такого рода известия о восхищении. Тем не менее, материалы Н.А. Ровинского ясно и убедительно демонстрируют наличие в народно-медицинской культуре семейских представления о завистливом поведении глазливого человека в качестве этиологии болезни «сглаз».

Кроме восхищения и зависти антропической причиной болезни «сглаз» может быть ещё удивление. Во время интервью одна из семейских вспомнила, как после её родов глазливая крёстная с удивлением посмотрела и высказалась о большом животе роженицы⁷. Когда крёстная ушла, то родившая женщина сразу почувствовала себя очень плохо⁷. Роженица заболела «сглазом». Комментариев о запрете откровенно удивляться от нашего информанта не прозвучало, как это было с запретом восхищаться. Поэтому в данной ситуации нет возможности сказать, что было совершено болезнетворное нарушение правила поведения. Однако последняя история хорошо иллюстрирует отношение в этнокультуре семейских к удивлённому поведению как к этиологии болезни «сглаз».

У семейских люди, обладающие глазливостью, не относятся к разряду колдунов. В представлениях забайкальских старообрядцев глазливые занимают отдельное положение между обычными людьми и специалистами, владеющими приёмами вредоносной магии. Поэтому болезнетворное поведение причинителей «сглаза» и колдунов в данной работе рассматривается по отдельности. Описание характеристик глазливых людей и сравнение их с колдунами не входит в цели и задачи настоящей статьи, хотя, несомненно, заслуживает самостоятельного исследования.

Если поведение обладателей глазливостью является причиной только одного заболевания, «сглаза», то поведение колдунов может быть этиологией разных болезней. Подтверждение этому есть в публикации В. Воскобойникова: «Почти все болезни “семейских” объясняются злостью “худых” людей, “захочет и испортит”» [Воскобойников: 83].

В большинстве случаев поведение колдунов направлено на конкретного человека. Как персональным, так и безличным может быть причинение «рожи».

В народно-медицинской культуре семейских, как и в других русских традициях, этиологией «рожи» является насылание колдуном болезни по ветру. На кого попадёт вредоносный заговор, у того появится на коже красная опухоль.

По представлениям старообрядцев Бурятии, этиология болезни «кила» тоже прямо связана с вредоносно-магическим поведением определённых людей. Выражаясь словами семейских, «килу» колдуны сажают на человека. После такого поступка появляет-

ся нарыв у женщины на щеке, а у мужчины на половых органах⁸.

Причиной болезни «хомут» принято считать совершение специального болезнетворного поступка с использованием магии. Как и другие русские, семейские помнят, что колдуны «хомут» надевали на кого-либо.

Как именно происходит причинение колдуном болезней «порча» и «худой», сказать невозможно из-за отсутствия фактов у автора. Тем не менее, судя по сообщениям семейских, эти болезни возникают у какого-либо человека вследствие вредоносного поведения колдунов.

Изучение антропических факторов в народно-медицинских представлениях семейских показало, что этиологией болезней, излечиваемых магическими способами, может быть поведение как обычных людей, так и людей, обладающих сверхъестественными способностями.

Возникновение болезни из-за поведения обычных людей происходит в большинстве случаев в результате нарушения ими запретов бытового поведения. Такие ситуации хорошо иллюстрируют и подтверждают связь наказания с отступлением от поведенческой нормы, отмеченную А.К. Байбуриным [Байбурин: 15]. Здесь этнокультурой семейских разработано два варианта возникновения болезни у человека:

1) неправильное бытовое поведение кого-либо приводит к появлению болезни у него же. Такова этиология болезней «огник», «головная боль», «лишай»;

2) неправильное бытовое поведение одного человека (беременной) приводит к появлению болезни у другого человека (её будущего ребёнка). При этом условии появляются болезни «клин», «щетинка», «собачья старость».

Единственное заболевание, которое может быть причинено умышленным магическим поступком любого обычного семейского, – это «залом». Данная этиология болезни свидетельствует о существовании у старообрядцев Бурятии практики вредоносного ритуального поведения, основанного на вере в магию.

Поведение человека, обладающего такой сверхъестественной способностью, как глазливость, может быть причиной нездорового состояния у любого другого человека. По представлениям семейских, болезнь «сглаз» возникает при условии, если глазливый восхищается, завидует, удивляется. Как и повсеместно у русских, у старообрядцев Бурятии восхищенное и завистливое поведение глазливого является формой нарушения запретов бытового поведения. На этом основании антропическая этиология «сглаза» совпадает со вторым вариантом возникновения болезненного состояния из-за неправильного поведения в быту обычных людей, при котором запретный поступок совершает один человек, а от болезни страдает другой.

Обладание магическими способностями даёт возможность колдунам совершать целенаправленные болезнетворные поступки в адрес других людей. Общеизвестно, что такого рода поступки относятся к заразной (чёрной) магии и являются различными формами ритуального поведения. В мировоззрении семейских результатом вредоносного ритуального поведения колдунов являются болезни «кила», «порча», «рожа», «хомут», «худой». Такие этиологические представления забайкальских старообрядцев о болезнях согласуются с теоретическими положениями Э.Б. Тайлора [Тайлор] и Д.Д. Фрэзера [Фрэзер] и ещё раз подтверждают их.

Таким образом, в этнокультуре семейских болезнетворный поступок по отношению к себе или кому-то другому может совершить любой человек, беременная женщина, глазливый и колдун.

Как видно по этнографическим материалам, в народно-медицинской традиции старообрядцев Бурятии в большинстве ситуаций болезнетворные поступки обычных людей, беременных женщин и глазливых представляют собой разные формы бытового поведения, а такого же качества поступки колдунов относятся к ритуальному поведению. При этом единственным исключением выступает этиология «залом», у которой ритуальный вредоносный поступок может совершить и колдун, и обычный человек.

Следовательно, в народном мировоззрении семейских антропической этиологией болезней может быть поведение и бытовое, и ритуальное. Исполнение показанных выше форм бытового поведения считается причиной такой группы болезней, как «огник», «головная боль», «лишай», «клин», «щетинка», «собачья старость», «сглаз». Осуществление определённых форм ритуального поведения приводит к возникновению другой группы болезней, таких как «залом», «кила», «порча», «рожа», «хомут», «худой».

В целом антропическая этиология болезней в представлениях старообрядцев Бурятии основывается на нарушении запрета (в виде бытового поведения) и магии (в виде ритуального поведения). В этом отношении народно-медицинская культура семейских совпадает с общерусскими и общеэтническими мировоззренческими универсалиями. Самобытность забайкальских старообрядцев по изучаемому вопросу заключается в большей степени сохранности данных представлений по сравнению с некоторыми другими группами русских.

Стоит заметить, что распределение болезней на основании антропической этиологии имеет много совпадений с ранее предложенной автором классификацией, основанной на информативности симптомов [Стадник 2021: 147]. Напомним, что, исходя из народных знаний о признаках болезней, известные в этнокультуре семейских заболевания, излечимые

магией, подразделяются на физически явные и материально неощутимые [Стадник 2021: 147].

Болезни с этиологией, связанной с бытовым поведением и нарушением запретов, относятся к группе физически явных. Иначе говоря, причина недугов с физически явными симптомами заключается в совершении запретных бытовых поступков. Исключением является только «сглаз», в симптоматической классификации находящийся в группе материально неощутимых болезней.

Болезни с этиологией, связанной с ритуальным поведением и магией, состоят в обеих группах. Среди физически явных – «кила», «рожа», «хому́т». Из числа материально неощутимых – «порча» и «худой».

Болезнь «залом» соотнести с какой-либо группой сейчас невозможно, потому что у автора нет информации о народных симптоматических знаниях семейских об этом недуге.

Перечисленные совпадения показывают, что большинство болезней, излечиваемых магически, оказываются в одних и тех же группах классификаций с разными дифференцирующими признаками. Это обстоятельство выступает своего рода проверкой и подтверждением правильности симптоматической классификации недугов, поддающихся лечебной магии [Стадник 2021: 147–151].

Ещё больше совпадений обнаруживается при сопоставлении групп болезней с одинаковой антропической этиологией и группировкой, основанной на народном представлении семейских о степени тяжести недуга [Стадник 2021: 146]. «На основании продолжительности лечебного курса и степени нездоровых ощущений болезни могут быть подразделены на лёгкие и тяжёлые <...>» [Стадник 2021: 146–147]. Такое распределение приближено к реальному отношению семейских к заболеваниям.

Болезни, возникающие после нарушения запрета бытового поведения, в представлениях старообрядцев Бурятии считаются лёгкими. Даже от «сглаза» по сравнению с «порчей» избавляются быстрее.

Болезни, причинённые ритуально-магическим поведением, совпадают с болезнями, считающимися тяжёлыми. Как и в группе болезней с ритуально-магической антропической этиологией, так же и в ряде тяжёлых недугов есть болезни и физически явные, и материально неощутимые [Стадник 2021: 147].

Ранее автором было высказано предположение о том, что, возможно, разные по симптомам болезни «рожу» и «худой» «объединяет не только продолжительность лечебно-магического курса» [Стадник 2021: 147]. После выявления представлений семейских о причинности недугов стало понятно, почему некоторые физически явные и материально неощутимые болезни оказались в одной группе тяжёлых. Дело в том, что тяжёлые болезни независимо от сво-

их симптомов имеют общую антропическую этиологию, связанную с ритуальным поведением и магией. Как раз потому, что болезнь была причинена вредоносным магическим поступком, а не бытовым, она труднее лечится и недомогание больного сильнее.

Всё сказанное о совпадении группировок болезней на основании антропической этиологии и степени недугов позволяет сделать вывод о том, что в этнокультуре семейских болезнетворное ритуальное поведение более опасно для здоровья, чем болезнетворное бытовое поведение.

Изучение поведения человека в качестве болезнетворного фактора показало наличие в конце XX века у забайкальских старообрядцев народно-медицинских традиционных представлений. В свою очередь разнообразие антропической этиологии продемонстрировало существование в народном мировоззрении семейских в указанное время довольно чётких закреплённых связей между конкретными поступками и возникновением тех или иных болезней.

Обнаруженная закреплённость позволила объединить болезни с антропической этиологией в две группы, опираясь на связь с бытовым или ритуальным поведением. Получившаяся группировка болезней оказалась без пересечения, то есть не было попадания какого-либо недуга сразу в обе группы. Этот результат говорит о том, что представление о причине – существенный признак такого этнокультурного явления, как народные знания о заболеваниях. Благодаря этому этиология болезней может использоваться как дифференцирующий признак для упорядочивания народно-медицинских фактов в этнологии.

Примечания

¹ Полевые материалы автора (ПМА). Бурятия, Мухоршибирский р-н, с. Никольское. 1998 г. Кравцова Марина Севастьяновна, 1919 г. р.

² ПМА. Бурятия, Мухоршибирский р-н, с. Шалдай. 1997 г. Кравцова Фёкла Павловна, 1924 г. р.

³ ПМА. Бурятия, Мухоршибирский р-н, с. Никольское. 1997 г. Калашникова Екатерина Михеевна, 1936 г. р.

⁴ ПМА. Бурятия, Мухоршибирский р-н, с. Никольское. 1997 г. Калашникова Екатерина Михеевна, 1936 г. р.

⁵ ПМА. Бурятия, Мухоршибирский р-н, с. Никольское. 1997 г. Калашникова Екатерина Михеевна, 1936 г. р.

⁶ ПМА. Бурятия, Мухоршибирский р-н, с. Заган. 1997 г. Иванова Зинаида Мирколаевна, 1903 г. р.

⁷ ПМА. Бурятия, Мухоршибирский р-н, с. Заган. 1997 г. Иванова Зинаида Мирколаевна, 1903 г. р.

⁸ ПМА. Бурятия, Тарбагатайский р-н, с. Десятниково. 1999 г. Чистякова Анна Прокопьевна, 1916 г. р.

Список литературы

Байбури́н А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.

Болонев Ф.Ф. О некоторых элементах мировоззрения старообрядцев Забайкалья // Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири: отв. ред. А.П. Деревянко. Новосибирск: [б. и.], 1972. Ч. 1. С. 87–99.

Воскобойников В. Приметы и суеверия семейских // Бурятиеведение. 1930. № III–IV (11–12). С. 81–84.

Демич В.Ф. Сифилис, венерические и кожные болезни и их лечение у русского народа // Русский архив патологии, клинической медицины и бактериологии. 1901. Вып. 4. С. 337–364; Вып. 5. С. 423–455.

Попов Г.И. Русская народно-бытовая медицина: По материалам этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1903. 404 с.

Попова А.М. Семейские (Забайкальские старообрядцы) // Бурятиеведение. 1928. № I–III (Y–YII). С. 105–138.

Ровинский Н.А. Материалы для этнографии Забайкалья (продолжение) // Известия Сибирского отделения Императорского РГО. 1873. Т. IV. № 3. С. 112–132.

Стадник Ю.А. Народные знания семейских Бурятии о симптомах болезней // Вестник антропологии. 2021. № 2. С. 144–156. DOI <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2021-54-2/144-156>

Стадник Ю.А. Этнологическое изучение представлений семейских о болезнях // Спецпроект: анализ научных исследований: Материалы VII Міжнародної науково-практичної конференції, 14–15 червня 2012 р.: у 7 т. / відповідальний редактор Біла К.О. Дніпропетровськ: Видавець Біла К.О., 2012. Т. 2: Гуманітарні науки. С. 54–56.

Стадник Ю.А., Фурман О.Ю. Кинетика родильных обрядов семейских Забайкалья // Историческое, культурное и природное наследие (состояние, проблемы, трансляция); отв. ред. В.Ц. Найдаков. Улан-Удэ: ВСГАКИ, 1996. Вып. 1. С. 196–213.

Тайлор Э.Б. Миф и обряд в первобытной культуре. Смоленск: Русич, 2000. 624 с.

Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М.: Изд-во АСТ, 1998. 784 с.

Этиология // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D1%82%D0%B8%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F> (дата обращения 24.12.2020).

References

Baiburin A.K. *Ritual v traditsionnoi kul'ture. Strukturno-semanticheskii analiz vostochnoslavianskikh obriadov* [Ritual in traditional culture. Structural-semantic analysis of East Slavic rites]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1993, 240 p. (In Russ.)

Bolonev F.F. *O nekotorykh elementakh mirovozzreniia staroobriadtsev Zabaikal'ia* [On some elements of the worldview of the Old Believers of Transbaikalia]. *Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoi i kul'turnoi zhizni Sibiri* [Essays on the socio-economic and cultural life of Siberia], ed. by A.P. Derevianko. Novosibirsk, [b. i.], 1972, issue 1, pp. 87–99. (In Russ.)

Voskoboinikov V. *Primety i sueverii semeiskikh* [Signs and superstitions of the Semeyskys]. *Buriatievedenie* [Buryatian Studies], 1930, № III–IV (11–12), pp. 81–84. (In Russ.)

Demich V.F. *Sifilis, venericheskie i kozhnye bolezni i ikh lechenie u russkogo naroda* [Syphilis, venereal and skin diseases and their treatment in the Russian people]. *Russkii arkhiv patologii, klinicheskoi meditsiny i bakteriologii* [Russian archive of pathology, clinical medicine and bacteriology], 1901, issue 4, pp. 337–364; issue 5, pp. 423–455. (In Russ.)

Popov G.I. *Russkaia narodno-bytovaia meditsina: Po materialam etnograficheskogo biuro kniazia V.N. Tenisheva* [Russian folk and household medicine: based on the materials of the ethnographic Bureau of Prince V.N. Tenishev]. St. Peterburg, Tip. A.S. Suvorina Publ., 1903, 404 p. (In Russ.)

Popova A.M. *Semeiskie (Zabaikal'skie staroobriadtsy)* [Semeyskiye (Transbaikal Old Believers)]. *Buriatievedenie* [Buryatian Studies], 1928, № I–III (Y–YII), pp. 105–138. (In Russ.)

Rovinskiy N.A. *Materialy dlia etnografii Zabaikal'ia (prodolzhenie)* [Materials for the ethnography of Transbaikalia (continued)]. *Izvestiia Sibirskogo otdeleniia Imperatorskogo RGO* [News of the Siberian Branch of the Imperial RGS], 1873, vol. IV, № 3, pp. 112–132. (In Russ.)

Stadnik Yu.A. *Etnologicheskoe izuchenie predstavlenii semeiskikh o bolezniakh* [Ethnological study of the ideas of the descendants of Old Believers residing in trans-Baikal region about diseases]. *Spetsproekt: analiz nauchnykh issledovanii: Materialy VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 14-15 iyunia 2012 g.: v 7 t.* [Special project: analysis of scientific research: Materials of the VII International Scientific and Practical Conference, June 14–15, 2012: in 7 vols], ed. by K.O. Bila. Dnepropetrovsk, Bila K.O. Publ., 2012, vol. 2: Humanities, pp. 54–56. (In Russ.)

Stadnik Yu.A. *Narodnye znaniia semeiskikh Buriatii o simptomakh boleznei* [Folk knowledge of semeyskiye of Buryatia about the symptoms of diseases]. *Vestnik antropologii* [Herald of anthropology], 2021, № 2, pp. 144–156. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2021-54-2/144-156>

Stadnik Yu.A., Furman O.Yu. *Kinetika rodil'nykh obriadov semeiskikh Zabaikal'ia* [Kinetics of maternity rites of the descendants of Old Believers residing in trans-Baikal region]. *Istoricheskoe, kul'turnoe i prirod-*

noe nasledie (sostoianie, problemy, transliatsiia) [Historical, cultural and natural heritage (state, problems, translation)]. Ulan-Ude, VSGAKI Publ., 1996, issue 1, pp. 196–213. (In Russ.)

Tylor E.B. *Mifi obriad v pervobytnoi kul'ture* [Myth and rite in primitive culture]. Smolensk, Rusich Publ., 2000, 624 p. (In Russ.)

Frazer J.G. *Zolotaia vetv': Issledovanie magii i religii* [The Golden Bough: Study of magic and religion]. Moscow, AST Publ., 1998, 784 p. (In Russ.)

Etiologiya [Etiology]. Wikipedia [Wikipedia]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D1%82%D0%B8%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F> (access date: 24.12.2020). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.12.2021; одобрена после рецензирования 21.01.2022; принята к публикации 09.02.2022.

The article was submitted 30.12.2021; approved after reviewing 21.01.2022; accepted for publication 09.02.2022.

**«НА ПУТИ К “ЗЕЛЕННОЙ ПОВЕСТКЕ”?»:
ДИСКУРС РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ О БЛАГОУСТРОЙСТВЕ ЯРОСЛАВЛЯ
В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ЦЕНТРОМ (1960–1980-е гг.)**

Никифоров Юрий Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия, Nikifor2108@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4253-4532>

Аннотация. В работе исследуются факторы и тенденции развития городского благоустройства в историческом контексте послевоенной советской эпохи (1960–1980 гг.). В центре внимания находится Ярославль как один из ключевых городов в системе Верхневолжских регионов. В статье ставится вопрос о формировании экологических тенденций в дискурсе региональной власти о благоустройстве Ярославля. Политика городского благоустройства анализируется на основе архивных документов, мемуаров, публицистики, данных устной истории. Архивная база исследования представлена неопубликованными документами Центра документации новейшей истории Ярославской области. Теоретическая основа исследования связана с парадигмой урбанистики, социальной и экологической истории. Главное внимание сосредоточено на анализе развития общественного транспорта и озеленении Ярославля в 1960–80-е гг. Анализируется конфликт интересов двух уровней власти (городского и регионального) по проблеме развития трамвайных линий в Ярославле. В статье делается вывод, что, с одной стороны, определяющим фактором в развитии стратегии городского благоустройства были установки центральной власти. С другой стороны, в тактическом плане политика городского благоустройства зависела от личности регионального руководителя.

Ключевые слова: СССР, Верхневолжские регионы, Ярославль, благоустройство, общественный транспорт, экология, социальная история, урбанистика, «зеленая повестка», КПСС, В.Ф. Горулев, Ф.И. Лощенков.

Благодарности. Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 19-18-00269.

Для цитирования: Никифоров Ю.С. «На пути к “зеленой повестке”?»: дискурс региональной власти о благоустройстве Ярославля в историческом контексте взаимодействия с центром (1960–80-е гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 63–69. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-63-69>

Research Article

**“ON THE WAY TO THE “GREEN AGENDA”?”:
DISCOURSE OF REGIONAL AUTHORITIES ON THE IMPROVEMENT OF YAROSLAVL
IN THE HISTORICAL CONTEXT OF INTERACTION WITH THE CENTRE (the 1960s–1980s)**

Yury S. Nikiforov, candidate of historical sciences, associate professor, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University, Yaroslavl, Russia, Nikifor2108@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4253-4532>

Abstract. The article examines the factors and trends in the development of urban improvement in the historical context of the post-war Soviet era (1960-1980). The focus is on Yaroslavl as one of the key cities in the system of the Upper Volga regions. The article raises the question of the formation of environmental trends in the discourse of the regional authorities on the improvement of Yaroslavl. The policy of urban improvement is analysed on the basis of archival documents, memoirs, journalism, oral history data. The archival database of the study is represented by unpublished documents of the Centre for Documentation of Contemporary History of Yaroslavl Region. The theoretical basis of the study is connected with the paradigm of urban studies, social and environmental history. The main attention is focused on the analysis of the development of public transport and gardening of Yaroslavl in the 1960s-1980s. The conflict of interests of two levels of government (municipal and regional) on the problem of the development of tram lines in Yaroslavl is analysed. The article concludes that, on the one hand, the central government was the determining factor in the development of the urban improvement strategy. On the other hand, in tactical terms, the policy of urban improvement depended on the personality of the regional leader.

Keywords: USSR, Upper Volga regions, Yaroslavl, improvement, public transport, ecology, social history, urban studies, “green agenda”, CPSU, Vladimir Gorulyov, Fyodor Loshchenkov.

Acknowledgments. This work was supported by the Russian Science Foundation, project 19-18-00269.

For citation: Nikiforov Yu.S. “On the way to the “green agenda”?”: discourse of regional authorities on the improvement of Yaroslavl in the historical context of interaction with the centre (the 1960s–1980s). Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 63–69 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-63-69>

Процесс урбанизации, который протекал в СССР в 1950–80-е гг. [Горбачев] и продолжается в современной России, породил ряд противоречий. Такие проблемы советской эпохи, как медленное развитие транспортной инфраструктуры и благоустройства городской среды, остаются актуальными для значительного числа крупных городов РФ по настоящее время. Транспортные «пробки», несовершенство дорожного покрытия магистралей, рост автотранспорта и экологические проблемы – все эти негативные тренды ряда современных российских городов дополняют нерешенный кластер урбанистических проблем СССР. Названные обстоятельства обуславливают актуальность обращения к теме городского благоустройства в недавнем советском прошлом, которая все чаще становится предметом исследования в исторической науке. Так, в современной немецкой историографии акцент сделан на изучение городского пространства в экологическом контексте [Bernhardt 2020]. В настоящее время *экологическая история* [Радкау] – это новое динамичное направление отечественной историографии, где «в хронологическом и региональном разрезе основной упор делается на изучении советской экологической политики» [Нагорная, Голубинов: 5].

Свидетельством интереса научного сообщества к экологическому и транспортному аспектам урбанистики [Громова] является обсуждение проблем городской мобильности в рамках международных научных площадок. Так, 23–24 ноября 2021 г. в Москве состоялся международный российско-германский научный форум «Sustainable Mobility. Urban Planning. Climate Change» / «Устойчивая мобильность. Городское планирование. Изменения климата» (организован Германским домом науки и инноваций в Москве (DWIN) и Германским историческим институтом в Москве (DHIM) при поддержке посольства ФРГ в РФ). Во второй день форума в рамках воркшопа «Changes in Urban Mobilities and Their Environmental Consequences: Russia, Germany and Beyond (19th-21st cent.)» / «Изменения городской мобильности и их экологические последствия: Россия, Германия и другие страны» (XIX–XXI вв.) были затронуты исторические аспекты научного дискурса проблемы¹.

В настоящей статье предпринята попытка оценить факторы и тенденции развития благоустройства Ярославля в историческом контексте послевоенной советской эпохи. Избранная тема становилась предметом изучения, но в более раннем хронологическом разрезе – рубеж XIX–XX вв. [Воробьева]. Фокус внимания настоящего исследования сосредоточен на 1960–1980-х гг. Это было время формирования современной инфраструктуры Ярославля и интенсивной урбанизации. К 1989 г. численность

населения Ярославля составила более 600 тыс. жителей [Ярославлю 1000 лет: 272].

Следует сказать о репрезентативности Ярославля в системе Верхневолжских регионов [Марасанова: 132-139; Никифоров 2020: 52-60] в качестве объекта исследования. Еще при Екатерине II с 1777 г. на 20 лет Ярославль стал центром наместничества, а в XX в. в эпоху Хрущева короткий период времени входил вместе с Владимиром, Иваново и Костромой в состав укрупненного Верхневолжского совнархоза². Примечательно, что Ярославль как значимый экономический и культурный центр фигурирует в трудах ученых (общероссийского уровня) из разных отраслей научного знания. Так, с одной стороны, В.Л. Каганский определил Ярославль как типичную провинцию [Каганский: 78]. С другой стороны, видный урбанист Б.С. Хорев выделил Ярославль наряду с Брянском в качестве города, имеющего «межобластное организующее значение» в Центральной России [Хорев:151]. В рамках проекта укрупнения регионов РСФСР Хорев предлагал создать Верхневолжскую область в составе 4 регионов (Владимирского, Ивановского, Костромского, Ярославского). Центром нового макрорайона должен был стать Ярославль [Хорев:135].

Полагаю, что формирование городской инфраструктуры Ярославля определялось рядом факторов. Во-первых, влияние Волги. Крупнейшая река в европейской части РСФСР выступает и как инструмент мобильности (речной транспорт), и как ее ограничитель (необходимость возведения мостов). Во-вторых, Ярославль как столица «Золотого кольца» выступает уникальным объектом культурного наследия, с 2005 г. находясь под защитой «ЮНЕСКО» [Исторический центр Ярославля]. В-третьих, географическая близость к Москве обусловила влияние опыта столицы на развитие *инфраструктуры* Ярославля. В-четвертых, индустриальный потенциал Ярославля (машиностроение, химическая, текстильная промышленность) во многом определил не только городскую мобильность, но и потенциальные экологические проблемы. В 1946–1990 гг. в Ярославле были введены в эксплуатацию более 30 крупных предприятий [Ярославлю 1000 лет: 131]. Новые заводы не только способствовали возникновению новых жилых массивов («спальные районы»), но и выступали «точками» формирования новых транспортных маршрутов [Ковалев: 223–238].

Обращаясь непосредственно к историческому контексту развития благоустройства в Ярославле, стоит заострить внимание на *факторе личности лидера СССР*, который мог играть существенную роль в развитии городской инфраструктуры. Показательным для анализа этого влияния является феномен рабочих визитов советских лидеров в город [Ники-

форов 2016: 56–72]. Например, Н.С. Хрущев, судя по косвенным свидетельствам, достаточно критично относился к строительству новых мостов, был скуп и стремился к экономии ресурсов. Так, во время визита 1963 г. у Первого секретаря ЦК КПСС при въезде в Ярославль возникли вопросы относительно цветов, посаженных на развилке Костромского шоссе. Он упрекнул ярославцев в непрактичности: «Это не рационально, это французское дворянское направление, англичане более рациональный народ, у них газоны и кустарники. Нужно к этому делу переходить, дать больше газонов и кустарников, чтобы меньше труда было»³. В самом городе Хрущев возмущался тем, что строились жилые дома с крышей конем, а не плоской, что, по его мнению, было намного дешевле [Торопов: 86]. Кроме того, он раскритиковал дорогостоящие мосты Ярославля. «Какой дурак разрешил вам строить этот мост?» [Торопов: 86] – резко спросил Хрущев ярославское руководство во время визита. В официальной стенограмме эту жесткую отповедь советского лидера 1-й секретарь Ярославского промышленного обкома КПСС Ф.И. Лощенков изложил в более корректной форме: «“Интересовался ли Н.С. Хрущёв строительством моста через Волгу?” – “Да, когда проезжали по набережной, мы доложили, что строим мост через Волгу”. Н.С. Хрущёв: “Что-то у вас очень много мостов строится”. Ф.И. Лощенков: “В этом есть насущная необходимость”»⁴. Следует отметить, что критика Хрущева не помешала развитию мостов в Ярославле. В настоящее время в городе существуют 2 ключевых моста через Волгу: Октябрьский 1960-х гг. и Юбилейный 2000-х гг. [Ярославлю 1000 лет: 7].

Другим важным фактором, влиявшим на формирование городской инфраструктуры, с 1960–70-х гг. стало развитие общесоюзного законодательства⁵ в сфере экологии [Боголюбов; Макеева; Шмыглева]. В реальности руководство Ярославля 1960–70-х гг., как правило, косвенно затрагивало экологические аспекты при планировании городской инфраструктуры. Однако в контексте процесса общего благоустройства Ярославля городские власти явно двигались в направлении «зеленой повестки». Архивные документы свидетельствуют, что власти Ярославля придерживались комплексного подхода в вопросе благоустройства («озеленение городских, производственных и дворовых территорий»). Согласно постановлению Ярославского горкома КПСС от 29 марта 1979 г. за годы 10-й пятилетки были «посажены около 1 млн деревьев и кустарников, введены новые мощности городских очистных сооружений, построено 6,4 км новых троллейбусных линий, 20,3 км трамвайных линий, 118 км автобусных маршрутов»⁶. В приведенной выдержке из документа обращает на себя внимание фрагмент о развитии городского

электрического транспорта. Впечатляет рост длины трамвайных линий. Так, открытие нового маршрута трамвая протяженностью более 20 км связало исторический центр Ярославля с новым «Северным жилым районом» (неформальное название «Брагино») [Козлов, Маров].

Вводу в эксплуатацию новой трамвайной линии Ярославля предшествовал острый конфликт интересов между институтами власти (городской и региональной). С одной стороны, 1-й секретарь Ярославского горкома КПСС В.Ф. Горулев лоббировал развитие новых трамвайных линий в городе. Являясь убежденным сторонником этого вида транспорта, он добивался от региональной власти разрешения и ресурсов для осуществления «трамвайных планов». Другую сторону конфликта представлял 1-й секретарь Ярославского обкома КПСС Ф.И. Лощенков, который был фактическим главой Ярославского региона более 25 лет (1961–1986). Согласно отзывам некоторых исследователей, Лощенков, мягко говоря, критически относился к развитию трамвайных линий. С его точки зрения, трамвай был устаревшим видом транспорта [Ковалев: 214–215]. В начале своего правления в середине 1960-х гг. Лощенков добился ликвидации значительной части трамвайных линий в центре Ярославля, а также свернул строительство новых линий в направлении нефтеперерабатывающего завода [Ковалев: 215–221]. Он был скорее «даже не против трамвая... более ненавидел опоры для подвески контактного провода, которые, по его мнению, сильно уродовали улицы и проспекты города» [Ковалев: 230].

В 1977 г. городским властям Ярославля был предложен проект комплексного развития городского транспорта. Он предусматривал создание линии скоростного трамвая, которая должна была соединить крайние районы города (Северный жилой / Дзержинский и Фрунзенский). Трамваю выделяли автономную полосу, а в историческом центре линию планировалось убрать под землю [Ковалев: 215]. Полагаю, что в случае реализации этого новаторского проекта в Ярославле могла бы появиться ветка метрополитена. В.Ф. Горулев как глава горкома КПСС всячески поддерживал эту идею. Напротив, руководитель Ярославского региона Ф.И. Лощенков был противником новой трамвайной линии. Эмоциональный накал согласований в период ввода новой трамвайной линии был настолько велик, что привел к инфарктам у градоначальника Ярославля 1970-х гг. В.Ф. Горулева [Ковалев: 234]. Отражением конфликта стало изменение прямого маршрута новой трамвайной линии. Первоначально трамвай должен был проходить по середине Северного жилого района, вдоль главной улицы (Ленинградский проспект). Однако Лощенков настоял на изменении маршрута. Трамвайная

линия была проложена по периферии района. Считаю, что это ошибочное решение создало серьезные проблемы для городской мобильности ярославцев в настоящем. Лощенков же мотивировал изменение трамвайного маршрута необходимостью сохранения искусственных водоемов (пруды) в центре нового «спального» района [Ковалев: 235–236]. Несмотря на противодействие региональной власти и бюрократические перипетии, к ноябрю 1980 г. самая длинная трамвайная линия города была введена в эксплуатацию: из дальнего района в центр был проложен беспересадочный маршрут. В 1985 г. система ярославского трамвая достигла кульминации в развитии. Общая протяженность трамвайных линий составила почти 67 км [Ярославлю 1000 лет].

Продолжая анализ факторов, влиявших на благоустройство Ярославля, обратимся к роли регионального руководителя. Упомянутый Ф.И. Лощенков был не только противником трамваев, но и поддерживал, выражаясь языком современного дискурса, так называемую «зеленую повестку», в определенном смысле опередив время. Ярославский региональный лидер, опираясь на авторитет ЦК КПСС и неформальные контакты с влиятельным членом Политбюро А.П. Кирилленко [Никифоров 2021b: 245–260], выделял ресурсы на создание новых скверов, парков, фонтанов. О созидательной роли Лощенкова в плане благоустройства Ярославля свидетельствуют как архивные документы⁷, так и данные устной истории. В интервью профессор Н.П. Воронин отмечал по этому поводу, что «шло созидание... Он был хозяин области, переживал за область» [Никифоров 2021a: 189]. Развитие «зеленых зон» в городе, конечно же, нужно оценивать как положительное явление. Однако иногда эти «зеленые инициативы» Лощенкова входили в резонанс с практическими аспектами в развитии городского транспорта: «...подумать о ликвидации трамвайного парка в центре города. Хороший сквер получится» (цит. по: [Ковалев: 215]). Полагаю, что «зеленые устремления» Лощенкова были скорее связаны с личными эстетическими представлениями, чем с желанием улучшить экологическую ситуацию. Увлечение Лощенкова фонтанами даже породило у ярославцев прозвище «Федор Фонтаныч», хотя больше закрепилось прозвание «царь Федор» [Никифоров 2021a: 189].

Архивные документы конца 1970-х гг. свидетельствовали, что определяющим фактором благоустройства продолжали оставаться установки центральной власти. Так, в соответствии с решением партийного съезда городские власти Ярославля поставили амбициозную задачу: «Выполняя решение 25-го съезда КПСС... превратить Ярославль в один из красивейших городов на Волге»⁸.

Еще одним значимым фактором в развитии экологического благоустройства были коммемора-

ции (юбилеи Ярославля). Например, постановление горкома КПСС от 11.09.1985 г. № 54. «О подготовке мероприятий к 975-летию Ярославля» привело к расширению «озеленения города, ремонту дорог и тротуаров, скверов, бульваров, набережных»⁹.

Поворотным в деле благоустройства Ярославля стал 1988 г., когда региональные власти сконцентрировали особое внимание на экологии. Т.П. Колпаков, занимавший должности председателя агропромышленного комитета Ярославской области (1983–1988), председателя президиума Ярославского областного совета Всероссийского общества охраны природы (1988–2008), рассказывая в интервью про экологические проблемы, сообщал, что имело место «загрязнение воздуха предприятиями промышленности, особенно нефтеперерабатывающим заводом, предприятием «Ярэнерго», автомобильным транспортом. Существенные экологические проблемы, связанные со стоками...» [Никифоров 2021a: 217–218]. Приведенные свидетельства устной истории коррелируют с данными архивных документов. В стенограмме заседания горкома КПСС от 27 апреля 1988 г. критиковалась производственная деятельность Ярославского нефтеперерабатывающего завода. В документе отмечалось «существенное влияние вредных выбросов на экологическую обстановку в Ярославле»¹⁰. Подчеркивалось, что «выбросы вредных веществ от предприятий химии, нефтехимии, машиностроения, энергетики («Ярославский моторный завод», заводы «Синтетический каучук», «Лакокраска», «Технический углерод») и автотранспорта остаются значительными»¹¹. Обращает на себя внимание упоминание автомобильного транспорта (автобусы). Далее в документе виден еще больший акцент на *природоохранной работе*. Предлагалось «обратить внимание «Ярославльавтотранса» на недостаточную работу по переводу автотранспорта на экологически чистые виды топлива и потребовать принятия мер по созданию газозаправочных станций для автомобилей»; выдвигалось требование «опережающего строительства природоохранных объектов на Ярославском нефтеперерабатывающем заводе»¹². Однако уже в 1989 г. в условиях экономических трудностей¹³ вопросы экологии отошли на второй план.

Пристальный взгляд на документы, отложившиеся в местном архиве, позволяет увидеть очевидную тенденцию в политике Ярославского горкома КПСС по благоустройству: в приоритете был исторический центр Ярославля (Кировский район). Экологический тренд проявлялся «в посадке деревьев и кустарников, создании новых парков, скверов и зон отдыха»¹⁴. Следует сказать, что проблемы благоустройства нашли отражение и на страницах местной периодической печати. Среди экологических проблем, которые об-

суждались в городских газетах (рубрика «Письма трудящихся по благоустройству города» в газете «Северный рабочий» от 30 мая 1979 г.) отметим проблему вывоза мусора и засорения зон отдыха: «Наблюдается несвоевременная уборка мусора на останках транспорта, в торговых точках, во дворах»¹⁵. Кроме того, в конце 1980-х гг. в Ярославле появилась организация «зеленых» – городской экологический клуб «Зеленая ветвь», объединивший до 70 чел.¹⁶

Таким образом, факторы развития городского благоустройства в Ярославле 1960–1980-х гг. условно можно разделить на внешние и внутренние. К внешним следует отнести официальные установки центральной власти и развитие общесоюзного законодательства. Ситуативным фактором могут считаться рабочие визиты в Ярославль первых лиц СССР и их личные указания, касавшиеся городской инфраструктуры (Н.С. Хрущев в 1963 г.). К внутренним факторам отнесем субъективную роль региональных руководителей. Так, с одной стороны, Ф.И. Лощенков, 1-й секретарь Ярославского обкома КПСС, в силу собственных эстетических вкусов способствовал политике озеленения города, поддерживая появление новых парков. С другой стороны, В.Ф. Горулев, глава Ярославского горкома КПСС, стремился к развитию в городе трамвая – одного из экологичных видов транспорта. Начинания обоих руководителей, которые были антагонистами по транспортным вопросам, способствовали процессу благоустройства Ярославля в направлении «зеленой повестки». Специфическим фактором в развитии Ярославля в экологическом направлении были коммеморации (юбилеи города).

Важным элементом регионального дискурса власти 1970-х гг. по благоустройству Ярославля стал конфликт интересов между институтами городской и региональной власти. Изменение трамвайного маршрута, произведенное по настоянию первого лица региона, – пример, отражающий противоречивость практической реализации экологического тренда. С одной стороны, в центре нового района были сохранены искусственные водоемы («брагинские пруды»), которые стали основой будущего парка и местом отдыха горожан. С другой стороны, смещение трамвайной линии на периферию района снизило потенциал трамвая как актора городской мобильности Ярославля. С 1988 г. экологический тренд стал смещаться в новом направлении: большее внимание институтов городской власти к внедрению экологически чистых видов топлива, созданию газозаправочных станций для автомобилей, модернизации очистных сооружений на заводах. Газетные рубрики «Письма трудящихся по благоустройству города» и деятельность городского экологического клуба «Зеленая ветвь» породили наряду с властным и общественный дискурс благоустройства.

В заключение хотел бы высказать личную точку зрения о развитии общественного транспорта в современном Ярославле. В свете изученных архивных документов и литературы важным представляется развитие городского электрического транспорта. Прежде всего, важна модернизация трамвайных линий. Трамвай – наиболее экологичный, безопасный, пассажироемкий вид транспорта, способный свести к минимуму транспортные «пробки» – бич современных городов, не имеющих метрополитена. Пассажироемкость трамваев с двумя вагонами выглядит гораздо привлекательнее, чем аналогичный показатель маломестительных автобусов-«маршруток», которые являются источником дополнительных токсинов.

Исторические традиции Ярославля 1970–80-х гг. дают опору для развития городского электротранспорта в настоящее время. Перспективными видятся проекты развития трамвая, связанные с историческим центром города: возвращение к идее подземной рельсовой линии (мини-метро). Привлекательным с точки зрения туризма представляется проект создания кольцевой трамвайной линии вокруг исторического центра Ярославля, находящегося под защитой ЮНЕСКО. Подобный трамвайный маршрут мог бы выполнять функцию и общественного транспорта, и иметь потенциальную туристическую привлекательность (обзорный вид на ключевые объекты истории и культуры Ярославля). Например, подобное трамвайное кольцо имеется в Вене, столице Австрии.

Примечания

¹ Германский исторический институт в Москве. URL: https://www.dhi-moskau.org/fileadmin/user_upload/DHI_Moskau/pdf/Veranstaltungen/2021/Science-Forum_Programm_23-24.11.pdf (дата обращения: 09.12.2021).

² Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. Р-3651. Оп. 1. Д. 295. Л. 1–12.

³ Центр документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНІЯО). Ф. 7386. Оп. 1. Д. 131. Л. 29.

⁴ ЦДНІЯО. Ф. 7386. Оп. 1. Д. 131. Л. 37.

⁵ Об охране природы в РСФСР: Закон РСФСР от 27.10.1960 // Ведомости ВСРСФСР. 1960. № 40. Ст. 586.

⁶ ЦДНІЯО. Ф. 273. Оп. 83. Д. 4. Л. 166.

⁷ Там же. Оп. 95. Д. 6. Л. 54.

⁸ Там же. Оп. 83. Д. 4. Л. 169.

⁹ Там же. Оп. 95. Д. 6. Л. 54.

¹⁰ Там же. Оп. 101. Д. 4. Л. 177–178.

¹¹ Там же. Д. 4. Л. 178.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 109.

¹⁴ Там же. Оп. 83. Д. 5. Л. 103.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Ф. 272. Оп. 269. Д. 2715. Л. 5.

Список литературы

Боголюбов Е.А. Охрана окружающей среды в городах в 1950–1960-е годы (на примере Кемеровской области) // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 9. С. 59–64.

Воробьева Н.И. Развитие благоустройства Ярославля в конце XIX – начале XX вв. Ярославль, 2015. 257 с.

Горбачёв О.В. На пути к городу: сельская миграция в Центральной России (1946–1985 гг.) и советская модель урбанизации. М.: Наука, 2002. 158 с.

Громова Е.А. Правовое регулирование «умных городов» // Smart Law for Smart Industry. М.: РГ-Пресс, 2020. С. 138–143.

Исторический центр Ярославля // Список всемирного наследия ЮНЕСКО. URL: <http://whc.unesco.org/en/list/1170> (дата обращения: 09.12.2021).

Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: НЛЮ, 2001. 573 с.

Козлов П.И., Маров В.Ф. Ярославль: путеводитель. Ярославль: Верхне-Волжское изд-во, 1988. 236 с.

Ковалев А.Д. На электрической тяге: очерки истории ярославского трамвая и троллейбуса. Ярославль: Изд-во Александра Рутмана, 2005. 374 с.

Макеева Е.Д. Характерные особенности управления охраной природы в регионах РСФСР в 1960–1980-е гг. (исторический аспект) // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22, № 4. С. 51–55.

Марасанова В.М. Деятельность губернаторов Верхневолжского региона России в условиях Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 гг.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2013. № 8. С. 132–139.

Нагорная О.С., Голубинов Я.А. Экологическая история Первой мировой войны на восточном фронте: лакуны историографического ландшафта и исследовательские перспективы // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2021. № 2 (53). С. 5–16.

Никифоров Ю.С. Верхневолжские регионы РСФСР и союзно-республиканский центр (1950–1980-е гг.): теоретико-методологические основы изучения. Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2021а. 275 с.

Никифоров Ю.С. Визит Н.С. Хрущёва в Ярославль в 1963 г.: образ власти в региональном измерении // Российская история. 2016. № 4. С. 56–72.

Никифоров Ю.С. Региональный аспект исследования трансформации российского общества 1950–1990-х гг. и эволюции экономического устройства: репрезентативность и уникальность Верхневолжских регионов позднего СССР // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 52–60.

Никифоров Ю.С. «Сформировался удельный князь образца развитого социализма». Интересы правящих региональных элит СССР второй полови-

ны XX века // Диалог со временем. 2021b. Вып. 77. С. 245–260.

Торопов В.Ф. Незабываемое. Записки председателя облисполкома. Ярославль: Верхн. Волга, 2001. 173 с.

Шмыглева А.В. Экологическая политика СССР во второй половине XX в.: региональный аспект // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2017. № 46. С. 144–149.

Радкау Й. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М.: ВШЭ, 2014. 472 с.

Хорев Б.С. Региональная политика в СССР. М.: Мысль, 1989. 283 с.

Ярославлю 1000 лет. В зеркале статистики: статистический сборник / под ред. В.А. Ваганова. Ярославль: Ярославльстат, 2010. 285 с.

Bernhardt Chr. Urban automobility in Cold War Berlin: a transnational perspective. The Journal of Transport History, 2020, vol. 41 (3), pp. 301-305.

References

Bogolyubov E.A. *Ohrana okruzhayushchej sredy v gorodah v 1950-1960-e gody (na primere Kemerovskoj oblasti)* [Environmental protection in cities in the 1950s-1960s (on the example of the Kemerovo region)]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State power and local self-government], 2019, No. 9, pp. 59–64. (In Russ.)

Vorobieva N.I. *Razvitie blagoustrojstva Yaroslavlya v konce XIX – nachale XX vv* [The development of the improvement of Yaroslavl in the late XIX – early XX centuries]. *Yaroslavl Publ.*, 2015, 257 p.

Gorbachyov .V. *Na puti k gorodu: sel'skaya migraciya v Central'noj Rossii (1946–1985 gg.) i sovetskaya model' urbanizacii* [Towards the City: Rural Migration in Central Russia (1946–1985) and the Soviet Model of Urbanization]. *Moscow, Nauka Publ.*, 2002, 158 p. (In Russ.)

Gromova E.A. *Pravovoe regulirovanie «umnyh gorodov»* [Legal regulation of “smart cities”]. *Smart Law for Smart Industry*. *Moscow, RG-Press Publ.*, 2020, pp. 138–143 (In Russ.)

Istoricheskij centr Yaroslavlya [Historical center of Yaroslavl]. *Spisok vseirnogo naslediya YUNESKO* [UNESCO World Heritage List]. URL: <http://whc.unesco.org/en/list/1170> (access date: 09.12.2021).

Kaganskij V.L. *Kul'turnyj landshaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo* [Cultural landscape and Soviet habitable space]. *Moscow, NLO Publ.*, 2001, 573 p. (In Russ.)

Kozlov P.I., Marov V.F. *Yaroslavl': putevoditel'* [Yaroslavl: Guidebook]. *Yaroslavl, Verkhne-Volzhscoe publishing house Publ.*, 1988, 236 p. (In Russ.)

Kovalev A.D. *Na elektricheskoy tyage: ocherki istorii yarovskogo tramvaya i trollejbusa* [On Electric Trac-

tion: Essays on the History of the Yaroslavl Tram and Trolleybus]. Yaroslavl, Alexander Rutman House Publ., 2005, 374 p. (In Russ.)

Makeeva E.D. *Kharakterny'e osobennosti upravleniya okhrany prirody' v regionakh RSFSR v 1960-1980-e gg. (istoricheskiy aspekt)* [Peculiar Features of Environmental Protection Management in Regions of the RSFSR in the 1960s to the 1980s (a Historical Aspect)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kostroma State University], 2016, vol. 22, № 4, pp. 51–55. (In Russ.)

Marasanova V.M. *Deyatel'nost' gubernatorov Verhnevolzhskogo regiona Rossii v usloviyah Pervoy mirovoj vojny (avgust 1914-fevral' 1917)* [The activities of the governors of the Upper Volga region of Russia in the First World War (August 1914 – February 1917)]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific reports of Belgorod State University], 2013, № 8, pp. 132–139. (In Russ.)

Nagornaia O.S., Golubinov Y.A. *Ekologicheskaya istoriya Pervoy mirovoj vojny na vostochnom fronte: lakunny istoriograficheskogo landshafta i issledovatel'skie perspektivy* [The Environmental History of the First World War at the Eastern Front: Historiographic Landscape and Research Prospects]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [Perm University Herald. History], 2021, № 2 (53), pp. 5–16.

Nikiforov Yu.S. *Verhnevolzhskie regiony RSFSR i soyuzno-respublikanskij centr (1950-1980-e gg.): teoretiko-metodologicheskie osnovy izucheniya* [Upper Volga regions of the RSFSR and the Union-Republican center (1950-1980s): theoretical and methodological foundations of the study]. Yaroslavl, YSPU K.D. Ushinsky Publ., 2021a, 275 p. (In Russ.)

Nikiforov Yu.S. *Vizit N.S. Hrushchëva v Yaroslavl' v 1963 g.: obraz vlasti v regional'nom izmerenii* [Visit of N.S. Khrushchev to Yaroslavl in 1963: the image of power in the regional dimension]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history], 2016, № 4, pp. 56–72 (In Russ.)

Nikiforov Yu.S. *Regional'nyy aspekt issledovaniya transformacii rossijskogo obshchestva 1950-1990-h gg. i evolyucii ekonomicheskogo ustrojstva: reprezentativnost' i unikal'nost' Verhnevolzhskih regionov pozdnego*

SSSR [Regional aspect of the study of the transformation of Russian society in the 1950s-1990s. and evolution of the economic structure: representativeness and uniqueness of the Upper Volga regions of the late USSR]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kostroma State University], 2020, vol. 26, № 2, pp. 52–60 (In Russ.)

Nikiforov Iu.S. *“Sformirovalsia udel'nyi kniaz' obraztsa razvitogo sotsializma”*. *Interesy praviashchikh regional'nykh elit SSSR vtoroi poloviny XX veka* [“An appanage prince of a pattern of developed socialism has emerged”. The interests of the ruling regional elites of the USSR in the later 20th]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with time]. 2021b, issue 77, pp. 245–260.

Toropov V.F. *Nezabyvaemoe. Zapiski predsedatelya oblistpolkoma* [Unforgettable. Notes of the chairman of the regional executive committee]. Yaroslavl', Verhn. Volga Publ., 2001, 173 p. (In Russ.)

Shmygleva A.V. *Ekologicheskaya politika SSSR vo vtoroy polovine XX v.: regionalny'y aspekt* [The Environmental Policy of the USSR in the Second Half of the XX Century: A Regional Aspect]. *Informatsionny'y byulleten assotsiatsii “Istoriya i kompyuter”* [Informational Bulletin of the Association History and Computer], 2017, № 46, pp. 144–149. (In Russ.)

Radkau J. *Priroda i vlast'. Vsemirnaya istoriya okruzhayushchej sredy* [Nature and power. World history of the environment]. Moscow, VSHE Publ., 2014, 472 p. (In Russ.)

Khorev B.S. *Regional'naya politika v SSSR* [Regional policy in the USSR]. Moscow, Mysl' Publ., 1989, 283 p. (In Russ.)

Yaroslavlyu 1000 let. V zerkale statistiki: statisticheskij sbornik [Yaroslavl is 1000 years old. In the mirror of statistics: statistical collection], ed. by V.A. Vaganova. Yaroslavl, Yaroslavlstat Publ., 2010, 285 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.12.2022; одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 09.02.2022.

The article was submitted 18.12.2022; approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 09.02.2022.

СИЛОВАЯ ПОЛИТИКА США И ИХ ПАРТНЕРОВ ПО ВНЕДРЕНИЮ ЗАПАДНОЙ ДЕМОКРАТИИ В АФГАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Шукуров Шухрат Зайниевич, Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, Научно-исследовательский институт (военной истории), Москва, Россия, zayniyev.temur@bk.ru

Аннотация. Предметом исследования является силовая политика США и их союзников по борьбе с международными террористическими организациями в Афганистане, нацеленной на строительство нового афганского общества, основанного на принципах западной демократии. При проведении исследования акцентировано внимание на процессы демократизации, которые были реализованы в три этапа в 2001–2014 гг. Также в статье описываются важные события, связанные с демократизацией: создание политической системы Афганистана, лояльной США и их союзникам; проведение первых президентских и парламентских выборов; становление политической оппозиции из разных слоев афганского общества; проведение вторых президентских и парламентских выборов в стране; развитие политического процесса на фоне вывода основного состава иностранного контингента в 2014 г. Автором проанализированы просчеты и серьезные ошибки администрации Соединенных Штатов и НАТО, связанные с формированием нового правительства Афганистана, организацией выборов президента и парламента, восстановлением экономики, подготовкой кадров для афганских силовых структур и обеспечением безопасности. Дается оценка действиям США, связанным с выводом войск из Афганистана в самый тяжелый период для населения страны. Данная статья представляет собой анализ процессов демократизации афганского общества, раскрывающих отдельные аспекты каждого этапа, проведенного в рамках силовой операции США и их союзников в Афганистане. Основным выводом исследования является то, что Соединенным Штатам и их партнерам не удалось достичь своих целей по строительству афганского общества на основе западных демократических ценностей.

Ключевые слова: демократия, правительство, конституция, президент, всеобщие выборы, партия, коалиция, Афганистан, США, НАТО, дестабилизация, движение «Талибан», «Аль-Каида», международный терроризм, наркотрафик, коррупция.

Для цитирования: Шукуров Ш.З. Силовая политика США и их партнеров по внедрению западной демократии в афганское общество // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 70–76. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-70-76>

Research Article

THE POWER POLITICS OF THE US AND ITS PARTNERS IN INTRODUCING WESTERN DEMOCRACY INTO AFGHAN SOCIETY

Shukhrat Z. Shukurov, Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Research Institute (Military History), Moscow, Russia, zayniyev.temur@bk.ru

Abstract. The subject of the study is the power policy of the United States and its allies in the fight against international terrorist organisations in Afghanistan, aimed at building a new Afghan society based on the principles of Western democracy. The research focuses on the processes of democratisation, which were implemented in three stages in 2001–2014. The article also describes important events related to democratisation – the creation of a political system in Afghanistan loyal to the United States and its allies; the holding of the first presidential and parliamentary elections; the formation of political opposition from different strata of Afghan society; the holding of the second presidential and parliamentary elections in the said country; the development of the political process against the background of the withdrawal of the main foreign contingent in 2014. The author analyses the miscalculations and serious failures of the administration of the United States and NATO related to the formation of a new government of Afghanistan, the organisation of presidential and parliamentary elections, economic recovery, training for Afghan law enforcement agencies and security. The assessment of the actions of the United States related to the withdrawal of troops from Afghanistan during the period most dramatic for the population of the country is given. This article is an analysis of the processes of democratisation of Afghan society, revealing individual aspects of each stage carried out within the framework of the military operation of the United States and its allies in Afghanistan. The main conclusion of the study is that the United States and its partners have failed to achieve their goals of building an Afghan society based on Western democratic values.

Keywords: Democracy, Government, Constitution, President, general elections, party, coalition, Afghanistan, USA, NATO, destabilisation, Taliban movement, Al-Qaeda, international terrorism, drug trafficking, corruption.

For citation: Shukurov Sh.Z. The power politics of the US and its partners in introducing Western democracy into Afghan society. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 70–76 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-70-76>

После распада СССР и прекращения финансовой и военно-технической помощи советской стороны в Афганистане разгорелась гражданская война (1989–1992), в ходе которой правительственные войска страны воевали против моджахедов, поддерживаемых извне. В дальнейшем эти противоборства превратились в борьбу за власть между различными группировками, позднее к этой борьбе подключилось и движение «Талибан».

Как известно, в сентябре 1996 г., после поражения антиталибских сил «Северного альянса», движение «Талибан», придя к власти в Кабуле, установило на территории Афганистана радикальный исламистский режим, основанный на неукоснительном соблюдении системы мусульманских правил и обычаев (шариата). В таких условиях страна просуществовала до декабря 2001 г., и характерной чертой в международном плане является тот факт, что, несмотря на практически полный контроль территории Исламской Республики Афганистан, власть талибов официально была признана только несколькими государствами (Пакистан, Саудовская Аравия, ОАЭ).

После терактов 11 сентября 2001 г. в городах Нью-Йорке и Вашингтоне талибам было выдвинуто требование со стороны США о выдаче Усама бин Ладена и всего руководства «Аль-Каиды» американскому правосудию, на что они ответили отказом. В результате Соединенными Штатами была начата самая крупная военная операция на территории Афганистана против движения «Талибан».

В октябре – декабре 2001 г. под предлогом осуществления антитеррористических мероприятий образованная во главе с США антиталибская коалиция, объединившая под своими флагами и другие антиталибские силы, нанесла решительный удар по режиму «Талибана». Это привело к тому, что столица и основной укрепленный пункт талибов – город Кабул – был захвачен уже 7 декабря 2001 г.

В итоге проведенной военной операции США и их союзниками по международной антитеррористической коалиции с участием сил Северного альянса (Объединённого исламского фронта спасения Афганистана) военная, административная и идеологическая государственная система исламского движения «Талибан» была разбита [Коргун: 462]. Пользуясь несомненным техническим превосходством, войска коалиции за два месяца взяли под свой контроль практически всю афганскую территорию.

Уже через два месяца большая часть Афганистана была очищена от режима талибов. Сразу после свержения в стране режима талибов остро встал вопрос о строительстве новой демократической афганской государственности. Именно в этот период Афганистан ожидали большие политические перемены.

Соединенные Штаты и их партнеры по Североатлантическому альянсу на волне успеха борьбы с международным терроризмом в Афганистане пытались «демократизировать» страну по западным политическим лекалам.

Анализ такой «демократизации» показывает, что в исследуемый период этот процесс прошел ряд этапов в своем развитии.

В рассматриваемые годы в предпринятом, и притом силовом, методе осуществления курса Соединенных Штатов и Североатлантического альянса на «демократическое» устройство власти и общества в Афганистане четко прослеживаются три этапа такой работы (2001–2005 гг., 2006–2010 гг. и 2011–2014 гг.). Этот процесс с помощью США и НАТО проходил путь от становления новой политической системы страны и лояльных ее представителей из Вашингтона, проведения первых президентских и парламентских выборов, через становление оппозиционных сил власти и осуществление вторых выборов президента и парламента до развития «демократических институтов» по западному образцу в ходе вывода войск коалиции и третьих президентских выборов 2014 г.

На всех этих этапах политическая организация Афганистана с ее институтами власти и непривитой западной демократией в афганском обществе держалась, образно говоря, на «штыках» Соединенных Штатов и Североатлантического альянса и на солидной финансовой и материальной подпитке, которая в огромных масштабах присваивалась коррумпированными чиновниками сверху донизу. Более того, эти вновь созданные политические учреждения Афганистана обладали в известной степени слабым профессионализмом и эффективностью.

В настоящем труде исследованы подходы руководств США и НАТО в строительстве нового афганского общества, основанного на принципах западной демократии, причем с применением силовой политики. Также обозначены основные просчеты и допущенные ошибки американцев и натовцев в создании афганского правительства и в целом демократизации страны.

Основная цель данной статьи – детально раскрыть все этапы развития демократизации, основные политические события, изменения, происходившие в стране в рассматриваемый период.

Первый этап: новая политическая системы Афганистана, первые президентские и парламентские выборы

В немецком городе Бонне в первой декаде декабря 2001 г. состоялась конференция под эгидой ООН по афганской проблематике с участием всех представителей основных политических сил Афганистана. Результатом данной конференции было принятие соглашения [Коргун: 462].

Все начатые политические преобразования в стране осуществлялись с опорой на основную юридический документ – решение Боннской международной конференции по Афганистану (Соглашение о временных механизмах в Афганистане до восстановления постоянно действующих правительственных институтов¹) – и ряд резолюций СБ ООН (№ 1267², № 1386³, № 1401⁴), принятых после отстранения талибов от власти.

В Боннской конференции принимали участие следующие афганские группы: «Северный альянс», «Римский процесс», «Кипрская группа» и «Пешаварское соглашение», а также независимые полевые командиры и деятели афганской эмиграции, не входящие в группы.

Основной задачей проведения данной встречи было формирование временной администрации Афганистана.

В ходе встречи наблюдались ожесточенные дискуссии, по результатам которых стали следующие решения Боннской конференции по Афганистану:

- создание временного органа в составе временной администрации, специальной независимой комиссии по созыву чрезвычайной Лойя Джирги, верховный суд и другие суды Афганистана;
- созыв чрезвычайной Лойи Джирги в течение 6 месяцев после создания временного органа для определения переходного органа, включая переходную администрацию на широкой основе;
- созыв Лойя Джирги в течение 18 месяцев после создания переходного органа для принятия конституции страны;
- формирование Лойе Джирге конституционной комиссии в течение двух месяцев после начала работы переходной администрации»⁵.

В ходе этой конференции избрание руководителя страны и состава временной администрации также являлось одним из важных результатов обсуждения; в частности Америка, оказывая давление на участников, выдвигала свою кандидатуру – Хамида Карзая, полевого командира пуштунского происхождения, которого даже не было в зале конференции.

Тогда в ходе встречи американским послом в Афганистане Д. Доббинсом по поручению К. Пауэлла была проведена консультация по согласованию кандидатуры Хамида Карзая на пост руководителя страны и состава временной администрации.

Тем не менее с 22 декабря 2001 г. Хамид Карзай возглавил временную администрацию Афганистана, соглашение о которой подписали представители указанных афганских групп. В тот же день США в спешном порядке официально признали новое правительство Афганистана. Первое заседание новой администрации страны было проведено в Кабуле уже 23 декабря.

В июне 2002 г. в Кабуле при поддержке США был созван всеафганский совет старейшин. Результатом созыва совета старейшин стало избрание Хамида Карзая временным руководителем страны. Также был создан переходный орган, включающий переходную администрацию на широкой основе. Как продолжение реформ в январе 2004 г. был принят основной закон – конституция Афганистана [Ingalls: 5–19].

На основе новой афганской конституции президент страны являлся главкомом ВС и возглавлял правительство. В основном законе страны также были учтены права всех народов, проживающих на афганской земле, вне зависимости от их национальностей, по главному принципу, что перед законом все равны, независимо от пола человека, его религиозной принадлежности и отношения к религии.

В итоге проведенных 9 октября 2004 г. в условиях продолжавшихся военных действий США и их союзников против террористов всеобщих выборов президента страны Хамид Карзай набрал 55,4 % голосов избирателей. И уже в декабре 2004 г. Карзай в качестве президента Афганистана был приведен к присяге. Несколько раз перенесенные на более поздние сроки выборы в Национальную ассамблею (парламент) были проведены в сентябре 2005 г. В итоге парламент страны, в который прошли кандидаты от тридцати партий, получился оппозиционным.

Следовательно, процесс формирования законных центральных органов власти в Афганистане практически был завершён при помощи США и их союзников. Но политики и эксперты уже тогда выражали немало сомнений в эффективности принятых мер. Для этого действительно имелись серьезные основания. Также, по мнению автора, в Афганистане при создании новой государственной политической системы было допущено интегрирование в неё негативного наследия, существовавшего ранее в афганском обществе, которое в результате и привело к деградации власти.

В ходе Боннской (Германия) конференции было объявлено, что число новых создаваемых правительственных учреждений в Афганистане будет доведено

до 29, хотя можно было ограничиться всего шестью-восемью.

Большое количество создаваемых правительственных учреждений и их пестрота (политра фракции) стали основной причиной возникновения противоборств между учреждениями.

США и западные страны после отстранения движения «Талибан» от власти устремились регулировать вопросы обеспечения безопасности на всей территории страны, а также восстанавливать государственный строй в Афганистане. Американцы и их союзники по альянсу до 2006 г. основные усилия направили только на расширение своих влияний на всю территорию государства.

Второй этап: политическая оппозиция в афганском обществе, вторые президентские и парламентские выборы в стране

В 2006 г., после окончания действия «Акта в поддержку свободы в Афганистане», появилась необходимость в повышении усилий с привлечением финансовых ресурсов для восстановления разрушенной страны [Сущенцов: 132]. В январе – феврале 2006 г. в Лондоне была проведена конференция, в ходе которой принят «Пакт по Афганистану». В данном документе представлялись как задачи участникам конференции (66 стран, 15 НГО), так и политические обязательства афганского правительства перед участниками программ. Для реализации задач программ по реконструкции страны до 2011 г. выделялись финансовые средства в размере более 10 млрд долл.⁶ Основной целью проведения конференции являлось мирное обустройство страны.

В Лондонской встрече кроме достигнутого соглашения по Афганистану была объявлена стратегия национального развития государства. В данном соглашении конкретно были указаны сроки (конец 2010 г.) завершения комплекса мер, направленных на обучение кадров для афганской армии и передачи ответственности за безопасность в стране самим афганцам.

Однако когда принятые решения по налаживанию политического процесса в стране начали давать сбои в условиях ведения военных действий, вторая администрация президента Дж. Буша-младшего вынуждена была обратить внимание на политическую оппозицию из разных слоев афганского общества, которая могла бы объединиться в коалицию против президента Хамида Карзая.

Поэтому уже в апреле 2007 г. сформировался Национальный фронт Афганистана (НФА). Он включал в себе высший совет и четырнадцать партий. Различные политические группы, религиозные консерваторы, а также бывшие коммунисты составили основу НФА. При этом ядром политической оппозиции стали члены Объединённого исламского фронта спасения Афганистана.

Вашингтон и официальный Кабул сделали все, чтобы внести раскол в ряды НФА. Окончательный раскол в НФА произошел после внезапного перехода маршала страны М. Фахима в сторону Х. Карзая и отказа его поддержать кандидатуру доктора А. Абдуллы в президентских выборах Афганистана⁷.

В сложившейся обстановке ведения боевых действий с вооруженной оппозицией в стране и ослабления влияния в обществе НФА поддержанный США проводник «американской демократии» Хамид Карзай начал в конце февраля 2009 г. свою предвыборную кампанию.

По результатам опроса населения было выявлено, что 40 % избирателей хотят поддержать конкурентов президента, только у 35 % есть желание дать свои голоса еще раз Хамиду Карзаю⁸. В третьей декаде августа 2009 г. произошло историческое событие: в Афганистане были проведены вторые президентские выборы. Но при этом только 17 октября распространились по стране неофициальные результаты выборов.

Позже стало известно, что даже американская поддержка, а также многочисленные подтасовки и фальсификации в пользу действующего президента не позволили Х. Карзаю собрать необходимое количество голосов.

Из-за неготовности вступить в коалицию с НФА Х. Карзай всячески препятствовал проведению 2-го тура выборов, утверждая тот факт, что он набрал более 50 % голосов честным путем в ходе первого тура.

Вначале лидеры западных стран согласились с Х. Карзаем, учитывая сложную внутреннюю обстановку в стране, но после утечки информации о массовых нарушениях их отношение, а также отношение мирового сообщества к проведенным выборам изменились [North: 2009].

Несмотря на такую «афганскую демократию», победу Х. Карзая на выборах вынуждены были признать за пределами Афганистана, в первую очередь США и их союзники по НАТО.

Но многие смотрели на результаты президентских выборов в стране с большим сомнением. После президентских выборов в Афганистане Вашингтон в лице администрации Обамы, не афишируя гласно свою помощь, организовал в 2010 г. вторые «демократические» выборы в Национальную ассамблею. В парламентских выборах страны выдвинули свои кандидатуры всего 2 557 человек (2 152 мужчины, 405 женщины) [Bilal Sarwary: 2010].

Отличительной чертой этой выборной компании от предыдущих выборов было то, что кандидаты в депутаты расходовали крупные финансовые средства. По некоторым данным, кандидаты в Кабуле, провинциях Герат, Фарьяб, Балх и Парвана расходовали более 100 тыс. долл. [Тарин: 2011].

Несмотря на поддержку США, вторые парламентские выборы в Афганистане превратились в наиболее ожесточенные противоборства в попытках демократизации афганского общества. В рамках подготовки к выборам в течение 3-х предвыборных компаний афганскими силовиками и силами МССБ в целях поддержания безопасности в стране были проведены около 2 800 боевых операций против террористов [North: 2009].

Вместе с тем активность политических партий в выборах была низкой, этому способствовали ограничения в области деятельности партий, принятые на законодательном уровне в Афганистане. В итоге всего пять партий официально прошли регистрацию для участия в выборах. Из всех участников выборного процесса только 30 % кандидатов считались официальными участниками, а 70 % – независимыми [Nessar M: 2014]. Все эти негативные явления привели к тому, что Хамид Карзай не смог собрать в парламенте большинство голосов. Более того, в новом парламенте влияние сил оппозиции и национального меньшинства намного усилилось.

В этот сложный период решение в Афганистане задач военной безопасности, борьбы с наркотрафиком и коррупцией зашли в тупик. К исходу 2010 г. положение не менялось в лучшую сторону, хотя в стране формально были созданы институты представительной демократии при активном содействии США, ООН и НАТО.

Третий этап: политический процесс в Афганистане на фоне вывода основных воинских контингентов США и их союзников по НАТО

В 2009 г., после направления дополнительного военного контингента в Афганистан, обстановка в стране относительно стабилизировалась, в результате Соединенные Штаты взяли курс на постепенный вывод своих войск из Афганистана и «афганизацию» войны [Сушенцов: 142]. Основным замыслом такой стратегии Соединенных Штатов являлась постепенная передача ведения боевых операций афганской национальной армии и вывод войск США до конца 2014 г.

Третий этап демократизации Афганистана пришелся на 2011–2014 гг., когда политические процессы в афганском обществе проходили в условиях фактической гражданской войны, вывода основных контингентов США и их союзников из страны и президентских выборов 2014 г. Начало этому этапу положила вторая Боннская международная конференция по Афганистану (5 декабря 2011 г.). В ходе данного мероприятия были рассмотрены вопросы, связанные с завершением войны, передачей ответственности за безопасность самим афганцам. Конференция завершилась принятием заявления, подтвердившего ориентацию на продолжение дальнейшей международной поддержки Афганистана.

При этом афганский президент Х. Карзай отметил, что в следующие десятилетия страна будет нуждаться в 10 млрд долларов в год для восстановления государства и поддержания безопасности. В свою очередь госсекретарь Соединенных Штатов Хиллари Клинтон пообещала продолжить поддержку со стороны США, но, сославшись на экономические трудности, призвала Кабул снизить выступающий в качестве возможного сдерживающего фактора уровень коррупции. Хамид Карзай пообещал бороться с этой проблемой путем демократического реформирования афганских институтов власти и избирательного процесса, а также укрепления верховенства закона.

Вместе с тем в этот период среди всех иностранных государств Соединенные Штаты являлись самым влиятельным и авторитетным участником процесса насаждения «демократии и законного порядка» в Афганистане, особенно после начала вывода основных воинских контингентов Соединенных Штатов и их союзников из страны.

По поводу состава группировки войск, сохраняемой в Афганистане после вывода основной части иностранного контингента, были разные мнения но в реальности американцы решили оставить в стране незначительный контингент войск.

В это время в СМИ часто появлялась информация о численности группировки войск (от 6 000 до 13 500 чел.), которую американское руководство планировало сохранить в Афганистане после 2014 г. При этом многие эксперты на способность афганских вооруженных сил по обеспечению безопасности и стабильности в стране без поддержки сил МССБ смотрели с большими сомнениями [Afghanistan Elections: 97].

Последующие события в Афганистане показали правильность таких оценок. С выводом основных сил США и НАТО из страны к 2014 г. не только возникла опасность радикализации ситуации и возможность прихода к власти в Афганистане талибов, но и произошла смена власти в афганском государстве, по-американски, «демократическим путем».

Всеобщие выборы в Афганистане прошли 5 апреля 2014 г., второй тур – 14 июня. В соответствии с афганской конституцией Хамид Карзай из-за ограничения срока полномочий законодательно не имел права выдвигать свою кандидатуру на президентских выборах. В ходе первого тура выборной кампании основное состязание на пост президента страны состоялось между А. Гани (31 %) и А. Абдулла (45 %). В первой и третьей декаде июля должны были быть объявлены предварительные показатели 2-го тура президентской гонки, но из-за широкого распространения информации о фальсификации результатов выборов сроки их объявления были отсрочены. По поводу результатов выборов между сторонами возникли

бурные споры, после чего ответственность за пере-счет голосов была передана представителям ООН.

После необходимых процедур 19 сентября 2014 г. Независимая избирательная комиссия (НИК) объявила победителем А. Гани. Пять часов спустя А. Абдулла и А. Гани подписали соглашение о разделении власти, при этом Ашраф Гани был назначен президентом, а Абдулла Абдулла занял пост главы исполнительной власти⁹.

Таким образом, как эти выборы, так и вывод основных сил США и НАТО показали, что после 2014 г. политическое будущее Афганистана с непривитой западной демократией осталось в подвешенном состоянии. Цели США и их союзников по демократизации афганского общества не были достигнуты. Это подтвердили события 2021 г., когда США окончательно ушли из Афганистана, потратив на «демократизацию» страны около двух триллионов долларов, оставив огромное количество оружия и боевой техники, которые достались талибам, пришедшим к власти в Кабуле.

США и НАТО допустили в афганском конфликте ту же ошибку, что и СССР в 1979–1989 гг. Они переоценили свои возможности и своего союзника (созданную при их помощи АНА), не были глубоко изучены реальные возможности и потенциал «Талибана». Еще один важный просчет – это незнание афганской истории, особенностей культуры народов и племен, проживающих на афганской земле. США не изучили глубоко опыт советских войск в Афганистане. В итоге Соединенным Штатам пришлось учиться на своих ошибках, хотя они долгое время игнорировали реальное положение дел, скрывая истинную ситуацию.

Просчеты США и НАТО по «демократизации» страны были буквально во всем, начиная с того, что западные «ценности» насаждались в условиях ведения боевых действий коалиционных сил против вооруженных талибов и «Аль-Каиды», и заканчивая так называемым «сопутствующим ущербом» (collateral damage) – гибелью мирного населения, в том числе женщин и детей. Эти просчеты были видны при непосредственном кураторстве и вмешательстве западных стран во главе с США в создание государственных структур власти в столице и на местах, организации выборов, помощи в строительстве афганской армии и правоохранительных органов и структур.

Такая «демократизация» не учитывала древнюю историю афганского государства и народа, его культурные и религиозные особенности, наличие множества племен и кланов, которые на протяжении многих лет вели борьбу за свое существование, считая, что тот, кто пришел на их территорию с оружием в руках, является врагом. США и их союзникам по коалиции не был также учтен опыт советских войск в Афганистане. Кроме того, в рассматриваемый

период в стране процветали коррупция и казнокрадство во всех сферах и слоях общества, в том числе и среди военных. Выделенные США финансовые ассигнования и международная гуманитарная помощь тратились необдуманно или же были разворованы.

Попытка «демократизации» древнего афганского государства в обстановке политической нестабильности обусловили просчеты в решениях руководства США и НАТО, что не могло не вызывать серьезную озабоченность общества и руководства государств региона. Понимая серьезность военно-политической обстановки в стране, США и НАТО осуществили вывод войск коалиции из Афганистана. Причем уход американцев и их союзников из страны при таких условиях считался крайне опасным как для сопредельных стран, так и для стран Центральной Азии.

Примечание

¹ Письмо Генерального секретаря S/2001/1154 от 5 декабря 2001 года на имя Председателя Совета Безопасности. СБ ООН. 2001. 5 декабря.

² Резолюция 1386 (2001) СБ ООН на 4443-м заседании 20 декабря 2001 г. Нью-Йорк. ООН. 2001. 20 декабря.

³ Резолюция 1267 (1999) СБ ООН на 4051-м заседании 15 октября 1999 г. Нью-Йорк. ООН. 1999. 15 октября.

⁴ Резолюция 1401 (2002) СБ ООН на 4501-м заседании 28 марта 2002 г. Нью-Йорк. ООН. 2002. 28 марта.

⁵ Agreement on Provisional Arrangements in Afghanistan Pending the Re-Establishment of Permanent Government Institutions, Bonn, Germany, December 22, 2001. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/AF_011205_AgreementProvisionalArrangementsinAfghanistan%28ru%29.pdf (дата обращения: 11.12.2021).

⁶ Afghanistan Compact. 2006. February 1. URL: https://www.nato.int/isaf/docu/epub/pdf/afghanistan_compact.pdf (дата обращения: 11.12.2021).

⁷ «Национальный фронт Афганистана» стремительно катится к развалу // Акценты. 2009. № 10.

⁸ Afghanistan Public Opinion Survey. 2009. May 3–16. Wash.: International Republican Institute (IRI), 2009, pp. 42–43.

⁹ Президентские выборы в Афганистане 2014. URL: https://wiki2.org/en/2014_Afghan_presidential_election (дата обращения: 11.12.2021).

Список литературы

Коргун В.Г. История Афганистана XX век. М.: ИВ РАН, 2004. 525 с.

Нессар М.О. История политического развития современного Афганистана: дис. ... канд. ист. наук. М., 2014. 237 с.

Сушенцов А.А. Малые войны США: политическая стратегия США в конфликтах в Афганистане и Ираке в 2000–2010-х годах. М.: Аспект Пресс, 2014. 272 с.

Тарин М. Выборы по-афгански // Афганистан.ру, 30 января 2011. URL: <http://www.afghanistan.ru/doc/19402.html> (дата обращения: 11.12.2021).

Afghans brave Taliban to vote in parliamentary election. BBC, September 18, 2010. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/world-south-asia-11349179> (дата обращения: 11.12.2021).

Afghanistan Elections Update, September 2, 2010. The 2010 Wolesi Jirga Elections in Afghanistan, NDI, p. 97.

Bilal Sarwary. Afghanistan's most unusual parliamentary contenders. BBC, September 6, 2010. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/world-south-asia-11155238> (дата обращения: 11.12.2021).

Ingalls J. The New Afghan Constitution. A Step Backwards for Democracy. Foreign Policy in Focus, March 13, 2004; Rubin B.R. Crafting Constitution for Afghanistan. Journal of Democracy, 2004, vol. 15, issue 3, pp. 5–19.

North A. Abdullah pulls out of Afghan vote. BBC. November 1, 2009. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/south_asia/8336388.stm (дата обращения: 11.12.2021).

References

Korgun V.G. *Istoriia Afganistana XX vek* [History of Afghanistan XX century]. Moscow, IV RAN Publ., 2004, 525 p. (In Russ.)

Nessar M.O. *Istoriia politicheskogo razvitiia sovremenogo Afganistana: dis. ... kand. ist. nauk* [The history of the political development of modern Afghanistan: PhD thesis]. Moscow, 2014, 237 p. (In Russ.)

Sushentsov A.A. *Malye voiny SShA: politicheskaia strategiiia SShA v konfliktakh v Afganistane i Irake v 2000–2010-kh godakh* [US Small Wars: US Political Strategy in the Conflicts in Afghanistan and Iraq in 2000–2010s]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2014, 272 p. (In Russ.)

Tarin M. *Vybory po-afganski* [Elections in Afghanistan] Afghanistan.ru. URL: <http://www.afghanistan.ru/doc/19402.html> (access date: 11.12.2021). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.12.2021; одобрена после рецензирования 16.01.2022; принята к публикации 09.02.2022.

The article was submitted 25.12.2021; approved after reviewing 16.01.2022; accepted for publication 09.02.2022.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 77–84. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 77–84. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821(44)

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-77-84>

ПРОТОНАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА И СТАНОВЛЕНИЕ ЖАНРОВОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ ФРАНЦУЗСКОЙ МАССОВОЙ ПРОЗЫ

Чекалов Кирилл Александрович, доктор филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия, ktchekalov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9050-0636>

Аннотация. Процесс формирования массовой литературы во Франции был неразрывно связан с укреплением романа-фельетона (как приоритетной публикационной формы) и сопровождался выработкой соответствующей жанровой типологии и номенклатуры. Термин «научная фантастика» вошел в нее лишь после Второй мировой войны, хотя сами образцы соответствующего нарратива возникли уже в период «прекрасной эпохи». В статье рассмотрена ранняя стадия развития французской научной фантастики (основные памятники, жанровые особенности, публикационные стратегии, жанровая рефлексия), проанализирована роль сочинений Ж. Верна в генезисе научно-фантастического дискурса. Особое внимание уделено «научно-чудесному» (*merveilleux scientifique*) типу повествования, подробным образом отраженному известным писателем Морисом Ренаром.

Ключевые слова: массовая литература, научная фантастика, «научно-чудесное», роман, нарратив, газета, фельетон, мистика, оккультизм, Луна

Для цитирования: Чекалов К.А. Протонаучная фантастика и становление жанровой номенклатуры французской массовой прозы // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 77–84. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-77-84>

Research Article

PROTOSCIENCE FICTION AND FORMATION OF THE GENRE NOMENCLATURE IN FRENCH PARALITERATURE

Kirill A. Chekalov, Doctor of Philological Sciences, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; The Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation Moscow, Russia, ktchekalov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9050-0636>

Abstract. Formation of the paraliterature in France was inextricably linked to strengthen the feuilleton novel (as a major publication form) and was followed by the creation of an appropriate genre nomenclature. The term «science fiction» became part of it only after World War II. Although the samples of the corresponding narrative had already appeared in the period of Belle Époque. The earliest stage of the French science fiction development (main works, genre features, publishing strategies, genre reflection) is considered in the article and the role of the works by Jules Gabriel Verne in the genesis of science fiction discourse is briefly analysed. The “scientific-wondrous” (“*merveilleux scientifique*”) is given great consideration, that was reflected in details by the famous writer Maurice Renard.

Keywords: popular literature, science fiction, *merveilleux scientifique*, novel, narrative, newspaper, feuilleton, mysticism, occult, Moon

For citation: Chekalov K.A. Protoscience fiction and formation of the genre nomenclature in French paraliterature. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 77–84 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-77-84>

Вычленение и становление в рамках общего литературного поля особого социокультурного «ареала» массового чтения – процесс, протекавший во Франции начиная с 1830-х годов и вплоть до «прекрасной эпохи». Робкие попытки отразить этот процесс наблюдались с самого начала указанного периода. Так, газета Эмиля Жирардена «La Presse», учрежденная 1 июля 1836 года и ставшая важнейшим двигателем романа с продолжением (романа-фельетона), уже в первом номере опубликовала статью снискавшего к тому времени известность писателя Фредерика Сулье, где разъяснялось значение слова «feuilleton» исходя из тех новых задач, которые поставил этой публикационной форме Жирарден. Сулье, которому в скором времени предстоит стать одним из мэтров романа-фельетона, еще не употребляет понятие «roman-feuilleton», но его эмоциональный текст, безусловно, готовит почву для этого. «Фельетон – это слава, известность, богатство»¹, – пишет Сулье, интригуя читателя нехитрыми и всем понятными ценностями и исподволь подготавливая его к обновлению содержательной начинки «подвала» (нижней части газетной полосы) как публикационной формы.

Совсем скоро, в «подвале» номера от 7 июля, вышла еще одна, и притом весьма пространная статья Сулье, на сей раз посвященная историческому роману. Речь в статье идет главным образом о том, в какой мере писатель может расцвечивать исторические факты собственным вымыслом, в какой мере игра воображения уместна в повествовании, основанном на реальных событиях. Однако очень быстро писатель отходит от жанровой проблематики и переключается на обсуждение собственно историографических тем.

Более значимым в теоретическом плане представляется очерк Александра Дюма под названием «Введение в наши исторические фельетоны», опубликованный в той же газете две недели спустя. Писатель традиционно использует понятие «исторический роман» прежде всего применительно к Вальтеру Скотту; попутно упомянуты другие, стародавние и хорошо представленные, по мнению Дюма, на его родине романские разновидности: «пасторальный роман, нравоописательный роман, альковный роман, рыцарский роман, роман о страстях и сентиментальный роман»². С точки зрения автора очерка, исторические романы должны избегать двух крайностей – не следует ни «иссушать прошлое» (как это часто делают историки), ни «искажать историю» (как это часто делают романисты). Давая установку литераторам, подвизающимся на ниве исторического повествования (то есть и себе самому), Дюма, однако, практически ничего не пишет по поводу самой публикационной формы; название очерка приобретает двусмысленный ха-

рактер: понимать ли под ним уместные в «подвале» историографические эссе или же речь идет о процессе перемещения в «подвал» собственно исторического нарратива? На наш взгляд, в очерке Дюма присутствуют как внешний «сюжет» (жанровая специфика исторического романа, который в XIX столетии сохраняет большую респектабельность по сравнению с другими феноменами массового чтения), так и внутренний (обновление фельетонной формы публикации). Дюма крайне эскизно намечает процесс превращения «фельетона» в «роман-фельетон», вытеснения ненарративных (критических, эссеистических и т. п.) текстов в «подвале» нарративными. Этот процесс окажется весьма медленным; необратимым он делается благодаря «Парижским тайнам», но и эпохальная книга Эжена Сю еще не завершит его.

Вплоть до конца XIX века популярный роман не воспринимался академической критикой как часть истинной литературы; вот почему рецензии на его образцы встречаются достаточно редко. Вместе с тем есть основания говорить об отсутствии строгой систематизации разновидностей массовой прозы как особого яруса словесности. Таким образом, Дюма, у которого – как мы видели – «высокие» и «низкие» жанры не были разведены между собой, в очередной раз выступил как законодатель литературной моды. Смещение (на уровне номенклатуры) «популярного» и «высокого» чтения, по сути дела противоречащее общей установке большинства литераторов на высокомерное игнорирование «промышленной литературы», можно считать достаточно распространенным явлением в теоретической рефлексии вплоть до конца столетия (более подробно см.: [Чекалов 2021]).

Так, «популярные» и «литературные» романы («roman populaire // roman littéraire») совершенно не дифференцированы в той дробной и ироничной палитре романного жанра, которую представил в самом конце XIX столетия бельгийский юрист, литератор и будущий политик католического толка Поль Крокер (1875–1955).

«Романы у нас имеются на все вкусы: поэтический роман Шатобриана, психологический роман Стендаля и Бурже, исторический роман Виньи, Мериэ и Дюма, сентиментальный или идеалистический роман Жорж Санд, Фейе и Вейо, фантастический роман Готье, реалистический роман Бальзака и Флобера, натуралистический роман Золя, импрессионистический роман Гонкуров, Доде и Лоти, а также такие подвиды, как светский роман-фельетон, сельский, военный, экзотический, научный, детский, христианский, добропорядочный, символистский, оккультный, юмористический и так далее. Прогресс, разумеется, налицо; далеко же мы ушли от “Астреи” и “Принцессы Клевской”...»³

В систематизации Крокера обращает на себя внимание не только намеренное (вплоть до бурлеска) смешение терминологического уровня с бытовым, но и сам подбор персоналий. Так, некоторое удивление вызывает включение в реестр второстепенного писателя и журналиста Луи Вейо (1813–1883), в наше время совершенно забытого; его присутствие обусловлено главным образом приверженностью Вейо (как и Крокера) ортодоксальному католицизму.

Другая деталь, на которую стоит обратить внимание в приведенной выше цитате, – это полное отсутствие детективного (криминального, судебного) нарратива, который между тем к моменту написания статьи достиг во Франции высокой степени развития (среди авторов, помимо Габорио, – Фортюно де Буагобе, Ксавье де Монтепен, Пьер Закконэ, Жюль Мари...), а сам термин «roman policier» встречается в периодике начиная с 1870-х годов. Видимо, криминальные романы оказались элиминированы Крокером опять-таки по причинам идеологического свойства; можно считать их полностью вписанными в категорию «и так далее».

И наконец, с точки зрения темы нашей статьи особенно важно отметить упоминание о «фантастическом романе Готье». Долгое время понятие «фантастический роман» оставалось закреплено именно за нарративом романтического типа (Гофман – Готье). Между тем уже в период «прекрасной эпохи» во французской литературе постепенно вызревал новый тип фантастического дискурса, который далеко не сразу нашел свое отражение в созданных тогда жанровых систематизациях. Речь идет о дальнем прообразе современной научной фантастики (или, если угодно, о «протонаучной фантастике»). Англоязычный термин «science-fiction» усваивается во Франции с большим опозданием – лишь после Второй мировой войны, зато соответствующие литературные феномены возникают здесь уже в 1860-х годов, практически одновременно с протодетективом (роман Эмиля Габорио «Дело вдовы Леруж» печатался на страницах газеты «Le Pays» с 14 сентября по 7 декабря 1865 года). Кроме того, в публикационной истории такого образца протонаучной фантастики, как «Житель планеты Марс» Анри де Парвиля, просматриваются стратегии, напоминающие о принципах публикации детективных романов. Историю этой публикации стоит изложить подробнее.

В выпуске той же газеты «Le Pays» (которая вообще внесла значительный вклад в продвижение французского массового чтения) от 17 июня 1864 года под рубрикой «Variétés» («Коротко о разном») была помещена заметка сенсационного содержания под названием «Житель планеты Марс»⁴; под ней стояла подпись хорошо знакомого читателям газеты журналиста Александра Ломона. В этом фиктивном ре-

портаже из Ричмонда сообщалось, что по ходу поисков нефтяных месторождений в районе американских Скалистых гор был якобы обнаружен космический аппарат. Внутри снаряда находился саркофаг с мумией антропоида – «причудливого обитателя межпланетных миров» (его анатомия описана весьма подробно). Заметку завершала следующая фраза: «Нам обещаны соответствующие иллюстрации, которые вскоре будут опубликованы». На самом деле речь шла о весьма эффектной зачине романа, принадлежавшего перу писателя, журналиста и путешественника, автора пространного цикла очерков «Научные беседы» (1861–1895) Анри де Парвиля (1838–1909). Дальнейшая газетная публикация осуществлялась в форме фельетона, не слишком ритмично и первоначально отнюдь не в «подвале» – там в это время печатались произведения других писателей, в том числе «Женатый священник» Барбе Д’Орвильи и один из эпизодов «Молодости короля Генриха» Понсона дю Террайля, – а все в той же рубрике «Variétés» (под именем Ломона).

В номере от 1 июля 1864 года за подписью «Ж.-Ф. Галль» (псевдоним все того же Парвиля, о чем совершенно ясно написал на страницах другой газеты Эмиль Золя⁵) была напечатана полемическая заметка, направленная против трактовки «Жителя планеты Марс» у чрезвычайно известного в XIX веке популяризатора науки Луи Фигье, с 1856 года выпускавшего справочный ежегодник «L'Année scientifique et industrielle». Фактически Парвиль и Фигье являлись конкурентами, работавшими в одном научно-популярном регистре, так что полемика должна восприниматься именно в контексте поношения соперника. Фигье принял сообщение об аэролите за чистую монету и стал опровергать «газетную утку», посчитав ее совершенно неуместной в серьезном правительственном издании. В своем опровержении Фигье прибегнул к научной аргументации, которую Парвиль довольно лихо парирует. Таким образом, газета не только поддерживала заданную уже с самого начала публикации симулятивную стратегию, но и остроумно развивала ее [Chassay].

Начиная с выпуска газеты от 9 сентября «Житель планеты Марс» переместился в «подвал», тем самым как бы самоидентифицировавшись в качестве романа-фельетона, а затем опять вернулся на прежнее место. Газетная публикация романа так и не была доведена до конца; отдельное издание, под полным именем автора – Henri de Parville, вышло у Этцеля в мае 1865 года, с давно обещанными иллюстрациями Эдуара Риу (этот художник известен прежде всего благодаря выполненным по его рисункам гравюрам к произведениям Жюль Верна). По сравнению с газетной в книжной версии произошла смена жанровой оптики: теперь «Житель планеты Марс» позиционируется

как эпистолярный роман и снабжен соответствующим авторским предисловием (документировавшим происхождение изложенного в ней сенсационного материала: по утверждению автора, он якобы обнаружил на своем письменном столе подборку отправленных ему из Америки писем).

Несмотря на эти метатекстуальные игры, Парвиль не стремился к полномасштабной выработке нового литературного жанра; его книга, возможно, навеянная реальным событием (падением так называемого «Оргейского болида» 14 мая 1864 года), напоминает научно-популярный роман-эссе с некоторой сатирической составляющей. Вспоминая об этой публикации в 1898 г. как о событиях давно минувших дней, Анри де Парвиль указал, что в «Жителе планеты Марс» выведены в ироничном ключе известные ученые-академики – Жак Бабине, Урбен Леверье, Анри Мильн-Эдвардс, Альфред Вельпо и прочие; «надеюсь, они меня простили»⁶.

Игровая составляющая еще сильнее выражена в другом произведении 1860-х гг. – «Путешествие осла на планету Марс» (1867) Габриэля Ликье (1843–1877). Возможно, отчасти это название было навеяно «Записками осла» Софи де Сегюр, опубликованными в 1860 году. Однако в данном случае речь идет не о романе, но о выразительном протококке: ключевую роль здесь играет не текст, а выполненные женеvским художником Эскофье литографии. Книга имеет не большее отношение к истории научной фантастики, чем насыщенный спиритизмом бурлескный роман неизвестного литератора Виктора Дазюра «Фантастический полк», выпущенный в 1868 году (хотя действие в нем тоже разворачивается на Марсе, а в предисловии содержится отсылка к Фламариону).

Из всех произведений 1860-х годов, связанных с космической темой, наиболее известной является, разумеется, диалог Верна «С Земли на Луну» (1865) и «Вокруг Луны» (1869). Именно здесь просматривается сознательная установка издателя Этцеля и писателя на выработку принципиально нового жанрового целого. В романах о Пушечном клубе, как и в рассмотренных выше произведениях, также присутствуют сатирическая и особенно познавательная составляющие. Большинство обозревателей абсолютизировали именно вторую из этих составляющих. Показательно, например, что в официальной правительственной газете «Gazette nationale ou le Moniteur universel» короткий отклик на роман «С Земли на Луну»⁷ оказался интегрирован в пространный разбор первого тома монументального эрудитского труда всё того же Луи Фигье «Vies des savants illustres depuis l'antiquité jusqu'au dix-neuvième siècle» (1866–1870), русский перевод которого (он вышел в 1871–1873 годах) именовался «Светила науки от древности до наших дней».

Собственно, и многие другие обозреватели восприняли романы о Пушечном клубе именно в том же ключе, тем самым утвердив представление о Верне исключительно как о добросовестном популяризаторе науки.

Скромная и не лишенная рекламной направленности попытка описать жанровое своеобразие этой «фантазии» была предпринята на страницах республиканской газеты «L'Opinion nationale» педагогом и журналистом Жаном Масе (он перед тем основал вместе с Верном и Этцелем журнал «Magasin d'éducation et de récréation»; в романе «Париж в XX веке» Верн назвал его «самым искусным популяризатором науки»). Масе отмечает мастерство книги в том, что касается соединения научной гипотезы с игрой воображения; при помощи своего таланта писатель создает эффектную, убедительную иллюзию реальности⁸.

Предпубликация романа «С Земли на Луну» (газета «Le Journal des Débats», с 14 сентября по 14 октября 1865 года) произвела большое впечатление на современников. Насыщенность размещенного в «подвале» романа-фельетона не только научными выкладками, но еще и математическими формулами выглядела крайне непривычно и вызвала неоднозначную реакцию. Так, юмористический журнал «Le Tintamarre» не преминул отметить, что Верн гораздо скучнее одного из своих предшественников в трактовке лунной темы – Сирано де Бержерака: «нам известны были романы нравов, романы с лихо закрученной интригой, психологические романы, эрудитские романы... г-н Верн создал педантский роман; Боже вас от него сохрани!»⁹.

Подобная реакция становится понятной, если учесть, что книга Верна выходит одновременно с остросюжетным романом циклом Понсона дю Террайля о Рокамболе. По меркам середины XIX века, наукообразные постраничные примечания Верна скорее уместны в ученом сочинении, нежели в романном нарративе; между тем автор «С Земли на Луну» с определенным вызовом именуется пятую главу книги, максимально насыщенную эрудитскими выкладками, «Roman de la Lune» (в русском переводе – «Повесть о луне»). Здесь содержится множество упоминаний о писателях и ученых прошлого, обращавшихся к указанной теме. При этом писатели явно превалируют. Заметно, что Верну известны работы выдающегося астронома Камилля Фламариона «Les Habitants de l'autre monde» (1862, в русском переводе – «Жители небесных миров», 1876) и «La pluralité des mondes habités» (1862, в русском переводе – «Многочисленность обитаемых миров», 1908). Например, именно в первой из вышеназванных книг писатель черпает упоминание о безвестном поэте Агезианаксе, касающемся в своих стихах лунной темы (в свою очередь Фламарион приводит цитату из поэмы о небесных

феноменах Агезианакса по диалогу Плутарха «О лике, видимом на диске Луны»).

Создатель русского перевода романа (он публикуется и поныне) Марко Вовчок, следуя общей переводческой логике своего времени, постраничные примечания элиминирует; речь идет о довольно существенном нарушении авторского замысла – как показал известный современный специалист по творчеству Верна Д. Компер, примечания играют важную роль в системе целого [*Compère*]. В то же время было бы ошибкой утверждать, что наукообразие становится абсолютной доминантой верновского повествования. Во второй части диалогии писатель воссоздает именно поэтический образ Луны, выдержанный в «бодлеровских» тонах [*Vas-Deyres*]. Сбалансированность поэтического и рационального становится, таким образом, конститутивным признаком верновского видения космической темы (этот баланс присутствует и в других произведениях писателя, в том числе в романе «Двадцать тысяч лье под водой», где даже реестр названий раковин в главе VII читается как небольшая поэма). В настоящее время диалогия считается пророческой (например, в ней довольно точно предсказаны некоторые подробности высадки американцев на Луну в 1969 году).

Понимание инновационного характера разработанного Верном жанра формируется к 1870-м годам. Правда, термин «научный роман» был впервые предложен в отношении Верна уже после выхода в свет «Пяти недель на воздушном шаре», весной 1863 года¹⁰, однако окончательную канонизацию Верна как «научного писателя» осуществил уже в следующем десятилетии журналист, литератор и высокопоставленный чиновник (он служил генеральным инспектором школьных и народных библиотек) Мариус Топен (1838–1895). Очерк Топена о Верне, опубликованный в 1876 году, является составной частью обширного цикла его заметок о современном романе. Топен внедряет «научный роман» в набросанную им небольшую жанровую номенклатуру: «чувствительный роман», «роман о Новом Свете», «сатирический роман», «роман-путешествие», «нравоописательный роман», «поэтический роман», судебный роман (Габорио), приключенческий роман (Дюма, Шоветт, Поль Феваль)¹¹. Как видим, Топен, в отличие от Крокера, не склонен «поражать в правах» криминальный дискурс. Автор очерка не ограничивается одной лишь систематизацией и довольно подробно развивает характеристики верновской модели «научного романа»: сочетание научной точности с увлекательностью, выдвижение смелых научных «фантазий» (по существу, гипотез); оптимистическое видение мира; многообразие и выразительность человеческих типов.

Напомним, что очерк Топена создавался в середине 1870-х годов, когда в творчестве Верна уже

ясно просматривалось многообразие жанрово-тематических модальностей (так, «Михаил Строгов», печатавшийся на страницах «*Magasin d'éducation et de récréation*» одновременно с указанным очерком, в категорию «научный роман» никак не вписывался и скорее тяготел к предложенной Топеном категории «приключенческий»). Однако Топен игнорирует это обстоятельство. Вплоть до своей кончины Верн воспринимался во Франции в первую очередь как создатель «научного романа»; лишь после выхода посмертного произведения «Агентство Томпсон и К^о» (1907) пресса заговорила о том, что творчество Верна, собственно говоря, отнюдь не ограничивается этим жанром. В разных источниках интересующий нас термин мог подвергаться некоторым коррективам («роман научных приключений», «роман научных гипотез»; в отношении опубликованного в 1892 году неоготического романа «Замок в Карпатах» прозвучал термин «научная фантазмагория»).

Зыбкость границ между различными типами остросюжетного нарратива ясно демонстрирует опубликованная через полгода после кончины Верна в восьмом номере журнала «*Je sais tout*» (15 сентября 1905 года) статья известного литератора и археолога Гастона Дешана «Фантастическая и неистовая литература». Теоретическая ценность статьи невысока, и всё же она заслуживает внимания в силу того, что Дешан трактует «фантастическую литературу» как в первую очередь литературу ужаса (неоготика). Упомянув в начале статьи имена «отцов-основателей» – По и Верна, – автор затем переходит к «доктору Конан Дойлу», а точнее сказать, к чрезвычайно подробному пересказу «Собаки Баскервилей» (тем самым акцентируя именно готическое начало у английского писателя); вслед за этим Дешан анализирует творчество Герберта Уэллса, уделяя основное внимание четырем романам: «Машина времени» (1895), «Остров доктора Моро» (1896), «Человек-невидимка» (1897) и «Война миров» (1898).

Существенную роль в ревизии границ фантастического сыграла статья прозаика и журналиста Пьера Миля «О «фантастическом» в литературе», опубликованная в 1912 году¹². Обращает на себя внимание использование автором в названии кавычек. Пьер Миль игнорирует романтическую фантастику и включает в категорию «фантастического» только те произведения «прекрасной эпохи», которые в наше время рассматриваются как эталоны протонаучной фантастики. Это сочинения Жозефа Рони-старшего («Ксипехузы», 1887, «Война за огонь», 1909–1911), Мориса Ренара («Синяя угроза», 1911; подробнее об этом романе см.: [Чекалов 2015]) и того же Уэллса (ранее его произведения были охарактеризованы как «фантастические» на страницах столь влиятельного литературного журнала, как «*Mercur de France*»¹³).

Важно отметить, что представление о «научности» в конце XIX столетия ни в коей мере не исключало оккультной и мистической составляющих. Это хорошо заметно по романной продукции уже упоминавшегося Фламариона (последователя Аллана Кардека, основоположника спиритизма). К художественной словесности астроном обратился еще в молодости («Люмен», 1866, полное изд. 1887); она стала доминировать в его творчестве в 1880-х–1890-х гг.: «Урания» (1889), «Конец света» (1893–1894), «Стелла» (1897). Возможно, необходимость прикоснуться к «возвышенным тайнам Вселенной», которую проповедовал Фламарион, была отчасти связана со сведенборгианством Бальзака («Серафита», 1835). Вообще в рассматриваемый период оккультное знание «рыщет у границ научного» [Finn: 43]; изобретения Эдисона, представленные на Всемирной выставке 1878 году, смели демаркационную линию между инженерным мастерством и волшебством. Именно в качестве чудесника Эдисон предстает в столь значительном литературном памятнике «прекрасной эпохи», как роман Вилье де Лиль-Адана «Будущая Ева» (1886).

В 1898 году соавтор Верна Андре Лори был назван, наряду со своим учителем, одним из корифеев «научного романа». Десятью годами ранее он создал одно из лучших своих произведений – «Изгнанники Земли» (предпубликация в виде романа-фельетона на страницах газеты «Le Temps» с 21 марта по 31 мая 1888 года; название газетной версии – «Selene-Compagnie Limited»). Роман снискал популярность в Европе и достаточно быстро был переведен на русский язык под названием «На Луну» (приложение к журналу «Вестник моды», 1889). Эта наиболее пространная из книг Лори изначально должна была стать очередным совместным с Верном проектом, на что указывал в одном из писем Этцель. В итоге Лори самостоятельно написал роман, где фантастический проект (операция, связанная с использованием исполинского магнита для притяжения Луны к Земле ради эксплуатации ее недр) соединяется с историческими фактами (события в Судане в 1884–1885 годах, восстание махдистов и осада Хартума). Грандиозная космическая операция терпит крах – гигантская намагниченная гора устремляется в космос и притягивается к луне (здесь имеется переключка с сюжетом романа Верна «Гектор Сервадак»; в обоих случаях герои в конце задаются вопросом, не приснились ли им все ранее описанные события). «Прото-научно-фантастическое» измерение соединяется в романе с оккультным, что можно считать парадигматической особенностью творчества Лори и ряда других «romanciers scientifiques», включая Мориса Ренара.

По сравнению с «Изгнанниками Земли» в написанной двадцатью годами позднее дилогии Гюстава Леруа «Пленник Марса» и «Война вампиров» (1908–

1909) еще более явственно выражено оккультное начало. Леруа полностью отходит от идеи космической ракеты; его способ достижения Марса – коллективная воля брахманов, которая подвергается дополнительному усилению при помощи особого механизма. При таком решении проблемы межпланетных путешествий нет особой надобности в конструктивном совершенствовании космического корабля (которое играло существенную роль для Верна, уделявшего большое внимание именно инженерным технологиям). В «Пленнике Марса» присутствует отсылка к Бальзаку – к тому самому мистическому Бальзаку, которого мы упоминали в связи с Фламарионом: «человеческая воля, та чудесная творческая сила, которую Бальзак считал субстанцией» [Le Rouge: 815].

Психическая энергия используется для осуществления космических полетов и у Фламариона (перед путешествием тела дематериализуются и вновь обретают плоть по прибытии), и в романе Анри Гайара (1863–1937) «Необычайные приключения Сержа Мирандала на планете Марс» (1908; второе издание именовалось «Робинзоны планеты Марс», 1925), и в «Сверкающем колесе» Жана де ла Ира (1908).

Таким образом, соединение мистического начала с научным становится обычным явлением в произведениях «прекрасной эпохи». Именно в этой связи возникает в 1880-х годах термин «научно-чудесное» («merveilleux scientifique»); в тот период под ним понимали те феномены, которые мы сегодня именуем «паранаучным знанием»; к изящной словесности его первоначально не относили. Данную трактовку термина закрепил французский физиолог, исследователь гипнотизма Жозеф-Пьер Дюран (1836–1900), автор опубликованной в 1894 году книги «Le merveilleux scientifique». В 1904–1905 годах крупнейшими представителями «научно-чудесного» были объявлены Верн¹⁴ и Уэллс¹⁵, однако кандидатура Верна не была поддержана главным теоретиком «merveilleux scientifique», уже упоминавшимся Морисом Ренаром. Именно этот писатель в своей статье 1909 г. «О научно-чудесном романе и его воздействии на понимание прогресса» [Renard: 1205–1213] постарался подвести под этот термин подлинно теоретическую базу.

Сама возможность обстоятельной рефлексии мотивируется автором тем, что феномен «научно-чудесного» достиг к моменту написания эссе стадии зрелости. В качестве репрезентативных образцов называются «Остров доктора Моро» Уэллса (1896) и «Полярный народ» Деренна (1907), тематически перекликающийся с «Затерянным миром» Конан Дойла, но на пять лет его опередивший. По мнению Ренара, первопроходцем «научно-чудесного» следует считать Эдгара По (основанная на идеях месмеризма новелла «Правда о том, что случилось с мистером

Вольдемаром» и оперирующая феноменами метемпсихоза и гипноза «Повесть Крутых гор»). В статье упомянуты также многочисленные предшественники «научно-чудесного», от Сирано де Бержерака до Эдмона Абу, Вилье де Лиль-Адана и Стивенсона.

Ренар полагает, что «научно-чудесный» роман – наиболее близкий философскому поиску тип современной ему словесности; сухая научная рефлексия убивает чудесное (а «чудо заключено в тайне» [Renard: 1207]). «Научно-чудесный» роман прибегает к использованию научных методов для понимания неизведанного и неясного. Итак, речь идет о соединении рационального и интуитивного познания, выдвигании разнообразных научных гипотез; о научном анализе притягательных именно своей загадочностью феноменов бытия.

Еще раз подчеркнем: хотя критики нередко ставили Верна, Уэллса и Ренара в один ряд, а то и прямо именовали последнего наследником Верна¹⁶, автор очерка «О научно-чудесном романе и его воздействии на понимание прогресса» категорически выводит за пределы «научно-чудесного» творчество Верна. Более того, он намеренно избегает называть имя великого писателя в своих статьях и лишь много позднее, в 1928 году, отвечая на вопрос газеты «L'Intransigeant» «Чем мы обязаны Жюлью Верну?», отдает дань литературному мастерству автора «Путешествия к центру Земли», но весьма прохладно отзывается о научном значении его выкладок [Renard: 1230]. Ренар усматривает в Верне прежде всего детского писателя, развивающего воображение подростков, тогда как сам он претендует на серьезные онтологические и гносеологические горизонты.

Установка на принижение роли Верна в генезисе французской протонаучной фантастики просматривается и у других авторов конца «прекрасной эпохи». И в этом видится прежде всего попытка решения прагматических задач, а именно возвышения социокультурного статуса «научно-чудесного». Связь нового жанрового образования с популярным романом XIX века воспринималась как врожденный порок, нуждающийся в коррекции. Мода на Уэллса, возникшая в начале 1900-х годов, позволяла наметить один из путей этой коррекции: импортная нарративная модель представлялась в большей степени укорененной в жанровой традиции «roman littéraire».

Итак, начиная с 1860-х годов, и особенно в период «прекрасной эпохи», во Франции имеет место не только интенсивное развитие протонаучной фантастики, но и кристаллизация рефлексии вокруг нее. Как мы видели, эта рефлексия еще не отличалась научной строгостью, да и не могла претендовать на нее; опыт Мориса Ренара, попытавшегося создать своего рода манифест нового типа нарратива, является в этом смысле исключением, причем прагматические

задачи (возвышение массового чтения, а также и собственного творчества до уровня большой литературы) играли в нем едва ли не ключевую роль.

Примечания

¹ Soulié, Frédéric. Le Feuilleton. La Presse, 01.07.1836, p. 1.

² Dumas, Alexandre. Introduction à nos feuilletons historiques. La Presse, 15.07.1836, p. 1.

³ Crokaert, Paul. Le progrès dans l'art. La Lutte: revue d'art et de sociologie catholique, 15.01.1899, p. 327.

⁴ Un habitant de la planète Mars. Le Pays, 17.06.1864, p. 5.

⁵ Zola, Émile. Les livres d'aujourd'hui et de demain. L'Événement, 04.02.1866, p. 3.

⁶ Parville, Henri de. Les Aérolithes américains. Les Annales politiques et littéraires, 15.05.1898, p. 318.

⁷ Lavoix, Henri. Revue littéraire. Gazette nationale ou le Moniteur universel, 02.12.1865, pp. 1472–1473.

⁸ Macé, Jean. Variétés. L'Opinion nationale, 16.12.1865, p. 3.

⁹ Philalèthe. Purée de la littérature moderne. Le Tintamarre, 05.12.1869, p. 6.

¹⁰ Gervais, Ernest. Cinq semaines en ballon, par M. Jules Verne. Le Petit Journal, 24.04.1863, p. 3.

¹¹ Topin, Marius. Le Roman contemporain. Jules Verne. La Presse, 25.04.1876, pp. 5–6.

¹² Mille, Pierre Du «fantastique» en littérature. La Dépêche, 30.04.1912, p. 1.

¹³ Davray, Henry D. Lettres anglaises. Mercure de France, 15.05.1905, p. 301.

¹⁴ Tudesq, André. Le Merveilleux scientifique: Jules Verne. La Plume, 15.04.1905, p. 359.

¹⁵ Réja, Marcel. H.-G. Wells et le merveilleux scientifique. Mercure de France, № 178, 01.10.1904, pp. 40–62.

¹⁶ Margueritte, Victor. «Le Voyage immobile» par Maurice Renard. Le Peuple, 04.04.1922, p. 2.

Список литературы

Чекалов К.А. Герменевтический код и его пародирование в романе Мориса Ренара «Голубая погребель» // Научные перспективы XXI века. Достижения и перспективы нового столетия. 2015. Ч. 7, № 3 (10). С. 23–25.

Чекалов К.А. К вопросу о жанровой системе французского популярного романа во второй половине XIX века // Tigris philologiae: сборник статей о французской литературе (и не только) к юбилею Натальи Пахсарьян. СПб.: Алетейя, 2021. С. 262–278.

Chassay, Jean-François et Barel-Moisson, Claire. Le roman des possibles: L'anticipation dans l'espace médiatique francophone. Montréal, Presses de l'Université, 2019. URL: <https://books.google.ru/books?id=DJwMEAAAQBAJ&pg=PT498&lpg=PT498&dq=le+pays+journal+1864+>

j-f+gall&source=bl&ots=cdKk5zopwb&sig=ACfU3U26d1Z7DQ7hT-rMfuNw-hZnPILDpg&hl=fr&sa=X&ved=2ahUKEwi425WD4NP1AhWQvIsKHZ-0AKkQ6AF6BAgeEAM#v=onepage&q=le%20pays%20journal%201864%20j-f%20gall&f=false (дата обращения: 12.10.2022).

Compère, Daniel. *Les Bas des pages*. Bulletin de la Société Jules Verne, 19836, № 68, pp. 147–153.

Deschamps, Gaston. La littérature fantastique et terrible. Je sais tout, 1905, № 8, pp. 151–161.

Finn, Michael R. Science et paranormal au 19e siècle: la science-fiction spiritualiste de Camille Flammarion. Dalhousie French Studies, 2007, vol. 78, pp. 43–51.

Le Rouge, Gustave. Le Mystérieux docteur Cornélius. Paris, Robert Laffont, 1986, 1325 p.

Renard, Maurice. Romans et contes fantastiques. Paris, Robert Laffont, 1990, 1271 p.

Vas-Deyres, Natacha. Jules Verne, un voyage vers la Lune ou... vers la science? Archicube, 2019, № 27. URL: https://www.academia.edu/46834048/_Jules_Verne_un_voyage_vers_la_Lune_ou_vers_la_science_revue_Archicube_n_27_La_Lune_ENS_Ulm_d%C3%A9cembre_2019 (дата обращения: 12.10.2022).

References

Chekalov K.A. *Germenevticheskij kod i ego parodirovanie v romane Morisa Renara "Golubaya pogibel'"* [Hermeneutic code and its parody in Maurice Renard's novel "The Blue Peril"]. *Nauchnye perspektivy XXI veka. Dostizheniya i perspektivy novogo stoletiya* [Scientific perspectives of the 21st century. Achievements and prospects for the new century], 2015, part 7, № 3 (10), pp. 23–25. (In Russ.)

Chekalov K.A. *K voprosu o zhanrovoj sisteme francuzskogo populyarnogo romana vo vtoroj polovine XIX veka* [To the question of the genre system of the French popular novel in the second half of the 19th century]. *Tigris philologiae. Sbornik statej o francuzskoj literature (i ne tol'ko) k yubileyu Natal'i Pahsar'yan* [Tigris philologiae. A collection of articles on French literature (and not only) for the anniversary of Natalia Pakhsaryan]. Saint Petersburg, Aletejya Publ., 2021, pp. 262–278. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 21.11.2021; одобрена после рецензирования 12.01.2022; принята к публикации 09.02.2022.

The article was submitted 21.11.2021; approved after reviewing 12.01.2022; accepted for publication 09.02.2022.

ОНТОЛОГИЯ ЮМОРА В РОМАНЕ «ОБЛОМОВ» И.А. ГОНЧАРОВА

Мосалева Галина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия, mosalevagv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5342-7305>

Аннотация. В статье освещаются вопросы восприятия смеха в античной и христианской традициях (в святоотеческом наследии), в русской и западно-европейской культурах. Рассматриваются различные точки зрения на характер комического в романе И.А. Гончарова «Обломов», специфика юмористического пафоса автора, соотношение комического и трагического, различные аспекты комического в романе. Обломов понимается как персонаж, совмещающий в себе комические и трагические черты. В статье доказывается, что особенности юмора в романе связаны с православной аксиологией, с феноменом соборности, объединяющим людей. Общий смех, связывающий обломовцев, космичен, он оказывается производным от природной радости Обломовки. Обломов – радостный евангельский ребенок, добрая улыбка на его лице остается до финала романа неизменной. Взаимоотношения Обломова и Захара строятся на комических основаниях, устраняя иерархически статусную преграду между ними. Небрежное отношение к вещам Захара символично: и для Обломова, и для Захара приоритетна внутренняя жизнь личности. Гончаров в лице Обломова выступает как противник сатирического направления в литературе, заявляя о себе как преемнике Гоголя. Миссия художника, выражаемая Обломовым, заключается в любви к изображаемому им человеку и плаче по его несовершенству и падению.

Ключевые слова: И.А. Гончаров, комическое, трагическое, смех, юмор, сатира, герои, поэтика, евангельские мотивы, православная аксиология.

Для цитирования: Мосалева Г.В. Онтология юмора в романе «Обломов» И.А. Гончарова // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 85–92. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-85-92>

Research Article

ONTOLOGY OF HUMOUR IN THE NOVEL “OBLOMOV” BY IVAN GONCHAROV

Galina V. Mosaleva, Doctor of Philological Sciences, Udmurt State University, Izhevsk, Udmurtia autonomy, Russia, mosalevagv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5342-7305>

Abstract. The article highlights the perception of laughter in ancient and Christian traditions (in the patristic heritage), in Russian and Western European cultures. Various points of view on the nature of the comic in the novel “Oblomov” by Ivan Goncharov, the specifics of the author’s humorous pathos, the ratio of the comic and the tragic, various aspects of the comic in the novel. Ilya Oblomov is understood as a character that combines comic and tragic features. The article proves that the features of humour in the novel are connected with Orthodox axiology, with the phenomenon of conciliarity that unites people. The general laughter that binds the Oblomovites is cosmic; it turns out to be a derivative of Oblomovka’s natural joy. Ilya Oblomov is a joyful gospel child, a kind smile on his face remains unchanged until the end of the novel. The relationship between Ilya Oblomov and Zakhar is built on comical grounds, eliminating the hierarchical status barrier between them. The careless attitude to things Zakhar is symbolic – for both Ilya Oblomov and Zakhar, the inner life of the individual is a priority. Ivan Goncharov, in the person of Ilya Oblomov, acts as an opponent of the satirical trend in literature, declaring himself as Nikolai Gogol’s successor. The mission of the artist, expressed by Ilya Oblomov, is to love the person he depicts and cry for his imperfection and fall.

Keywords: Ivan Goncharov, comic, tragic, laughter, humour, satire, heroes, poetics, gospel motifs, Orthodox acctiology.

For citation: Mosaleva G.V. Ontology of humour in the novel “Oblomov” by Ivan Goncharov. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 85–92 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-85-92>

Категория комического привлекала внимание философов еще с античных времен. Практически все обзоры о ней начинаются с апелляции к «Поэтике» Аристотеля, в которой он дал определение комедии и смешному: «Комедия... воспроизведение худших людей, но не в смысле полной порочности»; «смешное есть часть безобразного: смешное – это некоторая ошибка и безобразие, никому не причиняющее страдание и ни для кого не пагубное» [Аристотель: 704]. Как показывают исследования, этой проблемой интересовались все значительные фигуры античного мира. Для Аристофана «истинный смех» – это «смех над ложью, средство восстановления истины» [Сычев: 11]. Комический модус в той или иной степени присутствует практически в любом диалоге Платона, передающем сократовскую иронию.

Проблеме комического, решающей ее на материале разных культур и эпох, посвящены работы А.Ф. Лосева, М.М. Бахтина, В.Я. Проппа, Д.С. Лихачева, А.М. Панченко, Н.В. Поньрко, Л.В. Карасева и многих других современных исследователей [Гришанова].

Восприятие смеха в языческой культуре античности и последующем за ней христианстве различно, поскольку *смех*, по замечанию Д.С. Лихачева, прежде всего, «мировоззрение» [Лихачев]. «Для эллина смех – благо, для христианина – зло» [Карасев: 48], «язычеству остается смех, а христианство получает слезы» [Карасев: 49]. Вместе с тем «христианство одухотворило смех» [Карасев: 59], оно «соединило улыбку с той тихой, особой радостью, которая ведома человеку, помышляющему о Боге» [Карасев: 51]. Смех бывает разной природы в зависимости от его связи с добром или со злом. И в силу этого в каждом конкретном контексте он проявляет обусловленную этой связью аксиологию. «Подлинный смех» рождается на стыке блага и зла, как ответ блага на зло» [Карасев: 60]. В древнерусских пародиях Д.С. Лихачев отмечал разделенность мира на настоящий и не настоящий, «кромешный» [Лихачев: 351]. «Подлинный смех» обнаруживает свою бытийность в настоящем мире, он «связан со светом» и «освещает зло, принуждая его к отступлению», и тогда «граница зла отодвигается смехом» [Карасев: 60]. Смех не однороден: «... в христианстве в целом, равно как и в русском православии, смех относили к атрибутам дьявола и осуждали, а улыбку считали выражением светлой радости и причастности тайне спасения» [Токарева: 96].

По замечанию С.С. Аверинцева, «смех» в русской культуре рифмуется со словом «грех»: «Где смех, там и грех» [Аверинцев: 360]. Русская культура относится к смеху «как неуправляемой, а потому опасной “стихий”» [Аверинцев: 361].

Сложнее дело обстоит со смехом в западно-европейской культуре, что вызывает разность трактовок.

Так, в творчестве Рабле (1494–1553) – французского писателя эпохи позднего Возрождения, отразившего многообразные проявления «карнавального смеха» как феномена «народной смеховой культуры», Бахтин видит положительное явление, связанное, в его понимании, со стремлением человека к духовной и интеллектуальной свободе [Бахтин]. В отличие от Бахтина, Лосев указывает на «сатанинскую» природу смеха Рабле, означающего, по мысли философа, проявление «гибели» эстетики Ренессанса, связанной с идеей человеческого самоутверждения [Лосев]. Лосев видит в творчестве Рабле «пример жесточайшего разоблачения стихийно-артистического самоутверждения человека в эпоху Ренессанса» [Лосев].

Говоря о христианской традиции в связи с соотношением смеха и свободы, Аверинцев замечает: «... в точке абсолютной свободы смех невозможен, ибо излишен», поэтому «Христос никогда не “смеялся”» [Аверинцев: 346].

В Апостоле нигде не говорится о смехе, но лишь о радости, духовном веселье, противостоящем унынию: «Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. За все благодарите» (1 Фес. 5: 16–18). Вслед за Апостолом в святоотеческой литературе одной из развиваемых идей в православии является идея радости во Христе. *Радость* у святых отцов и есть *духовный смех души*, которую можно познать с помощью *блаженного, благодатного плача* [Лествичник: 111]. Причем *радость* и *плач* соединяются в одно понятие: *радостотворного плача*: «Если ничто так не согласно со смиренномудрием, как плач, то, без сомнения, ничто столько не противится ему, как смех» [Лествичник: 106].

Из святых отцов, напрямую негативно не выражавших отношение к смеху, нередко называют св. Иоанна Златоуста: «Не смех – зло, но зло то, когда он бывает без меры, когда он не уместен... способность смеха внедрена в нашу душу для того, чтобы душа иногда получала облегчение, а не для того, чтобы расслаблялась» [Златоуст].

Смех же без меры, «безвременный смех» связан с «блудом, тщеславием, наслаждением (пищей)», вызывается этими страстями [Лествичник: 227] и поэтому оценивается в святоотеческом наследии как грех. Русская классика наследует святоотеческому опыту, транслируя его в художественное слово. Рассмотрим на примере романа И.А. Гончарова «Обломов» особенности воплощения комического и авторское отношение к нему.

Одним из первых, кто обратил внимание на характерные для гончаровского эпоса аспекты смешного, был К.Н. Леонтьев, отметивший «добродушный и примирительный характер» юмора писателя: «Ни желчи, ни злобы, ни придинок, а просто сама жизнь со всею полнотой ее и с тем равновесием зла

и добра, которое доступно в ней чувству здравомыслящего человека» [Леонтьев]. Леонтьев, отмечая «тонкий и добрый характер комизма, юмора и насмешки» Гончарова, счел его «совершенной новостью» в нашей литературе и весьма примечательно назвал гончаровский юмор «елейным», присущим «жизни круга высшего и богатого». По характеристике Леонтьева, и сам автор находился под влиянием этого «весьма правдивого и почтенного» чувства [Леонтьев]. И. Анненский увидел в «Обломове» присутствие «радости бытия, поэзии и прозы жизни» «в ее личных и национальных и мировых формах» [Анненский: 265].

Обобщая мнения критиков-предшественников, М.В. Отрадин пришел к примечательному выводу о том, что «комическое в художественной системе И.А. Гончарова, точнее всего можно определить, как юмор» [Отрадин: 115]. Вместе с тем ученый, на наш взгляд, слишком гиперболизирует влияние юмористического пафоса на романский мир Гончарова. В частности, мы не согласимся с его утверждением, что начиная с романа «Обломов» в художественной системе Гончарова «власть юмора становится абсолютной» [Отрадин: 116]. В «Обрыве» юмор, скорее, убывает по сравнению с «Обломовым». Сильнее же, разностороннее и субстанционально выразительнее юмор проявляет себя именно в «Обломове». Вместе с тем категория комического, проблема юмора и иронии становятся в современном гончароведении одними из самых обсуждаемых [Гродецкая; Ермолаева].

Юмористический пафос первой части романа создается, на наш взгляд, непосредственно авторской интонацией: «В Гороховой улице, в одном из больших домов, народонаселения которого стало бы на целый уездный город, лежал утром в постели, на своей квартире, Илья Ильич Обломов» [Гончаров 4: 7]. Главными объектами юмористического пафоса автора являются Обломов и Захар. Сами отношения Обломова и Захара окрашены юмором, причем иногда трудно понять, кто господин, а кто слуга. Обломов ироничен по отношению к Захару, указывая на его недостатки, но легко мирится с ними; он по-своему любит Захара и заботится о нем. Когда Тарантьев советует отправить Захара в смиренный дом за то, что он отказывается дать ему примерить фрак Обломова, последний резко возражает: «Да, вот этого еще недоставало: старика в смиренный дом!» [Гончаров 4: 56]. Несмотря на грубую напористость Тарантьева и угрозы Обломова, Захар не соглашается отдать «черный фрак» барина.

Захар – своеобразный *двойник* Обломова. Однако если Обломов воплощает поэтическую идею обломовского мира, то Захар – прозаическую, простонародную. Захар – «философ» *внеэстетических начал*

жизни. *Сор и беспорядок, присущие* русской жизни в понимании Захара, символизируют *жизненное богатство и многообразие*, а *чистота и порядок* как атрибуты немецкого образа жизни являются признаками *скудости и однообразия*.

Вся первая часть романа изобилует комичными ситуациями и сценами, связанными с Захаром. Почти во всех одиннадцати главах первой части романа Захар, наряду с Обломовым, является полноправным героем. В первой главе портретируются и Обломов, и Захар: «В комнату вошел пожилой человек в сером сюртуке, с прорехою под мышкой, откуда торчал клочок рубашки, в сером же жилете, с медными пуговицами, с голым, как колено, черепом и с необъятно широкими и густыми русыми с проседью бакенбардами, из которых каждой стало бы на три бороды» [Гончаров 4: 11].

Как есть у Обломова вещь-двойник, его знаменитый *персидский халат*, представляющий одно целое с его обладателем, так есть такая вещь и у Захара: «Захар не старался изменить не только данного ему Богом образа, но и своего костюма, в котором он ходил в деревне. Платье ему шилось по вывезенному им из деревни образцу. Серый сюртук и жилет нравились ему и потому, что в этой полуформенной одежде он видел слабое воспоминание ливреи, которую он носил некогда, провожая покойных господ в церковь или в гости; а ливрея в воспоминаниях его была единственною представительницею достоинства дома Обломовых» [Гончаров 4: 11].

Неотъемлемой частью образа Захара являются и его знаменитые «прыжки» со своей лежанки с «ворчаньем цепной собаки» по зову Обломова. Захару полностью посвящаются седьмая и десятая главы. В восьмой и одиннадцатой повествование равномерно распределено между Обломовым и Захаром, в знаменитой девятой главе, называемой «Сном Обломова», наряду с главным героем, изображается и предыстория его слуги – Захара Трофимыча – юного Захарки.

В портретной седьмой главе комически изображаются все недостатки Захара: тяга к выпивке, к сплетням; стремление утаить барские деньги от сдачи, неопрятность, неловкость: «У Обломова в кабинете переломаны или перебиты почти все вещи, особенно мелкие, требующие осторожного обращения с ними, – и все по милости Захара» [Гончаров 4: 71].

Как правило, из свойств Захара, присущих Обломову, называют его вечную дремоту и лень, но забывают отметить еще одну родственную черту: «Не смотря... на наружную угрюмость и дикость, Захар был довольно мягкого и доброго сердца» [Гончаров 4: 76]. Как и Обломов, его любили дети. Восьмая глава, предваряющая «Сон Обломова», – апогей комизма в романе, изображающая многочисленность переходов от смеха к слезам и наоборот.

Захар в какой-то степени раним: он всерьез обижается на Обломова за прозвание его «ядовитым»: «Да что это, Илья Ильич, за наказание! Я христианин: что ж вы ядовитым-то браните? Далось: ядовитый! Мы при старом барине родились и выросли, он и щенком изволил бранить, и за уши драл, а этакого слова не слыхивали, выдумок не было! Долго ли до греха!» [Гончаров 4: 82]. Наконец, комичная «патетическая сцена» следует после его сравнения Обломова с «другими»: «Захар потерял решительно всякую способность понять речь Обломова; но губы его вздулись от внутреннего волнения; патетическая сцена гремела, над головой его...» [Гончаров 4: 95].

«Патетическая сцена» несколько раз прерывается просьбой Обломова, обращенной к Захару, «дать квасу», которым Захар предлагает разбавить засохшие чернила. Внезапное *сближение поэзии и прозы* у Гончарова часто *рождает смех*. Можно сказать, что это одно из свойств гончаровской поэтики.

Отношения с Захаром проясняют характер Обломова. Уже первая сцена общения Обломова с Захаром воспроизводит типичную ситуацию бездействия героя: Обломов решает взяться за дело и зовет Захара, но проходит какое-то время и Обломов «погружается в задумчивость» и забывает, зачем он требует слугу к себе: «Звал? Зачем же я это звал – не помню! – отвечал он, потягиваясь. – Поди пока к себе, а я вспомню» [Гончаров 4: 12].

На протяжении первой главы Обломов несколько раз зовет Захара и не может вспомнить, для чего, на ходу придумывая мелкие поводы: то просит найти вчерашнее письмо от старосты, то носовой платок. Эта ситуация повторяется вплоть до третьей части романа, в которой Обломов в связи с намечающейся женитьбой на Ольге никак не может решиться на необходимые действия. Внутренний драматизм Обломова, его нежелание изменяться проявляются в комичном призыве Захара к себе и непонимании, для чего он его позвал.

Образ Агафьи Матвеевны не подвергается авторской иронии, но он намеренно «упрощается», не теряя при этом своей ценности и глубины. Напротив, ироническое повествование о Волкове, Судьбинском, Пенкине и едко сатирическое – о Тарантьеве и Мухоморове наглядно обнаруживает авторскую оценку.

Однако юмористический фон романа не однороден и присущ лишь первой его части. Примечательно, что А.А. Григорьев уже и в первой части романа увидел не юмор, а авторскую иронию, несправедливо направленную на «обломовщину» и неуместно проявившуюся, по его мнению, в знаменитом «Сне Обломова»: «Для чего в самом “Сне” – неприятно резкая струя иронии в отношении к тому, что выше штольцевщины и адуевщины» [Григорьев: 195].

Если сравнить авторскую интонацию первой части романа с четвертой, последней, то контраст окажется

разительным: от юмора, легкости и добродушия не останется и следа. Тем не менее в художественном целом романа комическое и трагическое уравновешены, перетекают друг в друга. В романе наблюдается последовательное движение от смеха и веселья к печали и слезам.

Первая часть романа – самая юмористическая, фон которой, как мы показали, формируется непосредственно авторской интонацией. Но Илья Ильич Обломов вовсе не юмористический, а *осмеиваемый* персонаж, поэтому он бывает и комичен, и трагичен. Не случайно в нем обнаруживаются черты Дон-Кихота, Пиквика, Мышкина – образов «прекрасного человека» в художественной литературе. Обращаясь к знаменитым героям произведений Сервантеса и Диккенса при создании образа Мышкина, Достоевский сумел прикоснуться к *тайне юмора*: «...из прекрасных лиц в литературе христианской стоит всего законченнее Дон Кихот. Но он прекрасен единственно потому, что в то же время и смешон. Пиквик Диккенса (бесконечно слабейшая мысль... но все-таки огромная) тоже смешон и тем только и берет... Является сострадание к осмеянному и не знающему себе цены прекрасному – а, стало быть, является симпатия и в читателях. Это возбуждение сострадания и есть тайна юмора» [Достоевский 28: 251].

Обломов в романе осмеивается практически всеми, благодаря чему в читателях возникает *сострадание* к герою. Совмещением в Обломове комических и трагических свойств автор добивался многомерной глубины образа. Особенности юмора в романе «Обломов» непосредственно связаны с ценностями Православия. Все другие аспекты вытекают из его аксиологии, им определяются и представляют собой своеобразную онтологию юмора.

Конфессиональные аспекты

В мироощущении Обломова *юмор* предстает как феномен *соборности*, как благодатное свойство и чувство, связанное с неосуждением людей, с добротой, теплотой и весельем, с милосердным отношением к миру и человеку, со связью всех со всеми. Если в смехе нет сочувствия и сострадания, такой юмор Обломов отвергает. Показателен его разговор с литератором Пенкиным, сторонником «реального направления в литературе», которому вменяется задача суда над обществом и человеком.

В речи Пенкина *смех* уподобляется физиологизму, желчи, презрению, наказанию: «до смеха похоже», «желчное гонение на порок», «смех презрения над падшим человеком», «надо карать», «извергнуть из гражданской среды, из общества» [Гончаров 4: 29]. Видимому *грубому смеху и злости* сторонников «реального направления» Обломов противопоставляет «невидимые слезы», апеллируя к «авторскому плачу» Гоголя. Сам Обломов смеется, не считая «Сна Об-

ломова», только в последней, одиннадцатой главе первой части, завершающейся приездом Штольца. Чаще же Обломову на протяжении всего повествования свойственны слезы (подчас «сладкие», райские), ему присущ тихий «задумчивый взгляд» и печальная улыбка.

Единственным предметом *иронии, уничижения и нравственного бичевания* Обломова служит он сам. Самоирония, как правило, рождает у Обломова чувство стыда. Именно этим чувством завершается уже первая глава романа: «Уж кто-то и пришел! – сказал Обломов, кутаясь в халат. – А я еще не вставал – срам да и только!» [Гончаров 4: 19]. По мысли С.С. Аверинцева, «если есть смех, который может быть признан христианским...», «то это самоосмеяние, уничтожающее привязанность к себе» [Аверинцев: 348–349]. Обломову свойственно как раз самоосмеяние. Лицо Обломова вспыхивает «целым пожаром стыда» после выяснения отношений с Захаром, сравнившим его с «другими» [Гончаров 4: 100].

Смех как феномен единства проявляет себя в девятой главе, в знаменитом «Сне Обломова», где Обломовка предстает как *царство добродушия, веселости и расслабленности*.

Глава построена по апофатическому принципу: свойства «мирного уголка» – Обломовки, в который входят несколько деревень, проясняются не через утверждение, а через отрицание. Обломовка *не такова*, как места, отличающиеся «грандиозным, диким и угрюмым ландшафтом». В ней все тихо, мирно и спокойно, *все не так*, как хотелось бы *поэту и мечтателю*. Календарный цикл Обломовки начинается с описания весны, затем повествование останавливается на времени Крещения, «снега и мороза»; вновь весны и лишь затем лета, грозового Ильина дня: «Радостно приветствует дождь крестьянин» [Гончаров 4: 103]. Обломовке присуща *природная и космическая радость*, находящая отзвук в человеческом сердце: дождь *«весело запрыгает, точно крупные и жаркие слезы внезапно обрадованного человека»*; солнце *с ясной улыбкой любви*; «вся страна *улыбается счастьем* в ответ солнцу» (курсив мой. – Г. М.) [Гончаров 4: 103].

Легкость и веселье составляют атмосферу детства Илюши: вместе с няней они весело хохочут, а сам он всегда «бодрый, свежий и веселый». *Образ матери* глубже, он наполнен теплыми слезами, радостью и молитвой. Смех в Обломовке является воплощением полнокровной и цельной русской жизни, объединяющим всех вокруг себя.

В «Сне Обломова» присутствует только одна сцена, изображающая смех, – это *общий хохот* над Лукой Савичем, расшибшим бровь при катанье на салазках, но она поистине грандиозна и космична: «...хохот разлился по всему обществу, проник до передней

и до девичьей, объял весь дом, все вспомнили забавный случай, все хохочут долго, дружно, *несказанно*, как олимпийские боги» (курсив мой. – Г. М.) [Гончаров 4: 133].

Сравнение обломовцев с олимпийцами выступает у Гончарова в чисто православном контексте, как проявление единства, соборности. Не случайно Лосев отдавал предпочтение античной иронии с присущей ей «органической», «стихийной объективностью», «жизненностью», что, как считал философ, «делает ее значимой и для современности», в отличие от субъективизма романтической иронии. Ценность античной иронии, по мысли Лосева, еще и в том, что ее целью является «достижение высших ценностей», а не игра, характерная для романтиков [Лосев].

Повод для смеха чисто детский: падение героя во время зимней забавы. В общий хохот вовлекается весь обломовский мир: и смеющиеся, и осмеиваемый Лука Савич, и проснувшийся Илюша. Осмеяние в мире обломовцев является объединяющим свойством, а не поводом для раздора, потому что этот смех еще остается беззлобным.

Психологические аспекты

Смех преобразуется в личности Обломова в *радость и веселье*, соединяющиеся в его душе с *добротой*. Результатом этого одухотворенного душой Обломова смеха является его *добрая улыбка*, ставшая уникальной особенностью его портрета, неповторимой чертой его облика и целостного образа: без *доброй улыбки* Обломов не представим, он сохраняет ее до самого конца: «...ни усталость, ни скука не могли ни на минуту согнать с лица мягкость, которая была господствующим и основным выражением не лица только, а всей души; а душа так открыто и ясно светилась в глазах, в улыбке, в каждом движении головы, руки. И поверхностно наблюдательный, холодный человек, взглянув мимоходом на Обломова, сказал бы: «Добряк должен быть, простота!» Человек поглубже и посимпатичнее, долго глядявываясь в лицо его, отошел бы в приятном раздумье, с улыбкой» [Гончаров 4: 7].

И поверхностный, и глубокий человек видели в Обломове доброту и простоту. Обломовская улыбка как дар передавалась душе, способной ее воспринять. *Улыбка* Обломова сродни *детской*, и в этом сравнении проступает свойство искренности и неподдельной простоты Обломова, обнаруживающее у него отсутствие лукавства и лицемерия. Обломов – вечный евангельский ребенок, именно свойства «незлобности» и детской открытости подчеркивал в Обломове А.В. Дружинин: Обломов – «незлобный и нежный ребенок», он «оставил за собой чистоту и простоту ребенка» [Дружинин].

Однако у Обломова есть свое страшное испытание: когда его «мирное счастье» и «покой» находятся

под угрозой. Тогда «добрая улыбка» Обломова сменяется «горьким смехом». Настоящий разлад Обломов испытывает во время подготовки к свадьбе с Ольгой. Он стремится «отодвинуть» это время, вытеснить предстоящее событие из своего сознания, ужасаясь своего «жениховства»: «Ему живо представилось, как он объявлен женихом... как он вдруг станет предметом любопытства... Потом, потом, по праву и обязанности жениха, он привезет невесте подарок...

– Подарок! – с ужасом сказал он себе и расхохотался горьким смехом.

Подарок! А у него двести рублей в кармане» [Гончаров 4: 345].

В истории с Ольгой «добрая улыбка» на лице Обломова чередуется с «горьким смехом» и слезами, в отношениях же с Агафьей Матвеевной остается неизменной.

Ментальные аспекты

Одна из постоянных черт «обломовцев» – «добродушный юмор», присущий миру радости и довольства. Делясь со Штольцем «идеалом» своей жизни, Обломов рисует картину своего ближнего круга: «В глазах собеседников увидишь симпатию, в шутке искренний, незлобный смех... Все по душе! Что в глазах, словах, то и на сердце!» [Гончаров 4: 182].

Тяготение русского человека к юмору, по мысли А.А. Григорьева, может иметь характер гиперболизма, критик отмечает бесстрашие русского человека перед «ножом анализа» и «бичом комизма»: «Русский человек – так уж его Бог создал – не боится прилагать нож анализа и бич комизма к каким бы то ни было *видимым* явлениям... Комическое или по крайней мере отрицательное отношение ко всему составляет может быть высшее свойство нашего ума...» [Григорьев].

Через юмор осуществляется внесловная связь всех со всеми. Общий хохот в Обломовке – одно из объединяющих начал народности: он долетает «до передней» и «до девичьей», охватывает «весь дом» [Гончаров 4: 133], обломовцы заливаются «добродушным смехом» под влиянием «деревенского юмора» [Гончаров 4: 135].

Культурные аспекты

Для Обломова *смех в литературе* над человеком и человечеством уместен только, по слову Гоголя, сквозь «невидимые слезы»: «Протяните руку падшему человеку, чтоб поднять его, или горько плачьте над ним, если он гибнет, а не глумитесь. Любите его, помните в нем самого себя и обращайтесь с ним, как с собой, – тогда я стану вас читать и склоню пред вами голову...» [Гончаров 4: 30]. Поведение Обломова напоминает заповедь Христа: «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф. 7:12).

В нравах Обломовки Гончаров видит Илиаду русской жизни, но изображенную не Гомером, а «наши-

ми гомеридами», в ее обитателях – «наших Ахиллов и Улиссов», Илью Муромца и Алешу Поповича, героев русской сказки, «неслыханную красавицу» Милитрису Кирбитьевну. Показательно, что Гончаров сравнивает Обломовку с миром Древней Греции, а не с позднейшими эпохами и населяет ее «нашими» героями, среди которых Илья Муромец и Алеша Попович – герои Крещеной Руси. Не случайно главный герой носит имя знаменитого богатыря, подвиги которого связаны и с былинным эпосом, и со святоотеческим преданием (преп. Илья Печерский).

Книга в мире обломовцев – вещь, назначенная «для развлечения, от скуки и от нечего делать», поэтому из «небольшой кучки книг» отец Обломова – Илья Иванович – выбирал «что попадетсЯ»: «Голиков ли... Новейший ли Сонник», «Хераскова Россияда, или трагедии Сумарокова», или... третьегодичные ведомости...» [Гончаров 4: 139]. Названные книги относятся к светской беллетристике, развлекательному жанру, ориентированному на вымысел, развлечение, фантазию, порождающих «мечтательство», что не было свойственно обломовцам.

Тихую и невыразительную природу Обломовки автор противопоставляет эффектным литературным картинам Вальтера Скотта в «швейцарском или шотландском вкусе» [Гончаров 4: 105]. Обломовцы же видели подлинную поэзию в природе и жизни. Для самого Обломова «жизнь есть поэзия». Не случайно Штольц называет Обломова поэтом: «Да ты поэт, Илья!», и Обломов не отказывается от этого прозвания, а только уточняет: «Да, поэт в жизни, потому что жизнь есть поэзия. Вольно людям исказить ее!» [Гончаров 4: 181]. Обломов понимает жизнь в свете возвышенного. Искажение поэтического в представлении героя комично. Понимание Обломовым жизни как поэзии в контексте возвышенного превращает его в трагического персонажа. Однако трагизм Обломова снимается его самоосмеянием, смирением и простотой. Обломов и принадлежащие к миру обломовцев персонажи (Захар, Агафья Матвеевна) далеки от западной культуры, от мечтательства и фантазий. Не подвержен фантазиям и Штольц, но на других, западно-прагматических основаниях, нежели обломовцы. Ольга же, напротив, «фантазерка» и мечтательница, как она сама себя называет. Не случайно Ольга ассоциируется с образами западной культуры, с романтическими идеалами. В воображении Обломова Ольга предстает то Корделией Шекспира, то разгневанной богиней, то *Costa Diva* Беллини; ее образ перекликается с миром музыки Шуберта. Он не связан с какой-то конкретной культурной эпохой и в силу этого эклектичен. Наряду со Штольцем, Ольга не подвергается ни авторской иронии, ни осмеянию других персонажей. В отличие от Ольги, Агафья Матвеевна сравнивается с предельно земными природными образами, чаще имеющими

непосредственное отношение к православной традиции. Собственно, и смех в «Обломове» имеет онтологическое оправдание только в связи с ней. Все другие аспекты комического (психологические, культурные, ментальные) оказываются непосредственно связанными с православной аксиологией, определяются ею или вытекают из нее. «Невидимые миру слезы» гоголевской поэтики в «Обломове» Гончарова выступают наружу, основным эмоциональным фоном которого является грусть о несовершенстве земного мира и человека, соединенная с улыбкой. Незлобный, дружный, «несказанный» смех Обломовки защищает ее мир от страха и зла, примиряет со страданиями и утешает, сохраняет его единство и духовную свободу.

Список литературы

- Аверинцев С.С.* Бахтин, смех и христианская культура // Аверинцев С.С. Связь времен. Киев: Дух і літера, 2005. С. 342–359.
- Аверинцев С.С.* Бахтин и русское отношение к смеху // Аверинцев С.С. Связь времен. Киев: Дух і літера, 2005. С. 360–365.
- Анненский И.Ф.* Гончаров и его Обломов // Анненский И.Ф. Книги отражений. М.: Наука, 1979. С. 251–271.
- Аристотель.* Поэтика // Мыслители Греции. От мифа к логике. Сочинения. М.; Харьков: Фолио, 1998. С. 700–736.
- Бахтин М.М.* Творчество Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=53048&p=1> (дата обращения: 05.11.2021)
- Гончаров И.А.* Собр. соч.: в 8 т. М.: Худ. лит, 1977–1980.
- Григорьев А.А.* И.С. Тургенев и его деятельность. По поводу романа «Дворянское гнездо» // Григорьев А.А. Искусство и нравственность. М.: Современник, 1986. С. 144–188.
- Григорьев А.А.* Граф Л.Н. Толстой и его сочинения. Статья вторая. Литературная деятельность графа Л. Толстого. URL: <http://grigoryev.lit-info.ru/grigoryev/kritika-grigorev/tolstoj.htm> (дата обращения: 03.11.2021).
- Гришанова Е.В.* Категория комического в истории философской мысли античности // Научный потенциал. 2015. № 1 (18). С. 3–6.
- Гродецкая А.Г.* «Пафос середины»: ирония и автоирония у Гончарова // Гончаров: живая перспектива прозы. Научные статьи о творчестве И.А. Гончарова. *Bibliotheca slavica savariensis*. Szombathely. 2013. Т. 13, pp. 38–47.
- Достоевский Ф.М.* Полное собрание соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. 28. Кн. 2. Письма 1860–1868.
- Дружинин А.* «Обломов», роман Гончарова. URL: http://az.lib.ru/d/druzhinin_a_w/text_0070.shtml (дата обращения: 02.10.2021).

Златоуст И., св. Творения. Беседа 15. URL: <https://svyatye.com/chitat/Sviatitel-Ioann-Zlatoust-Polnoe-sobranie-tvorenii-Tom-12-Chast-1> (дата обращения: 30.09.2021).

Ермолаева Н.Л. О своеобразии юмора И.А. Гончарова // Вестник Ивановского университета. Сер.: Гуманитарные науки. Филология. 2012. Вып. 1. С. 3–15.

Карасев Л.В. Философия смеха. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1996. 221 с.

Леонтьев К.Н. Анализ, стиль и веяние. URL: http://az.lib.ru/l/leontxew_k_n/text_0130oldorfo.shtml (дата обращения: 30.09.2021).

Лествичник И., преп. Лествица. М.: Изд-во Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 2002. 445 с.

Лихачев Д.С. Смех как мировоззрение // Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы. СПб.: Алетейя, 1977. С. 342–403.

Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. 296 с.

Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. URL: <http://psylib.org.ua/books/lose010/refer.htm> (дата обращения: 08.11.2021).

Лосев А.Ф. Ирония // Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. URL: <http://psylib.org.ua/books/lose008/index.htm> (дата обращения: 08.11.2021)

Отрадин М.В. К вопросу о своеобразии эпической объективности и роли юмора в романе И.А. Гончарова «Обломов» // Гончаров И.А. Материалы юбилейной гончаровской конференции 1987 г. Ульяновск: Симбирская книга, 1992. С. 115–126.

Пронн В. Проблемы комизма и смеха. URL: https://royallib.com/read/propp_vladimir/problemi_komizma_i_smeha.html#0 (дата обращения: 09.11.2021).

Сычев А.А. Природа смеха или Философия комического. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2003. 176 с.

Токарева М.А. Традиции смеха и улыбки в русской и западной культурах // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 3. С. 93–103.

References

- Averintsev S.S. Bakhtin, smekh i khristianskaya kultura* [Bakhtin, laughter and Christian culture]. Averintsev S.S. *Svyaz vremyen* [Link of times]. Kiev, Dukh i litera Publ., 2003, pp. 342–359. (In Russ.)
- Averintsev S.S. Bakhtin i russkoye otnoshenie k smekhu* [Bakhtin and Russian attitude towards laughter]. Averintsev S.S. *Svyaz vremyen* [Link of times]. Kiev, Dukh i litera, 2005, pp. 360–365. (In Russ.)
- Annensky I.F. Goncharov i ego Oblomov* [Goncharov and his Oblomov]. Annensky I.F. *Knigi otrazheny* [Books of reflections]. Moscow, Nauka Publ., 1979. pp. 251–271. (In Russ.)

Aristotle. *Poetics. Mysliteli Gretsii. Ot mipha k logike* [Greek thinkers. From myth to logic]. *Sochine-niya* [Writings]. Moscow, Kharkov Publ., 1998, pp. 700–736. (In Russ.)

Bakhtin M.M. *Tvorchestvo Rable i narodnaya kultura Srednevekovyia i Renessansa* [Rabelais' legacy and folk-life culture of the Middle Ages and Renaissance]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=53048&p=1> (access date: 05.11.2021). (In Russ.)

Goncharov I.A. *Oblomov* [Oblomov]. Goncharov I.A. *Sobraniye sochineniy: v 8 t.* [Collected edition]: in 8 vols. Moscow, Khud. lit. Publ., 1977–1980. (In Russ.)

Grigoriev A.A. *I.S. Turgenev i ego deyatelnost. Po povodu romana "Dvoryanskoye gnezdo"* [I.S. Turgenev and his activities. In regards to the novel "Home of the Gentry"]. Grigoriev A.A. *Iskusstvo i npravstvennost* [Art and morality]. Moscow, Sovremennik Publ., 1986, pp. 144–188. (In Russ.)

Grigoriev A.A. *Graf L.N. Tolstoy i ego sochine-niya* [Count L.N. Tolstoy]. *St. 2: Literaturnaya deyatelnost grapha L. Tolstogo* [Article 2. Literary activity of Count L. Tolstoy]. URL: <http://grigoryev.lit-info.ru/grigoryev/kritika-grigorev/tolstoj.htm> (access date: 03.11.2021). (In Russ.)

Grishanova E.V. *Kategoriya komicheskogo v istorii filosofskoy mysli antichnosti* [The category of the comic in the history of the antiquity philosophy]. *Nauchny potentsial* [Scientific potential], 2015, № 1 (18), pp. 3–6. (In Russ.)

Grodetskaya A.G. *"Paphos serediny": ironia i avtoi-roniya u Goncharova* [Pathos of the middle: Concharov's irony and auto-irony]. *Goncharov: zhivaya perspektiva prozy. Nauchniye staty o tvorchestve I.A. Goncharova* [Goncharov: vivid perspective of prose. Scientific papers about I.A. Goncharov's creative works]. *Bibliotheca slavica savariensis. Szombathely*, 2013, vol. 13, pp. 38–47. (In Russ.)

Dostoevsky F.M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete set of works: in 30 vols]. Lenin-grad, Nauka Publ., 1985, vol. 28, iss. 2: Pisma 1860–1868 [Letters 1860–1868]. (In Russ.)

Druzhinin A. *"Oblomov", roman Goncharova* ["Oblomov", Goncharov's novel]. URL: http://az.lib.ru/d/druzhinin_a_w/text_0070.shtml (access date: 02.10.2021). (In Russ.)

Zlatoust I. *Tvoreniya* [Creations]. *Beseda 15* [Homily 15]. URL: <https://svyatye.com/chitat/Sviatitel-Ioann-Zlatoust-Polnoe-sobranie-tvorenii-Tom-12-Chast-1> (access date: 30.09.2021). (In Russ.)

Ermolaeva N.L. *O svoeobrazii yumora I.A. Goncharova* [About peculiarities of I.A. Goncharov's humour]. *Vestnik Ivanovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki. Philologiya* [Ivanovo state university Bulletin. Ser.: The Humanities. Philology], 2012, vol. 1, pp. 3–15. (In Russ.)

Karasev L.V. *Philosophiya smekha* [Philosophy of laughter]. Moscow, Rossiiskii gos. gumanitarnyi universitet Publ., 1996, 221 p. (In Russ.)

Leontiev K.N. *Analiz, stil i veyanie (o yumore Goncharova)* [Analysis, style and vagaries (about Goncharov's humour)]. URL: http://az.lib.ru/l/leontxew_k_n/text_0130oldorfo.shtml (access date: 30.09.2021). (In Russ.)

Lestvichnik I. *Lestvitsa* [The Ladder of Divine Ascent]. Moscow, 2002, 445 p. (In Russ.)

Likhachov D.S. *Smekh kak mirivozzrenie* [Laughter as worldview]. Likhachev D.S. *Istoricheskaya poetika russkoy literatury* [Historical poetics of Russian literature]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 1977, pp. 342–403. (In Russ.)

Likhachov D.S., Panchenko A.M., Ponyrko N.V. *Smekh v Drevney Rusi* [Laughter in Ancient Rus]. Lenin-grad, Nauka Publ., 1984, 296 p. (In Russ.)

Losev A.F. *Estetika Vozrozhdeniya* [Esthetics of the Renaissance]. URL: <http://psylib.org.ua/books/lose010/refer.htm> (access date: 08.11.2021). (In Russ.)

Losev A.F. *Ironiya* [Irony]. Losev A.F. *Istoriya antichnoy estetiki. Itogi tysyacheletnego razvitiya* [The history of the antique esthetics. Outcomes of the thousand-year development]. URL: <http://psylib.org.ua/books/lose008/index.htm> (access date: 08.11.2021). (In Russ.)

Otradin M.V. *K voprosu o svoeobrazii epicheskoy obiectivnosti i roli yumora v romane I.A. Goncharova "Oblomov"* [To the question of peculiarities of epic objectivity and the role of humour in I.A. Goncharov's novel "Oblomov"]. Goncharov I.A. *Materialy yubileynoy goncharovskoy konpherentsii 1987 goda* [Proceedings of the anniversary conference devoted to I.A. Goncharov 1987]. Ulyanovsk, Simbirskaya kniga Publ., 1992, pp. 115–126. (In Russ.)

Propp V. *Problemy comisma i smekha* [Issues of the comic and laughter]. URL: https://royallib.com/read/propp_vladimir/problemi_komizma_i_smeha.html#0. (access date: 09.11.2021). (In Russ.)

Sychev A.A. *Priroda smekha ili Philosophiya comicheskogo* [Nature of laughter or Philosophy of the comic]. Saransk, Mordovia State Un-ty Publ., 2003, 176 p. (In Russ.)

Tokareva M.A. *Traditsii smekha i ulybki v russkoy i zapadnoy kulturakh* [Traditions of laughter and smile in Russian and western cultures]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [The Bulletin of Moscow University. Issue 19: Linguistics and intercultural communication], 2005, № 3, pp. 93–103. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.11.2021; одобрена после рецензирования: 19.12.2021; принята к публикации 09.02.2022.

The article was submitted 10.11.2021; approved after reviewing 19.12.2021; accepted for publication 09.02.2022.

ПЬЕСА А.Н. ОСТРОВСКОГО «НЕ ОТ МИРА СЕГО» КАК СЕМЕЙНЫЕ СЦЕНЫ

Медведева Наталья Александровна, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, n.a.medv@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1800-3931>

Аннотация. Предметом исследования являются композиционные и содержательные особенности жанра сцен, имевшего большое значение в художественной системе Островского и направленного на изображение нравов и быта окружающей среды. В статье отмечается, что драматург существенно расширил представление о жанре сцен. Его поздние пьесы указанного жанра – это полноценные произведения с завершённым сюжетом и развитой интригой. В пьесе «Не от мира сего» показана будничная жизнь персонажей с их привычками и развлечениями. Особое внимание обращается на поэтичность последнего произведения драматурга, ярко выраженный лирический элемент, мастерство психологических характеристик. Отмечается психологическая сложность и противоречивость образов и трагедийный характер конфликта, основанного на противопоставлении главной героини Ксении Кочуевой, женщины «не от мира сего», и общества, которым правят деньги и холодный расчет. Раскрывается нравственная проблематика пьесы: в ней ставятся вечные вопросы о душе, грехе, семейных ценностях и отношениях между людьми. Рассматриваются рецензии критиков на пьесу «Не от мира сего», которые её не поняли и не приняли. Делается вывод о том, что в этой пьесе за локальной ситуацией, за изображением отдельной судьбы можно увидеть состояние общества 1880-х годов.

Ключевые слова: А.Н. Островский, драматургия, «семейные сцены», драма, трагедия, жанр, конфликт.

Для цитирования: Медведева Н.А. Пьеса А.Н. Островского «Не от мира сего» как семейные сцены // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 93–97. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-93-97>

Research Article

THE PLAY “NOT OF THIS WORLD” BY ALEXANDER OSTROVSKY AS FAMILY SCENES

Natalya A. Medvedeva, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, n.a.medv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1800-3931>

Abstract. The subject of the study is the compositional and content features of the scene genre, which was of great importance in the artistic system of Alexander Ostrovsky and aimed at depicting the mores and life of the environment. The article notes that the playwright significantly expanded the idea of the genre of scenes. His later plays of this genre are full-fledged works with a complete plot and developed intrigue. The play “Not of This World” shows the everyday life of the characters with their habits and entertainment. Particular attention is drawn to the poetry of the last work of the playwright, a pronounced lyrical element, the mastery of psychological characteristics. The psychological complexity and inconsistency of images and the tragic nature of the conflict based on the opposition of the main character Kseniya Kochuyeva, a woman “not of this world”, and a society ruled by money and cold calculation are noted. The moral problems of the play are revealed – it raises eternal questions about the soul, sin, family values and relationships between people. Reviews on the play “Not of this world” of critics who failed to understand or accept it, are considered. It is concluded that in this play, behind the local situation, beyond the image of a separate fate, one can see the state of society in the 1880s.

Keywords: Alexander Ostrovsky, dramaturgy, “family scenes”, drama, tragedy, genre, conflict.

For citation: Medvedeva N.A. The play “Not of This World” by Alexander Ostrovsky as family scenes. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 93–97 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-93-97>

Пьеса «Не от мира сего», ставшая последней в творчестве А.Н. Островского, предназначалась для бенефиса П.А. Стрепетовой. Работа над ней была длительной вследствие болезни и общей усталости драматурга. 13 декабря 1884 г. А.Н. Островский писал: «... нервы разбиты до последней степени; малейший шум меня пугает; я не сплю и не ем почти ничего» [Островский 11: 304]. 13 августа того же года он признавался: «... работаю по мере сил; но вот беда: сил-то у меня мало становится» [Островский 11: 261]. «Здоровье мое неважно, и силы заметно слабеют», – сообщал он в письме к Ф.И. Бурдину от 1 июля 1884 г. [Островский 11: 258].

Критиками отмечался поэтический характер «Не от мира сего»: «За успех пьесы нельзя поручиться. И знаете почему? Потому что это не столько пьеса, сколько драматическая поэма. Потому что в этой пьесе очень много поэзии, а мы слишком отвыкли теперь от неё» [Васильев <С.В. Флёров>: 5]. Художественную силу последнего произведения Островского С.В. Флёров находит в нравственности, духовном воздействии людей друг на друга и в тех внутренних, духовных процессах, выражающихся в речах, а не в действиях. Подобную мысль высказывает и А.С. Суворин, отмечая, что эта пьеса «даже мало подходит к общепринятому названию “драма” и скорее может быть названа “драматическим стихотворением в прозе”» [Незнакомец <А.С. Суворин>: 3]. Критик под псевдонимом П. К. писал об отражении в «семейных сценах» особенностей эпохи 1880-х гг., когда наряду с лишенными нравственных идеалов людьми появляются новые люди: «Грязь не пристаёт к их чистой душе, не развращает их мысли, но сбивает с толку, заставляет метаться, искать инстинктивно правды» [П. К.: 1].

Критики не принимали во внимание жанровый подзаголовок пьесы, позволяющий «как можно точнее определить особенности формы произведения» [Овчинина 2020: 84] и служащий ключом к его интерпретации. «Не от мира сего» – семейные сцены. Пьесы-сцены становятся неотъемлемой частью репертуара русских театров с середины XIX в.: появляются «драматические сцены и монологи» М.Е. Салтыкова-Щедрина, «сцены из народного быта» И.Ф. Горбунова, «сцены из простонародного быта» Ю. Ладыженской. Приведенные жанровые подзаголовки указывают на такую черту жанра сцен, как изображение быта определенной социальной среды, типичных обстоятельств. Эти пьесы «не укладываются в границы традиционных драматических жанров, границы, казалось бы, прочно установленные тогдашними теориями драмы» [Алперс 1: 499].

Жанр сцен нарушает законы традиционной драмы, построенной на ярких и зрелищных эффектах, призванных произвести впечатление на зрителя. Уже

экспозиция «Не от мира сего» погружает зрителя или читателя в беспешную жизнь Замоскворечья, ее быт и нравы. В пьесе нет захватывающих событий, запутанной интриги (она только намечена). Драматург считал, что драматические произведения «есть не что иное, как драматизированная жизнь» [Островский 10: 460], поэтому он показывает повседневную жизнь героев с их проблемами, каждодневными заботами и развлечениями. Они живут широко, ни в чем себе не отказывают (Муругов даже признается, что не считает своих расходов), пьют шампанское «для рассудка», посещают оперетту, устраивают пикники с дамами. Главный герой – банковский служащий и ведет такой образ жизни, как принято в этих кругах.

Действие «семейных сцен» отличается динамичностью. Оно предельно сконцентрировано во времени и не выходит за пределы дома Кочуевых. Все события, которые происходят вне его, остаются за сценой: обед, на который зовет Кочуева Муругов, приезд Ксении, подслушанный за дверью Хионией разговор Ксении и Елохова, по-своему истолкованный экономкой Кочуевых.

А.И. Ревякин говорит об особенностях манеры А.Н. Островского, «сосредоточивавшего интерес не на интриге, а на социальных характерах и нравах». Исследователь также замечает: «Любая пьеса Островского, как бы она ни называлась, даже картинками или сценами несет в себе определенный ведущий конфликт: комедийный, драматический, трагедийный и т. д.» [Ревякин: 193]. Н.И. Ищук-Фадеева отмечает такую черту творчества драматурга, как «сочетание бытового и вне- или даже надбытового» [Ищук-Фадеева: 5]. Автор показывает настоящие драмы человеческих судеб, причем людей обычных, средних. Для мира драматических произведений характерен волевой герой, тогда как «человек, чья особенность – в отсутствии характера, не попадавший никогда в пьесу в силу именно этой психолого-эстетической несовместимости, тем не менее необходим драме, если она хочет стать “пьесой жизни”» [Ищук-Фадеева: 5].

Конфликт «семейных сцен» «Не от мира сего» носит драматический характер: Ксения сталкивается с жестокостью и коварством близких ей людей и «умирает от душевного потрясения, не в силах перенести крушения светлых представлений о человеческой верности» [Алперс 1: 512]. Такой финал предопределен всем ходом действия: лейтмотивом становятся слова Ксении о том, что Муругов пришел за ее душой, в диалогах героев неоднократно акцентируется внимание на слабом здоровье героини, для которой любое волнение может стать губительным. Умирает она так же кротко, как и жила: подобно Ларисе Огудаловой, простившей всех перед своей

смертью, Ксения не осуждает мужа и желает ему исключительно добра.

«Семейные сцены» пронизаны тонким психологизмом: действие развивается не за счет внешних событий, а через движение души, внутренние конфликты героини. Это сближает их с психологической драмой. Персонажам Островского, тонкого знатока человеческой души, свойственны «анализ своего внутреннего “я”, внимательное отношение к своему внутреннему миру, активность самосознания» [Наградова: 84].

На протяжении всего действия резко меняется эмоциональный настрой героини: она приезжает взволнованная, затем успокаивается, но появление Муругова вновь заставляет ее нервничать. Особым эмоциональным напряжением отмечена сцена, когда она обнаруживает счета:

К с е н и я. *(Садится в кресло и берёт книгу. Сначала смотрит заглавие, потом перелистывает книгу и находит вложенные Барбарисовым бумаги.)* Зачем это здесь? *(Читает.)* «По старому счёту за коляску для г-жи Клеманс 500 р. За новый скат колес и гуттаперчевые шины 300 р. *(Смотрит другой счёт.)* За доставленные мадемуазель Клеманс бриллиантовые серьги 2000 р. По старому счёту за взятые ею вещи 1200 р.» *(Хватаясь за грудь.)* Ай! Ах, боже мой! *(Протирает рукой глаза и опять рассматривает счета, потом кладёт их на столик и, медленно поднявшись с кресла, проходит несколько шагов.)* [Островский 5: 470].

Драматург пояснял П.А. Стрепетовой в письме от 29 декабря 1884 г.: «В 3-ем действии Ксения выходит покойная и счастливая, о своих недостатках говорит равнодушно, но, при докладе о приезде Муругова, очень пугается и в разговоре с ним конфузится и путается. При появлении мужа у нее появляется предсмертное просветление: она смотрит ясно, с кроткой улыбкой, говорит с сознанием, но тихо и с расстановкой; после слова “про-ща-ю” голова ее падает на грудь, руки опускаются, вся она углубляется в кресло. Всё это должно быть в одно мгновение, этого момента тянуть нельзя» [Островский 11: 309].

Ксения – чуткий, эмоциональный человек. Ее речь наполнена риторическими вопросами и восклицаниями, а своей возвышенностью и лирической тональностью иногда напоминает стихотворение в прозе: «Ведь это цель нашей жизни, венец всех желаний, торжество! Ведь это та неоцененная редкость, которую ищут все женщины, а находят очень немногие. <...> Кроткая женщина не столько радуется тому, что ее любят, сколько торжествует, что род людской не совсем пал, что не одна красота, а и скромное, любящее сердце могут найти себе оценку. Это святое, духовное торжество, это ни с чем несравнимая радость победы добра и честной жизни над злом и раз-

вратом. Ну, вот и посудите теперь, честно ли обмануть такую женщину?» [Островский 5: 441]»

Ксения пробуждает лучшие чувства в душе мужа, заставляет его задуматься над своей жизнью, но, в отличие от неё, предстающей как некий идеальный образ, Кочуев «насквозь земной человек» [Лакшин: 489] и легко поддается соблазну. Цена нравственную чистоту своей жены, он и сам стремится стать лучше, но слишком слаб для этого. Например, вместо того, чтобы встретить жену, собирается поехать в театр на новую оперетту, оправдывая это тем, что необходимо «хоть только показаться своим».

Снафидина – женщина властная. Как мать она поражает своими принципами, которым следовала в воспитании дочери: ей свойственно показное стремление к чистоте и строгости нравов. Она признается в том, что когда-то хотела, чтобы ее дочь «умерла еще в отрочестве, девицей», оставшись непорочной и безгрешной [Островский 5: 453]. Она уверена в своей правоте, любит, чтобы ей подчинялись и угождали. Ее моральные убеждения лишены внутреннего содержания, в них нет человечности: «...они от настоящей-то нравственности куда-то в сторону ушли», – характеризует ее Ксения. [Островский 5: 453]. Если Снафидина беспокоится о душе, то Капитолина и Барбарисов думают о том, как получить наследство. Ксения замечает: «...сестру я не узнаю: она какая-то корыстолюбивая стала». Родные героини стремятся посорить её с мужем, не думая о последствиях.

Авторский жанровый подзаголовок «семейные сцены» определяет угол восприятия: именно вокруг семьи разворачиваются основные сюжетные линии. «Я семью чту, как святыню», – говорит Ксения [Островский 5: 468]. Ради семьи она готова на любые жертвы: она предполагает, что у мужа финансовые затруднения и намерена отдать свои деньги, только бы помочь ему расплатиться с долгами. Для нее нет больше радости, чем картины семейного счастья, обещанные Кочуевым: «Мы никогда не будем разлучаться. Где я, там и ты; куда я, туда и ты. У себя мы будем собирать только умных, солидных людей. Чтоб не было монотонно и скучно, чтоб разнообразить наши вечера, мы будем приглашать музыкантов, певцов, литераторов, ученых, художников, но только известных, знаменитых, – только таких, с которыми знакомство и приятно, и поучительно» [Островский 5: 460]. Муругов безжалостно разрушает мечты Ксении, считая, что ее идеал существует только в книгах. Он искажает представления о семейных ценностях, сравнивая её с женщиной, которая «минуты не может быть без мужа и очень печалится, что муж не берет ее с собой в окружной суд на кафедру» [Островский 5: 465]. «У порядочного человека везде дом: где он, там и дом», – таково его

отношение к дому, к семье, к семейным отношениям [Островский 5: 428].

Героиням Островского в целом присуще особое мирозерцание: они очень тонко воспринимают происходящее вокруг и ощущают, предчувствуют беду. Этим отличались, например, Катерина из пьесы «Гроза» и Лариса из «Бесприданницы». Но если страх Ларисы был неосознанным («Мама, я боюсь, я чего-то боюсь»), то в случае с Ксенией он приобретает образ вполне конкретного человека. Самым обидным для героини оказывается бездействие Кочуева: он не попытался возразить Муругову и опровергнуть его убеждения, словно с ним соглашаясь. Она ждет от мужа не просто того, чтобы он уделял ей внимание, любил и ценил ее, оставил свой прежний образ жизни, – ей важно быть уверенной в нем, однако доверия нет: «Я знаю, что он меня любит, но положиться на него я не могу...». Как замечает Муругов, «требования Ксении Васильевны слишком высоки»: «...они нам не впору, – очень идеальны» [Островский 5: 467].

В пьесе «Не от мира сего» нет настоящей семьи. Отношения Снафидиной с дочерьми построены на подчинении старшим, а не на взаимоуважении и понимании. Барбарисов, являясь женихом Капитолины, интересуется только деньгами, которые получит в качестве приданого, но и это его не устраивает, он хочет больше. Нет искренности и в отношении Кочуева к Ксении: при всем раскаянии он не меняется и продолжает свой безнравственный образ жизни.

Драматург обращается к животрепещущим нравственным и этическим проблемам, не оставляющим никого равнодушным. Поэтичен и сам образ героини: она верит в высокие чувства и хранит в своей душе идеал чистой и светлой любви вопреки суровой реальности. Одной из тенденций позднего этапа творчества драматурга стало «углубление лиризма, обращение к общечеловеческим ценностям, утверждение этического идеала, повышенное внимание к незащищенному человеку, резко выделяющемуся из окружения своими моральными качествами, сложным духовным миром» [Овчинина 2000: 33].

Для «семейных сцен» характерно наличие законченного сюжета, включающего в себя экспозицию, развитие действия, кульминацию и развязку. В пьесе расширен повествовательный элемент, она наполнена монологами, в которых отражаются взгляды персонажей на жизнь, их чувства, содержатся сведения о событиях, происходящих за пределами сцены. Эти монологи помогают понять характеры героев, мотивы их поступков, особенности среды. Таким образом, как указывает жанровый подзаголовок, пьеса посвящена теме семьи и семейных ценностей, являющейся одной из ведущих в творчестве драматурга. Расширенный Островским жанр сцен позволяет драматургу

изобразить правдивую и художественно убедительную картину действительности 1880-х гг.

Список литературы

Алперс Б.В. Театральные очерки: в 2 т. М.: Искусство, 1977.

Васильев С. <С.В. Флеров> Театральная хроника // Московские ведомости. 1885. 22 янв. № 22. С. 5.

Ермолаева Н.Л. «Не от мира сего» // А.Н. Островский: Энциклопедия / гл. ред. И.А. Овчинина. Кострома; Шуя: ШГПУ, 2012. С. 288.

Ищук-Фадеева Н.И. Концепция личности в драматургии. Чехов и Горький // Литература. 2003. № 23. С. 5–12.

Лакишин В.Я. Островский (1878–1886) // Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. / под общ. ред. Г.И. Владыкина. М.: Искусство, 1975. Т. 5. С. 475–499.

Наградова Л.С. Особенности концептуализации понятия «Русская душа» посредством ФЕ с компонентом «Душа» в пьесах А.Н. Островского // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2009. № 1. С. 81–85.

Незнакомец <А.С. Суворин> Театр и музыка (бенедикт г-жи Стрепетовой) // Новое время. 1885. 10 янв. № 1380. С. 3.

Овчинина И.А. Этапы творчества А.Н. Островского: Эстетика национального быта и характера: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 48 с.

Овчинина И.А. «Эта вещь писана для знатков» (пьеса А.Н. Островского «Не всё коту масленица») // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 83–88.

Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. / под общ. ред. Г.И. Владыкина. М.: Искусство, 1975–1980.

П. К. Новое произведение Островского «Не от мира сего» // Театр и жизнь. 1885. 18 янв. № 32. С. 1.

Ревякин А.И. Искусство драматургии Островского. М.: Просвещение, 1974. 334 с.

References

Alpers B.V. *Teatral'nye ocherki* [Theatrical essays]: in 2 vols. Moscow, Isskustvo Publ., 1977. (In Russ.)

Vasil'ev S. *Teatral'naya hronika* [Theatrical chronicle]. *Moskovskie vedomosti* [Moskovskie Vedomosti], 1885, January 22, № 22, p. 5. (In Russ.)

Ermolaeva N.L. “*Ne ot mira sego*” [“Not of this world”]. *A.N. Ostrovskij: Enciklopediya* [A.N. Ostrovsky: Encyclopedia], ed. by I.A. Ovchinina. Kostroma; Shuya, 2012, p. 288. (In Russ.)

Ishchuk-Fadeeva N.I. *Koncepciya lichnosti v dramaturgii. Chekhov i Gor'kij* [The concept of personality in drama. Chekhov and Gorky]. *Literatura* [Literature], 2003, № 23, pp. 5–12. (In Russ.)

Lakshin V.Ya. *Ostrovskij (1878–1886)* [Ostrovsky (1878–1886)]. *Ostrovskij A.H. Poln. sobr. soch.* [Com-

plete set of works]: in 12 vols., ed. by G.I. Vladykina. Moscow, Iskusstvo Publ., 1975, vol. 5, pp. 475–499. (In Russ.)

Nagrada L.S. *Osobennosti konceptualizacii ponyatiya "Russkaya dusha" posredstvom FE s komponentom "Dusha" v p'esah A.N. Ostrovskogo* [Features of the conceptualization of the concept of "Russian soul" by means of phraseological units with the component "Soul" in the plays of A.N. Ostrovsky]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.A. Nekrasova* [Bulletin of the Kostroma State University named after N.A. Nekrasov], 2009, № 1, pp. 81–85. (In Russ.)

Neznakomec <A.S. Suvorin> *Teatr i muzyka (benefis g-zhi Strepetovoj)* [Theater and music (benefit performance of Mrs. Strepetova)]. *Novoe vremya* [New time], 1885, January 18, № 1380, pp. 3. (In Russ.)

Ostrovskij A.N. *Poln. sobr. soch.: v 12 t.* [Complete set of works: in 12 vols.]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1973–1980. (In Russ.)

Ovchinina I.A. "Eta veshch' pisana dlya znatokov" (p'esa A.N. Ostrovskogo "Ne vsyo kotu maslenica") ["This... is written for pundits" (Alexander Os-

trovsky's play "It's Not All Shrovetide for the Cat")]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University], 2020, vol. 26, № 4, pp. 83–88. (In Russ.)

Ovchinina I.A. *Etapy tvorchestva A.N. Ostrovskogo: Estetika nacional'nogo byta i haraktera* [Stages of creativity A.N. Ostrovsky: Aesthetics of national life and character. DSc thesis]. Moscow, 2000, 48 p. (In Russ.)

P. K. *Novoe proizvedenie Ostrovskogo "Ne ot mira sego"* [Ostrovsky's new work "Out of this world"]. *Teatr i zhizn'* [Theater and life], 1885, 18 January, № 32, p. 1. (In Russ.)

Revyakin A.I. *Iskusstvo dramaturgii Ostrovskogo* [Ostrovsky's art of drama]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1974, 334 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.10.2021; одобрена после рецензирования: 14.12.2021; принята к публикации 09.02.2022.

The article was submitted 23.10.2021; approved after reviewing 14.12.2021; accepted for publication 09.02.2021.

МОДЕРНИСТСКИЙ МИФОЛОГИЗМ В РАННЕЙ ПРОЗЕ В.В. НАБОКОВА (на материале романов «Машенька», «Дар», «Приглашение на казнь»)

Стрельникова Лариса Юрьевна, кандидат филологических наук, Армавирский государственный педагогический университет, Армавир, Россия, lorastrelnikova@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-8194-1130>

Тарасова Ирина Игоревна, кандидат филологических наук, Армавирский государственный педагогический университет, Армавир, Россия ikoni08@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1515-2934>

Аннотация. Предметом исследования в статье является ранняя проза писателя русского зарубежья Набокова с точки зрения мифологизации творческого процесса, что было характерной чертой искусства модернизма. В исследовании отмечается, что Набоков строит свои тексты как художественную мифологию, придавая искусству сакральный смысл. В отличие от онтологической функции древнего мифа, мифологизм в модернистской литературе направлен на эстетическое восприятие действительности. Писатель намеренно мифологизирует свои тексты, насыщая их мифологическими кодами, которые раскрываются в таких приемах письма, как интертекстуальность, аллюзии, ассоциации, включая произведение в широкий культурный контекст. Можно сделать вывод, что мифологические коды в модернизме Набокова выступают не как формула мироустройства или объяснение реальности, а как литературное творчество автора – Творца своих текстов. При изучении произведений Набокова следует иметь в виду, что писатель не интерпретирует традиционный миф, а использует его коды точно для создания новых художественных структур.

Ключевые слова: модернизм, мифологические коды, Набоков, творческое подсознание, деконструкция, интертекстуальность, ассоциации.

Для цитирования: Стрельникова Л.Ю., Тарасова И.И. Модернистский мифологизм в ранней прозе В.В. Набокова (на материале романов «Машенька», «Дар», «Приглашение на казнь») // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 98–104. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-98-104>

Research Article

MODERNIST MYTHOLOGISM OF VLADIMIR NABOKOV'S CREATIVE WORK (based on the material of the novels "Mary", "The Gift", "Invitation to a Beheading")

Larisa Yu. Strelnikova, Candidate of Philological Sciences, Armavir State Pedagogical University, Armavir, Russia, lorastrelnikova@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-8194-1130>

Irina I. Tarasova, Candidate of Philological Sciences, Armavir State Pedagogical University, Armavir, Russia ikoni08@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1515-2934>

Abstract. The subject of research in the article is the early prose of Vladimir Nabokov, the writer of the Russian diaspora, from the point of view of the mythologising of the creative process, which was a characteristic feature of the art of modernism. The study notes that Nabokov builds his texts as artistic mythology, giving art a sacred meaning. Unlike the ontological function of the ancient myth, mythologism in modernist literature is aimed at the aesthetic perception of reality. The writer intentionally mythologises his texts, saturating them with mythological codes, revealed in such writing techniques as intertextuality, allusions, associations, including the work in a wide cultural context. It can be concluded that the mythological codes in Nabokov's modernism act as the literary work of the author who is the Creator of his texts, rather than as a formula for the world order or an explanation of reality. When studying Nabokov's works, one should keep in mind that the writer uses his codes pointwise to create new artistic structures instead of interpreting the traditional myth.

Keywords: modernism, mythological codes, Vladimir Nabokov, creative subconscious, deconstruction, intertextuality, associations.

For citation: Modernist mythologism of Vladimir Nabokov's creative work (based on the material of the novels "Mary", "The Gift", "Invitation to a Beheading"). Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 98–104 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-98-104>

Каждая культурная эпоха имеет свое мифологическое содержание. Если античный миф выступал источником познания бытия и выявлял детерминистские связи, то в искусстве XX века художественный текст по своей структуре уподобляется мифу на уровне эстетических принципов и творческих приемов, пропитываясь аллюзиями, реминисценциями, интертекстами, дополнительным ироническим содержанием. Мифологизированный текст фантастически объясняет реальность, побуждая художника задуматься об иррациональном устройстве мира. Модернизм проложил художнику путь от познания мира к творчеству, от мифологического архетипа коллективного бессознательного к индивидуальному бессознательному автора-мифотворца. Ю.М. Лотман и З.Г. Минц указывают на мифологизацию как специфику современного искусства: «Специфично для многих произведений «неомифологического» искусства и то, что функцию мифов в них выполняют художественные тексты (преимущественно нарративного типа), а роль мифологем – цитаты и перефразировки из этих текстов» [Лотман, Минц, Мелетинский: 224].

Творчество выдающегося русского модерниста Набокова органично вписывается в контекст неклассического искусства, позволяя говорить о деконструкции художественной формы, опровергающей поэтическую норму, сложившуюся в реализме. Существовая в рамках модернистской парадигмы, направленной на создание идеального искусства, Набоков не стремится изобразить мир таким, каков он есть. Мифотворчество Набокова выступает методологическим обоснованием модернистского метода в литературе XX века, реализуя принцип художественного мышления, создающего эффект правдивости, но на самом деле писатель воссоздает фантазии своего воображения в текстах, преодолевая рационализм мимесиса. Так, в романе «Отчаяние» Герман рассуждает о невозможности объективно соотнести видимое с подлинным: «...какая у вас гарантия, что эти покойники подлинные, что это действительно ваша покойная матушка, а не какой-нибудь мелкий демон-мистификатор, изображающий, играющий вашу матушку с большим искусством и правдоподобием... вот в чем ужас, и ведь игра-то будет долгая, бесконечная...» [Набоков 3: 394].

Но в то же время Набоков не признавал намеренного, явного мифологизма, а также реалистической критики, облеченной в мифологические формы в духе Т. Манна, как замечает О. Роннен: «Набоков опровергает сочиненный Манном миф о дьявольской природе модернизма, основанный на подтасовке расовых и художественных стереотипов в “Докторе Фаустусе” (ср. “Стихи, написанные в Орегоне” и заглавие романа Вадима Вадимовича из “Look at the Harlequins”: “Esmeralda and her Parandrus”))» [Роннен].

Мифологизируя искусство, Набоков тем самым устраняет миметическую зависимость творческого процесса, создавая, по словам Д. Бартона Джонсона, «космологию “двух миров”». При этом «оба мира воображаемы, но один относительно похож на наш, в то время как другой, часто явно фантастический, представляет собой антимир. Каждый из них может служить площадкой романного действия, но при этом невадалеке мерцает образ другого мира» [Джонсон], символизируя те самые фантастические видения, которые автор назвал искусством. Феномен мифологизма стал фактором отказа от критического реализма и объективного взгляда на мир, предъявив в качестве парадигмы нового искусства «модернистскую субъективную трансформацию видимого мира – и проявление в этом принципов антимиметической эстетики Набокова» [Кучина, Третьякова: 160]. Этот другой мир в произведениях Набокова претендует на реальность существования вещей, событий, и в то же время автор дает понять читателю, что все происходящее – художественный обман, миф, возведенный в культ искусства. В настоящем исследовании выдвигается гипотеза, что Набоков, приближая вымысел мифа к изображаемой им правде жизни, в действительности разрушает последнюю посредством ее мифологизации.

Раннее творчество Набокова наглядно демонстрирует мифотворчество писателя, включенное в парадигму модернистского искусства, что можно видеть на примере первого романа писателя «Машенька» (1926). Миф входит в набоковский текст через интерпретацию ницшеанской темы «вечного возвращения». Роман посвящен поискам «утраченного рая» – безмятежной счастливой любви русского эмигранта Ганина. Сюжетной основой романа является мифология памяти-мнезины, включенная в систему ассоциаций главного героя. Набоков использует мифологическую концепцию истории, рассматривая прошлое как некое священное время первой любви в отличие от вульгарной и обыденной реальности берлинского пансиона, где собрались не столько живые люди, сколько их подобию, «тени прошлого», оторванные от своих корней.

Воскрешая в своей творческой памяти свою прошлую жизнь в России, Ганин аллюзивно проецирует ницшеанский миф о «вечном возвращении» на свою жизнь в эмигрантском Берлине. В отличие от Ницше, который уповает на реинкарнацию как необходимое условие вечной жизни в материальных формах, Набоков помещает бессмертие в художественный контекст вечного возвращения не примитивной материи, а творческой памяти, способной сохранить прошлое в форме сказочного мифа. Ницшеанская интерпретация вечного возвращения направлена на утверждение непрерывности земного существования, бесконечно-

го течения жизни через изменчивость форм и повторения того, что уже существует: «...все вещи вечно возвращаются и мы сами вместе с ними и что мы уже существовали бесконечное число раз и все вещи вместе с нами» [Ницше: 192]. Чтобы не впасть в состояние энтропии, нужно проявить волю к жизни и принять эту земную жизнь в ее страданиях, бессмыслице, «низменном и маленьком» [Ницше: 191].

По мнению Набокова, идея Ницше о бессмертии всего сущего слишком привязана к повседневной жизни, важно то, что исходит из глубин воображения и ассоциаций памяти. События жизни не могут повториться, поэтому у Ганина возникают сомнения в возможности повторения того же самого: «Я читал о “вечном возвращении”... А что если этот сложный пасьянс никогда не выйдет во второй раз?... Да: неужели все это умрет со мной?» – недоумевает Ганин [Набоков 1: 59]. У Набокова «в. в. – это уникальный фантазм всех симулякров», так как не предполагает «Того же Самого и Подобного», как позже определит это понятие французский философ Ж. Делез [Делез: 44]. Набоков создает свой миф о вечном возвращении, опираясь на представления об особенностях человеческой памяти хранить и воспроизводить те события и образы, которые не подвластны времени, но следуют ассоциациям творческого подсознания, отбирая неповторимость особенного. Прошлое не означает начало настоящего, но будущее ближе к бесконечности, а это значит, что все в мире зыбко и ненадежно. Для писателя память – «одно из многих орудий, которым пользуется художник», а это значит, что она не привязана к жизни и теряет «вкус реальности», превращаясь в художественный вымысел [Набоков: 569]. Ганин живет своими воспоминаниями о счастливой жизни в России, понимая, что прошлое нельзя вернуть, но его можно воскресить в виде фантазмов памяти, дать волю мечтам, не заботясь об их воплощении: «По какому-то закону ничто не теряется, материю истребить нельзя, значит, где-то существуют и по сей час щепки от моих рюх и спицы от велосипеда. Да вот беда в том, что не соберешь их опять, – никогда» [Набоков 1: 59].

Расходящиеся в крайних точках, прошлое и будущее не могут быть объединены в реальности, но события можно проиграть в иллюзиях мифа, не полагаясь на правдивую историю. Сохранив прошлое в своей памяти как идеал, прекрасную мечту, Ганин воображает себя не тем, кто он есть на самом деле, когда узнает о приезде Машеньки: «Он был богом, воссоздающим погибший мир. Он постепенно воскрешал этот мир, в угоду женщине, которую он не смел в него поместить, пока весь он не будет закончен...» [Набоков 1: 58].

Мечтая встретиться с реальной Машенькой, Ганин понимает, что эта встреча разрушит миф об иде-

альном прошлом, привязав его к реальности. Он предпочитает жить воспоминаниями о безвозвратном, но прекрасном времени, чем ощущать тяжесть настоящего: «Ганин глядел на легкое небо, на сквозную крышу – и уже чувствовал с беспощадной ясностью, что роман его с Машенькой кончился навсегда» [Набоков 1: 111]. Мифология Машеньки интертекстуально восходит к разным литературным источникам. В письмах Машеньки к Ганину угадывается пушкинский стиль посланий Татьяны Онегину, тем самым образу метаязыковое пространство текста, основанное на ироническом использовании «чужого слова»: «Вам, конечно странно, что я пишу вам, несмотря на ваше молчанье...» [Набоков 1: 97].

Эпистолярная традиция мифического XIX века в литературе XX века, с ее нигилизмом и стремлением модернизировать классику, приобретает иронический и в то же время трагический подтекст предчувствия невозможности возвращения прошлого: «Да, нельзя забыть того, что мы любили друг друга, так много и светло» [Набоков 1: 97]. В мозаичном образе Машеньки также интертекстуально прослеживается иронично переосмысленный образ Незнакомки, представляя уже модернистскую символическую мифологему Вечной женственности в интерпретации Набокова, когда интеллектуальный читатель должен соотнести слова Алферова с «Незнакомкой» А. Блока: «Опишите-ка такую штуку, как женственность, прекрасная русская женственность, сильнее всякой революции, переживает все, невзгоды, террор» [Набоков 1: 45–46]. Мифологическая идея вечного возвращения помогает Ганину превратить прошлое в настоящее, воскрешая в памяти события, ценность которых определяется способностью автора представить их как художественное произведение. История, как и смерть, возможна в мире Набокова только тогда, когда прошлое и будущее сами становятся настоящим благодаря воспоминанию.

Главная тема мифологии Набокова связана с проповедью идеи главенства искусства над жизнью. Роман Набокова «Дар» (1938) – это миф-лабиринт, эстетическая программа писателя, включенная в контекст его творческой системы. В контексте мифологического сознания Набоков дает понимание того, что такое настоящая литература и какова стратегия творческого процесса.

Набоков кодирует свой роман мифологическими образами-символами, модернизируя древние дионисийские мистерии и представляя искусство как таинство, предназначенное для избранных. Поэт-неофит Федор Годунов-Чердынцев на пути к творческому совершенству должен пройти мистическое посвящение, прежде чем стать художником. Обретение божественного поэтического дара становится ключом к творческому бессмертию Федора. Пробужде-

ние творческих сил в Федоре происходит во время его наблюдения за «сценическим действием» вакхического танца евангелических сестер (ироническая трансформация языческих нимф в христианских монахинь): «...и какое умение во всем, какая бездна грации и мастерства, какой режиссер за соснами, как все рассчитано... Как это поставлено!» [Набоков 3: 309]. Евангельская мифология причащения к Божественному пародийно соединяется с дионисийским экстазом, пробуждая творческие силы Федора: «...вот напишу классический роман, с типами, с любовью, с судьбой, с разговорами» [Набоков 3: 314]. В выборе пути художника Федор предпочитает языческое раскрепощение творческих страстей в духе платоновской онтологии искусства: «поэт – это существо легкое, крылатое и священное; он может творить не ранее, чем сделается вдохновенным и иступленным и не будет в нем более рассудка [Платон: 376].

Находясь в состоянии творческой страсти, Федор теряет ощущение реальной жизни и совершает своеобразный мистический переход из повседневного мира в гиперреальность искусства. Мифический паром Харона доставляет поэта домой: «...и медленно вращается паром. Мне нынче хочется сочинять с пером в пальцах» [Набоков 3: 69]. Сливаясь со своим двойником в единое целое и «ведя сам с собою, вымышленный диалог по самоучителю вдохновения» [Набоков 3: 69], Федор утверждает себя в статусе поэта. Реальность деформируется в сознании и подсознании героя, логика здравого смысла и научного мышления сливается с иррациональным творческим принципом, объединяясь во всеобщий инстинкт творчества. Творческий процесс для Федора становится ценным сам по себе без поддержки реального мира, отсюда и его фантазии на темы реальности. Главное, не знать мир, а представлять его в виде образов, создавать видимости, а не сущности, удовлетворяя потребности в эстетическом удовольствии, которое дает искусство, ведь «именно ценой вымысла оплачивается преодоление ограниченности бытия: а в данном случае прорыв к настоящему означает сугубо индивидуальную, единично-уникальную попытку преодолеть власть времени» [Липовецкий: 63]. В мифологизированном сознании Федора происходит дифференциация сфер реальности на подлинную, связанную с событиями эмигрантской жизни, и творчески-иррациональную, эти реальности отражаются друг в друге, как в кривых зеркалах, опровергая друг друга.

Вступая в полемику с традициями классической поэзии, молодой поэт «кроме пресловутой живописности» ищет «особый поэтический смысл» [Набоков 3: 26], эпистемологическую модель, выходящую за рамки пушкинского ямба, но проблематизирующую индивидуальную творческую систему. Моло-

дой поэт отвечает на вопрос «есть ли еще кровь в жилах нашего славного четырехстопника» [Набоков 3: 25] новаторской игрой слов, «каждый его стих переливается арлекином» [Набоков 3: 26]. В своем мучительном становлении как поэта Федор Годунов-Чердынцев испытывает творческое раздвоение. Сначала он «питается Пушкиным»: «Пушкин входил в его кровь...» [Набоков 3: 88]. Говоря, что «Россия еще долго будет ощущать живое присутствие Пушкина» [Набоков 3: 89], Федор отдает дань классике, превращая ее в мифологизированное прошлое, давшее жизнь современному искусству. А. Долинин отметит эту своеобразную причастность Набокова к классике, сказав, что «оригинальность изобразительных приемов – это то, что Набоков более всего ценил в своих предшественниках по русской литературной традиции и чему у них старательно учился» [Долинин: 10].

Преодолевая искушение классики, молодой поэт боролся с «природной склонностью к ямбу... волочил за трехдольником», а «при изображении ритмической структуры этого чудовища получалось нечто вроде той шаткой башни из кофейниц, корзин, подносов, ваз, которую балансирует на палке клоун...» [Набоков 3: 136]. Отправной точкой художественной мифологии является творческая концепция Пушкина, сохраняющая, по мнению Набокова, актуальность в неклассическом искусстве. В «Жизнеописании Чернышевского» Годунов-Чердынцев приводит слова поэта из «Египетских ночей» Пушкина: «Вот вам тема, – сказал ему Чарский: Поэт сам избирает предметы для своих песен; толпа не имеет права управлять его вдохновением» [Набоков 3: 232]. В пушкинской формуле поэзии Набоков видел основные принципы современного модернизма как авторской мифологии, в основе которой лежит свобода самовыражения художника, его творческая рефлексия, демонстрирующая кризис иерархической системы в искусстве, произвольность интерпретаций как субъекта, так и объекта, трансформацию архетипа, разрушение литературных стереотипов.

Художественный миф Федора – это творческая стратегия, созданная им в соответствии с правилом «хочу быть дерзким», что означало создание искусственного искусства, на которое не влияет детерминистский реализм. Не случайно Кончеев наставляет его в воображаемом разговоре с Федором: «...если я начну о них (стихах) осмысленно думать, то мгновенно потеряю способность их сочинять...» [Набоков 3: 306]. В своем главном герое Набоков показывает формирование дионисийско-экстатического типа художника, который видит перед собой задачу властвовать над словом, для чего преодолевает материальность бытия и рациональность сознания, воспринимая творческий процесс как инстинкт, приравненный к таланту. Идеальный миф искусства

созвучен дионисийскому дифирамбу, нарушающему спокойствие традиции и дающему ощущение праздника, карнавала, позволяющего художнику продемонстрировать свою творческую волю. Набоков дает понять читателю, что реальность относительна и представляет собой цикл жизни, переработанный творческим воображением художника: «Бытие, таким образом, определяется для нас как вечная переработка будущего в прошедшее, – призрачный, в сущности, процесс, – лишь отражение вещественных метаморфоз, происходящих в нас. При этих обстоятельствах, попытка постижения мира сводится к попытке постичь то, что мы сами создали, как непостижимое» [Набоков 3: 307].

В художественной мифологии история устранения, поскольку реальность, как и «человеческий душок» [Набоков 3: 304], не может быть предметом творчества: «Все самое очаровательное в природе и искусстве основано на обмане» [Набоков 3: 328]. Подлинное искусство, по мнению Набокова, сродни видению, мифу, рожденному в глубинах художественного подсознания, истинный поэт жаждет творческого бессмертия и в поисках божественных знаков тратит «все свои силы на преследование бесчисленных существ, мелькавших в нем, словно на заре в мифологической роще...» [Набоков 3: 75].

Воображаемый разговор с Кончеевым важен для описания мифического обряда посвящения Федора в божественное искусство. Словно мистериальный жрец, Кончеев ведет Федора через летеиские воды забвения, помогая ему отречься от мирского и, преодолевая мертвенность реалистической классики посредством символического путешествия по реке загробной жизни Стикс, он погружается в волшебный мир творчества: «Вот этим с черного паромы сквозь (вечно?) тихо падающий снег (во тьме в незамерзающую воду отвесно падающий снег) (в обычную?) летеискую погоду вот этим я ступлю на берег» [Набоков 3: 69].

Мифологизированным маркером творческого вдохновения для Федора становится Зина Мерц, единственная поклонница его стихов, она же муза-загадка: «...он был исполнен блаженнейшего чувства: это был пульсирующий туман, вдруг начинавший говорить человеческим голосом» [Набоков 3: 140]. Мифологическая символика Зины проявляется в игре слов, улавливающих загадочность Зины: «Как звать тебя? Ты полу-Мнемозина, полу-мерцанье в имени твоём, – и странно мне по сумраку Берлина с полувиденьем странствовать вдвоем» [Набоков 3: 140]. Погруженный в стихию творчества, Федор воспринимает Зину как символ вдохновения, но не в качестве живой возлюбленной, она «лишь бледный набросок, который голос за стеной не в силах был зажечь жизнью» [Набоков 3: 161]. Федор боится привязаться к ней земной страстью и утратить поэтическое вдох-

новение, поэтому подсознательно ищет в ней «какой-нибудь недостаток красоты» [Набоков 3: 160].

Соотношение мифа и вневременной бесконечности рождает идею бессмертия искусства и поэта, как говорит писатель в открытом финале романа, интерпретируя пушкинскую тему о предназначении поэзии: «Для видений – отсрочки смертной тоже нет. С колен поднимается Евгений, – но удаляется поэт. И все же слух не может сразу расстаться с музыкой, рассказу дать замереть... судьба сама еще звенит, – и для ума внимательного нет границы – там, где поставил точку я: продленный призрак бытия сиенет за чертой страницы, как завтрашние облака, – и не кончается строка» [Набоков 3: 330]. Продолжая романтическую идею, Набоков считал искусство непостижимой тайной, отражающей его мистическую природу, которая не поддается разумному объяснению и может быть понята только в форме творческого мифа.

Завершающий европейскую эмиграцию роман Набокова «Приглашение на казнь» (1937) также следует отнести к мифологизированным текстам писателя.

Автор стремится передать трагическое мировоззрение, которое было подсказано эмигрантской долей писателя, в виде литературного мифа, придающего смысл даже нонсенсу. Мифологизм романа раскрывается в его структурных компонентах, образующих текст-нонсенс в духе театральной «арлекинады Мейерхольда и Евреинова» [Сендерович, Шварц: 303].

Используя матрицу бодлеровского стихотворения «Приглашение в путешествие», Набоков создает мифологию абсурда, приглашая своего героя Цинциннату в трагический мир потусторонности, где его ждут не Тамариновые сады с их «томлением прудов», «условных туманов», «курчавой зелени рощ» [Набоков 4: 10], а вихрь «небытия», также отсылающий к элегии Бодлера «Бездна»: «Мой разум кружит вихрь безумий и страстей // Небытие зову я, ужасом объятый» [Бодлер: 82]. Основываясь на собственных эстетических представлениях о том, что все искусство – обман, Набоков вводит читателя в заблуждение изображением казни Цинциннаты, описываемой как театральное представление: «Зрители были совсем, совсем прозрачны, и уже никуда не годились, и все подавалось куда-то, шарахаясь, – только задние нарисованные ряды оставались на месте» [Набоков Набоков 4: 129]. Мифология смерти как сакрального перехода человека в иной мир претерпевает ироническую инверсию, разрушая представление читателя о реальности происходящего: «...как человек, который не может удержаться, чтобы не возразить своей галлюцинации, хотя отлично знает, что весь маскарад происходит у него же в мозгу» [Набоков 4: 123]. На намеренную аффектацию сцены казни указывает, например, Бицилли: «Конец “Приглашения на казнь” вызывает недоуме-

ние в читателях: был ли, или нет, лишен жизни Цинциннат? Как будто бы нет... Не злоупотребил ли здесь Сирином своим искусством заинтриговать, подчас просто одурачить читателя?» [Бицилли: 216].

Разрушая сакральный аспект традиционного мифологического сознания, Набоков создает иронический миф о симуляции казни, начиная с абсурдного предложения: «Сообразно с законом, Цинциннату объявили смертный приговор шепотом» [Набоков 4: 5]. Набоков не скрывает двусмысленности и комичности ситуации, предупреждая читателя, что все происходящее – не более чем творческий акт художника: «...не сбивайтесь на фарс. Помните, что тут драма. Смешное смешным – но все-таки не следует слишком удаляться от вокзала: драма может уйти» [Набоков 4: 75].

Абсурдность реальности также проявляется в мифических образах тюремщиков Цинцинната, стилизованных под комических персонажей – маски, скрывающие потерю первоначального лица, отсюда их ужасающее сходство – тюремщик Родион является одним целым с директором тюрьмы Родриго Ивановичем, и наоборот. Под видом обычного человека без лица изображены адвокат и прокурор, зеркальные отражения друг друга, «оба крашенные, и очень похожие друг на друга (закон требовал, чтобы они были единоутробными братьями, но не всегда можно было подобрать, и тогда гримировались)» [Набоков 4: 11].

Лишенный привычного человеческого облика, Цинциннат становится похожим на своеобразную складную куклу: «Снял, как парик, голову, снял ключицы, как ремни, снял грудную летку, как кольчугу...» [Набоков 4: 18]. У Набокова живой человек видоизменяется, подменяясь кем-то безжизненным Другим (Другой Цинциннат, поменьше, плакал, свернувшись калачиком» [Набоков 4: 38], что порождает неоднозначное отношение к персонажу, колебания между любовью и ненавистью, обнажая модернистскую тенденцию к дегуманизации искусства. Монологическое сознание героя делает его отчужденным от мира, лишенным привязанностей, он живет «в мнимом мире» неподлинных вещей и людей, жалуясь, что «тридцать лет прожил среди плотных на ощупь привидений» [Набоков 4: 39]. На собственном опыте Цинциннат проверяет «всю несостоятельность данного мира» [Набоков 4: 39], становясь прототипом модернистского человека, потерявшего свою индивидуальность, блуждающего по лабиринтам разобранного мира и оторванного от реальности: «...главная его часть находилась совсем в другом месте, а тут, недоумевая, блуждала лишь незначительная доля его. Но и во сне все равно, все равно – настоящая его жизнь слишком сквозила» [Набоков 4: 68].

Мифологизация Цинцинната состоит в потере его подлинности, целостности и приобретении «призрачности», непроницаемости для внешнего мира, от ко-

торого он пытается убежать и остаться в нем одновременно. Поэтому он проверяет, насколько еще ощутима материальная жизнь: «...солнце было все еще правдоподобно, мир еще держался, вещи еще соблюдали наружное приличие» [Набоков 4: 124]. Помещая своего героя между двумя крайностями – зловеще комичными шутами театра жестокости и идеальным миром Тамариных Садов, Набоков иронично показывает, что триумф и падение, возвышение и деградация трагически сходятся в судьбе человека, что роднит его с участием трагического клоуна, арлекина, который играет определенную автором роль.

Таким образом, конструируя свои произведения как мифологические метатексты, Набоков в первую очередь имеет в виду мистическую, сакральную природу творчества, которое само по себе является бесконечной и непознаваемой тайной. Феномен мифологизма у Набокова раскрывает специфику мировоззрения автора, включенного в модернистскую парадигму эстетического преобразования мира и человека. Мифология творчества, созданная писателем, представляет собой бесконечное фантастическое зрелище человеческих жизней, облеченных в художественную форму мистерий, имеющих чисто эстетическое значение.

Список литературы

- Бицилли П.* Возрождение аллегории // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: Критические отзывы, эссе, пародии. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 208–219.
- Бодлер Ш.* Бездна // Цветы зла. Обломки. Парижский сплин. Искусственный рай: Эссе. Дневники. Статьи об искусстве. М.: РИПОЛ классик, 1997. 960 с.
- Делез Ж.* Логика смысла. М.: Раритет, Екатеринбург: Деловая книга, 1998. 480 с.
- Джонсон Дж.* Миры и антимирсы Владимира Набокова. URL: <http://libatriam.net/read/839021/> (дата обращения: 26.10.2021).
- Долинин А.* Доклады Владимира Набокова в Берлинском литературном кружке // Звезда. 1999. № 4. С. 7–12.
- Кучина Т., Третьякова М.* Сюжетно-композиционные функции визуальных абберраций в романах В. Набокова «Король, дама, валет» и «Отчаяние» // Вестник Костромского государственного университета. 2019. № 1. С. 160–164.
- Липовецкий М.Н.* Русский модернизм. Очерки исторической поэтики. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 1997. 317 с.
- Лотман Ю.М., Минц З.Г., Мелетинский Е.М.* Литература и мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1980. С. 220–226.
- Набоков В.В.* Собр. соч.: в 4 т. М.: Правда, 1990.

Набоков В.В. Собр. соч. американского периода: в 5 т. Т. 2. Интервью телевидению Би-би-си. СПб.: Симпозиум, 1997. 672 с.

Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Минск: Харвест, 2007. 1037 с.

Платон. Ион. URL: <http://psylib.org.ua/books/plato01/13ion.htm> (дата обращения: 26.10.2021).

Роннен О. Исторический модернизм, художественное новаторство и мифотворчество в системе оценок Владимира Набокова. URL: https://rvb.ru/philologica/07rus/07rus_ronen.htm (дата обращения: 26.10.2021).

Сендерович С., Шварц Е. Сок трех апельсинов // Империя Н. Набоков и наследники. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 293–348.

References

Bicilli P. *Vozrozhdenie allegorii* [The Rebirth of Allegory]. *Klassik bez retushi. Literaturnyj mir o tvorcestve Vladimira Nabokova. Kriticheskie otzvy, esse, parodii* [Classic without retouching. The literary world about the work of Vladimir Nabokov. Critical reviews, essays, parodies]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2000, pp. 208–219. (In Russ.)

Bodler SH. *Bezдна* [Abyss]. *Cvety zla. Oblomki. Parizhskij splin. Iskusstvennyj raj: Esse. Dnevnik. Stat'i ob iskusstve* [Flowers of evil. The wreckage. Parisian spleen. An artificial paradise: Essay. Diaries. Articles about art]. Moscow, RIPOL Publ., 1997, 960 p. (In Russ.)

Delez Zh. *Logika smysla* [Logic of meaning]. Moscow, Raritet Publ.; Ekaterinburg, Delovaya kniga Publ., 1998, 480 p. (In Russ.)

Dzhonson Dzh. *Miry i antimiry Vladimira Nabokova* [Vladimir Nabokov's worlds and antimirs]. URL: <http://libatriam.net/read/839021/> (access date: 26.10.2021). (In Russ.)

Dolinin A. *Doklady Vladimira Nabokova v Berlin'skom literaturnom kruzhke* [Vladimir Nabokov's reports at the Berlin Literary Circle]. *Zvezda* [Star], 1999, № 4, pp. 7–12. (In Russ.)

Kuchina T., Tret'yakova M. *Syuzhetno-kompozicionnye funktsii vizual'nyh aberracij v romanah V. Nabokova «Korol', dama, valet» i «Otchayanie»* [Plot-compositio-

nal functions of visual aberrations in V. Nabokov's novels “The King, the Queen, the Jack” and “Despair”]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2019, № 1, pp. 160–164. (In Russ.)

Lipoveckij M.N. *Russkij modernizm* [Russian Modernism] *Ocherki istoricheskoy poetiki* [Essays on Historical Poetics]. Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet Publ., 1997, 317 p. (In Russ.)

Lotman YU.M., Minc Z.G., Meletinskij E.M. *Literatura i mify* [Literature and myths].

Mify narodov mira: Enciklopediya [Myths of the peoples of the world: An Encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya enciklopediya Publ., 1980, pp. 220–226. (In Russ.)

Nabokov V. *Sobr. soch.*: v 4 t. [Collected works]: in 4 vols. Moscow, Pravda Publ., 1990.

Nabokov V. *Sobr. soch. amerikanskogo perioda*: v 5 t. Т. 2. *Interv'yu televideniyu Bi-bi-si* [Collected works of American period: in 5 vols. Vol. 2. Interview with BBC television]. St. Peterburg, Simpozium. Publ., 1997, 672 p. (In Russ.)

Nitsche F. *Tak govoril Zaratustra* [Thus spoke Zarathustra]. Минск, Harvest Publ., 2007, 1037 p. (In Russ.)

Platon. *Ion* [Ion]. URL: <http://psylib.org.ua/books/plato01/13ion.htm> (access date: 26.10.2021). (In Russ.)

Ronnen O. *Istoricheskij modernizm, hudozhestvennoe novatorstvo i mifotvorchestvo v sisteme ocenok Vladimira Nabokova* [Historical Modernism, Artistic Innovation and Myth-making in Vladimir Nabokov's System of Assessments]. URL: https://rvb.ru/philologica/07rus/07rus_ronen.htm (access date: 26.10.2021). (In Russ.)

Senderovich S., SHvarc E. *Sok trekh apel'sinov* [Juice of three oranges]. *Imperiya N. Nabokov i nasledniki* [Empire N. Nabokov and the heirs]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2006, pp. 293–348. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 02.10.2021; одобрена после рецензирования 16.01.2022; принята к публикации 09.02.2022.

The article was submitted 02.10.2021; approved after reviewing 16.01.2022; accepted for publication 09.02.2022.

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 105–111. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 105–111. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821.161.1.09"20"

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-105-111>

КОНТРАСТЫ В ПИСЬМАХ С.А. ЕСЕНИНА: ПРОЗА ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ И ДУШЕВНАЯ ЖИЗНЬ

Андреева Валерия Геннадьевна, доктор филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Костромской государственный университет, Кострома, Россия, lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Аннотация. В статье описываются и анализируются некоторые важные контрасты, содержащиеся в эпистолярной С.А. Есенина, передающие особенности его натуры и восприятия мира. Автор обращается к проблеме искренности/притворства, широко представленной в письмах поэта, позволяющей оценить процесс его привыкания к непростой действительности. Отмечается, что в посланиях Есенина разным адресатам ставились эксперименты со словом, велся поиск удачных сочетаний лексем. Особое внимание уделяется осмыслению высказываний поэта о душе, его оценке западной жизни. Настроение Есенина менялось часто, и в письма попадали те факты, которые прямо или косвенно были маркированы его эмоционально-оценочным отношением к себе и окружающим людям. Эпистолярный Есенина открывает глубину переживания им многих событий личной и общественной жизни, неизбежное одиночество поэта.

Ключевые слова: С.А. Есенин, письма, контрасты, корреспонденты, настроение, искренность, душевная жизнь, действительность.

Для цитирования: Андреева В.Г. Контрасты в письмах С.А. Есенина: проза действительности и душевная жизнь // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 105–111. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-105-111>

Research Article

CONTRASTS IN THE LETTERS OF SERGEI YESENIN: FROM THE PROSE OF REALITY TO SPIRITUAL LIFE

Valeria G. Andreeva, Doctor of Philological Sciences, A.M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow; Kostroma State University, Kostroma, Russia, lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Abstract. The article describes and analyses some of the important contrasts contained in the epistolary of Sergei Yesenin, conveying the features of his nature and perception of the world. The author addresses the problem of sincerity / pretence, widely presented in the poet's letters, which makes it possible to assess the process of his getting used to a difficult reality. It is noted that in Sergei Yesenin's messages to various addressees, experiments were made with the word, a search was conducted for successful combinations of lexemes. Particular attention is paid to comprehending the poet's statements about the soul, his assessment of Western life. Sergei Yesenin's mood changed often, and the letters included those facts that were directly or indirectly marked by his emotional-evaluative attitude towards himself and the people around him. Sergei Yesenin's epistolary reveals the depth of his experience of various events in his personal and social life, the inescapable loneliness of the poet.

Keywords: Sergei Yesenin, letters, contrasts, correspondents, mood, sincerity, spiritual life, reality.

For citation: Andreeva V.G. Contrasts in the letters of Sergei Yesenin: from the prose of reality to spiritual life. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 105–111 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-105-111>

В данной статье мы не претендуем на целостный обзор тем, проблем и оценок, встречающихся в письмах Есенина, но особое внимание уделяем контрастам, содержащимся в эпистолярной поэме, передающим особенности его натуры и восприятия мира.

Большинство исследователей отмечают: Есенин не предполагал, что его письма будут предметом изучения, поэтому они носят, конечно, приватный характер (несмотря на амбициозность, эпатажность поэта и его постоянное стремление быть первым). В определенные промежутки времени Есенин догадывался, что его письма могут прочитываться (как компромат на самого автора или его корреспондентов), и даже предупреждал друзей, что переписка может быть просматриваема чужими людьми, однако и в этих письмах поэт достаточно эмоционален и раскован.

В эпистолярном наследии Есенина встречаются краткие высказывания о том, что никакое письмо не может заменить живого общения. По мнению поэта, письменное слово по силе воздействия проигрывает устной беседе, если только это письмо не творчество. Об этом Есенин писал М. Горькому 3 июля 1925 г.: «Помню Вас с последнего раза в Берлине. Думал о Вас часто и много. В словах, и особенно письменных, можно сказать лишь очень малое. Письма не искусство и не творчество» [Есенин: 217]. Тем не менее письма поэта приоткрывают завесу над его внутренними сложностями, причинами одиночества, противоречиями.

Многие послания Есенина откровенны, хотя уже после переписки с М.П. Бальзамовой Есенин стал сдержаннее (это зависело, конечно, и от постепенного его взросления). 20 июня 1913 г. Есенин писал Бальзамовой: «Письма мои вовсе не составят тебе моего мирозерцания. В них одна пустая болтовня, а о чем-либо серьезном говорить с тобой я не имел надобности» [Есенин: 46]. В данном случае поэт не до конца искренен, он желал возвращения ему писем из-за разочарования Бальзамовой, но при этом тексты всех его посланий, конечно, были содержательными. Спустя примерно год, 29 октября 1914 г., Есенин уже *потребуется* эти письма: «...я прошу Вас или даже требую (так как я логически прав) прислать мне мои письма обратно. Если Вы заглядываете часто в свое будущее, то понимаете, что это необходимо» [Есенин: 59].

Для создания письма важно особое настроение адресанта, сосредоточенность и наличие времени. Как можно судить по некоторым посланиям Есенина, не всегда для сообщения информации и общения он выбирал форму письма, нередко не хотел тратить время на письма. В краткой записке к А.В. Ширяевцу от августа – сентября 1919 г. Есенин отмечает: «Милый Шура! Будь добр, помоги устроиться и прию-

ти ночевать моих хороших знакомых. Они расскажут тебе обо всем, *о чем не имею времени передать тебе письменно*» (курсив мой. – В. А.) [Есенин: 109].

В ряде посланий поэта угадывается игра с адресатами, однако она в большей степени касается скорее даже вопросов творчества, нежели личных взаимоотношений. Чуткий к фальши, Есенин не терпел подлогов, очень переживал, когда жизнь вынуждала его ломать себя и подстраиваться под мнение большинства. Его ранние письма полны рассуждениями о необходимости искренности, человеческой чуткости. В середине декабря 1912 г. Есенин писал Г.А. Панфилову: «Если ты требуешь своим письмом от меня всего красивого, чистого, благородного, деликатного, но лицемерного, то знай, это не есть искренность, а я тебе сказал именно так (искренно). Если что-либо и встретилось в моем письме, затрагивающее струны твоей души, то знай, я не отвлеченная идея (какая-либо), а человек, не лишенный чувств, и недостатков, и слабостей» [Есенин: 27].

Сам Есенин далее будет много играть на публике, в том числе и с интересующими его женщинами, но в письмах он чаще всего высказывался прямо. В юности поэт буквально требовал честности и открытости от своих корреспондентов, тем более от тех, к кому был неравнодушен. «Письмо твое меня огорчило, если действительно нет искренности, так к чему же надевать маску лицемерия», – пишет он Бальзамовой от 12 июня 1913 г. [Есенин: 44]. Через три месяца после процитированного выше письма поэт сообщает Бальзамовой о том, как оскудевает его вера в людей под влиянием внешнего зла. Отступает образ искреннего поэта-рыцаря, лелеемый Есениным, ему приходится подстраиваться под действительность, пряча детскую непосредственность: «Постепенно во мне угасла вера в людей, и уже я не такой искренний со всеми. Кто виноват в этом? Конечно, те, которые, подло надевая маску, затрагивали грязными лапами нежные струны моей души. Теперь во мне только еще сомнения в ничтожестве человеческой жизни» [Есенин: 48].

О том, насколько Есенин мог быть разным – однозначно резким и уступчивым, насколько ценил искреннее и простое отношение людей друг к другу, показывает история его взаимоотношений с Н.Н. Ливкиным, в частности ситуация с публикацией сборника стихов последнего «Инок» и письма, связанные с историей выхода этой книги в свет.

Мечтая опубликовать в «Новом журнале для всех» свое уже ранее печатавшееся стихотворение, Ливкин послал в редакцию этого издания стихи – как свои, так и есенинские – с информацией о том, что стихотворение Есенина «Кручина» уже публиковалось в журнале «Млечный путь» и перепечатано «Новым журналом...». Перепечатки в то время не приветство-

вались, тем более начинающих авторов, так что у Есенина возникли проблемы [Ливкин].

Помня о своевольном отношении Ливкина к его произведениям, Есенин даже заявлял о своей готовности выйти из списка сотрудников журнала «Млечный путь», если в нем останется Ливкин [Есенин: 392]. Не исключено, что, ощущая обиду и недовольство, Есенин некоторым образом стремился потопить соперника, устраивая ему возмездие за необдуманные действия». Скорее всего, Есенин остался бы непреклонен, несмотря на все просьбы со стороны, но Ливкин сам написал письмо с извинениями. Есенин отвечал 12 августа 1916 г.: «Мне даже смешным стало казаться, Ливкин, что между нами, два раза видящих друг друга, вдруг вышло какое-то недоразумение, которое почти целый год не успокаивает некоторых. В сущности-то ничего нет. Но зато есть осадок какой-то *мальчишеской лжи*, которая говорит, что вот-де Есенин *попомнит Ливкину*, от которой мне неприятно (курсив мой. – В. А.) [Есенин: 83]. Логично предположить, что проявленная со стороны Ливкина искренность затронула «большую» для Есенина тему: неприятно ему было не столько от прошлых действий Ливкина, сколько из-за необходимости «по-волчьи» отвечать этому «волчьему» миру. Именно поэтому поэт, на самом деле собиравшийся «попомнить» Ливкину, быстро отступает назад.

Примерно за год до своего трагического жизненного конца, 20 декабря 1924 г., Есенин писал Г.А. Беннславской: «Галя, голубушка! Спасибо за письмо, оно очень меня обрадовало. Немного и огорчило тем, что Вы сообщили о Воронском. Я верил, а оказалось всё миражем. Может быть, в мире *всё мираж*, и мы *только кажемся друг другу*. Ради бога, *не будьте те миражем Вы*. Это моя последняя ставка, и самая глубокая. Дорогая, делайте всё так, как найдете сами... Я слишком ушел в себя и ничего не знаю, что я написал вчера и что напишу завтра» (курсив мой. – В. А.) [Есенин: 191]. Нельзя отождествлять маски, искусственность и миражи, тем не менее начало иллюзорности тут одно – пройдя уже немалый жизненный путь, Есенин возвращается к мысли о настоящем, подлинном и, видя это искреннее начало в преданной ему Беннславской, пишет о нем как об особой ценности.

Письма для Есенина были своеобразной палитрой, в ней отражались не только цвета, но оттенки и полутона. В письмах поэта ставились и некоторые эксперименты со словом, не всегда осознанно велся поиск удачных сочетаний лексем, словообразовательных рядов, тематических групп слов.

Приведем в пример раннее письмо Есенина к Бальзамовой от июля 1912 г., написанное после расставания с девушкой, которой он искренне симпатизировал: «Мне хочется, чтобы у нас были *одни чув-*

ства, стремления и всякие высшие качества. Но больше всего *одна* душа – к благородным стремлениям. Что мне скажешь, Маня, на это? Теперь я *один* со своими черными думами!» (курсив мой. – В. А.) [Есенин: 10]. Единение в данном случае противопоставлено одиночеству, а стремления – черным думам. В письме выстраиваются даже своеобразные рифмы, в том числе и звуковые: «Скверное мое настроение от тебя не зависит, я что-то сделал, чего не могу никогда-никогда тебе открыть. Пусть это будет чувствовать моя *грудь*, а тебя пусть это не тревожит. Я написал тебе стихотворение, которое сейчас не напишу, потому что на это нужен шаг к твоему позволению... Тяжелая, безнадежная *грусть!*» (курсив мой. – В. А.) [Есенин: 10]. Через несколько писем Есенин расскажет Бальзамовой, что случилось с ним: в тяжелом и помраченном состоянии он выпил немного уксуса, но испугался, сразу же запил уксус молоком: речь в письме идет вроде бы о *физической боли*, вызванной ожогом пищевода. Однако за счет намеренного умолчания (автор не рассказывает, что с ним случилось), описания состояния героя и рифмующихся лексем «грудь – грусть» разговор переводится на уровень представления не физического, но душевного состояния.

Л.В. Поликовская отмечает контрасты раннего Есенина: «Есенин глазами сослуживцев и Есенин в письмах Грише Панфилову и Марии Бальзамовой – какой контраст! Молодой, радующийся жизни – и глубоко печальный, ненавидящий эту жизнь, подумывающий о самоубийстве. Где же правда? И там и тут. Мы не исключаем, что в письмах Есенин отчасти сгущает краски, подстраивая собственный образ под образ своего лирического героя – поэта. “Веселый и радостный” – это вовсе не идеал Серебряного века. И Есенин – сознательно или подсознательно – отдает дань моде. Но правда и другое: в веселом, как будто бы ничем не отличавшемся от других юноше постоянно идет глубокая внутренняя работа, рассказать о которой он может только очень близким людям» [Поликовская: 78]. Но кроме указанных исследовательницей радости и печали встречаются в письмах Есенина более сложные контрасты. К примеру, в письме Панфилову от 23 апреля 1913 г. звучит яркий христианский призыв Есенина: любить и жалеть разных людей – «и преступников, и подлецов, и лежцов, и страдальцев, и праведников» – и «обнаруживать ласкою жизненные болезни людей» [Есенин: 36]. Это просветление и готовность поэта к слиянию с миром резко контрастируют с настроением в письме к Бальзамовой от мая – декабря 1913 г. – поэт представляет мрачную жизнь, в которой всё «пошло и ничтожно»: «Ничего в ней нет святого, один сплошной и сгущенный хаос разврата. Все люди живут ради чувственных наслаждений», а редкие люди, не принимающие эту жизнь, быстро увядают и уходят [Есенин: 39].

По справедливому замечанию исследователей, «письма Есенина — такой же исключительно точный барометр, улавливающий самые тонкие перемены в умонастроении и душевных “перестроениях” поэта, как и его лирика. В них, зачастую переполненных реалиями быта и “деловой суетой”, не раз достоверно обозначаются новые вехи в творческих исканиях Есенина; они иногда раньше, чем поэзия, свидетельствуют и о его духовном кризисе, и о его духовном преображении» [Пяткин: 28].

В некоторых письмах Есенин сам обозначает достаточно внезапный слом или изменения, произошедшие в нем. Так, говоря о значительном «перестроении внутреннем», Есенин описывает плату, которую пришлось отдать за то, чтобы стать поэтом [Есенин: 117]. В отдельных письмах видны достаточно резкие характеристики окружения поэта в это время. Примером может служить письмо поэта к Панфилову от июня 1911 г.: «Я поспешил скорее убраться из этого ада, потому что я боялся за свою башку. Все-таки мне зло сделал Епифанов, он облил сундук керосином. Что ты мне прописал про их гулянье, я насколько этому не удивляюсь, потому что я уже был уверен в этом, а на глупые выходки Тиранова я смотрю как на сумасшествие. Он часто беснуется. В нем, вероятно, живет легион, поэтому ему не мешает попросить своего ангела, чтобы он его исцелил. А Яковлев настоящий идиот, из него, я уверен, ничего не выйдет, и вот он окончил школу, но бесполезно. А Калабухов самая дрянь и паскуда. Ну ладно об этом толковать, поговорим о другом» [Есенин: 7].

Интересна не только финальная фраза отрывка, благодаря которой поэт переводит разговор на другую тему, но и контрастное, выстроенное благодаря разностилевой лексике описание, которое располагается по нарастающей: сначала перед нами появляется антитеза земного и горнего, созданная не без иронии автора, которая далее выходит к откровенным негативным номинациям и ругательствам. Значимо употребление Есениным религиозно-церковной лексики: ад, зло, беснуется, легион, ангел. Этот пласт слов, определяемый народной верой, оставался в душе Есенина всю жизнь. М.В. Скороходов отмечает глубинную связь Есенина с народным миром, говорит о народной школе, пройденной поэтом в отрочестве и юности, о постижении Есениным основ православной культуры, интересе поэта к старобрядцам: «Напомним, что Есенин во время учебы в Спас-Клепиках изучал Закон Божий и общую церковную историю (по четыре часа в неделю в первый и второй годы учебы и по три часа – в третий год обучения), а также церковную и гражданскую отечественную историю (по три часа в неделю во второй год учебы и по два часа – в третий), поэтому был прекрасно осведомлен о событиях, описанных в Вет-

хом и Новом Завете, разбирался в русской и мировой истории» [Скороходов: 32].

Рассуждений собственно о Боге и божественном, о вере в письмах Есенина очень мало (за исключением ранних писем, в которых, например, упоминается Христос), но поэт часто говорит о душе, причем подразумевает под ней не чувствительность, но способность человека к нравственному росту, совершенствованию на основе любви к людям. В письме к Н.К. Вержбицкому от 25 июля 1925 г. Есенин сетовал на то, что его супруга Софья Андреевна, внучка Л.Н. Толстого, слишком полна памятью о великом писателе, из-за которого ему самому в семье остается мало места: «С новой семьей вряд ли что получится, слишком всё здесь заполнено “великим старцем”, его так много везде, и на столах, и в столах, и на стенах, кажется, даже на потолках, что для живых людей места не остается. И это душит меня» [Есенин: 219]. Хотя именно с толстовского понимания жизни начал сам Есенин, а его рассуждения о душе на протяжении всей жизни сохраняли народный смысл.

Вспомним народных героев у Толстого и Константина Левина, автобиографического персонажа в романе «Анна Каренина», который прозревает, осмысляя слова подавальщика Федора: «Да так, значит – люди разные; один человек только для нужды своей живет, хоть бы Митюха, только брюхо набивает, а Фоканых – правдивый старик. Он для души живет. Бога помнит» [Толстой: 376]. Н.И. Шубникова-Гусева пишет, что «характерной чертой теоретических взглядов Есенина является его широкий подход к интерпретации русского самосознания, национальной и мировой культуры. В стремлении возродить основы творчества своего народа, его “особенную физиономию” и органически соединить их с современными поисками нового духа модерна в литературе XX в. трудно найти поэта, равного Есенину» [Шубникова-Гусева: 9]. Душевность очень часто встречается в письмах Есенина именно как характеристика *русского народного характера*.

В письме к Панфилову от 18 августа 1912 г. Есенин рассуждает о не имеющих выхода душевных чувствах в ситуации слишком однообразно проходящей жизни [Есенин: 13]. Читатель письма буквально чувствует порывы автора, которому были узки рамки внешней реальности: вероятнее всего, не столько за новыми ощущениями, сколько за яркими и первозданными чувствами будет стремиться потом Есенин и в Европу, и в Америку, но быстро разочаруется. В письме к А.М. Сахарову от 1 июля 1922 г. из Дюссельдорфа Есенин отметит, что у русского человека, в отличие от европейского, есть *душа*: «Пусть мы нищие, пусть у нас голод, холод и людоедство, зато у нас есть душа, которую здесь за ненадобностью сдали в аренду под смердяковщину» [Есенин: 140].

А.Б. Мариенгофу 9 июля 1922 г. Есенин напишет, что хочет поскорее выбраться из «кошмарной Европы», вернуться к русскому хулиганству и задору [Есенин: 141]. Обратим внимание на тот факт, что хулиганство и задор выражают у поэта не распущенность и вольности, но горячность натуры. Примечательно еще одно письмо Мариенгофу от июля – августа 1922 г., дерзкое и вызывающее и в обращении к адресату, и его номинации («Дура моя – Ягодка! ты тоже сволочь из сволочей. Как тебе не стыдно, собаке, – залезть под юбку и забыть самого лучшего твоего друга»), и в описании Европы. Есенин создает послание, должное произвести впечатление и передать ощущения, при этом он не скупится на приемы и средства выразительности: риторический вопрос и восклицание, смена первого дерзко-игривого обращения формульным «милостивый государь». Но еще важнее здесь повтор «бьется сердце» в соединении с умолчанием в первом случае и пояснением, что бьется сердце ненавистью. Пояснение это резко меняет тон письма на контрастный, усиливаемый сниженным «блевать хочется»: «Знаете ли Вы, милостивый государь, Европу? Нет! Вы не знаете Европы. Боже мой, какое впечатление, как бьется сердце... О нет, Вы не знаете Европы! Во-первых, Боже мой, такая гадость однообразия, такая духовная нищета, что блевать хочется. Сердце бьется, бьется самой отчаяннейшей ненавистью...» [Есенин: 146]. 12 ноября 1922 г. Есенин пишет Мариенгофу, что после его поездки «заграница», бывшая иллюзией при всех российских лишениях, потеряла весь смысл. Не случайно Есенин констатирует: «Молю Бога не умереть душой и любовью к моему искусству» [Есенин: 150]. Фраза эта максимально содержательна: здесь и *Бог*, и *жизнь души*, и искусство, которое для Есенина как народного поэта немислимо без первых двух обозначенных явлений. Кроме того, всё это должно было стать «противоядием» от полученных поэтом в поездках по западным странам впечатлений.

О душе Есенин упоминает в письмах гораздо больше, нежели даже об умственных способностях человека, в любом случае душевность, чуткость, чувствительность, отзывчивость у него почти всегда на первых местах. В текстах ранних писем Есенина рассуждения о душе представлены явно. Причем поэт пишет как о положительных, высоких душах, так и о противоположных – «душонках». В сентябре – октябре 1912 г. поэт сообщает Бальзамовой: «Твой порыв может пройти. Ты встретишь достойного себе человека, умнее, серьезнее и сильнее душой меня» [Есенин: 18]. А в письме к ней же от июля 1912 г. ругает окружающих, обличая в них именно отсутствие большой души: «Ты ничего никому не открывай об этом. Главное. Меня терзают такие мелкие и пустые душонки...» [Есенин: 11]. Примечательно

упоминание о душе в письме Р.В. Иванову-Разумнику от 6 марта 1922 г., в котором Есенин несколько иронично отзывается о Клюеве, находя и в его поэзии, и в его письмах «мистику дешевого православия», которую он противопоставляет настоящему жизненному чувству. Два значимых предложения письма построены на основе антитез: высокого и низкого. Между тем Есенин так выстраивает предложения, что эти антитезы оказываются двумя сторонами одной неразделимой сущности, пока речь идет о *земной жизни человека*: «Или “ризы души своей” боится замарать нашей житейской грязью? Но тогда ведь и нечего выть, отдай тогда тело собакам, а душа пусть уходит к Богу» [Есенин: 131].

К другу-поэту А.Б. Кусикову, жившему в Париже, уехавший в Америку Есенин пишет с просьбой сообщить московские новости, но без «гадостей», которые говорят и пишут о самом Есенине. В контексте всего *заграничного письма* значима грусть поэта, прекрасно отраженная в знаковом и несколько раз повторяемом к Кусикову обращении – «душа моя», а также просьба поэта о новостях с родной земли, причем светлых: «Напиши мне что-нибудь хорошее, теплое и веселое, как друг» [Есенин: 154]. В письме умещается еще и размышление поэта о том, к какой революции он принадлежал, а в финале Есенин сообщает, что ему «больно и тошно» [Есенин: 154].

Н.А. Каленова считает письма Есенина, «с одной стороны, творением художника слова, с другой – результатом речемыслительной деятельности, не ориентированной на творческий замысел, а обслуживающей бытовую сферу личности автора» [Каленова: 68]. Опять перед нами две стороны, и материального, вещественного, сниженного в письмах Есенина много, но оно не выделяется ни пошлостью, ни мелочностью, поскольку поистине широкой была натура поэта.

Приведем несколько примеров, описывающих сложное материальное положение Есенина в разные годы: «Положение мое скверное. Хожу отрепанный, голодный, как волк, а кругом всё подтягивают. Сапоги каши просят, требуют, чтоб был как зеркало, но совсем почти невозможно» [Есенин: 90]; «Живу, дорогой, – не живу, а маюсь. Только и думаешь о проклятом рубле. Пишу очень мало» [Есенин: 112]; «Положение хуже, чем у свиньи, которую откармливают на убой. Черт с ними, что деньги от всего того, что я не беру их, накапливаются, дело в том, что у меня ни монеточки. Даже в кино нет на билет, а Шурке на трамвай» [Есенин: 225–226]. Все приведенные цитаты показывают достаточно простое отношение поэта к деньгам. Есенин часто испытывал финансовые трудности, не всегда мог помочь родным (порою и сам нуждался в помощи).

В письмах к знакомым Есенин часто не скрывает плохого самочувствия, пишет о боли и неу-

добствах: «Очень собираюсь к Вам, но помираю от зубной боли. Жалею, что вчера не мог зайти, провалялся, как с белены» (Иванову-Разумнику, 6 февраля 1917 г.) [Есенин: 92]; «На днях сдурил и обрил свою голову, уж очень иссушил кожу. Полечу маленько. Будь здоров» (Мурашеву М.П. 18 февраля 1917 г.) [Есенин: 93]. Но эти проблемы, возникающие на физическом уровне, Есенин описывает редко, на первый план выступают моральные тяготы, прежде всего одиночество. И зная о том, насколько оно тяжело, Есенин, когда представляется такая возможность, пытается спасти от одиночества других: в письме от 9 марта 1918 г. к Л.Н. Столице Есенин просит ее поддержать хорошего человека, Петра Авдеевича Кузько: «Примите его и обогрейте Вашим приветом. Ему ничего не нужно, кроме лишь знакомства с Вами, и поэтому я был бы рад, если бы он нашел к себе отклик в Вас. Человек он содержательный в себе, немного пишет, и общение с Вами кой в чем (чисто духовном) избавило бы его от одиночества, в которое он заброшен по судьбе России» [Есенин: 101].

Как мы уже отмечали выше, настроение Есенина менялось часто, и в письма поэта чаще всего попадали те события, которые прямо или косвенно были маркированы его эмоционально-оценочным отношением. Причем встречаются письма, в которых причина определенного состояния обыгрывается поэтом. Так, в послании Бениславской от мая 1924 г., описывая негативные ощущения и их поводы, Есенин находит место иронии над самим собой: «Погода была скверная, настроение от безденежья – тоже. На днях получу. Главным образом грустен потому, что дьявольски растолстел. Костюм не сходится. Белье приходится перепарывать. Черт знает что такое! Утром не могу без пота натянуть ботинки» [Есенин: 167].

В письмах Есенина шутки (чаще всего достаточно резкие) контрастируют с общим настроением грусти, которая у поэта нередко приобретает характер порабощающей, гнетущей человека тяжести. Внешние факторы, связанные с подобными ощущениями, могли быть на протяжении жизни Есенина разными, но поэт легко оказывался в разных «тисках»: «Не знаю, много ли времени продолжится это животное состояние. Я попал в тяжелые тиски отца. Жаль, что я молод!... Никак не вывернешься. Не знаю, что и писать, и голова тяжела, как свинец. Отовсюду по роже скользит влага. Удрученное состояние» (Панфилову, февраль – март 1913 г.) [Есенин: 32–33].

Письма Есенина открывают глубину переживания автором многих событий личной и общественной жизни, а всевозможные контрасты эпистолярного наследия поэта позволяют приблизиться к пониманию его сложной душевной работы, которую, несмотря на все внешние события, литературную борьбу с ис-

пользованием разных средств, нередко идущих вразрез с совестью, Есенин считал самой важной, отличающей путь русского человека от всех других дорог.

Список литературы

Есенин С.А. Полн. собр. соч. в 7 т. Т. 6: Письма. М.: ИМЛИ РАН, 1999. 818 с.

Калёнова Н.А. Основные параметры частного письма как речевого произведения (на примере эпистолярная С.А. Есенина) // Известия волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 10 (95). С. 68–75.

Ливкин Н.Н. В «Млечном Пути» // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. / вступ. ст., сост. и коммент. А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1. С. 163–167.

Поликовская Л.В. Есенин. Русский поэт и хулиган. М.: Вече, 2014, 286 с.

Пяткин С.Н., Кудряшова Д.Б. Вопросы теории искусства в эпистолярной Сергее Есенина // Современное есениноведение. 2016. № 4 (39). С. 27–33.

Скорыходов М.В. К вопросу об истоках раннего творчества Есенина: старообрядчество и православная культура в фокусе синтеза искусств // Современное есениноведение. 2020. № 4 (55). С. 30–40.

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худ. лит. 1935. Т. 19. 520 с.

Шубникова-Гусева Н.И. Есенин и искусство: проблемы и перспективы исследования // Сергей Есенин и искусство: сб. науч. трудов. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 8–33.

References

Yesenin S.A. *Polnoe sobranie sochineniy: v 7 t. T. 6. Pis'ma* [Complete works: in 7 vols. Vol. 6. Letters]. Moscow, IMLI RAN Publ., 1999, 818 p. (In Russ.)

Kalenova N.A. *Osnovnye parametry chastnogo pis'ma kak rechevogo proizvedeniia (na primere epistoliarrii S.A. Yesenina)* [The main parameters of private writing as a speech work (on the example of S.A. Yesenin's epistolary)]. *Izvestiia volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University], 2014, № 10 (95), pp. 68–75. (In Russ.)

Livkin N.N. *V "Mlechnom Puti"* [In the "Milky Way"]. *S.A. Esenin v vospominaniakh sovremennikov: v 2 t.* [S.A. Yesenin in the memoirs of contemporaries: in 2 vols.]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1986, vol. 1, pp. 163–167. (In Russ.)

Polikovskaia L.V. *Yesenin. Russkii poet i khuligan* [Yesenin. Russian poet and bully]. Moscow, Vechе Publ., 2014, 286 p. (In Russ.)

Piatkin S.N., Kudriashova D.B. *Voprosy teorii iskusstva v epistoliarrii Sergeia Yesenina* [Questions of the theory of art in the epistolary of Sergei Yesenin]. *Sovre-*

mennoe eseninovedenie [Modern Yeseninovedenie], 2016, № 4 (39), pp. 27–33. (In Russ.)

Skorokhodov M.V. *K voprosu ob istokakh rannego tvorchestva Yesenina: starobriadchestvo i pravoslavnaia kul'tura v fokuse sinteza iskusstv* [On the question of the origins of Yesenin's early work: the Old Believers and Orthodox culture in the focus of the synthesis of arts]. *Sovremennoe eseninovedenie* [Modern Yeseninovedenie], 2020, № 4 (55), pp. 30–40. (In Russ.)

Tolstoi L.N. *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t.* [Complete works: in 90 vols.]. Moscow, Khud. lit. Publ., 1935, vol. 19, 520 p. (In Russ.)

Shubnikova-Guseva N.I. *Esenin i iskusstvo: probleme i perspektivy issledovaniia* [Yesenin and art: problems and research prospects]. *Sergei Yesenin i iskusstvo* [Sergei Yesenin and art]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2014, pp. 8–33. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.12.2021; одобрена после рецензирования 29.01.2022; принята к публикации 21.02.2022.

The article was submitted 28.12.2021; approved after reviewing 29.01.2022; accepted for publication 21.02.2022.

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 112–117. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 112–117. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821.161.1.09"20"

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-112-117>

«В ФИАКРЕ» АРТЮРА АДАМОВА: ПОЭТИКА И ПРОБЛЕМАТИКА

Османова Кира Павловна, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, osmanovakira@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2960-4513>

Аннотация. Радиопьеса Артюра Адамова «В фиакре» по сей день находится на периферии исследовательских интересов. Созданная в 1959 г., а опубликованная в 1963 г., пьеса становится материалом филологического изучения гораздо реже, чем эксперименты Адамова на поле политического театра, осуществляемые в то же самое время. В статье рассматриваются автобиографические истоки сюжета пьесы «В фиакре», делается попытка обоснования авторского выбора; оценивается значимость для Адамова-художника темы влияния родительско-детских отношений на всю человеческую судьбу. Особое внимание уделяется анализу мотивной структуры, в которой преобладающим оказывается мотив вины, связывающий пьесу Адамова с экзистенциальной философией, – вины, обретающей у Адамова онтологические коннотации. Тема бессмысленности мира, казалось бы, противоречащая пафосу политического театра, сохраняется в творчестве Адамова и после того, как он, по мнению ряда исследователей, теряет подлинный интерес к театру абсурда. Помимо этого, в статье затрагивается вопрос интертекстуальных связей, чрезвычайно важных для понимания творческого метода Адамова. В статье сформулирован основной вывод относительно поэтики Адамова, выкристаллизовавшейся ещё в его исповедальной прозе «Признание».

Ключевые слова: Адамов, интертекстуальность, Мопассан, мотив, повтор, радиопьеса, сюжет, театр абсурда, экзистенциальная вина

Для цитирования: Османова К.П. «В фиакре» Артюра Адамова: поэтика и проблематика // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 112–117. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-112-117>

Research article

“IN A FIACRE” BY ARTHUR ADAMOV: POETICS AND PROBLEMATICS

Kira P. Osmanova, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia, osmanovakira@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2960-4513>

Abstract. Arthur Adamov’s radio play “En Fiacre” is still on the periphery of research interests. Created in 1959, and published in 1963, the play turns out to be material for philological study much less often than Adamov’s experiments on the field of political theatre, carried out at the same time. The article examines the autobiographical origins of the plot of the play “En Fiacre”, an attempt is made to substantiate the author’s choice; the significance for Adamov the artist of the parent-child relations influence theme on the entire human destiny is assessed. Particular attention is paid to the analysis of the motif structure, in which the fault motive prevails, linking Adamov’s play with existential philosophy – fault, which acquires ontological connotations from Adamov. The theme of the meaninglessness of the world, seemingly contradicting the pathos of political theatre, remains in Adamov’s work even after, according to a number of researchers, he loses genuine interest in the theatre of the absurd. In addition, the article touches on the issue of intertextual connections, which are extremely important for understanding the creative method of Adamov. The article formulates the main conclusion regarding the poetics of Adamov, crystallised in his confessional prose “The Confession”.

Keywords: Arthur Adamov, intertextuality, Maupassant, motif, refrain, radio play, plot, theatre of absurd, existential fault

For citation: Osmanova K.P. “In a Fiacre” by Arthur Adamov: poetics and problematics. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 112–117 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-112-117>

Радиопьеса «В фиакре» (“En Fiacre”, 1959), опубликованная в 1963 г. в журнале «Авансцена. Театр» (“L’Avant-scène-théâtre”) с пометкой «не издававшееся ранее», представляет собой интереснейший образец драматургического наследия Артюра Адамова (Arthur Adamov, 1908–1970).

Устами одного из персонажей, Ведущего, Адамов поясняет: пьеса не является вымыслом в чистом виде, у неё есть конкретная «отправная точка» [Adamov 1963: 39] в реальности. Это действительно так: основа пьесы – клиническое наблюдение, сделанное доктором Клерамбо (Gaëtan de Clérambault, 1872–1934) в 1902 г. Результаты ведения трёх пациентов, трёх сестёр, были опубликованы после смерти доктора в его «Труде по психиатрии» (“Oeuvre Psychiatrique”, 1942). В главе «Коллективный бред и ассоциации душевнобольных» (“Délires collectifs et associations d’aliénés”) доктор пишет: «Наблюдение 1. Одновременное помешательство трёх сестёр с преобладанием бреда у одной из них. Мания преследования. Бредовые интерпретации. Бродячий образ жизни; пребывание в отелях, в фиакрах» [Clérambault: 7]. (Здесь и далее все цитаты из иноязычных источников списка литературы представлены в переводе автора статьи.) Ведущий сообщает слушателю, не знакомому с практикой доктора Клерамбо, что этот случай, «пример коллективного бреда» [Adamov 1963: 39], стал фундаментом для пьесы Артюра Адамова «В фиакре». Также Ведущий зачитывает подробный комментарий самого доктора Клерамбо. Из этого комментария выясняются следующие факты: в феврале 1902 г. сестёр М. доставили в полицейский участок из-за их ссоры с извозчиком фиакра – пассажирки отказались платить; троице предъявляли обвинение в бродяжничестве – в течение нескольких месяцев сёстры скитались, проводили время в отелях и даже ночевали в фиакрах, потому что им «нравилось так жить» [Adamov 1963: 39]; женщины были обеспокоены, словно старались избежать «большой опасности» (“un grand danger”) [Adamov 1963: 39]; они выросли в непростой семье: отец – своевольный тип, не умеющий вести финансовые дела, мать – терпеливая, оберегающая детей от всяческих забот, но и от всяческих самостоятельных начинаний, мать, которая, умерев, оставила дочерей совершенно неприспособленными к жизни в обществе. Далее Ведущий подчёркивает, что автор пьесы вообразил себе драму, которая могла бы развернуться в одном из фиакров, нанятых девицами М. В конце своей вступительной речи Ведущий напоминает, что художественное произведение всегда остаётся художественным произведением, даже если опирается на документы. Как замечает Мартин Эсслин (Martin Esslin), Адамов в пьесе «В фиакре» «соединяет реалистическое и фантастическое, сделав сюжетом подлинное событие» [Эсслин: 127].

Персонажи пьесы, заявленные в афише: три немолодые сестры, Извозчик, Доктор, работающий с заключёнными (Судебный медик), Ведущий. Во втором действии показывается третья тройка – Медсестра, Медбрат и Сторож – но ненадолго: возможно, поэтому в афише она не указана. Трёх сёстрам Адамов даёт те же имена, что зафиксированы доктором Клерамбо: Жанна, Аннетта, Клотильда (доктор указывает и их возраст: 59, 56 и 48 лет соответственно; Адамов также информирует о возрасте сестёр).

В пьесе есть фрагменты, практически без изменений инкорпорированные Адамовым из записей бесед доктора Клерамбо с сёстрами М. Исследователь творчества Адамова Рене Годи (René Gaudy) упоминает о важности «старого семейного конфликта» [Gaudy: 69–70]. Видится уместным предположить, что в отчёте доктора Клерамбо Адамова заинтересовала, в первую очередь, семейная ситуация, напомнившая ему его собственную. Об отце пациенток доктор Клерамбо пишет так: «Отец их отличался характером, по меньшей мере, своеобразным» [Clérambault: 9]. Сведения об отце реальных сестёр М., полученные Адамовым из записей доктора Клерамбо, дают основание для сопоставлений. Отец Адамова – богач, нефтепромышленник, которому принадлежали скважины на Каспии; отец М. – владелец процветающей фабрики. Отец Адамова был вынужден оставить Россию, лишился скважин в результате революционных событий 1917 г. и, наконец, после утомительных переездов, в 1924 г. поселился с семьёй в Париже; отец М. покинул свой город, сменил род деятельности, часто переезжал и обосновался в Париже. Отец Адамова пристрастился к азартным играм и в итоге спустил всё состояние; отец М. превратился в игрока, и семья после его смерти в 1890 г. осталась бы, если бы не приданое матери, без средств к существованию. Образ своего равного отца, теряющего родину и огромное состояние, имеющего колоссальную власть над детьми, влекущего семью в бездну, – вот что не могло не тронуть Адамова, вот что всегда находило в нём отклик и инспирировало переосмысление. К тому же в 1958 г. в Париже вышла пьеса Августа Стриндберга (August Strindberg) «Отец» (“Fadren”, 1887) – в переводе Адамова (Strindberg J.A. Père. Paris: L’Arche, 1958); пьеса, безжалостно препарирующая отношения между отцом и ребёнком, исследующая роль отца в структуре семьи. Детство Адамова, характеризующееся серьёзным травматическим опытом, определило всю дальнейшую судьбу писателя, и отзвуки ранних личных драм слышатся в его произведениях на протяжении целой жизни. Вероятно, Адамова занимали возможные пути развития драматического сюжета при подобных исходных данных. «В фиакре» – эксперимент по конструированию одного из таких путей.

В начале первого действия дана экзистенциальная ситуация прекращения движения и невозможности выносить отсутствие этого движения – бессмысленного, разумеется, потому что у сестёр нет пункта назначения. Они едут – никуда (сёстры выставляют извозчикам три довольно странных условия: не выезжать за пределы фортификационных сооружений; не останавливать фиакр возле виноторговцев; следить, чтобы лошадь двигалась шагом: соблюдая эти условия, извозчик имел право ехать, куда угодно). Однако всякая остановка лишь усиливает общую тревогу сестёр, и они (каждая – как умеет) просят Извозчика покатасть их по Парижу «ещё немного» [Adamov 1963: 39]. Трудно отделаться от соблазна трактовать все эти перемещения без смысла и цели как метафору человеческого существования, свойственную театру абсурда, хотя Адамов 1959 г. – автор, охотно осваивающий уже иную эстетику. Не исключено, что по этой причине ещё одна ключевая для абсурдистов экзистенциальная ситуация – тщетного ожидания – высвечивается здесь Адамовым с изрядной долей иронии. Жанна убеждает Извозчика потерпеть до конца месяца (тогда сёстры расплатятся за всё) и говорит: «Шесть дней подождать – это недолго! (*Мрачно.*) Мы вообще ждали годами!» [Adamov 1963: 40], на что Извозчик презрительно парирует: «Ждали они. А чего именно ждали-то?» [Adamov 1963: 40]. Разумеется, ответа на этот вопрос не последует – поскольку ответа нет в принципе. Во втором действии библейский шестоднев упоминает Медсестра, говоря о некоем больном, который за шесть дней пребывания в лечебнице не спал «ни одной минуты» [Adamov 1963: 41].

В пьесе «В фиакре» Адамов продолжает реализовывать мотив вины. Годи в короткой заметке о пьесе употребляет слово «вина» (“faute”); он говорит о «двухголосной мольбе об избавлении от вины за ошибку, совершённую в далёком прошлом» [Gaudy: 69]. Мотив вины Адамов начал разрабатывать ещё в ранней автобиографической книге «Признание» (“L’Aveu”, 1946). На страницах «Признания» Адамов рассказывает о своём недуге, оповещает, что недугом его управляет чувство вины, и заявляет, что решился на исповедь затем, чтобы искупить вину. Именно поэтому в «Признании» Адамов так скрупулёзно работает со словом «вина» (“faute”). Это слово представляется Адамову амбивалентным: с одной стороны, в нём можно выявить значение “faillir” (от “faillir” – «недоставать», то есть – выражение идеи отсутствия), с другой – “fall” (германского происхождения – «падать», «рухнуть», то есть – выражение идеи падения). Таким образом, заключает Адамов, «вина есть отсутствие и падение», являющиеся «ужасными признаками сепарации» [Adamov 1946: 57].

Амбивалентна и вина, исследуемая Адамовым в пьесе. Во-первых, есть Извозчик и союз трёх сестёр, противостоящие друг другу: Извозчик обвиняет сестёр в обмане. Во-вторых, внутри союза сестёр зреет серьёзный раскол, который в итоге приведёт к трагедии (она случится между первым и вторым действием). Во втором действии Аннетта пытается создать для Доктора образ неразлучных сестёр, напоминающий трёхглавое существо, что обитает на улицах Парижа: сёстры неделимы («со времён осады Парижа» [Adamov 1963: 45], а значит, с 1870 г., то есть уже более тридцати лет); головы сестёр «одновременно думают одно и то же» [Adamov 1963: 45]; по ночам одна неспящая голова сторожит две спящие. Между тем именно второе действие разворачивается уже после трагедии, когда сестёр осталось двое, – Клотильда погибла, выпав из фиакра. Две сестры (старшая и средняя) обвиняли – и на самом деле продолжают обвинять – третью (младшую) во всех несчастьях, что с ними произошли. При подобной расстановке сил можно распознать следы известного фольклорного сюжета (с множеством вариаций), где старшие сёстры сживают со свету младшую: «Извести, со света сбить хотят всегда только старшие младших. <...> «нежеланного» мальчика или девочку или брата или сестру изгоняют...» [Пропп: 209]. Адамов не позволяет исключить зависть как мотив преступления: Клотильда – красивее сестёр, у неё длинные ноги, Жанне кажется, что младшая позволяет себе многое, потому что у той «якобы талия тоньше» [Adamov 1963: 40]; у Клотильды был некий Луи, которого она, по её собственному признанию, любила, но на которого как будто бы в своё время имела виды Жанна. Безусловно, старшая и средняя сёстры несправедливы к младшей: они упрекают её даже в том, что Клотильда просила извозчиков пускать лошадь быстрее; даже в том, что, когда однажды их фиакр перевернулся, после падения у Клотильды не осталось синяков. Однако основная, подлинная вина Клотильды, по мнению Жанны и Аннетты, состоит в следующем: младшая сестра была солидарна с отцом, ныне покойным, она выступала с ним заодно – против матери и сестёр. Жанна восклицает: «Ты желала нам зла, как и отец – он тоже желал нам зла, и вы оба желали зла маме!» [Adamov 1963: 41]. В том, что сёстрам пришлось покинуть дом, где они жили с родителями, Жанна и Аннетта также видят вину Клотильды. Клотильда для них – живое продолжение нелюбимого отца, человека, с которым ни Жанна, ни Аннетта не хотят иметь ничего общего, а потому всячески отрешиваются от сестры: «В любом случае, мы – не как Клотильда» [Adamov 1963: 45]. В финале пьесы оказывается, что вина Клотильды чудовищна: «Она говорила плохо о маме! Она говорила, что мы должны были уйти от мамы, ещё в тридцать

лет...» [Adamov 1963: 46]. Таким образом, убеждение Адамова в том, что вина, являющая собой «отсутствие и падение» [Adamov 1946: 57], неразрывно связана с отделением от чего-либо или кого-либо, «сепарацией» [Adamov 1946: 57], обретает художественное воплощение.

Лапидарно и точно историю характеризует Медсестра: «Фиакр, сёстры, извозчик... Я ничего не понимаю!» [Adamov 1963: 42]. И впрямь невозможно узнать, что произошло на самом деле: действительно ли старшие сёстры убили младшую. Медбрат говорит: «Ничего не доказано...» [Adamov 1963: 41]; Доктор вопрошает: «И череп она сама себе о тротуар размозжила?» [Adamov 1963: 46]. Анищенко полагает, что в драме абсурда «отсутствует какой-либо намёк на поле совместности, отрицательное взаимодействие... просто выводится в некое совместное пространство. <...> Поэтому вопросы остаются без ответов» [Анищенко: 84]. Гибель младшей сестры Адамов придумал (в записях доктора Клерамбо значится, что уже в лечебнице заболела и умерла средняя, Аннетта), и то, что к этой ужасной гибели могут быть причастны старшая и средняя сестра, – один из возможных вариантов развития событий, как существуют, положим, возможные варианты толкования сна. Во многом действие пьесы развивается на неотличимой границе реальности и фантазии, яви и бреда. Адамов высоко ценил Стриндберга и его «Игру снов». Суть же творческого метода Адамова при создании этой пьесы вернее всего определяют слова персонажа, Аннетты: «... нам бросают... намёк, но никоим образом не объясняют» [Adamov 1963: 42]. В пьесе есть два значимых момента, максимально выразительно демонстрирующих весьма напряжённые отношения сестёр – и конкретно Жанны – с окружающей действительностью. Фрагменты реальности вдруг начинают казаться Жанне ложными, искажёнными, а люди – не теми, за кого себя выдают: в первый раз Жанна неистово кричит: «Это ненастоящий капеллан!» [Adamov 1963: 44], во второй – «Это был ненастоящий извозчик!» [Adamov 1963: 46]. Призраки словно издеваются над несчастной женщиной, которой тяжело отвечать даже на вопросы о собственном прошлом. В этом контексте и выкрик Аннетты «Мы существуем законно!» [Adamov 1963: 45] может трактоваться как отчаянная попытка проснуться, вписаться в мир, где нет места иллюзиям и фантомам.

Речь сестёр у Адамова персеверативна: так, например, фраза «Мы думали, что поступаем правильно» (“Nous avons cru bien faire”) с некоторыми вариациями: «Я думала, что поступаю правильно» (“Je croyais bien faire”, “J’ai cru bien faire”), произносится на протяжении всей пьесы не менее семнадцати раз; реже, но с той же степенью заученности звучит фраза «Мы – честные женщины» (“Nous sommes des femmes

honnêtes”). Видится, что отчасти этот приём повтора связан с недавней работой автора над переводами драматургического наследия Чехова: пьеса «Три сестры» (кстати, такое название легко могла бы носить пьеса «В фиакре») в переводе Адамова появилась в 1958 г. [Tchekhov]. Зырянова подчёркивает: «Сам Адамов резюмирует суть своей переводческой стратегии следующим образом: “... чеховские героини часто повторяют свои фразы – и это не оплошность или упущение автора – поэтому переводчик должен в точности сохранить эти повторы”» [цит. по: Зырянова: 202].

В качестве лейтмотива пьесы автор предлагает песню «Фиакр» (“Le Fiacre”). Эту песенку-скоороговорку щекотливого и даже шокирующего содержания сочинил шансонье Леон Ксанроф (Léon Xanrof, 1867–1953) в 1888 г. Музыкальная запись, рекомендованная Адамовым для иллюстрации радиопьесы, была сделана в 1930 г. артисткой кабаре Иветтой Гильбер (Yvette Guilbert, 1865–1944). Нетрудно догадаться, почему Адамов настаивает именно на этом исполнении: в 1959 г. имя Иветты Гильбер уже стало символом Прекрасной эпохи (“La Belle Époque”), а атмосфера пьесы Адамова, как отмечает Годи, и есть «бурлеск Прекрасной эпохи» [Gaudy: 70]; время действия у Адамова – первое десятилетие XX века, место действия – Париж. В песне Ксанрофа речь идёт о разъезжающем по улицам Парижа жёлтом фиакре, в котором прячутся любовники; фиакр – место их тайного страстного свидания. Проходящий мимо муж изменницы, милоющейся с неким Леоном, кажется, узнаёт жену, но поскальзывается на мокрой земле и попадает под колёса фиакра. Неверная выходит, видит раздавленного супруга и кричит Леону: «Нам больше не нужно скрываться! Отстегни извозчику сотню!»

В пьесе «В фиакре» филигранно исполнена удивительная остроумная аллюзия. В первом действии, когда Клотильда, младшая сестра, пытается не рассердить Извозчика ещё сильнее, а потому разговаривает с ним очень ласково, Жанна, старшая, с возмущением шепчет средней, Аннетте: «Ты только послушай! Опять она за своё! Она пытается его соблазнить! И этого тоже!» [Adamov 1963: 40]. Таким образом, слушателя немедленно принуждают вспомнить совершенно определённый сюжет: девица расплачивается с кучером за проезд своим телом. Разумеется, первой из всего корпуса текстов французской литературы в данных обстоятельствах возникает новелла Ги де Мопассана (Guy de Maupassant, 1850–1893) «Признание» (“L’Aveu”, 1884). Разозлившаяся Жанна заставляет всякого, услышавшего её шёпот, тотчас дословно припомнить тихое откровение Селесты Маливуар: «Я не платила за проезд» [Мопассан: 66]. Жанна после повторит своё предположение несколько раз, тем не менее о степени его достоверно-

сти остаётся только гадать – в пьесе нет ни подтверждения, ни опровержения того факта, что Клотильда отдавалась извозчикам (может быть, и отдавалась, в связи с финансовым положением семьи М.; а может быть, и нет, и Адамов лишь позволяет предположить, что его героиня Жанна знает новеллу Мопассана: например, прочла её в «Жиль Блас» (“Gil Blas”) и осталась серьёзно впечатлена). Однако здесь важно другое. Человеческая уязвимость, абсурдность конкретных фактов и общая абсурдность жизни как таковой – темы, затронутые Мопассаном в его новелле, – не могли не оказаться расслышанными Адамовым, который, подобно музыканту с абсолютным слухом, откликается на них безошибочно. Адамов умеет распознавать музыку абсурда. У Мопассана расчёт героини сведён на нет самой жизнью, описанное им происшествие – это высочайшая степень нелепости и квинтэссенция обесценивания (и самообесценивания) личности; «Признание» – это новелла об утрате смысла, а категория бессмысленного Адамова волновала и захватывала. Изыскивая варианты развития событий для своей пьесы, Адамов, человек беспримерной эрудиции, словно находит союзника в Мопассане и не позволяет – ни себе, ни слушателю – усомниться в том, что собеседником писателя может быть не только современник, и что литературный процесс есть многоголосный разговор.

Интонационные сходства – и громкие понукания (и Полит, и Извозчик прикрикивают на лошадь), и монотонная безжалостная бухгалтерия («Сколько же ты выгадала?» Селеста ответила: “За четыре месяца восемь франков наверняка») [Мопассан: 66]; «Клотильда: Мы тратим по двадцать франков в день, чтобы не слыть бродяжками» [Adamov 1963: 40]) – усиливают ощущение диалога. Любопытно, что упомянутая новелла Мопассана озаглавлена «Признание» (“L’Aveu”) – точно так же называется главный исповедальный текст Адамова, впервые опубликованный в 1946 г., где автор предельно откровенно повествует об истории своих страхов и расстройств. Увлечённый психоанализом, Адамов сохранил верность убеждению, что любые последовательности человеческих действий и любые хитросплетения человеческих чувств вызваны скрытыми причинами, таинственными механизмами бессознательного. Адамов способен оценить и горькую несообразность, парадокс в новелле Мопассана: текст, носящий название «Признание», завершается словами «Ясное дело, ничего не скажу» [Мопассан: 67]. В конце концов, последний разговор сестёр в фиакре, по словам Аннетты, содержал в себе признание Клотильды; Аннетта использует глагол “avouer” и говорит о Клотильде «она призналась» (“elle a avoué”) [Adamov 1963: 46]. Это признание сыграло роковую роль в судьбе младшей сестры: сразу после него Клотильда лишилась

жизни. Эсслин уверен: «Ночные улицы Парижа, несчастные жертвы неврозов, подвергающиеся оскорблениям извозчиков, – весь этот мир не столь уж далёк от мира “Признания”» [Эсслин: 127].

Таким образом, становится очевидным, что на рубеже 50–60-х гг. XX в., в период, когда, как принято считать, Адамов складывает знамёна абсурда и увлекается политическим театром (к 1959 г. уже написана пьеса «Паоло Паоли» (“Paolo Paoli”, 1956), например, и вот-вот появится «Весна 71» (“Le Printemps 71”, 1961)), Адамов, тем не менее, создавал и тексты, соответствующие принципам его ранней поэтики. Мир автобиографической книги Адамова «Признание» (“L’Aveu”, 1946), полный причудливых сновидений и воспоминаний о последствиях сложных отношений с отцом, – источник абсурдистских мотивов в драматургии Адамова конца 40-х – первой половины 50-х гг. – продолжает определять его творчество, обнаруживая своё присутствие и в радиопьесе «В фиакре». Попытка художественного осмысления личных переживаний и здесь осуществляется в системе координат Адамова-абсурдиста.

Список литературы

- Анищенко М.Г.* Концепция персонажа в драматургии Артюра Адамова // Художественное осмысление действительности в зарубежной литературе: межвуз. сб. науч. трудов. О.Н. Редина (науч. ред.), А.А. Стрельникова (отв. ред.). М.: Изд-во МГОУ, 2017. С. 79–86.
- Зырянова М.В.* История переводов пьес А.П. Чехова на французский язык // Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2010. № 2. С. 200–203.
- Мопассан де, Г.* Пышка. Новеллы: пер. с фр. М.: Художественная литература, 1987. 111 с.
- Пронн В.Я.* Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. Русский героический эпос. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2021. 1168 с.
- Эсслин М.* Театр абсурда / пер. с англ. Г. Коваленко. СПб.: Балтийские сезоны, 2010. 528 с.
- Adamov A.* En fiacre. L’Avant-scène-théâtre, № 294, 1963, pp. 39–46.
- Adamov A.* L’Aveu. Paris, Sagittaire, 1946, 162 p.
- Clérambault de, G.* Oeuvre Psychiatrique, réuni et publié sous les auspices du Comité des Élèves et des Amis de Clérambault par Jean Fretet, avec une préface de Paul Guiraud. Tome I. Paris, Presses Universitaires de France, 1942, 452 p.
- Gaudy R.* Arthur Adamov (Essai et document). Paris, Stock, 1971, 187 p.
- Tchekhov A.* Théâtre. Traduit par Arthur Adamov. Note préliminaire par Arthur Adamov. Paris, Le club français du livre, 1958, 676 p.

References

Anishchenko M.G. *Kontsepsiia personazha v dramaturgii Artiura Adamova* [The concept of a character in the plays of Arthur Adamov]. *Khudozhestvennoe osmyslenie deistvitel'nosti v zarubezhnoi literature* [Artistic interpretation of reality in foreign literature]. Moscow, MGOU Publ., 2017, pp. 79–86. (In Russ.)

Zyrianova M.V. *Istoriia perevodov p'es A. P. Chekhova na frantsuzskii iazyk* [The history of translations of Chekhov's plays into French]. *Vestnik VGU. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia* [Voronezh State University Bulletin. Ser. Linguistics and intercultural communication]. Voronezh, VGU Publ., 2010, № 2, pp. 200–203. (In Russ.)

Mopassan de, G. *Pyshka. Novelly* [Dumpling. Novels]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1987, 111 p. (In Russ.)

Propp V.Ia. *Morfologiia volshebnoi skazki. Istoricheskie korni volshebnoi skazki. Russkii geroicheski epos* [Morphology of the folktale. The historical roots of the folktale. Russian heroic epics]. Saint Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2021, 1168 p. (In Russ.)

Esslin M. *Teatr absurda* [The theatre of the absurd]. Saint Petersburg, Baltiiskie sezony Publ., 2010, 528 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 19.11.2021; одобрена после рецензирования 29.01.2022; принята к публикации 09.02.2022.

The article was submitted 19.11.2021; approved after reviewing 29.01.2022; accepted for publication 09.02.2022.

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 118–122. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 118–122. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821.161.1.09"20":294.3

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-118-122>

БУДДИЙСКАЯ ЭКЗОТИКА В ТВОРЧЕСТВЕ Э.В. ЛИМОНОВА: ФИЛОСОФСКАЯ И ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КРИТИКА

Дубаков Леонид Викторович, кандидат филологических наук, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэнь, Провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь, Китай, dubakov_leonid@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>

Аннотация. В статье анализируется специфика восприятия буддизма Э.В. Лимоновым. Рецепция буддизма определяется в его творчестве системой двойного кодирования: он – писатель, но также политик и публицист. Художественный и политический нарратив в его произведениях неразрывно связаны. Э.В. Лимонов – критик буддизма, но последовательность его взглядов не безусловна. Для писателя буддизм – неоригинальная религия, в национальных версиях которого слишком много экзотического и иррационального. Кроме того, буддизм – это религия, с которой Э.В. Лимонов не согласен в её философских посылах. Видение реальности в качестве исполненной страдания и устремлённость к уходу из неё противоречит активной жизненной позиции писателя. Вместе с тем в творчестве Э.В. Лимонова проявляется свойственная современной русской литературе тенденция к русификации буддизма. Также писатель исследует мистическую сторону этой религии в её тибето-монгольской версии, считывая и актуализируя её надчеловеческую составляющую.

Ключевые слова: буддизм, буддийский текст, философия, религия, экзотика, критика, русификация.

Для цитирования: Дубаков Л.В. Буддийская экзотика в творчестве Э.В. Лимонова: философская и эстетическая критика // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 118–122. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-118-122>

Research Article

BUDDHIST EXOTICISM IN THE WORKS OF EDUARD LIMONOV: PHILOSOPHICAL AND AESTHETIC CRITICISM

Leonid V. Dubakov, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Faculty of Philology of Shenzhen MSU-BIT University, the PRC, <https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>, dubakov_leonid@mail.ru

Abstract. The article analyses the specifics of the perception of Buddhism by Eduard Limonov. The reception of Buddhism is determined in his work by a system of double coding – he is a writer, but also a politician and publicist. Artistic and political narrative in his works are inextricably linked. Eduard Limonov is a critic of Buddhism, but the consistency of his views is not absolute. For the writer, Buddhism is an unoriginal religion, in the national versions of which there are too much exotic and irrational elements. In addition, Buddhism is a religion with philosophical assumptions of which, Eduard Limonov disagrees. The vision of reality as full of suffering and the desire to escape from it contradicts the active life position of the writer. At the same time, in the work of Eduard Limonov, the tendency towards the Russification of Buddhism, characteristic for the modern Russian literature, manifests itself. The writer also explores the mystical side of this religion in its Tibeto-Mongolian version, perceiving and actualising its superhuman component.

Keywords: Buddhism, buddhist text, philosophy, religion, exoticism, criticism, Russification.

For citation: Dubakov L. V. Buddhist exoticism in the works of Eduard Limonov: philosophical and aesthetic criticism. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 118–122 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-118-122>

Осмысление буддизма русской литературой насчитывает более двух веков. Буддийские идеи и мотивы можно обнаружить в литературе XIX века, рубежа веков, в эмигрантской и советской литературе. Наиболее активно учение и образы буддизма осваиваются современной и новейшей отечественной литературой. Имеющиеся в литературоведении прецеденты перенесения структурно-семиотического подхода из урбанистически-культурной сферы в сферу религии (например, выделение «мусульманского текста» романтической литературы [Алексеев 2006: 5]) позволяют говорить и о «буддийском тексте» русской литературы. Одним из современных писателей, которого можно отнести к создателям данного текста, является Э.В. Лимонов. Очевидно, что в лимоновском творчестве буддизм занимает не центральное место. Вместе с тем совокупность художественных, публицистических, историософских высказываний Э.В. Лимонова об этой религии представляет безусловный интерес, имея в виду и прояснение мировоззренческих установок писателя, и более точное понимание особенностей его художественного мира. Кроме того, несмотря на в целом критическое отношение Лимонова к буддизму, он создаёт в своих текстах неоднозначный образ этой религии.

Впервые образ буддизма возникает в книге Э.В. Лимонова «Русское». В стихотворении «Лхаса» слово «буддизм» не появляется, однако его замещением становится слово «таинство» – нечто между таинственным, красивым, драгоценным и сакральным. Образ Лхасы – это образ города, в котором сокрыто «таинство», временно недоступное европейцам. Образ Тибета кажется составленным из случайных экзотических слов, диссонансно рифмующихся друг с другом: «Какие-то фанзы. какие-то брынзы / тусклые бронзы и жёлтые бонзы» [Лимонов 1979: 165]. Тибет представляет собой многоцветное и опасное разнообразие, отражённое, например, в ландшафте: «дорога как вид виногрета / Где камень. кустарник. ледник и гора / и вечером камень и осыпь с утра» [Лимонов 1979: 165]. Сюжет стихотворения, по всей видимости, отсылает к одному из эпизодов Британского вторжения в Тибет, и образ Тибета и Лхасы, его главного города, оказывается романтизирован в духе западной приключенческой литературы. «Инглизы» этого стихотворения подобны рыцарям Средневековья, отправившимся за Святым Граалем, которые дали «обет» и устремились за «мечтой». Монахи Лхасы вступают с «инглизами» в сражение, и последние погибают. Молодой Лимонов изображает конфликт как столкновение «белого народа», европейцев, которые якобы лишь «кажутся злыми», но свободными и дерзающими, с «желтоглазыми» азиатами, которые «имеют указы», а значит,

лишь подчиняются, и которые столетиями безвыездно и тихо живут в горах. Это столкновение двух культур – западной и восточной, наступательной и созерцательной, открытой и закрытой, – причём симпатии автора, конечно, на стороне первой, ведь местоимение «мы» объединяет его с «инглизами», представителями «белого народа». Однако завершается стихотворение сомнением в правоте Запада: «Но это ужасно чтоб белый народ / всё видел и знал непременно вперёд / и взявши любые предметы / использовал бы их ответы» [Лимонов 1979: 166].

В книге «Священные монстры (портреты)», создавая образ одного из военачальников времён Гражданской войны на Дальнем Востоке Р.Ф. Унгерна фон Штернберга, Э.В. Лимонов в целом принимает буддийский контекст, в котором оказался, с его точки зрения, антибуржуазно ориентированный барон. Писатель защищает своего героя, утверждая, что его жестокость соответствовала эпохе: «В Урге мёртвых выбрасывали на специальное место к обрыву у реки, где их пожирали, сколько им угодно, священные собаки. В этом контексте, среди раскрашенных тибетских храмов, в дыму жаровен, у бронзовых статуй Будды, у красочных рынков, среди сотен тысяч побирающихся монахов с чашами, и Унгерн и Сипайло выглядят менее страшно. Экзотичное средневековье Монголии вполне адекватный фон для этих средневековых персонажей» [Лимонов (а)]. Писатель контаминирует в этой апологии Унгерна религиозное и национально-историческое. Буддизм видится ему одурманивающей, иррационализирующей сознание религией. И именно это, как будто бы сделавшее из барона Унгерна Махагалу, то есть воинственное божество тибетской мифологии, он ценит в буддизме, ведь образ Унгерна способен мотивировать современный традиционализм на борьбу с мещанством в бытовой плоскости и атлантизмом – в плоскости политической. Но в целом отношение Лимонова к буддизму, скорее, отрицательное.

В реакции на упоминание своего имени в романе В.О. Пелевина «Бэтман Аполло», где Э.В. Лимонов в рамках буддийского подхода нивелируется в ряду других общественных деятелей и писателей: «В российской прессе некоторое время назад происходило вялое переругивание каких-то персонажей на тему: “равен ли Лимонов Сахарову, Солженицыну и Бродскому – или такая претензия смешна?” Отвечаем – равен. И Солженицыну, и Бродскому, и Сахарову. И Копернику. И даже самому товарищу Сталину. И каждому по отдельности, и всем в сумме. А они, и каждый отдельно, и вся палата, равны нулю» [Пелевин 2018: 465], – Лимонов отозвался статьёй «Бог не изобрёл даже мобильного телефона, коллега Пелевин!». В этой статье он называет буддизм «нерелигией», что проповедует «самостира-

ние в Нирване» [Лимонов (b)]. Эта заочная пикировка двух писателей выявляет их мировоззренческую разницу: Пелевин исходит из буддийской мнимости человеческой онтологии и сансарической, то есть иллюзорной и страдательной, природы всех человеческих достижений, Лимонов – из ницшеанского утверждения любого человеческого дерзания.

Этот же взгляд на буддизм можно увидеть в книге Э.В. Лимонова «Plus Ultra (за человеком)», в одном из фрагментов которой автор описывает изменения религиозной жизни Древней Индии и заключает, что появление буддизма на этой территории является историческим поражением индийского народа: «При всей популярности буддизма – это деструктивное учение, соединение с атомами мира через состояние нирваны ведет фактически к самоуничтожению индивидуума. Арии XVII века до нашей эры, вторгаясь в неведомую теплую страну, энергичные, агрессивные кочевники, – и Будда, в Нирване, истязаящий себя Нирваной, – иронический конец для завоевателей-ариев. Могущество сменилось принципиальным бессилием: искусственным обмороком Нирваны через одну тысячу лет всего лишь» [Лимонов (h)].

О буддизме не в философском ключе, а в его реальном воплощении Э.В. Лимонов пишет в статьях «Как там живут ламы» и «Монголия – земля наших предков». Побывав в Бурятии и Монголии, он сделал вывод, что последняя – «суровая и честная наша небесная Родина» [Лимонов (d)]. Буддизм же, по мнению Лимонова, это обман – для простых монголов и туристов-иностранцев: «Буддизм – это индийский импорт к монголам, к каковым причисляют себя и буряты» [Лимонов (d)], «Из европейской части России буддизм смотрелся как экзотическая древняя умная религия. А вот из Монголии глядя, я увидел его как экзотическую разновидность индуизма, преуспевшую в рекламе своего Будды и тысяч придуманных рядом с ним богов и богинь» [Лимонов (e)]. Иными словами, буддизм – обман, поскольку он не самостоятельная религия, буддизм – обман, поскольку его символическое многоцветие апеллирует якобы к неразумной стороне человека и является средством одурманивания низших классов высшими: «Буддизм напоминает цирк или цыган с их хитрыми трюками» [Лимонов e], буддизм – обман, поскольку поступает нерационально: Лимонов не понимает, почему у субурганов (то есть буддийских реликвариев) нет бойниц. Вообще же можно предположить, что отношение Э.В. Лимонова к буддизму напоминает отношение ранних советских антирелигиозных пропагандистов, в котором прямолинейная витальность соединяется с амистичностью.

Опыт соприкосновения с буддизмом отражён также в последней книге Э.В. Лимонова «Старик путешествует». Буддизм для него, как и в статьях ранее, «пёстро окрашенный» «индийский импорт»,

«сны обкурившегося индийца» [Лимонов 2020: 221, 222]. Но в этой книге Лимонов создаёт образ себя, ищущего смерть. И, несмотря на все свои иронические замечания о Монголии, Бурятии и буддизме, теперь он всерьёз вглядывается в буддийское учение и его национальные образы, в нетленное тело Дорджи Итигэлова, встречается с тибетским доктором и бурятской шаманкой. Его интересует отношение буддизма к смерти, и он покупает книгу «Смерти нет», замечает, как бурятские буддисты бдительны и осторожны с Хозяином Смерти, или Ямой, ещё одним персонажем тибетской и индийской мифологии. Теперь Будда для него не бессильный мудрец, а «упрямый организатор» [Лимонов 2020: 221]. Вернувшись в Москву, он ходит по дому в футболке с «буддийской сферой» [Лимонов 2020: 224], то есть мандалой, моделью вселенной, а его мысли о смене телесной формы явно вдохновлены азиатской метафизикой. М.С. Трофименков в статье «Сладкоголосая птица старости», характеризуя книгу «Старик путешествует» как сборник лирических стихотворений в прозе, среди прочего выделяет фрагмент «О юном пугливом киргизе-водопроводчике, открывшем под ванной в московской квартире Лимонова вход в Шамбалу» [Трофименков]. Эта история наполовину комична, но другой своей половиной, вызывающей у автора если не страх, то что-то вроде трепета, она оказывается частью мотива запределья, к которому и притягивается Лимонов, и одновременно отталкивается от него.

В целом можно сказать, что Э.В. Лимонов в книге «Старик путешествует» скорее молчит о буддизме, чем говорит. В Монголии, близ Каракорума, спутник и интервьюер писателя рэпер Хаски (что «в зловещем капюшоне, как молодая смерть» [Лимонов 2020: 177]) задаёт Лимонову вопрос, не кажется ли это место ему священным. И здесь, на фигуре умолчания, заканчивается фрагмент книги.

В статье «Семиотика Каракорума в современной русской литературе» В.В. Мароши пишет, что «Буддийской модели мира соответствуют мотивы не только пустоты, но и кажимости, миражей, призрачности героев и мира, в котором они находятся» [Мароши 2010: 239], – и глава «Монголия – III / Интервью в пустыне» вполне соответствует этой картине. Смертеподобный Хаски в капюшоне, вызывающий у Лимонова мысли о возможности ядерного лета или ядерной зимы, воспоминание о давно скончавшейся С.Н. Андрониковой, ощущения которой ему теперь понятны, интервьюер и интервьюируемый, а также съёмочная группа, что видятся писателю заносимой ветром экспедицией, наконец, бархан, наплывающий на бархан, – всё это смотрится одновременно как реальность и как иллюзия, живое приобретает статус призрачного.

В статье «Политический vs поэтический нарратив в идиостиле Э. Лимонова» Ю.В. Явинская анализирует тексты из сетевого дневника писателя в «Живом журнале». В «условном нарративе “Как Ын поспорил с Трампом”» [Явинская] исследовательница видит художественный текст, в котором «с помощью речевой (лирической) формы повествования автор-повествователь не только создает воображаемый (поэтический) мир, в который помещает реальных персонажей, но и выполняет роль всезнающего повествователя (пророка)» [Явинская]. В записи от 24 апреля 2019 года «Мы мирные люди, его бронепоезд спешит к нам во Владивосток...» Э.В. Лимонов на контрасте к воображаемому Дональду Трампу создаёт образ воображаемого В.В. Путина посредством воображаемого, якобы едущего в поезде с жизнеописанием Будды на столе Ким Чен Ына, по мнению которого «Русские пусть до буддизма и не доехали, не доползли, но мистичности в них немало – взгляните в глаза Владимира Владимировича. Сияют как дно галечной долины, куда всё время срываются, замечтавшись, другие нации...» [Лимонов (f)]. При этом, конечно, в этой фразе с гоголевскими аллюзиями рисуется образ не столько Владимира Путина, сколько всей России. Россия созерцательна и мистична как одна из культур Востока, буддизм которой не состоялся, но был возможен, буддизм которой не имеет внешнего выражения, но присутствует внутри. При этом сравнения Э.В. Лимонова порой кажутся произвольными, мотивированными партийными интересами и политической конъюнктурой. Писатель при одной необходимости подчёркивает одни стороны буддизма, при другой необходимости – другие. А иногда и приписывает буддизму то, чего в нём нет. Так, например, в записи в том же «Живом журнале» от 21 сентября 2017 года «Где голос сверху» Лимонов упрекает В.В. Путина и в целом российскую власть, дистанцирующуюся от внутриполитических скандалов, во «флегматичном буддизме» и «буддийском всепрощении» [Лимонов (c)].

Э.В. Лимонов не согласен с буддизмом в его восприятии мира, целей и итогов человеческого пути, у Лимонова противоположное буддизму мировоззрение. Он не верит ему, подвергая сомнению его оригинальность и благотворность, отгалкивая от себя экзотику его национальных реализаций, наконец, он использует эту религию в своих политических интересах. Лимонов часто поверхностен в восприятии буддизма, что в целом, вероятно, мотивировано экстенсивным характером писателя. И вместе с тем от начала своего творчества до конца Лимонов всматривается в буддизм, периодически останавливаясь перед загадкой буддийского учения. Буддизм интересен писателю, помимо прочего, потому что он есть в России, в стране, которая ему дорога и важна и ко-

торую он пытается понять и описать. В этой связи интересно стихотворение «Путница», которое выглядит как палимпсест: как будто текст, посвящённый православной паломнице, переписан под образ девушки-буддистки: «Чернильница царская, пук свечей, / Да благовоний связка, / Да будет Будда витать над ней, / Дорога сухой, не вязкой...» [Лимонов (g)]. Вместо Святого Духа её благословляет Будда, а ручная мельница, «чтобы молоть зерно» [Лимонов (g)], как будто трансформируется в хурдэ, буддийскую молитвенную мельницу. И таким образом это стихотворение естественным образом встаёт в ряд с попытками русифицирования буддизма у Б.Б. Гребенщикова, Е.А. Шварц, И.А. Алимова и В.М. Рыбакова.

Список литературы

Алексеев П.В. Формирование мусульманского текста русской литературы в поэтике русского романтизма 1820–1830-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 23 с.

Лимонов Э.В. Барон Унгерн фон Штернберг: чёрный барон // Священные монстры (портреты). URL: https://mir-knig.com/read_331479-36 (дата обращения: 28.01.2022). (a)

Лимонов Э.В. Бог не изобрёл даже мобильного телефона, коллега Пелевин! URL: <https://iz.ru/news/546074> (дата обращения: 28.01.2022). (b)

Лимонов Э.В. Где голос сверху. URL: <https://limonov-eduard.livejournal.com/1176309.html> (дата обращения: 28.01.2022). (c)

Лимонов Э.В. Как там живут ламы. URL: <https://russian.rt.com/opinion/661540-limonov-puteshestvieburiyatiya> (дата обращения: 28.01.2022). (d)

Лимонов Э.В. Монголия – земля наших предков. URL: <https://ren.tv/blog/eduard-limonov/450293-mongoliia-zemlia-nashikh-predkov> (дата обращения: 28.01.2022). (e)

Лимонов Э.В. Мы мирные люди, его бронепоезд спешит к нам во Владивосток... URL: <https://limonov-eduard.livejournal.com/1470552.html> (дата обращения: 28.01.2022). (f)

Лимонов Э.В. Путница // Два стихотворения. URL: <https://limonov-eduard.livejournal.com/358856.html> (дата обращения: 28.01.2022). (g)

Лимонов Э.В. Русское. Стихотворения. Ann Arbor, Michigan, Ardis, 1979. 181 с.

Лимонов Э.В. Старик путешествует. М.: Индивидуум, 2020. 264 с.

Лимонов Э.В. Plus Ultra (за человеком). URL: https://bookz.ru/authors/limonov-eduard/plus-ult_682/page-2-plus-ult_682.html (дата обращения: 28.01.2022). (h)

Мароши В.В. Семиотика Каракорума в современной русской литературе // Критика и семиотика. 2020. № 14. С. 228–240.

Пелевин В.О. Бэтман Аполло. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 480 с.

Трофименков М.С. Сладкоголосая птица старости. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4333174#id1873788> (дата обращения: 28.01.2022).

Явинская Ю.В. Политический vs поэтический нарратив в идиостиле Э. Лимонова // Григорьевские чтения (2020). URL: <http://www.ruslang.ru/doc/grigoriev2020/Yavinskaya.pdf> (дата обращения: 28.01.2022).

References

Alekseev P.V. *Formirovanie musul'manskogo teksta russkoi literatury v poetike russkogo romantizma 1820-1830-kh godov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Russian Literature's Muslim Text Formation in the Poetics of Russian Romanticism of the 1820-1830 years: PhD thesis]. Tomsk, 2006, 23 p. (In Russ.)

Limonov E.V. *Baron Ungern fon Shternberg: chernyi baron, Sviashchennye monstry (portrety)* [Baron Ungern von Sternberg: The Black Baron, Sacred Monsters (portraits)]. URL: https://mir-knig.com/read_331479-36 (access date: 28.01.2022). (a) (In Russ.)

Limonov E.V. *Bog ne izobrel dazhe mobil'nogo telefona, kollega Pelevin!* [God did not even invent a mobile phone, colleague Pelevin!]. URL: <https://iz.ru/news/546074> (access date: 28.01.2022). (b) (In Russ.)

Limonov E.V. *Gde goloss verkh.* [Where is the voice from above]. URL: <https://limonov-eduard.livejournal.com/1176309.html> (access date: 28.01.2022). (c) (In Russ.)

Limonov E.V. *Kak tam zhivut lamy* [How do lamas live there]. URL: <https://russian.rt.com/opinion/661540-limonov-puteshestvie-buryatiya> (access date: 28.01.2022). (d) (In Russ.)

Limonov E.V. *Mongoliia – zemlia nashikh predkov* [Mongolia is the land of our ancestors]. URL: <https://ren.tv/blog/eduard-limonov/450293-mongoliia-zemlia-nashikh-predkov> (access date: 28.01.2022). (e) (In Russ.)

Limonov E.V. *My mirnye liudi, ego bronepoezd speshit k nam vo Vladivostok...* [We are peaceful people,

his armored train is hurrying to us in Vladivostok...]. URL: <https://limonov-eduard.livejournal.com/1470552.html> (access date: 28.01.2022). (f) (In Russ.)

Limonov E.V. *Putnitsa. Dva stikhotvoreniia* [The traveller. Two poems]. URL: <https://limonov-eduard.livejournal.com/358856.html> (access date: 28.01.2022). (g) (In Russ.)

Limonov E.V. *Russkoe. Stikhotvoreniia* [Russian. Poems]. Ann Arbor, Michigan, Ardis Publ., 1979, 181 p. (In Russ.)

Limonov E.V. *Starik puteshestvuet* [The old man travels]. Moscow, Individuum Publ., 2020, 264 p. (In Russ.)

Limonov E.V. *Plus Ultra (zachelovekom)* [Plus Ultra (for a person)]. URL: https://bookz.ru/authors/limonov-eduard/plus-ult_682/page-2-plus-ult_682.html (access date: 28.01.2022). (h) (In Russ.)

Maroshi V.V. *Semiotika Karakoruma v sovremennoi russkoi literature*, [Semiotics of Karakorum in modern Russian literature]. *Kritika i semiotika* [Criticism and semiotics], 2020, № 14, pp. 228–240. (In Russ.)

Pelevin V.O. *Betman Apollo* [Batman Apollo]. St. Peterburg, Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2018, 480 p. (In Russ.)

Trofimenkov M.S. *Sladkogosaiia ptitsa starosti* [The sweet-voiced bird of old age]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4333174#id1873788> (access date: 28.01.2022). (In Russ.)

Yavinskaya Iu.V. *Politicheskii vs poeticheskii narrativ v idiosstile E. Limonova* [Political vs poetic narrative in the idiosstyle of E. Limonov]. *Grigor'evskie chteniia* [Grigoriev Readings]. 2020. URL: <http://www.ruslang.ru/doc/grigoriev2020/Yavinskaya.pdf> (access date: 28.01.2022). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.01.2022; одобрена после рецензирования 26.01.2021; принята к публикации 09.02.2022.

The article was submitted 14.01.2021; approved after reviewing 26.01.2022; accepted for publication 09.02.2022.

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ СМИ

Гордиенко Наталья Николаевна, кандидат филологических наук, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, Рязань, Россия, n.gordienko@365.rsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9800-7002>

Аннотация. Просветительская деятельность СМИ направлена на повышение культурного уровня людей, связана с распространением информации, знаний, норм и ценностей из области нематериального производства. Цель статьи заключается в описании основных направлений просветительской деятельности СМИ. В ней говорится о значении просветительской функции журналистики и способах ее реализации. Информирование заключается в ознакомлении общества с какими-либо фактами или результатами интеллектуальной деятельности – политики, философии, религии, науки, культуры, искусства. Эти данные содержат общественно значимые знания, нормы, ценности и соответствуют гуманистическим тенденциям общественного развития. Под популяризацией подразумевается изложение информации в доступной для массовой аудитории форме. Медиакритика рассматривается в статье как умение оценивать, анализировать, интерпретировать медиасодержание. Пропаганда как вид просветительской деятельности направлена на распространение знаний и другой информации с целью формирования определенных взглядов, представлений, принципов. К исследованию привлекаются материалы, опубликованные в еженедельниках «Российская газета», «Аргументы и факты», «Литературная газета». Основное внимание уделяется современному состоянию просветительства в прессе, его влиянию на социальную роль журналистики.

Ключевые слова: просветительская журналистика, просветительская деятельность, информирование, популяризация, пропаганда, медиакритика, СМИ.

Для цитирования: Гордиенко Н.Н. Просветительская деятельность современных СМИ // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 123–128. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-123-128>

Research Article

ENLIGHTENMENT ACTIVITIES OF MODERN MASS MEDIA

Natalia N. Gordienko, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Literature and Journalism of Ryazan State University named after S. Yesenin, Ryazan, Russia, n.gordienko@365.rsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9800-7002>

Abstract. The enlightenment activity of the media is aimed at raising the cultural level of people, is associated with the dissemination of information, knowledge, norms and values from the field of intangible production. The purpose of the article is to describe the main directions of enlightenment activities of the media. It talks about the importance of the enlightenment function of journalism and how to implement it. Informing consists in familiarising society with any facts or results of intellectual activity – politics, philosophy, religion, science, culture, art. These data contain socially significant knowledge, norms, values and correspond to humanistic tendencies of social development. Popularisation means the presentation of information in a form accessible to a mass audience. Media criticism is considered in the article as the ability to evaluate, analyse, interpret media content. Propaganda as a type of enlightenment activity is aimed at spreading knowledge and other information in order to form certain views, ideas, principles. The materials published in the weeklies “Rossiyskaya Gazeta” (Russian Gazette), “Argumenty i Fakty” (Arguments and Facts), “Literaturnaya Gazeta” (Literary Newspaper) are involved in the research. The main attention is paid to the current state of enlightenment in the press, its impact on the social role of journalism.

Keywords: enlightenment journalism, enlightenment activities, information, popularisation, propaganda, media criticism, mass media.

For citation: Gordienko N.N. Enlightenment activities of modern mass media. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 123–128 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-123-128>

Просветительская тематика затрагивает нематериальную сторону жизни общества и представлена в нескольких сферах. Понятие «просветительская деятельность» на законодательном уровне было закреплено лишь недавно: 5 апреля 2021 года Президент России подписал ФЗ № 85 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», который вступил в силу 1 июля 2021 года. В нем просветительской называется «деятельность, направленная на распространение знаний, опыта, формирование умений, навыков, ценностных установок, компетенции в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов и затрагивающая отношения, регулируемые российским законодательством»¹. По мнению К.Е. Морозова, сферу деятельности, попадающую под регулирование новых поправок, авторы закона очертили настолько широко, что под ее определение попадает любая научно-просветительская журналистика [Морозов: 1449].

Просветительская деятельность СМИ имеет специфический, целевой характер. М.Р. Соколов и Е.Ю. Погорельская считают, что «просветительская журналистика обращается к вечным ценностям, которые с необходимостью призваны возвращать в человеке его подлинно человеческие черты» [Соколов, Погорельская: 544]. Она реализуется в совокупности разных видов деятельности. С.П. Суворова выделяет четыре основных вида деятельности, способствующих осуществлению просветительской функции: информирование, популяризацию, пропаганду и критику. Она считает, что «степень и характер реализации просветительской функции журналистики в различных исторических условиях варьируются» [Суворова: 11]. В комплексе средств просветительской журналистики под влиянием разных факторов становятся доминирующими критика или популяризация, информирование или пропаганда. Так, по ее мнению, в отечественной прессе преобладающим средством создания текстов просветительской тематики в газетах разного типа стало информирование. Журналисты фактически лишь *ведут наблюдение* за происходящим в области политики, культуры, искусства, науки. Они *оповещают* массовую аудиторию о появлении нового артефакта, тем самым сужают свои задачи. Как следствие – снижается *социальная роль журналистики* в просвещении общества.

Просветительская деятельность редакций предполагает сотрудничество с представителями разных сфер духовного творчества. В результате взаимодействия формируется медиаконтент, который адресуют массовой аудитории через непрерывно движущиеся информационные потоки. СМИ выступают как субъ-

ект производства. Они включены в создание журналистских произведений, предназначенных для удовлетворения целого ряда информационных запросов общества. Потребность общества в формировании и поддержании оптимального состояния массового сознания служит причиной, которая формирует *просветительскую функцию журналистики*. Информирование с целью просвещения задействует механизмы саморегуляции гражданского общества, способствует уравниванию интересов отдельных граждан и норм закона, отражающих интересы общества. СМИ, занимаясь информированием общественности, могут способствовать созданию политических, экономических, морально-этических, правовых, социально-психологических условий для налаживания диалога в гражданском обществе. Синонимами понятию «информирование» являются слова «оповещение», «уведомление», «сигнализирование», «сообщение», «осведомление», «извещение», «передача сведений». Сообщения о фактах, событиях, явлениях, процессах составляют львиную долю всех информационных потоков, генерируемых современными СМИ. Лишь небольшую часть этих сообщений можно считать просветительскими. К ним относятся журналистские произведения, в которых получают отражение новые, еще не освоенные аудиторией продукты специализированных видов интеллектуальной деятельности – политики, философии, религии, науки, культуры, искусства, содержащие в себе общественно значимые знания, нормы и ценности и соответствующие гуманистическим тенденциям общественного развития. Исследователи отмечают тенденцию гуманизации информационного пространства, необходимость обретения журналистикой культурных ценностей.

Информируя общественность о появлении нового артефакта, представитель СМИ руководствуется основными принципами, применимыми к любым сферам информирования, не только области духовного производства. В деятельности СМИ необходимо придерживаться принципа достоверности при опубликовании сведений и данных просветительского характера. В качестве примера приведем небольшую событийную заметку «Матвиенко уважила традиции Саудовской Аравии» [Матвиенко: 2], опубликованную в еженедельнике «Аргументы и факты». В ней сообщается о визите спикера Совета Федерации РФ в мусульманскую страну. Журналист акцентирует внимание на том, что на встречу с руководством страны Валентина Матвиенко надела длинное зеленое платье и головной платок, согласно мусульманским традициям. В тексте излагается факт дипломатической культуры, требующий пояснения. Автор сообщает читателю установление общества, которое в мусульманской культуре существует в виде некоторых правил

и норм. С одной стороны, человек светский как представитель государства с другими культурными традициями не обязан их соблюдать, с другой стороны, руководствуясь нормами внутренней культуры, выражает уважительное отношение к местным традициям.

Под *популяризацией* подразумевается изложение информации в доступной для широких слоев населения форме, а также распространение каких-либо идей и специализированных знаний. Часто просветительскую журналистику считают тождественной научной популяризации. Однако это не так, поскольку популяризация является *одним из средств* распространения знаний, инструментом одной из сфер человеческой деятельности. Результатом популяризации научных знаний является активизация познавательных ресурсов аудитории, расширение ее кругозора, повышение интеллектуального уровня. Л.М. Гончарова в статье «СМИ как средство популяризации знаний: роль научно-популярных и культурно-просветительских передач в развитии общества» высказывает мнение о важности привлечения экспертов для осуществления культурно-просветительской миссии. Можно согласиться с тем, что «специалисты из различных областей науки и культуры демонстрируют образцы речевой культуры, что само по себе дает возможность формировать с помощью СМИ такие значимые для общества понятия, как «массовая культура», «национальная культура», «духовная культура» [Гончарова]. Материалы, в которых популяризируются научные знания, требуют определенных интеллектуальных затрат. Задачей подобных журналистских произведений становится стремление пробудить потребность в получении качественной информации, повысить познавательную активность аудитории. Познавательный потенциал обеспечивается не только формой подачи материала. Важной составляющей является личность того, через кого этот материал подается. К примеру, для повышения языковой культуры аудитории редакторами изданий могут приглашаться ученые-филологи. Эти приглашенные эксперты сотрудничают с изданием на правах внештатных журналистов и ведут постоянные рубрики, в которых рассказывают о богатстве и своеобразии языка. Примером служит опыт подобного сотрудничества редакции издания «Российская газета – Неделя» с кандидатом филологических наук Мариной Королевой. Автор этой еженедельной рубрики работала консультантом по русскому языку и ведущей новостей на нескольких радиостанциях, вела передачи и рубрики о русском языке на телеканалах НТВ, «Бибигон», «Карусель», «Культура». Она способна адаптировать информацию для разных целевых аудиторий. Колонка о русском языке строится следующим образом: сначала автор сообщает о жизненной ситуации, в которой содержится факт упо-

требления нового слова или устойчивого выражения, задает филологическую задачу. Далее Марина Королева решает ее путем рассуждения, с привлечением данных словарей, поиском примеров в художественной литературе, толкованием смыслов, после чего резюмирует, сообщает правильный ответ. Так ведущая рубрики вовлекает в познавательную деятельность читателя, демонстрирует образец вдумчивого отношения к явлениям действительности, бережного обращения с культурой прошлого и взвешенного подхода к языковым явлениям современности. Этим принципом автор руководствуется в изученных нами публикациях «Дешево и сердито» [Королева 2017а: 30], «Много шума из шоу-рума» [Королева 2017б: 30], «Что такое сороботничество» [Королева 2017в: 30], «Шишка и сошка» [Королева 2017г: 38] и других. Без ценностного аспекта, на наш взгляд, невозможно говорить о просветительской наполненности журналистского текста.

Предметом популяризации могут становиться различные достижения науки и техники, предназначенные «для многократного использования обществом в целях удовлетворения его определенных потребностей» [Лазутина, Распопова: 247]. СМИ, распространяя научные знания, стимулируют интерес к ним. С.Л. Страшнов считает, что «научная популяризация всегда помогала и социальному самоутверждению как отдельного индивида, так и целых поколений, позволяя чувствовать себя приобретаемыми к прогрессу» [Страшнов].

Наука представляет собой профессиональную сферу по отраслям знаний естественного, технического, общественно-гуманитарного характера. Некоторые знания имеют узкую сферу практического применения и могут быть абсолютно неактуальными для широких масс. Публикация информации о них важна, к примеру, для профессионального сообщества. Подобную информацию можно встретить в статьях ученых, публикуемых в научных журналах и предназначенных для определенной профессиональной группы. Эти тексты написаны с применением специфической терминологии, не требующей толкования для профессионалов. Для распространения подобного знания журналисту необходимо *перевести специализированные термины*, сделать их общедоступными, подобрать аналогии, сохранив суть описываемого явления, пояснить возможности применения описываемого научного достижения, обозначить перспективные направления его использования. Массовые издания чаще всего освещают *факты научных открытий*, которые имеют особое общественное значение. В процессе популяризации научного знания в СМИ благодаря работе журналиста сложное становится понятным для людей, не связанных с научным знанием. М. Загидуллина описывает

шесть принципов адаптации научного знания к массовой аудитории. *Первый принцип* заключается в том, чтобы редуцировать сложное научное явление до некоторой формулы, общего представления. *Второй принцип* основан на поиске аналогии, когда научное явление связывается с бытовым или чем-то таким, что может встречаться в житейском опыте обычного человека. Поиск журналистом грамотных аналогий носит творческий характер. *Третий принцип* основан на эмоциональном отношении к научной деятельности, открытию, явлению. Она пишет: «Эмоциональная заинтересованность СМИ в освещении проблем науки могла бы привлечь общественное внимание к состоянию науки в стране, способствовать возвращению российской науки на подобающее место в иерархии социальных институтов» [Загудиллина]. *Четвертым принципом* популяризации назван принцип практического прогноза. Его суть заключается в выяснении практической значимости описываемого журналистом научного открытия, исследования, события, факта. *Пятый принцип* автор связывает с постоянным привлечением внимания общественности к научным проблемам в связи с тем, что наука «выступает стратегическим элементом общественного развития, ее включение в рыночные отношения крайне затруднено» [Загудиллина]. *Шестым принципом* автор называет мастерство изложения материала, что в принципе должно быть свойственно профессиональной культуре журналиста, к какой бы тематической сфере он ни принадлежал. Журналист должен дозировать количество терминов, прибегать к жанровому многообразию при освещении научной жизни страны.

Важный вид деятельности просветительской журналистики – *медиакритика*. Критическое познание является частью культурного слоя общественной жизни. Критика, по определению Л.П. Саенковой-Мельницкой, – это «еще и особый род оценочной и познавательно-ориентирующей деятельности, роль которой в определении и оптимизации самых разных общественных процессов очень велика, но, к сожалению, до сих пор остается востребованной не в полной мере и к тому же – малоизученной» [Саенкова-Мельницкая: 67]. Критика способна влиять на совершенствование и обновление культуры. В современных условиях критическое журналистское творчество предполагает оценку, анализ, интерпретацию медиаконтента в широком значении этого термина.

Одной из задач медиакритики является проведение своеобразной *экспертизы медийной продукции*. Медиакритика призвана расставить акценты медиасодержанию, быть навигатором в медиaprостранстве. Ее примерами могут быть обзоры прессы в журнале «Журналист», кинообзоры журнала «Искусство кино», рубрика «Теленедели с Ириной Петровской»

в федеральной ежедневной общественно-политической газете «Известия». Умение критически оценивать медиасообщения способствует повышению медиаграмотности населения, сведению к минимуму угрозы манипуляции сознанием личности через СМИ и другие каналы. Образы, идеи, идеалы, ценности, формирующие культурную среду, включенные в медиaprостранство, также становятся предметом изучения медиакритика.

В газетах, журналах, на радио и телевидении в ряде стран Западной Европы периодически публикуются критические материалы, которые посвящены актуальным проблемам масс-медиа, критическому анализу их деятельности. В большинстве ежедневных газет США имеются разделы, рубрики, колонки телевизионной критики. В нашей отечественной журналистской практике известен опыт медиакритики российского еженедельного литературного и общественно-политического издания «Литературной газеты». Телевизионная критика на ее страницах осуществляется в большом разделе «ТелевЕдение», одним из редакторов которого является его постоянный автор, обозреватель Андрей Кондрашов. Большинство материалов рубрики «ТелевЕдение» посвящены проблемам борьбы за рейтинги, засилью развлекательного контента в СМИ, необъективным способам подачи информации некоторыми субъектами медиаотрасли. Журналисты в роли медиакритиков точно, доступно характеризуют медийные явления. Но в ряде материалов они только ставят проблему, анализируют ее, не предлагая способы решения.

Медиакритика как направление просветительской деятельности должна способствовать тому, чтобы любой читатель, зритель, слушатель, который знакомится с соответствующей публикацией журналиста, мог *перенимать опыт анализа медиасодержания* и продолжать *самостоятельно оценивать* и анализировать медиасреду, используя подобный инструментарий. Изучение федеральной прессы показывает, что журналистская критика медийных явлений в ней представлена недостаточно, в современных условиях она испытывает на себе влияние киноиндустрии, вследствие чего кинокритика нередко публикуется «на правах рекламы».

Пропаганда как вид деятельности направлена на распространение знаний и другой информации с целью формирования определенных взглядов, представлений, эмоциональных состояний. Термин происходит от латинского слова «propaganda», в переводе означающего «распространение». Он введен Ватиканом в XVII веке, когда было образовано объединение «Конгрегация пропаганды веры» для распространения католичества с помощью миссионерской деятельности. В начале XX века термин получил политическое значение. В настоящее

время данное понятие носит негативный оттенок. Считается, что пропаганда является средством манипулирования общественным мнением. Нами под пропагандой с целью просвещения понимается *распространение* политических, экономических, научно-технических, религиозных, философских, художественных идей и знаний, а также морально-нравственных, эстетических ценностей *для формирования в общественном и личностном сознании системы убеждений, идеалов и принципов*, которые определяют отношение к человеку и обществу. Косвенно или прямо пропаганда воздействует на эмоциональную сферу личности человека через сочувствие, жалость, честолюбие, жажду приключений, азарт. Условно ее разделяют на «черную», «серую» и «белую». Так, «белая пропаганда» является открытой, ее субъект не скрывает целей, использует достоверные данные. Субъекты «серой пропаганды» скрывают свои истинные намерения, распространяют непроверенные сведения, сознательно вводят людей в заблуждение. «Черная пропаганда» основывается на обмане. Просветительская деятельность реализуется исключительно в рамках так называемой «белой пропаганды». Под ней можно понимать целеустремленное распространение идей, путей их достижения. Пропаганда в нейтральном значении термина предполагает активный поиск способов донесения информации. Она через каналы СМИ способствует развитию созидательных процессов в общественном сознании. Представитель СМИ, использующий пропаганду в целях просвещения аудитории, сродни лектору, преподавателю: старается сделать свое информационное послание более доходчивым, стремится представить разные стороны проблемы, грамотно обозначить факты, допускающие сомнение, а также факты, подчеркивающие тезис, то есть подбирает аргументы и контраргументы таким образом, чтобы это дало больший эффект. В целях просвещения, если есть необходимость использовать пропаганду как метод убеждения, следует делать это ответственно, в сочетании с другими видами деятельности, такими как информирование и популяризация.

СМИ оказывают влияние на формирование гражданского сознания аудитории. Они специализируются на распространении информации, которая отражает социально значимую проблематику. Анализ показывает, что общественно-политические еженедельники, такие как «Российская газета – Неделя», «Аргументы и Факты», «Литературная газета», отличает наибольшее разнообразие тем и способов подачи информации. В них представлены факты и мнения, аргументы, экспертные оценки. Однако просветительство можно считать результативным, если оно носит систематический характер.

Примечания

¹ Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. (в ред. от 5 апреля 2021 г. №85-ФЗ) // Гарант: справ. система. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/400542027/paragraph/1:0> (дата обращения: 01.11.2021).

Источники

Королева М. Дешево и сердито // Российская газета – Неделя. 2017а. № 231. С. 30.

Королева М. Много шума из шоу-рума // Российская газета – Неделя. 2017б. № 243. С. 30.

Королева М. Что такое соработничество // Российская газета – Неделя. 2017в. № 272. С. 30.

Королева М. Шишка и сошка // Российская газета – Неделя. 2017г. № 25. С. 38.

Матвиенко уважила традиции Саудовской Аравии // Аргументы и факты. 2017. № 16. С. 2.

Список литературы

Гончарова Л.М. СМИ как средство популяризации знаний: роль научно-популярных и культурно-просветительских передач в развитии общества // Информационное поле современной России: практики и эффекты. Казань: Казанский (Приволжский) фед. ун-т, 2015. С. 155–158.

Загудиллина М.В. Мастерство популяризации науки как элемент профессиональной культуры современного журналиста // Современная журналистика: дискурс профессиональной культуры. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького, 2005. С. 218–226.

Лазутина Г.В., Распопова С.С. Жанры журналистского творчества. М.: Аспект Пресс, 2011. 320 с.

Морозов К.Е. Закон «О регулировании просветительской деятельности»: возможные последствия для научно-популярной журналистики // Студент и наука – 2021. Магнитогорск: Магнитогорский гос. тех. ун-т им. Г.И. Носова, 2021. С. 1147–1453.

Саенкова-Мельницкая Л.П. Медиакритика как оценочно-познавательная область медиасферы // Вестник Белорусского государственного университета. Сер. 4: Филология. Журналистика. 2008. № 2. С. 67–70.

Соколов М.Р., Погорельская Е.Ю. Просветительская журналистика и формирование современного человека. Екатеринбург: «Гуманитарный университет», 2021. С. 544–549.

Страшнов С.Л. Популяризация науки в средствах массовой информации // Вестник Ивановского государственного университета. 2003. № 1. С. 3–16.

Суворова С.П. Реализация просветительской функции журналистики в современных общероссийских газетах: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 185 с.

References

- Goncharova L.M. *SMI kak sredstvo populiariatsii znaniy: rol' nauchno-populiarnykh i kul'turno-prosvetitel'skikh peredach v razvitiy obshchestva* [Mass media as a means of popularization of knowledge: the role of popular-scientific and cultural-enlightenment transmission in the development of society]. *Informatsionnoe pole sovremennoi Rossii: praktiki i efekty* [Information field of modern Russia: practices and effects]. Kazan, Kazan Federal University Publ., 2015, pp. 155–158. (In Russ.)
- Zagudillina M.V. *Masterstvo populiariatsii nauki kak element professional'noi kul'tury sovremennogo zhurnalista* [The skill of popularizing science as an element of the professional culture of a modern journalist]. *Sovremennaya zhurnalistika: diskurs professional'noi kul'tury* [Modern journalism: discourse of professional culture]. Ekaterinburg, Ural State University named after A.M. Gorky Publ., 2005, pp. 218–226. (In Russ.)
- Lazutina G.V., Raspopova S.S. *Zhanry zhurnalisticheskogo tvorchestva* [Genres of journalism]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2011, 320 p. (In Russ.)
- Morozov K.E. *Zakon «O regulirovanii prosvetitel'skoi deiatel'nosti»: vozmozhnye posledstviya dlia nauchno-populiarnoi zhurnalistiki* [The Law «On the regulation of enlightenment activities»: possible consequences for popular-science journalism]. *Student i nauka – 2021* [Student and science – 2021]. Magnitogorsk, Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov Publ., 2021, pp. 1147–1453. (In Russ.)
- Saenkova-Mel'nitskaia L.P. *Mediakritika kak otsechno-poznavatel'naia oblast' mediasfery* [Media critic as an evaluative and cognitive area of the media sphere]. *Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4: Filologiya. Zhurnalistika* [Vestnik of Belarusian State University. Ser. 4: Philology. Journalism], 2008, № 2, pp. 67–70. (In Russ.)
- Sokolov M.R., Pogorel'skaia E.Iu. *Prosvetitel'skaia zhurnalistika i formirovanie sovremennogo cheloveka* [enlightenment journalism and the formation of a modern person]. Ekaterinburg, Humanities university Publ., 2021, pp. 544–549. (In Russ.)
- Strashnov S.L. *Populiariatsiia nauki v sredstvakh massovoi informatsii* [Popularization of science in the mass media]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Ivanovo State University], 2003, № 1, pp. 3–16. (In Russ.)
- Suvorova S.P. *Realizatsiia prosvetitel'skoi funktsii zhurnalistiki v sovremennykh obshcherossiiskikh gazetakh: dis. ... kand. filol. nauk* [Implementation of the enlightenment function of journalism in modern all-Russian newspapers: DSc thesis]. Moscow, 2006, 185 p. (In Russ.)
- Статья поступила в редакцию 02.12.2021; одобрена после рецензирования 19.01.2022; принята к публикации 09.02.2022.*
- The article was submitted 02.12.2021; approved after reviewing 19.01.2022; accepted for publication 09.02.2022.*

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 129–133. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 129–133. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-129-133>

ТРЁХКОМПОНЕНТНЫЕ СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С НЕОДНОРОДНЫМ СОПОДЧИНЕНИЕМ В НАУЧНОМ СТИЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА (на материале текстов математических произведений)

Волкова Елена Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), lenka@mail.mipt.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2267-0438>

Коротун Владилена Леонидовна, старший преподаватель, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), vladakor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7590-2541>

Аннотация. В статье рассматривается не самый продуктивный тип многокомпонентных сложноподчинённых предложений – конструкции с неоднородным соподчинением. Тем не менее предложения данного типа важны в стиле точных наук, особенно в текстах математических произведений, где главная задача автора – показать ход логических рассуждений, а читателя – проследить за движением мысли автора. Для того чтобы правильно понять эту мысль, необходимо представить себе описываемый предмет или явление с разных сторон. Этому в значительной степени способствуют исследуемые конструкции. На материале текстов математических произведений анализируются трёхкомпонентные сложноподчинённые предложения с различным сочетанием компонентов нерасчленённого типа, рассматриваются синтаксические отношения в данных структурах. Так, например, было выявлено, что присубстантивно-атрибутивная придаточная часть, поясняя некоторый термин или понятие, тесно сливается с предшествующей главной частью. Наиболее ярко это проявляется при разъяснении математической формулы, когда придаточное присубстантивно-атрибутивное превращается в полуфразеологизированный оборот, а относительное местоимение *где* практически полностью утрачивает пространственную семантику. Смысловое ядро предложения, как правило, сосредотачивается в придаточной изъяснительной части, а главная часть приобретает служебный, вводный характер. Средства связи в исследуемых конструкциях стандартны, часто повторяются, как правило, лишены семантической окраски. Местоименно-соотносительные и местоименно-союзные соотносительные придаточные части употребляются в паре либо с изъяснительной, либо с присубстантивно-атрибутивной придаточной частью. Приместоименные придаточные привносят в семантику предложения яркую семантическую окраску следствия, сравнения, количества, образа действия и пр. В исследуемых конструкциях придаточные нерасчленённого типа настолько тесно связаны с организующей частью, что можно говорить об их несамостоятельности как предикативных единиц и уподоблении их роли полупредикативным причастным и деепричастным оборотам.

Ключевые слова: многокомпонентное сложноподчинённое предложение, неоднородное соподчинение, главная часть, придаточная часть нерасчленённого типа, союз.

Для цитирования: Волкова Е.Б., Коротун В.Л. Трёхкомпонентные сложноподчинённые предложения с неоднородным соподчинением в научном стиле русского языка (на материале текстов математических произведений) // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 129–133. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-129-133>

Research Article

THREE-COMPONENT COMPLEX SENTENCES WITH HETEROGENEOUS SUBORDINATION IN THE SCIENTIFIC STYLE OF THE RUSSIAN LANGUAGE (based on texts of mathematical works)

Elena B. Volkova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Moscow Aviation Institute (National Research University), lenka@mail.mipt.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2267-0438>

Vladilena L. Korotun, Senior Lecturer, Moscow Aviation Institute (National Research University), vladakor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7590-2541>

Abstract. The article considers not the most productive type of multicomponent complex sentences – constructions with heterogeneous subordination. Nevertheless, sentences of this type are important in the style of the exact sciences, especially in the texts of mathematical works, where the main task of the author is to show the course of logical reasoning, and

the reader is to follow the movement of the author's thought. In order to correctly understand this idea, it is necessary to imagine the described object or phenomenon from different angles. This is largely facilitated by the structures under study. On the basis of the texts of mathematical works, three-component complex sentences with various combinations of components of an indivisible type are analysed, syntactic relations in these structures are considered. So, for example, it was revealed that the substantive-attributive clause, explaining a certain term or concept, closely merges with the previous main clause. This is most clearly manifested when explaining a mathematical formula, when the substantive-attributive clause turns into a semi-phraseological construction, and the relative pronoun *where* almost completely loses its spatial semantics. The semantic core of the sentence, as a rule, is concentrated in the subordinate object clause, and the main clause acquires a service, introductory character. The means of connection in the constructions under study are standard, often repeated, as a rule, devoid of semantic colouring. Pronominal-correlative and pronominally-conjunction correlative clauses are used in tandem with either an object clause or a substantive-attributive clause. Pronominal clauses bring into the semantics of the sentence a bright semantic colouring of the consequence, comparison, quantity, mode of action, etc. In the constructions under study, indivisible clauses are so closely connected with the organising part that one can speak of their dependence as predicative units and likening their role to semi-predicative participial and adverbial phrases.

Keywords: multi-component non-complex subordinate sentence, heterogeneous subordination, main clause, subordinate clause of indivisible type, conjunction.

For citation: Volkova E.B., Korotun V.L. Three-component complex sentences with heterogeneous subordination in the scientific style of the Russian language (based on texts of mathematical works). *Vestnik of Kostroma State University*, 2022, vol. 28, № 1, pp. 129–133 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-129-133>

Целью данной статьи является анализ структурных отношений в сложноподчинённых предложениях (далее СПП) с неоднородным соподчинением в самой обособленной области научного стиля – в стиле точных наук. Именно в текстах математических произведений, как ни в одной другой сфере, сложные синтаксические конструкции представлены в наиболее чётком, грамматикализованном виде. Грамматическая структура этих предложений должна отражать ход логических рассуждений автора и выполнять главную коммуникативную задачу – максимально точно и понятно передать мысль. В научном стиле часто требуется описать предмет, процесс или явление с разных сторон. Здесь и нужны многокомпонентные СПП с неоднородным соподчинением, поскольку они обладают богатствами «изобразительными возможностями» [Ганцовская: 126].

Методом сплошной выборки мы исследовали целый ряд математических произведений известных математиков: А.Б. Александрова, В.П. Маслова, Л.С. Понтрягина, Б.В. Федосова и других специалистов в области алгебраической и дифференциальной топологии. Труды этих авторов написаны безупречным стилем и признаны научным сообществом.

Многокомпонентные СПП с последовательным и однородным соподчинением уже были предметом нашего исследования [Волкова]. Рассмотрим теперь менее продуктивный, но не менее важный тип данных конструкций – трёхкомпонентные СПП с неоднородным соподчинением.

Под соподчинением вслед за И.А. Василенко, Н.С. Ганцовской, В.В. Казминым, Г.Ф. Калашниковой и др. будем понимать «всякое одноступенное подчинение двух или более придаточных главному

предложению (во всём его объёме или по отношению к его членам)» [Ганцовская: 91].

Неоднородным соподчинением мы будем называть соподчинение нескольких придаточных разных структурно-семантических характеристик всей главной части в целом, отдельному его члену или членам или соподчинение придаточных одинакового типа разным членам главной части.

По данным Н.С. Ганцовской, проводившей обстоятельное исследование многокомпонентных СПП в научном стиле, 92 % предложений с неоднородным соподчинением составляют трёхкомпонентные предложения [Ганцовская: 122]. В данной статье мы ограничимся рассмотрением именно этих конструкций.

Важным фактором при анализе многокомпонентного предложения с неоднородным соподчинением является порядок следования компонентов предложения и средства связи частей сложного предложения. Так создаются разновидности основных структурно-семантических моделей многокомпонентного СПП с неоднородным соподчинением.

В данной статье рассмотрим, как складываются синтаксические отношения в трёхкомпонентных СПП с придаточными нерасчленённого типа, то есть изъяснительными, присубстантивно-атрибутивными, местоименно-соотносительными и местоименно-союзными соотносительными.

По нашим наблюдениям, наиболее продуктивной моделью является предложение с придаточными присубстантивно-атрибутивным и изъяснительным.

При этом присубстантивно-атрибутивное придаточное может предшествовать изъяснительному придаточному, вклиниваясь в главное предложение и поясняя слово, обозначающее понятие или термин, или же следовать за изъяснительным придаточным. Изъяс-

нительное придаточное, как правило, имеет союз *что*, редко *ли*; союзные средства придаточного присубстантивно-атрибутивного более разнообразны. Это наиболее употребительное союзное слово *который*, далее *какой*, *где*, *каковой*, *когда*, *откуда*:

Тогда, учитывая очевидное равенство $trT_1 \otimes T_2 = trT_1 trT_2$, где $T_i \in W_{Di}^{comp}$, получаем, что $ind \Xi = ind \Xi_1 ind \Xi_2$. [Федосов: 254].

Для доказательства того, что каждый элемент группы $\pi^1(L, p)$ единственным образом записывается в виде слова (6), построим универсальное накрытие s_0 линейного комплекса L , которое само по себе представляет значительный интерес [Понтрягин: 367].

Из формул (9) и (10) следует, что таковой является мера τ , $dt(z) = K(z)dv(z)$, где $K(z) = (q-|z|^2)^{n-1}$ [Александров: 123].

В комплексе $L(G_2)$ имеются лишь две вершины, которые равноправны между собой, и потому не имеют значения, какой из двух векторов системы $n(G_2)$ считать большим, чем другой [Понтрягин: 511].

Число в правой части, которое называется A -родом многообразия, определено независимо от того, допускает ли многообразие M спинорную структуру или нет [Федосов: 201].

Можно заметить, что смысловой вес придаточного изъяснительного больше, чем придаточного присубстантивно-атрибутивного. Последнее оказывается частью главного компонента, его функция – уточнение, разъяснение определённого термина или понятия – сближает его с вводным предложением. Стоит отметить, что при употреблении после математической формулы союзное слово *где* почти полностью утрачивает пространственную семантику, а присубстантивно-атрибутивная придаточная часть превращается в полуфразеологизированный оборот, своеобразный «трафарет» для разъяснения формулы. Главная часть по отношению к придаточному изъяснительному в значительной степени играет формальную роль, поэтому основной смысловой фокус сосредоточен на придаточном изъяснительном.

Почти так же продуктивны, как предложения с придаточными присубстантивно-атрибутивным и изъяснительным, предложения с обоими придаточными одного типа – присубстантивно-атрибутивными или изъяснительными.

В предложениях с двумя придаточными присубстантивно-атрибутивными употребляется разнообразное сочетание союзных слов. Часто встречается пара союзных слов *который*; возможно парное употребление и союзного слова *где*; остальные союзные слова: *какой*, *откуда* и т. д. – употребляются в сочетании с союзным словом *который* или *где*:

Для общих механических систем, у которых фазовое пространство является произвольным симплектическим многообразием (M, α) , существует по край-

ней мере три версии, из которых наиболее простой и естественной по постановке является, на наш взгляд, так называемое деформационное квантование [Федосов: 24].

В предложениях с обоими придаточными изъяснительными союзы одинаковы, обычно это союз *что*. Иногда он сочетается с союзом *чтобы* и очень редко с другим союзом или частицей, например *ли*:

Допустим, что $a \in A'$, и покажем, что B' пусто [Понтрягин: 98].

И снова основная трудность состоит в том, чтобы проинтерпретировать a как класс символа эллиптического оператора на компактификации N и доказать, что его аналитический индекс совпадает с индексом A [23], [24] [Федосов: 191].

Часто такие предложения имеют придаточные изъяснительные, поясняющие глагол, имеющий двойное управление. Первое придаточное поясняет одно соотносительное слово, которое начинает предложение, другое поясняет сам глагол или глагол вместе со вторым пояснительным словом. Это довольно устойчиво повторяющаяся конструкция.

Также устойчива и употребительна конструкция, близкая по структуре к предыдущей, где первое изъяснительное поясняет местоимение-подлежащее, второе – глагол-сказуемое:

Из того, что каждый элемент из G однозначно записывается в форме $x_1 x_2$, $x_1 \in N_1$, $x_2 \in N_2$, следует, что f есть взаимно однозначное отображение группы G' на группу G [Понтрягин: 31].

Иногда первое придаточное изъяснительное поясняет существительное с глагольным управлением, второе – изъяснительный глагол.

Тот факт, что Φ есть ядро гомоморфизма φ , следует из того, что $(X, f(H)) = (X, H) = \Phi$ (см. В)) [Понтрягин: 252]:

Отметим еще то важное обстоятельство, что ни один из элементов последовательности (12) не равен e , и допустим, что $c_n = e$ [Понтрягин: 309–310].

Также часто одним из подчиняющихся слов является второстепенное сказуемое – деепричастие:

Таким образом, зная, что такое предельная точка, мы уже знаем, что такое замыкание [Понтрягин: 60].

Из (3.12) и (3.1) будем иметь, учитывая, что $V = 1$ на контуре S^0 ,

$$\frac{i}{h} H = \frac{i}{2h} \sigma^0 (SS^{-1}(x+y), (x+y)),$$

где матрица $S(t)$ имеет вид (3.2) [Федосов: 36].

В нашем материале не встретились предложения с двумя местоименно-соотносительными или местоименно-союзными соотносительными придаточными. Среди выявленных крайне немногочисленных конструкций, как правило, одна из придаточных частей была присубстантивно-атрибутивная, другая – место-

именно-соотносительная или местоименно-союзная соотносительная, которая привносит дополнительные оттенки следствия, сравнения, цели, количества, сочетающимися с основным – степени качества и определенного образа действия. Формально это выражается различным соотношением относительных слов главной части и союзом придаточной:

Все данные, которые приводит автор, совпадают с данными для благородных газов настолько, насколько благородные газы согласно закону соответственных состояний совпадают между собой [Маслов: 273].

Пусть D – некоторая аналитическая система координат, которая определена в окрестности U единицы e группы G , и V – настолько малая окрестность единицы, что для всяких трех ее элементов x_1, x_2, x_3 определено и принадлежит U произведение $x_1x_2x_3$ [: 320].

Далее, существует настолько малое ρ , что φ есть гомеоморфное отображение окрестности U на окрестность единицы группы G , и тогда из

$$a \in U, \quad b \in U, \quad g\varphi(a)g^{-1} = \varphi(b) \quad (7)$$

следует, что

$$b = g(a) \quad (8)$$

и обратно [Понтрягин: 475].

Мы рассмотрели, как складываются синтаксические отношения в трёхкомпонентном СПП с неоднородным соподчинением двух придаточных частей. В данном типе СПП наблюдаем четкие взаимоотношения между его компонентами. Придаточные нерасчленённого типа, в том числе присубстантивно-атрибутивные распространительно-повествовательного характера, образуют несамостоятельные единицы, структурно и по смыслу связанные с организующими центрами. Придаточные нерасчленённого типа по своей роли уподобляются полупредикативным причастным и деепричастным оборотам. Исследуя материал произведений художественной литературы, Л.Д. Беднарская также указывает на тесный характер этой связи: она «выражена формально ярче, так как формируется компонентами и придаточного, и главного предложений. Структурная роль опорного слова в главных предложениях таких СПП часто является более важной, чем наличие подчинительного союза, не являющегося семантическим, повторяющегося в разных видах СПП» [Беднарская: 29]. На наш взгляд, это высказывание еще в большей степени справедливо для текстов математических произведений, где особенно важна логика развития мысли.

СПП с неоднородным соподчинением, в состав которых входят придаточные разных функциональных типов, значительно более продуктивны в научном стиле и представляют интерес для изучения характера синтаксических отношений внутри них.

Они послужат материалом для нашего дальнейшего исследования.

Список литературы

Александров А.Б. Теория функций в шаре // Итоги науки и техники. Сер.: Современные проблемы математики. Фундаментальные направления. 1985. Т. 8. С. 115–190.

Беднарская Л.Д. Закономерности грамматического членения многокомпонентных сложных предложений. Орёл: ГОУ ВПО «ОГУ», 2010. 154 с.

Василенко И.А. Сложноподчинённое предложение с неоднородным соподчинением // Русский язык в школе. 1953. № 6. С. 23.

Волкова Е.Б. Роль изъяснительных конструкций в многокомпонентных сложноподчинённых предложениях (на материале произведений математического цикла) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. Пятигорск: ПГЛУ, 2015. Вып. 3. С. 30–37.

Волкова Е.Б. Сложноподчинённые предложения нерасчленённого типа в научном стиле русского языка (на материале произведений математического цикла): дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2016. 212 с.

Волкова Е.Б. Структурно-семантические особенности многокомпонентных сложноподчинённых предложений с однородным соподчинением // Вестник Костромского государственного университета. Спец. вып. 2017. Т. 23. С. 57–60.

Ганцовская Н.С. Многокомпонентные сложноподчинённые предложения в научном стиле современного русского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 1967. 274 с.

Казмин В.В. Структурные типы предложений с неоднородным соподчинением двух придаточных в современном русском литературном языке // Труды КГПИ. Краснодар, 1963. Вып. 31: Вопросы изучения русского языка. С. 64.

Калашикова Г.Ф. Сложное предложение с соподчинением и последовательным подчинением в современном русском литературном языке: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1963. 242 с.

Маслов В.П. Математическое разрешение парадокса Гиббса // Математические заметки. 2011. Т. 89, вып. 2. С. 272–284.

Понтрягин Л.С. Непрерывные группы. М.: Едиториал УРСС, 2009. 520 с.

Федосов Б.В. Деформационное квантование и асимптотическое операторное представление // Функциональный анализ и его приложения, 1991а. Т. 25, вып. 3. С. 24–36.

Федосов Б.В. Теоремы об индексе // Итоги науки и техники. Сер.: Современные проблемы математики. Фундаментальные направления. 1991. Т. 65. С. 165–268.

References

- Aleksandrov A.B. *Teoriya funktsij v share* [Theory of functions in a ball]. *Itogi nauki i tekhniki* [The results of science and technology]. Ser.: *Sovremennye problemy matematiki. Fundamental'nye napravleniya* [Modern problems of Mathematics. Fundamental Directions], 1985, vol. 8, pp. 115–190. (In Russ.)
- Bednarskaya L.D. *Zakonomernosti grammaticheskogo chleneniya mnogokomponentnykh slozhnykh predlozhenij* [Patterns of grammatical division of multicomponent complex sentences]. Oryol, OGU Publ., 2010, 154 p. (In Russ.)
- Vasilenko I.A. *Slozhnopodchinyonnoe predlozhenie s neodnorodnym sopodchineniem* [Complex sentence with heterogeneous subordination]. RYASH, 1953, № 6, p. 23. (In Russ.)
- Volkova E.B. *Rol' iz'yasnitel'nykh konstruktsij v mnogokomponentnykh slozhnopodchinyonnykh predlozheniyah (na materiale proizvedenij matematicheskogo cikla)* [The role of object clauses in multicomponent complex sentences (based on the works of the mathematical cycle)]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of the Pyatigorsk State Linguistic University]. Pyatigorsk, PGLU Publ., 2015, vol. 3, pp. 30–37. (In Russ.)
- Volkova E.B. *Slozhnopodchinyonnye predlozheniya neraschlenyonnogo tipa v nauchnom stile russkogo yazyka (na materiale proizvedenij matematicheskogo cikla): dis. ... kand. filol. nauk* [Complex sentences of indivisible type in the scientific style of the Russian language (based on the works of the mathematical cycle): PhD thesis]. Vollogda, 2016, 212 p. (In Russ.)
- Volkova E.B. *Strukturno-semanticheskie osobennosti mnogokomponentnykh slozhnopodchinyonnykh predlozhenij s odnorodnym sopodchineniem* [Structural and semantic features of multicomponent complex sentences with homogeneous subordination]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University. Special issue], 2017, vol. 23, pp. 57–60. (In Russ.)
- Gancovskaya N.S. *Mnogokomponentnye slozhnopodchinyonnye predlozheniya v nauchnom stile sovremenno-go russkogo yazyka: dis. ... kand. filol. nauk* [Multicomponent complex sentences in the scientific style of the modern Russian language: PhD thesis]. Moscow, 1967, 274 p. (In Russ.)
- Kazmin V.V. *Strukturnye tipy predlozhenij s neodnorodnym sopodchineniem dvuh pridatochnykh v sovremenno-m russkom literaturnom yazyke* [Structural types of sentences with heterogeneous subordination of two subordinate clauses in the modern Russian literary language]. *Trudy KGPI* [Proceedings of KSPI]. Krasnodar, 1963, vol. 31: *Voprosy izucheniya russkogo yazyka* [Issues of learning the Russian language], p. 64. (In Russ.)
- Kalashnikova G.F. *Slozhnoe predlozhenie s sopodchineniem i posledovatel'nyim podchineniem v sovremenno-m russkom literaturnom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk* [A complex sentence with subordination and sequential subordination in the modern Russian literary language: PhD thesis]. Rostov-na-Donu, 1963, 242 p. (In Russ.)
- Maslov V.P. *Matematicheskoe razreshenie paradoksa Gibbsa* [Mathematical resolution of the Gibbs's paradox]. *Matematicheskie zametki* [Math notes], 2011, vol. 89, iss. 2, pp. 272–284. (In Russ.)
- Pontryagin L.S. *Nepreryvnye gruppy* [Continuous groups]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2009, 520 p. (In Russ.)
- Fedosov B.V. *Deformacionnoe kvantovanie i asimptoticheskoe operatornoe predstavlenie* [Deformation quantization and asymptotic operator representation]. *Funktional'nyj analiz i ego prilozheniya* [Functional analysis and its applications], 1991a, vol. 25, iss. 3, pp. 24–36. (In Russ.)
- Fedosov B.V. *Teoremy ob indekse* [Index theorems]. *Itogi nauki i tekhniki* [The results of science and technology]. Ser.: *Sovremennye problemy matematiki. Fundamental'nye napravleniya* [Modern problems of Mathematics. Fundamental Directions], 1991, vol. 65, pp. 165–268. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.01.2022; одобрена после рецензирования 29.01.2022; принята к публикации 09.02.2022.

The article was submitted 12.01.2022; approved after reviewing 29.01.2022; accepted for publication 09.02.2022.

ОПЫТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СЛОВА *ПРАВДА* В КАЧЕСТВЕ СЛУЖЕБНОГО

Галкина Наталия Павловна, кандидат филологических наук, Военная академия радиационной, химической и биологической защиты им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко, Кострома, Россия, gnpav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7019-2413>

Аннотация. В статье анализируются синтаксические конструкции, в которых слово *правда* является служебным. Рассмотрены случаи, когда оно функционирует либо в качестве слова-союза, союзного сочетания в сложном предложении, либо в качестве вводного слова в составе простого или парцелированного предложения, указывая на различные оттенки значения уступительности. Структурный компонент, включающий слово *правда* в составе сложного предложения, помимо собственно-уступительных отношений, может выражать сопоставительные, уступительно-ограничительные, присоединительно-ограничительные отношения, являющиеся конститuentами семантического поля уступительности. На разнообразных примерах показано, что синтаксическая квалификация слова *правда* неустойчива и может варьироваться с перевесом либо в сторону союзной скрепы, либо в сторону вводного слова, тем не менее также указывающего на уступительную семантику маркируемого им построения. Отмечены условия функционирования слова *правда*, позволяющие трактовать его в качестве маркера уступительных отношений, такие как сочетание его с противительным союзом или частицей, а также контактное расположение данного слова на границе частей сложного предложения или отдельного предложения, когда имеет место парцелляция. Предпринята попытка преобразования синтаксической структуры исследуемых конструкций с целью достижения их эквивалентного машинного перевода.

Ключевые слова: значение уступительности, синтаксическая функция, вводное слово, союз, противительные отношения, машинный перевод, парцелляция, сложноподчинённое предложение.

Для цитирования: Галкина Н.П. Опыт лингвистического исследования слова *правда* в качестве служебного // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 134–138. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-134-138>

Research Article

EXPERIENCE OF LINGUISTIC RESEARCH OF THE WORD *ПРАВДА* AS A SYNTACTIC WORD IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Natalia P. Galkina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Nuclear, Biological, Chemical Defence Military Academy named after Marshal of the Soviet Union S.K. Timoshenko, Kostroma, Russia, gnpav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7019-2413>

Abstract. The article analyses syntactic constructions in which the word *правда* functions as a service word. The constructions under consideration include this word either as a word-conjunction, a conjunction combination in a complex sentence, or as an introductory word in a simple or parceled sentence, indicating different shades of the meaning of concession. The structural component, which includes the word *правда* as part of a complex sentence, in addition to self-concessive relations, can express comparative, concessive-restrictive, adjunctive-restrictive relations, which are the constituents of the semantic field of concession. On various examples it is shown that the syntactic qualification of the word *правда* is not stable and can vary with a preponderance either towards that of a linking word or an introductory word, however, also indicating the concessive semantics of the construction. The syntactic conditions of the word *правда* such as the combination with a contrast conjunction or particle, as well as the contact location of this word between the parts of a complex sentence or a separate sentence, when parcelling occurs, indicate its syntactic function as a marker of concessive relations. An attempt of transforming the syntactic structure of the sentences under analysis in order to achieve their equivalent machine translation has been made.

Keywords: meaning of concession, syntactic function, introductory word, conjunction, machine translation, parcelling, complex sentence.

For citation: Galkina N.P. Experience of linguistic research of the word *правда* as a syntactic word in the Russian language. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 134–138 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-134-138>

Слово *правда* трактуется грамматистами неоднозначно. Не будем здесь затрагивать характеристику его в качестве знаменательной части речи – полнозначного имени существительного. Известно, что, помимо того, в зависимости от контекста, условий окружения в предложении или тексте (микротексте) оно может выполнять функцию вводного слова, частицы, союза. В современной лингвистике активно разрабатывается теория дискурсивных слов, к которым также можно отнести слово *правда*¹.

Предметом нашего исследования являются условия функционирования данного слова, в которых оно становится маркером или квалификатором уступительных отношений. В комплексе значения обусловленности, объединяющем в себе условие, причину, цель, уступку и следствие, уступительные отношения являются наиболее сложными, логически многоступенчатыми. В сложноподчинённых предложениях со значением уступки (далее – СППУст) в придаточной части либо сообщается о неблагоприятствующей ситуации, о препятствующем обстоятельстве, либо в ней заключен контраргумент, опровергающий или ограничивающий истинность, безоговорочность утверждаемого в главной части². Значение обусловленности-уступки опирается на причинно-следственные и условно-следственные связи, которые также взаимодействуют с противительными отношениями. Причём эксплицитно выраженными оказываются только исходное и результативное звенья, тогда как промежуточные остаются в сфере имплицитного, то есть конструкция строится на противоречии непосредственной и скрытой информации. Бесспорно, наиболее употребительным, нейтральным, типизированным средством связи СППУст является союз *хотя* [Беднарская: 277; Формановская: 34], «универсальный» в формулировке Н.А. Андрамоновой [Андрамонова: 53]. В то же время многие авторы отмечают связующую функцию слова *правда* в предложениях со значением уступки. Так, например, М.Н. Петерсон, А.М. Пешковский считают, что слово *правда* является уступительным союзом [Петерсон: 34; Пешковский: 489]. По мнению авторов учебника под ред. Д.Э. Розенталя, *правда* в данном случае – вводное слово в функции союза³. В.В. Виноградов, Л.А. Булаховский [Виноградов: 706–707; Булаховский: 365] рассматривают это слово как гибрид, стоящий на границе между вводным словом и союзом. М.В. Ляпон называет слово *правда* аналогом союза, совмещающим связующую функцию с функцией вводного слова [Ляпон: 586–587].

Нам представляется, что при определении синтаксической функции и грамматической категории исследуемой лексемы, как и в случае с лексемой *ведь*, следует иметь в виду многозначность и полифункциональность слова *правда* [Галкина 2020: 83–93].

И.В. Шерстяных, например, показывает, что даже в качестве служебного, неполнозначного, дискурсивного слова оно может отличаться по семантике в зависимости от контекста и жанра произведения [Шерстяных: 42–49]. Говоря о связующей роли слова *правда*, отметим, что в качестве союза СППУст оно обычно оформляет препозитивную придаточную часть и соотносится с противительным союзом *но* (реже *да*, *однако* или частицами *всё же*, *всё-таки*, *тем не менее*), образуя союзную пару *правда ... но*⁴. Добавление противительного компонента в главной части акцентирует значение противопоставления, и уступительная семантика может быть ослаблена или вытеснена отношениями несоответствия или сопоставления. Возможно, поэтому лексему *правда* чаще характеризуют как вводное слово, а не союзное средство СППУст, тем более что даже в уступительных конструкциях на письме оно практически всегда обособляется запятой. См. примеры: **Правда**, несколько лет назад *Просперо умер, но до своей смерти успел очень качественно законсервировать оружие и боеприпасы* [Муртазин]. **Правда**, он сейчас работает, но *детям от этого не на много легче* [Углов]. Замена слова *правда* на типизированный уступительный союз *хотя* подтверждает его союзную роль в приведённых примерах. Ср.: 1. *Хотя несколько лет назад Просперо умер, но до своей смерти успел очень качественно законсервировать оружие и боеприпасы*. Уступительная семантика сохраняется и при замене всей союзной пары *правда ... но*: 2. *Хотя он сейчас работает, детям от этого не на много легче*.

Следующее предложение относится к группе ограничительно-уступительных: главная часть, вводимая союзом *но*, описывает некое ограничение, препятствующее полноте проявления того, о чём говорится в придаточной части, оформленной союзом-словом *правда*: **Правда**, исполнению *все-таки не хватило русской теплоты и страстности, но могли почувствовать это большей частью только соотечественники Мусоргского...* [Гайкович]. Здесь возможна трансформация с перестановкой союза из придаточной части в главную, что свидетельствует о сопоставительно-уступительном характере отношений, выражаемых в данной конструкции. См., например: **Исполнению всё-таки не хватило русской теплоты и страстности, правда могли почувствовать это большей частью только соотечественники Мусоргского**. Ср. также при замене союза на типизированный: *Хотя исполнению все-таки не хватило русской теплоты и страстности, но могли почувствовать это большей частью только соотечественники Мусоргского*. Или: **Исполнению все-таки не хватило русской теплоты и страстности, хотя могли почувствовать это большей частью только соотечественники Мусоргского**.

В следующем построении, оформленном парой *правда ... но*, связующая роль слова *правда* нивелируется, поскольку оно находится внутри первой части предложения, формально сложносочинённого, но здесь также присутствует ограничительно-уступительная семантика: *Сами петербуржцы, правда, не столь категоричны, но и они не спорят с очевидными фактами: «климат в Петербурге хороший, только погода его портит»* [Синдаловский]. При трансформации в стандартное сложноподчинённое предложение (далее СПП) с подключением уступительного союза общий смысл сохраняется. Ср.: *Хотя сами петербуржцы не столь категоричны, но и они не спорят с очевидными фактами...*

Далее рассмотрим конструкции, в которых союз-слово *правда* вводит предложение со значением уступительности по отношению к предшествующему главному, но формально отделено от него. См.: 1. *Работали мы хорошо и получали прилично. Правда, оштукатуривание стен и потолков давалось с превеликим трудом* [Ванденко]. 2. *Быть может, мне изменяет память, но я и сейчас вижу его глаза: желтовато-зеленоватые, чуть насмешливо на меня смотрящие. Правда, меня это нимало не заботило* [Познер: 8]. Как видно, второй компонент высказывания в приведённых примерах не является самостоятельным (аналогия с придаточным предложением). С точки зрения актуального членения первое предложение представляет тему высказывания (известное), а второе – рему (новое), которая в содержательном плане всегда соотносится с темой. По сути, здесь имеет место парцелляция – экспрессивное стилистическое средство, широко используемое в художественной литературе, разговорной речи, публицистике [Галкина 2019: 103]. По смыслу данные построения аналогичны присоединительно-уступительным СПП, в которых придаточное выражает добавочное замечание, противоречащее содержанию основного высказывания (поправку, уточнение, предположение, оценку и т. п.). Ср., например: *Работали мы хорошо и получали прилично. Хотя оштукатуривание стен и потолков давалось с превеликим трудом*. Или: *Работали мы хорошо и получали прилично, хотя оштукатуривание стен и потолков давалось с превеликим трудом*.

Здесь предлагаем провести лингвистический эксперимент на основе машинного перевода на английский язык. Известно, что в разных значениях лексема *правда* может переводиться как *true, truth* (существительное), *however* (противительный союз, вводное слово), *though, although* (уступительный союз) и т. д. Перевод в контексте предложения определяется в совокупности значением, сочетаемостью и порядком слов. Так, машинный перевод на английский язык фразы «Он отвечал быстро и громко. **Правда**, голос

его звучал неуверенно» выглядит некорректно, очевидно из-за парцелляции: «*He answered quickly and loudly. True, his voice sounded uncertain*». Но стоит объединить два предложения в одно и убрать не типичное для СПП обособление слова *правда* запятой, как программа распознаёт СППУст. См.: *He answered quickly and loudly, though his voice sounded uncertain* (в переводе *правда* эквивалентно английскому уступительному союзу *though/although*). То же наблюдаем и с приведёнными выше парцеллированными структурами. См.: *Работали мы хорошо и получали прилично. Правда, оштукатуривание стен и потолков давалось с превеликим трудом*. – *We worked well and received decently. True, plastering walls and ceilings was given with great difficulty*. Ср. при объединении в одно предложение: *We worked well and received decently, although the plastering of walls and ceilings was given with great difficulty*.

Наконец, рассмотрим конструкции, в которых на первое место выступает не соединительная, а вводная функция слова *правда*. См., например: 1. *Было, правда, одно обстоятельство, которое немного омрачало обстановку* [Синдаловский: 33]. 2. *Доклад, правда, опубликован пять лет назад* [Сёмин: 25]. Данные предложения относительно самостоятельны, анализируемое слово в них указывает на вставочный, дополнительный характер содержания высказывания. Программа перевода распознаёт его как вводное слово с противительным значением. См. перевод: 1. *There was, however, one circumstance that somewhat darkened the situation*. 2. *The report, however, was published five years ago*. Тем не менее информация, представленная в примерах, очевидно, находится в несоответствии/противоречии с тем, что было изложено ранее. Действительно, при добавлении предшествующего предложения (темы высказывания) и постановке стандартного порядка слов перевод формулируется в виде уступительной конструкции с союзом *though/although*. Ср.: *Это цитата из доклада наших современников, выдающихся экономистов Немцова, Милова, Гонтмахера, правда доклад опубликован пять лет назад*. Перевод: *This is a quote from the report of our contemporaries, outstanding economists Nemtsov, Milov, Gontmakher, although the report was published five years ago*. Или: *This is a quote from the report of our contemporaries, outstanding economists Nemtsov, Milov, Gontmakher the report was published five years ago, though*.

Таким образом, признаками, позволяющими трактовать слово *правда* в качестве маркера уступительных отношений, являются следующие условия его функционирования в предложении (или контактных предложениях): 1. Сочетание с противительным союзом или частицей (*но, однако, зато, всё-таки* и т. п.) в качестве коррелята, то есть фактически образова-

ние союзной пары по типу *правда ... но*. 2. Возможность замены слова *правда* на типизированный уступительный союз *хотя*. 3. Адекватный, с сохранением основного смысла, перевод конструкции, содержащей лексему *правда*, с образованием аналогичной уступительной конструкции на языке перевода (английском в данном исследовании). 4. Расположение данного слова в синтаксической единице: контактное, на границе частей сложного предложения, либо внутри одной из его частей или отдельного предложения. При этом структурный компонент, включающий слово *правда*, в составе сложного предложения или в составе отдельного предложения, которое можно рассматривать как парцелированную структуру, помимо собственно-уступительных отношений, может выражать сопоставительные, уступительно-ограничительные, присоединительно-ограничительные отношения, являющиеся конститuentами семантического поля уступительности⁵. Синтаксическая квалификация искомого слова неустойчива и может варьироваться с перевесом либо в сторону союзной скрепы, либо в сторону вводного слова, тем не менее также указывающего на уступительную семантику маркируемого им построения.

Примечания

¹ Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство: сб. статей / сост. К. Киселева, Д. Пайар. М.: Азбуковник, 2003. 206 с.

² Русская грамматика / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1982. Т. 2: Синтаксис. С. 586.

³ Современный русский язык: учеб. для ун-тов: в 2 ч. / под ред. Д.Э. Розенталя. 2-е изд., испр. М.: Высш. шк., 1976. Ч. 2. С. 169.

⁴ Белошапкова В.А. Сложное предложение в современном русском языке (некоторые вопросы теории). М.: Просвещение, 1967. С. 80; Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1970. С. 520; Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1982. Т. 2: Синтаксис. С. 586–587.

⁵ Галкина Н.П. Сложноподчинённые предложения со значением обусловленности в научном стиле современного русского языка (на материале произведений естественнонаучного цикла): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2014. С. 22–23.

Список источников

Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка. Киев: Рад. шк., 1952. Т. 1. 447 с.

Ванденко А. Герман Греф: не лги, не воруй, не ленись. URL: <https://tass.ru/top-officials/6078757> (дата обращения: 30.01.2020).

Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Учпедгиз, 1947. 784 с.

Гайкович М. Соло для Петра с командой // Независимая газета. 23.03.2007.

Муртазин И. Последние из 90-х // Новая газета. 07.04.2019. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/04/07/80129-poslednie-iz-90-h> (дата обращения: 24.04.2020).

Петерсон М.Н. Союзы в русском языке // Русский язык в школе. 1952. № 5. С. 28–34.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956. 511 с.

Сёмин К. Агитпроп. Идеология победы. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=268163> (дата обращения: 30.04.2019).

Синдаловский Н. Легенды петербургских садов и парков. URL: <http://rubooks.net/book.php?book=3274> (дата обращения: 10.05.2019).

Углов Ф.Г. Человеку мало века. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=93005> (дата обращения: 25.04.2019).

Шерстяных И.В. Дискурсивные слова как средство организации речевых жанров (на примере лексемы *правда*) // Жанры речи. 2016. № 1. С. 42–49. DOI: 10.18500/2311-2016-1-13-42-49.

Список литературы

Андрамонова Н.А. Сложные предложения, выражающие обстоятельственные отношения в современном русском языке. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1977. 176 с.

Беднарская Л.Д. Сложное предложение в языке русской лирики XIX–XX столетий. Орел: Изд-во Орлов. гос. ун-та, 2012. 391 с.

Галкина Н.П. Сложноподчинённые предложения со значением обусловленности в современной публицистике // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 4 (19). С. 100–104.

Галкина Н.П. Синтаксический и семантический синкретизм слова *ведь* на уровне гипотаксиса // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 83–90.

Познер В.В. Прощание с иллюзиями. М.: Изд-во АСТ, 2012. 480 с.

Формановская Н.И. Стилистика сложного предложения. М.: Рус. яз., 1978. 240 с.

Шерстяных И.В. Дискурсивные слова как средство организации речевых жанров (на примере лексемы *правда*) // Жанры речи. 2016. № 1. С. 42–49. DOI: 10.18500/2311-2016-1-13-42-49

References

Andramonova N.A. *Slozhnye predlozheniia, vyrazhaiushchie obstoiatel'stvennye otnosheniia v sovremennom russkom iazyke* [Complex sentences expressing adverbial relations in modern Russian]. Kazan', Izd-vo Kazan. un-ta Publ., 1977, 176 p. (In Russ.)

Bednarskaia L.D. *Slozhnoe predlozhenie v iazyke russkoi liriki XIX–XX stoletii* [A complex sentence in the

language of Russian lyrics of the 19th - 20th centuries]. Orel, Izd-vo Orlov. gos. un-ta Publ., 2012, 391 p. (In Russ.)

Galkina N.P. *Slozhnopodchinennye predlozheniia so znacheniem obuslovlennosti v sovremennoi publitsistike* [Complex sentences with the meaning of conditionality in modern journalism]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik* [Verkhnevolzhskii Philological Bulletin], 2019, № 4 (19), pp. 100–104. (In Russ.)

Galkina N.P. *Sintaksicheskii i semanticheskii sinkretizm slova ved' na urovne gipotaksisa* [Syntactic and semantic syncretism of the word is at the level of hypotaxis]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik* [Verkhnevolzhskii Philological Bulletin], 2020, № 3 (22), pp. 83–90. (In Russ.)

Pozner V.V. *Proshchanie s illiuziiami* [Farewell to illusions]. Moscow, Izdatel'stvo AST Publ., 2012, 480 p. (In Russ.)

Formanovskaia N.I. *Stilistika slozhnogo predlozheniia* [Complex sentence style]. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1978, 240 s. (In Russ.)

Sherstianykh I.V. *Diskursivnye slova kak sredstvo organizatsii rechevykh zhanrov (na primere leksemy pravda)* [Discursive Words as a Means of Organizing Speech Genres (on the Example of the Lexeme Pravda)]. *Zhanry rechi* [Genres of Speech], 2016, № 1, pp. 42–49. DOI: 10.18500/2311-2016-1-13-42-49 (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 08.10.2021; одобрена после рецензирования 17.11.2021; принята к публикации 09.02.2022.

The article was submitted 08.10.2021; approved after reviewing 17.11.2021; accepted for publication 09.02.2022.

ДИКОРАСТУЩИЕ РАСТЕНИЯ И ОТХОДЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КУЛЬТУР КАК ОСНОВА НОМИНАЦИЙ БЛЮД КОСТРОМСКОЙ НАРОДНОЙ КУХНИ (комментарии к V разделу Программы ЛАРНГ)

Ганцовская Нина Семёновна, доктор филологических наук, профессор, Костромской государственной университет, gantsovsky_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2896-064X>

Аннотация. Наименования блюд народной кухни до сих пор являются стойким этнографическим признаком как в области материальной, так и духовной культуры народа. Источником наших наблюдений являются те объекты картографирования V раздела «Питание» Программы ЛАРНГ, которые чаще всего имеют традиционные наименования, общерусское распространение, но ситуационно местное семантическое наполнение, связанное с употреблением в составе обозначаемых ими реалий природных (дикорастущих) растительных компонентов. В рассказах о военных и послевоенных временах жителей костромских деревень традиционные блюда крестьянского питания – хлеб, пироги, лепёшки, похлёбка, щи – предстают в своём суррогатном виде как маркёры некачественного питания и бедственного состояния семьи. Делается вывод о том, что вопросы Программы ЛАРНГ способствуют изучению неисчерпаемого лексического богатства русских народных говоров, в том числе и по теме «Блюда народной костромской кухни», в отношении познания разнообразных мотивационных основ их номинации, особенностей семантической структуры и условий функционирования.

Ключевые слова: Костромская кухня, суррогатные хлеб, пироги, лепёшки, щи.

Для цитирования: Ганцовская Н.С. Дикорастущие растения и отходы сельскохозяйственных культур как основа номинаций блюд костромской народной кухни (комментарии к V разделу Программы ЛАРНГ) // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 139–142. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-139-142>

Research Article

WILD PLANTS AND CROP WASTE AS A BASIS FOR NOMINATIONS OF DISHES OF KOSTROMA FOLK CUISINE (comments to Section V of the Lexical Atlas of Russian Folkish Patois Programme)

Nina S. Gantsovskaiy, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Philology, Kostroma State University, gantsovsky_n@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2896-064X>

Abstract. The names of folk cuisine dishes are still a persistent ethnographic feature in both areas of the material and spiritual culture of the people. Those mapping objects of Section V «Meals» of the Programme of Lexical Atlas of the Russian Folkish Patois, which most often have traditional names, all-Russian distribution, but situationally local semantic filling, connected with the use of natural (wild-growing) plant components in the realities denoted by them, are the source of our observation. In the stories of the inhabitants of Kostroma villages about the times of World War II and after it, the traditional dishes of peasant food – bread, pies, flatbread, stew, cabbage soup – appear in their surrogate form as markers of shoddy food and poor state of the family. The conclusion is made that the questions of the Lexical Atlas of Russian Folkish Patois programme contribute to the study of inexhaustible lexical wealth of Russian folkish patois, including «Dishes of folk Kostroma cuisine» in relation to the knowledge of various motivational bases of their nomination, peculiarities of semantic structure and conditions of functioning.

Keywords: Kostroma cuisine, surrogate bread, surrogate pies, surrogate flatbread, surrogate soup.

For citation: Gantsovskaiy N.S. Wild plants and crop waste as a basis for nominations of dishes of Kostroma folk cuisine (comments to Section V of the Lexical Atlas of Russian Folkish Patois Programme). Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 139–142 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-139-142>

Как известно, тема питания является одним из наиболее стойких и показательных этнографических признаков народа как в области материальной культуры (без пищи невозможна витальность любых живых существ), так в значительной мере и как характеристика его духовного мира. Этот тезис до сих пор актуален по отношению к названиям блюд костромской народной кухни, обыденных и особенных, как их хронотопа (питание в разные времена суток, недели, года, дома и вне дома, в разных локальных условиях) и т. д.

В предварительных замечаниях V раздела «ПИТАНИЕ: 19. Пища, напитки и их приготовление» Программы ЛАРНГ [Программа ЛАРНГ] даются рекомендации по сбору материалов по этой важной теме, поскольку «пища (питание) – это то, без чего не обходится ни один человек» [Программа ЛАРНГ: 284], и поскольку «русская национальная кухня сложилась под влиянием различных природных, исторических, экономических и социальных факторов» [Программа ЛАРНГ: 285]. Особо подчёркивается тот факт, что «собираатель должен быть очень внимателен к контексту, так как плохая запись иногда не позволяет отличить суп от каши» [Программа ЛАРНГ: 284], что мы и делаем ниже, предоставляя достаточно развёрнутые и, думается, надёжные контексты на заданную тему (см. более обширные записи костромских говоров обсуждаемой тематики в: [Ганцовская 2003; Ганцовская 2018]). Попутно заметим, что зачастую в коммуникативном недопонимании (это суп или каша?) тут виновата не только «плохая запись», а семантическая диффузность данных понятий в говорах. Например, в костромских говорах *кашища* – это то ли жидкая каша, то ли густой суп, а *селянка* может готовиться не только в печи, как суп, но и в сковороде, как запеканка. Также кисель из гороха или овса – это не напиток, а второе блюдо, поскольку его делают густым (режется на *ломтки*).

В данном случае предметом наших наблюдений являются те объекты картографирования ЛАРНГ, которые чаще всего имеют общерусское распространение, но специфическое и ситуационно местное семантическое наполнение, связанное с употреблением в составе обозначаемых ими реалий природных растительных компонентов. Таковыми являются не только общеизвестные исходные продукты питания (мука, капуста), а их вынужденные обстоятельствами некачественные заместители – дикорастущие растения, отходы сельскохозяйственных культур (мякина, куколь, крапива и др.), сырой тёртый картофель, часто мороженный, картофельные очистки, что являлось наиболее типичной пищей голодающей костромской деревни военных и первых послевоенных лет.

Печёные изделия: хлеб, пироги, лепёшки

В представляемых нами текстах слова **хлеб**, как и **лепёшка**, **пироги** даны с тем же общим значением, что и в Вопроснике Программы ЛАРНГ, но как бы за его кадром находится их смысловое своеобразие по сравнению с подобными словами литературного языка и словами общерусского распространения. Они включают дополнительные семантические компоненты как экспрессивную характеристику таких почти несъедобных ингредиентов обозначаемой реалии – мякина, трава, клевер (пыж), кора и листья деревьев и др., – которые делают эти печёные изделия объектом изучения не только материальной культуры русского народа, но и своеобразными индикаторами его духовного мира. Эти суррогаты печёных изделий явно ненорма питания человека, а отсюда ненорма и его витальности, свидетельство его крайне бедственного состояния.

Слово **лепёшка** широко известно всем носителям русского языка. В костромских говорах оно возможно в разных вариантах и синонимах: **лепёха**, **лепёндра**, **колобушка**, **жымчики**, **вечёрники**, **лепёшки-тра́ники** из тёртой сырой картошки, нередко и мороженной, и др., **лейтенанты** (последнее в военное время в Галиче обозначало изделие из суррогатных заместителей муки). Понятно, что специфика картографирования слова в атласе не предполагает детального отражения его семантической структуры, но тем не менее нам кажется важным рассмотреть эту лексику с избранной нами позиции как названий суррогатных продуктов, поскольку считаем это ярким показателем этнодиалектных особенностей края.

В текстах-рассказах наших деревенских информантов, «детных» женщин-тружениц, оставшихся без мужа, переживших войну и послевоенные недороды, **хлеб**, **пирог** и – чаще – **лепёшка**, основа крестьянского питания, предстают, как мы уже отметили, в своём суррогатном виде как основные маркёры степени благосостояния семьи. Преобладающими растительными составляющими этого суррогата являлись не полноценная зерновая мука (*муки было вумалень*), а, по сути, несъедобные отходы зерновых и технических культур при их обмолоте, то есть остатки сухих головок льна, жмых масляничных культур (**мякина**, **костика**, **кострица**, **колоколёц**, **дуранда**, **кукольник**), кора деревьев, липовый лист, **клеверная мякина**, или **пыж** ‘сухие головки клевера’, и др. Более полноценным, но всё же суррогатом для костромских крестьян являлись лепёшки из картошки, зачастую мороженной и гнилой (**тра́ники**, **жымчики**, **вечёрники**).

Приведём примеры подобных названий (они выделены жирным шрифтом) в записях речи жителей разных районов Костромской области, где диалектное окружение выразительно семантизирует слово в избранном нами ракурсе рассмотрения.

Чухломский район. *Из Шелипнева я. Эта за Марфиным километр. Нас шестера была у матери. Досыта аржанова хлеба не ели. Токо в 48-м ись-та начали, а то фсё клеверную мекину ели.* П. Якша. Записано от Нахомы З.И., 1925 г. р., в 1996 г.

Красносельский район. *Четверо было деток у меня. Ф ступе натолчош, намесиш, испечош – и ись-то нечево. Ели-то колоколец, да колобушки из ево пекли.* Д. Гридино. Записано от Бединой Л.И., 1905 г. р., в 1985 г. *С восходу до заката роботали в поле. Бывало, косим-косим, пообедаем, опеть на роботу... Нонче-то вон чего хош еш, а ранье-то лепёшки ис клеверу делали.* С. Ивановское. Записано от Васильевой Л.Н., 1905 г. р., в 1984 г.

Нерехтский район. *Мы вечером фсё их пекли, што вечерники-то, лепёшки из картошки и закваски.* Д. Путятино. Записано от Ивановой Н. Ф., 1935 г. р., в 2002 г.

Поназыревский район. *В войну пекли картофельные жимчики с мякиной (небольшие лепёшки).* П. Полдневица. Записано от Собровиной Е.Н., 1929 г. р., в 1978 г.

Межевской район. *А в сорок шестом году и во время войны быў голот, ись было нечево. Приходилось ись фсё. И клевер голофки рвали, крапиву сушили и мяли, пекли пироги ис кукольника, или дуранду, ис липового листу пекли лепёшки. Фсе очиски съедали. Из гнилой картошки делали лепёшки-траники. Муки... не видали. Которы с голоду помиралы.* Д. Дубовиха. Записано от Лобановой З.Д., 1927 г. р., в 1997 г. *Жили в деревне бедно, хлеба не хватало – голодали... Мучки было вумалень, приходилось добавлять в тесто то дуранды, то мякины, то куколю. Робят кормила похлёпкой, простоквашей, колобушек на картошках пекла...* С. Георгиевское. Записано от Мусиновой М.Ф., 1921 г. р., в 1996 г.

Кологривский район. *Трудное то было времё, голодофка-то ф сорок первом была. Куколь (мекину от верхушок льна) и ту прибирали и ели. Исступили меўко-меўко куколь в решето, просиёш, мучькой прибавиши и лепёндры пекоши из ево.* Д. Белавино. Записано от Шматовой В.И., 1917 г. р., в 1982 г.

Парфеньевский район. *А в войну-то чижело было... Ну, и жыли плохо. Сичас хлеб-от ис чистой пизничьки, а в войну-ту пыжса напарят, мучьки маленько бросят, да так и ели.* Д. Евдокимово. Записано от Сабуровой А.А., 1901 г. р., в 1989 г. *В вайну ели фсяку сразу: пыжник, калакалец. Тоўкли ачиски. Пыж в малаке плавает наверху и не жуёцца. Калакалец ели, калабушки аржаные, и из картош-*

ки пякли. С. Ильинское. Записано от Целиковой А.Ф., 1917 г. р., в 1995 г.

Похлёбка. Щи

Первые блюда крестьянской пищи, горячие и холодные, могли содержать компоненты из дикорастущих трав или целиком состоять из них. Последнее исключительно в голодные годы: Это **тю́ря, щи с крапивы, или крапíвница, московские рýжжики, холодёнка.** Приведём примеры.

Буйский район. – *Что ели в Буйском районе? – Похлёпку (суп), крапивницу (щи), сальник (мелко порезанные с салом кишки), брюхавицу (рубец), медовуху, свежие огурцы с медом.* Д. Дьяконка. Записано в 1996 г. **Московские рýжжики, так мы называли тюрю из чёрного хлеба с луком с водой и с маслом льяным.** Д. Дьяконово. Записано от Набатовой А.М., 1889 г. р., в 1996 г.

Нерехтский район. *Софья была маленькая, подол обоссанный. «Мам, хоть бы положиыла щей с крапиви!».* Д. Анкудиново. Записано от Морозовой М.П., 1912 г. р., в 1977 г. *В колхозе фсё работала. Серпам раньше жали. Ставила по триццать крестоф ржы, я, голодна, нага, боса. Пойду за овины, наберу крапивы, ей и питаюсь.* С. Татъянино. Записано от Гавриловой А.А., 1897 г. р., в 1982 г.

Макарьевский район. *Поись-то охота, а Павликот маленькой был. А на работе-то сама... фсё, крапиф ф котле парила, да, буде, обраа привезут. Вот и работала бес памяти, а жила-то в баньке.* Д. Юрово. Записано от Ивановой К.И., 1910 г. р., в 1984 г.

Нейский район. *Про нашу жысь-то и говорить неохота... Ели мякину, колоколец-то воровать ходили. Насушым ево в печьке и толкём. А дедушко сходил и променял што-то на колоколец.... Мякину тресли, штобы куля'бок настряпать.* С. Коткишево. Записано от Смирновой А.И., 1908 г. р., в 1989 г.

Кадыйский район. *Нас у матки ишестеро было. Сидим, бывало, шабола к шаболе на печьке. Юрша сказы баяў, а matka-ти ишти варит. Хорошо ишио ишти, а то и холодёнку с хлебом хлебали... Когда у матки молока не стало, тогда Сано помер. Кормить-ти нечем.* Д. Льгово. Записано от Кудряшовой Е.Н., 1915 г. р., в 1896 г.

Упомянем также стоящие за пределами Программы ЛАРНГ дикорастущие травы как предмет питания. Их употребляли в качестве приправы, как самостоятельное блюдо в разных видах, чаще сыром, особенно детьми, и как лечебное средство. Это *хрен, щавель, песты-столбунцы* (полевой хвощ), *кислица, или заячья капуста, калган, дякопий, свинки, матрёшки* и др. Примеров за недостатком места не приводим.

В заключение скажем, что Вопросы Программы ЛАРНГ способствуют изучению неисчерпаемого лексического богатства русских народных говоров, в том

числе и по теме «Народное питание»: в отношении познания разнообразных мотивационных основ номинации слов, их семантической структуры, парадигматических и синтагматических отношений, особенностей функционирования в говоре, и, конечно, в отношении их ареальных и этнодиалектных характеристик. В связи с этим хочется вспомнить имена создателей этого выдающегося лингвогеографического проекта современности, Лексического атласа русских народных говоров, которых уже нет с нами: его инициатора, разработчика Проекта, Программы ЛАРНГ и создателя карт И.А. Попова; его соратников, создававших Программу ЛАРНГ и способствовавших осуществлению проекта, – З. М. Петрову, Ю.С. Азарх, О.Н. Мораховскую, И.А. Лутовинову, А.С. Герда и др. Коллективный труд многих российских вузов по сбору материалов, разработке карт, созданию томов атласа под эгидой ИЛИ РАН и Института славистики РАН продолжается: опубликован Пробный выпуск ЛАРНГ и том «Растительный мир», готов для печати том «Животный мир» I раздела «Природа», идёт работа по подготовке очередных томов атласа. Ежегодно в ИЛИ РАН (Санкт-Петербург) проходят Соповещения участников проекта ЛАРНГ и семинары составителей карт, по материалам которых печатаются, также ежегодно, очередные тома материалов и исследований. Руководили темой проекта ЛАРНГ в разное время И.А. Попов, А.С. Герд, С.А. Мызников. Всё это время, начиная с 80-х гг. прошлого века, бесценно же стратегией и тактикой создания карт ЛАРНГ занимается Т.И. Вендина (см., например, её статьи к Пробному выпуску атласа, где характеризуются теоретические и практические проблемы создания ЛАРНГ: «Предисловие», «Из истории составления атласа» [Вендина 2004: 5–16; Вендина 2004: 16–45]; статью в этом издании написала З.М. Петрова [Петрова 2004].

Список литературы

- Вендина Т.И. Предисловие // Лексический атлас русских народных говоров: Пробный выпуск / отв. ред. И.А. Попов, Т.И. Вендина. СПб.: Наука. С. 5–16.
- Вендина Т.И. Из истории составления атласа // Лексический атлас русских народных говоров: Пробный выпуск / отв. ред. И.А. Попов, Т.И. Вендина. СПб.: Наука. С. 16–25.
- Ганцовская Н.С. Костромское народное слово: Очерки, исследования, эссе, народные рассказы / ред. Т.Г. Гончарова. Кострома: Ред.-изд. сектор Костромской областной думы, 2003. 215 с.
- Ганцовская Н.С. Костромские говоры: учеб. комплекс: в 2 т. / отв. ред. Г.Д. Неганова. Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. Т. 1. С. 32–166.
- Петрова З.М. Об основателе Лексического атласа русских народных говоров И.А. Попове // Лексический атлас русских народных говоров: Пробный выпуск / отв. ред. И.А. Попов, Т.И. Вендина. СПб.: Наука. 303 с.
- Программа ЛАРНГ – Программа собирания сведений для лексического атласа русских народных говоров: в 2 ч. / отв. ред. И.А. Попов. СПб.: Изд. ИЛИ РАН, 1994.
- References**
- Vendina T.I. *Predislovie* [Foreword]. *Leksicheskij atlas russkikh narodnyh govorov: Probnyj vypusk* [Lexical Atlas of Russian folk dialects: Trial issue], ed. by I.A. Popov, T.I. Vendina. St. Petersburg, Nauka Publ., pp. 5–16. (In Russ.)
- Vendina T.I. *Iz istorii sostavleniya atlasa* [From the history of the atlas]. *Leksicheskij atlas russkikh narodnyh govorov: Probnyj vypusk* [Lexical Atlas of Russian folk dialects: Trial issue], ed. by I.A. Popov, T.I. Vendina. St. Petersburg, Nauka Publ., pp. 16–25. (In Russ.)
- Gancovskaya N.S. *Kostromskoe narodnoe slovo: Oчерki, issledovaniya, esse, narodnye rasskazy* [Kostroma folk word: Sketches, studies, essays, folk stories]. Kostroma, Editorial and publ. sector of the Kostroma Regional Duma, 2003, 215 p. (In Russ.)
- Gancovskaya N.S. *Kostromskie govory: uchebnyj kompleks* [Kostroma dialects: textbook]: in 2 vol. Kostroma, KSU Publ., 2018, pp. 32–166. (In Russ.)
- Petrova Z.M. *Ob osnovatele Leksicheskogo atlasa russkikh narodnyh govorov I.A. Popove* [About the founder of the Lexical Atlas of Russian Folk Dialects I.A. Popov]. *Leksicheskij atlas russkikh narodnyh govorov: Probnyj vypusk* [Lexical Atlas of Russian folk dialects. Trial issue], ed. by I.A. Popov, T.I. Vendina. St. Petersburg, Nauka Publ., 303 p. (In Russ.)
- Programma LARNG – Programma sobiraniya svedenij dlya leksicheskogo atlasa russkikh narodnyh govorov*: in 2 vols. [LARND Program – Program for collecting information for the lexical atlas of Russian folk dialects], ed. by I.A. Popov, St. Petersburg, Publishing house ILI RAN, 1994. (In Russ.)
- Статья поступила в редакцию 19.01.2022; одобрена после рецензирования 30.01.2022; принята к публикации 09.02.2022.*
- The article was submitted 19.01.2022; approved after reviewing 30.01.2022; accepted for publication 09.02.2022.*

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 143–149. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 143–149. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 811.161.1'28

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-143-149>

ОПИСАНИЕ КРЕСТЬЯНСКОГО ЖИЛИЩА В БОРБУШИНСКОМ ГОВОРЕ

Ильина Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор, Вологодский государственный университет, Вологда, Россия, filfak@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1797-8959>

Аннотация. Статья посвящена описанию крестьянского жилища как основы материальной культуры в картине мира жителей Белозерья. Материалом для исследования служат записи речи жителей д. Борбушино Кирилловского района Вологодской области, полученные автором данной статьи в процессе бесед по программе «Лексического атласа русских народных говоров» в диалектологических экспедициях 1988–2021 годов. Предметом анализа данной работы являются общие названия пространства, на котором располагались хозяйственные постройки и посевы одной крестьянской семьи, жилищная постройка и её части, приспособления и мебель, печное отопление, хозяйственные постройки, культовые сооружения в самом населённом пункте и в его окрестностях, scrupulously точно и вместе с тем с элементами самоанализа поданные в рассказах местных жителей, что также может дать представление и об особенностях духовного мира, о понятиях «свой» и «чужой» крестьянства Русского Севера. Сведения о лексике крестьянского жилища, полученные в ходе бесед с жителями изучаемой местности, систематизируются на основе изучения подобной темы в современной региональной лингвистике сводной системы русских диалектов, а также говоров отдельных территорий. Делается вывод о том, что изменение характера трудовой деятельности жителей деревни неизбежно повлекло за собой реструктурирование пространства как деревни в целом, так и отдельной крестьянской усадьбы.

Ключевые слова: русская диалектология, севернорусские говоры, диалектная языковая картина мира.

Для цитирования: Ильина Е.Н. Описание крестьянского жилища в борбушинском говоре // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 143–149. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-143-149>

Research Article

DESCRIPTION OF A PEASANT ABODE IN THE PATOIS OF THE HAMLET OF BORBUSHINO

Elena N. Ilyina, Doctor of Philological Sciences, Professor, Vologda State University, Vologda, Russia, filfak@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1797-8959>

Abstract. The article focuses on the description of the rustic dwelling as the basis of material culture in the world view of the inhabitants of Lake Beloye (White Lake) surroundings. Recordings of speech of residents of the hamlet of Borbushino of Kirillov district of Vologda Region serves as research material. Those were obtained by this paper's author in the course of conversations on the programme «Lexical Atlas of the Russian Folkish Patois» in the dialectological expeditions of 1988–2021. The subject of the analysis of this paper includes the common names of the space where household outbuildings and crops of one peasant family were located; as well as the living quarters and their parts, fixtures and fittings, stove heating, household outbuildings, religious buildings in the settlement itself and in its surroundings; all mentioned in folkish stories scrupulously precise and yet with elements of self-analysis; that can also give an idea of the features of spiritual world, identification «friend or foe» of the north Russian peasants. Information on the peasant dwelling vocabulary obtained through conversations with the inhabitants of the study area, is systematised on the basis of a similar theme in modern regional linguistics of the consolidated system of Russian dialects, as well as patois of separate territories. The conclusion was made that the change of the character of the villagers' labour activity had inevitably entailed the restructuring of the space of both rural Russia as a whole and an individual peasant homestead.

Keywords: Russian dialectology, Northern Russian patois, dialectal linguistic worldview.

For citation: Ilyina E.N. Description of a peasant dwelling in the Borbushin dialect. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 143–149 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-143-149>

«Свой» мир, обжитое пространство диалектоносителя, давно и весьма активно изучается в современной региональной лингвистике на материале сводной системы русских диалектов [Гольдин 1967; Волкова, Орлова 1998; Забродкина 2008; др.], а также говоров отдельных территорий [Андреев 2000; Брысина 2006; Житникова 2006; Баженова 2008; Невский 2008; Журавская 2009; Недоступова 2015; Андреева 2020; др.]. В данной статье мы систематизируем сведения, полученные о крестьянском жилище в беседах с жителями одного из типичных сельских поселений Русского Севера – деревни Борбушино Кирилловского района Вологодской области. Логика описания лексикой крестьянского жилища обусловлена структурой соответствующего раздела программы «Лексическое атласа русских народных говоров».

Общие названия. Пространство, на котором располагались хозяйственные постройки и посеы одной крестьянской семьи, именуется в говоре словами *земля* (*Ёйну зёмлю не бо́льно разбежа́лисё поку́пать – худая у иё земля, не на хорóшом мистё*), *надёл* (*И́хний надёл не́кому обраба́тывать, дак вон Ю́рка кро́ликам ко́сит*) и *уса́дьба* (*Своёй уса́дьбы давно́ уж не́ту, у до́чери живёт*). Последнее из этих слов называет также земельный надел, используемый для выращивания овощей и злаков (*У Тамáрки возле до́ма не бо́льно ме́ста-то, ёйна́я уса́дьба вон за ручьём*). Ряды домов, расположенные вдоль улицы, называются словами *ряд* (*По ря́ду-то ихнему то́лько вон Ка́тин дом да Льво́внина изба́ розва́лена оста́лась*) и *поря́док* (*По́ все́му поря́дку пройду́ – у Гри́бовых, по́й, са́мый но́вый пята́стёнок*). Открытое пространство непосредственно перед домом информанты называют словами *проу́лок* (*В девяно́стыё́ и́сти сажа́ли вездé, вон Ко́ля мне да́же проу́лок распахáл*) и *зау́лок* (*Смотрю́ – таи́цит с до́роги жерди́ну-то в свой зау́лок. Ай, ты, – говорю́, – блу́дня, шесто́й ты па́лѣц!*). Основными названиями жилых построек служат слова *дом* (*Дом свой Мари́нка сколь лет не мо́гут прода́ть*) и *изба́* (*В избу́-то иди́тё, де́вки, тут и кома́ров не́ту, и посиди́м*). Территория деревни была обнесена забором из жердей (*В дере́вню про́сто так не зайдёшь, огора́живались. Жерди́ны в пря́сла со́браны*). В этой изгороди имелись разборные звенья, *заво́ры* (*Заво́рину отвира́ли, как прое́хать-то на́до*), а также ставился *отвод*, представлявший собой некое подобие ворот (*Отвод, кали́тка така́я бо́льшая, у на́шего до́ма был отвод. Ёдет кто, дак ходи́ли открыва́ть*). Был обнесён изгородью и *выгон* – участок луга и леса, на котором пасся деревенский скот (*В выгона́х коро́ушек пасли́, это топе́рь не́тутко ни одной, а ра́ньше с ка́жного до́му, да не по одной коро́ушке пасло́сё*).

Жилая постройка и её части. Всё жилое пространство крестьянского дома делилось на летнюю

избу – *пята́стёнок* (*Ёйный пята́стёнок изгнил, вон уж из-за кра́пивы не вида́ть*), *летник* (*В ле́тниках дак ле́том жи́ли, это вот приде́лыши-то вся́кие, боко-ву́ши*) – и зимнюю избу, *зимовку* (*Где у Га́ли кры́жовник поса́жен, дак зимовка на́ша была́, давно́ уж Ко́ля слома́л*). Внутреннюю форму слова *пята́стёнок* информанты объясняют наличием внутри строения, кроме внешних капитальных бревенчатых стен, пятой, разделяющей жилое помещение и хозяйственное, *двор* (*Пята́стёнок – вот сруб, смотри́, четы́ре стены́, да пя́тая, на мосту́*). Перегородки внутри жилой части избы называются словом *забо́рка* (*Забо́рки поста́влены: вот умыва́льник в углу́, дак забо́рка поста́влена, да ишио́ забо́рки та́мо, в горéнку иди́шь, а там ишио́ забо́рка, ишио́ ко́мнатка*). На территории деревни сохранились исключительно одноэтажные односрубные постройки с подвальным помещением, покрытые двухскатной крышей и отапливаемые русской печью, имеющей дымоход. Из временных построек информанты вспоминают *шалаи́* (*Сала́и ёйный всё ле́то стоéл*), *землянку* (*Привезли́ на́ших окула́ченных – ниче́го-то не́ту, дак в земля́нках и жи́ли*) и *лабаз* (*Лабазá охóтники де́лают, на дере́ве, чтоб зве́рь не чу́л*). Входные двери во время долгого отсутствия хозяев запирались навесными замками, внутренние двери закрывались с помощью деревянных приспособлений (*запи́рки, вы́шки, кля́пыши*). Достаточно часто знаком отсутствия хозяев в доме становилась поставленная по диагонали в дверном проёме небольшая палочка или две, перекрещивающие пространство входа: *Закре́щюно́, дак не ходя́т, бато́г поста́вили, закрести́ли, и в огоро́д*.

Внутренние помещения дома делятся на жилую часть, *перёд* (*Перёд у нас выхо́дил к отводу́, тут край дере́вни был, а да́льше по́ле*) и хозяйственную часть, *зад* или *двор* (*Спéреди-то перёд, потом мост, как захо́дишь-то, а да́льше зад, да́льше дво́ры*). Внутри *жилого* помещения выделяются *кухня* (*Га́ля у меня́ тут всё наруши́ла, ку́хня ту́та была́, а они́, как до́м-то подруба́ли, перело́жили пе́чку устьём-то тудá. «Не хо́чу, – говори́т, – в твоёй-то ку́хне живо́пёрке, тесни́ться!»*), *горница* с передним углом, в котором вешались иконы, фотографии и пр. (*Иди́-ко, де́вка, в го́рницу-то, посиди́м-ко по-чере́дному!*), комната в средней части дома, расположенная за некапитальной стеной, *серёдня* (*Где спят за забо́ркой, серёдня-то*). Отдельными словами именуется *коридор*, пространство между жилой и хозяйственной частью (*Ёйна ко́шка-то, блу́дня, с крыле́чка да на мост, да и, смотри́, в го́рницу ко мне ла́дит, сотона́!*), *крыльцо* (*Клю́ч-то и улетéл под крыле́цо, дак ё́ле Колю́шка наи́ёл*), *веранда* (*У меня́ крыле́чко, а у Дми́тревны вон це́лая веранда, они трóе в ёй сидя́т – не те́сно!*), чердачное помещение, *вы́шка* (*На вы́шку-то слазь, че́о там с трубо́й-то?*), а также *мезонин*, жилое поме-

щение в чердачной части дома (*Мизонин – комната на вышке есть, живут там*). В *хозяйственной* части дома также именуются отдельные помещения – вверху расположены *клити*, предназначенные для размещения продуктов и вещей (*Клить запирается, тут вон еда, а тамотко тряпки разные ложу*) и сеновал (*Колья на сеновале качулю придёлал, верёвку перекинул, а сиденье пластмассовое*) и др.; в нижней части – помещения для крупного и мелкого скота и птицы (*Вот тутта во двор лестница была, заделали, как дворы-те отломали. Корбушка стоёла, а там вон стайка, там овцы, телёночек стоёл*).

Приспособления и мебель. Среди различного рода приспособлений и предметов мебели информанты называют *полати* (*Чёб и не диялосё на полатях-то! И спали, и лук сушили, и труньё вон у меня топёрь всякоё лёжйт*), *лавки* (*Стульё уж после войны купили, а так дак всё лавки*), приспособления для хранения вещей (*Ну, посудник вон, под калабахи, грядка – тряпье виситсё, Колья вон ещё блюдник сдёлал, да полукамод купили, как переехали*), столы (*Столóв у нас четырё: в горнице, в той вон комнате, на кухне, да ишио в клити, небольшенькёй. Да ещё столик экой ставят, угловичок, три уголка, телевизор поставить*), предметы мебели, предназначенные для сна (*Диван вон Вёнюшкин, а у меня кровать за забóрккой*) и для хранения продуктов и вещей (*Сахар в камóде держу. На кухне горка, ишио буфёт говорят, слышала, а у нас горка. Полукамод под труньё да шафанёр*). В нескольких деревенских домах сохранился *гóлбец* – пристройка к печи, внутри которой находился вход в подполье (*Подполье – это подвал, вход в избё, мо́жет на кухне вход быть возле пёчки. У пёчки чтобы не делат ступёньки, гóбец был, вход в подполье у пёчки, с гóбца на пёчку*).

Печное отопление. Помещения крестьянского дома отапливались печами – основной, *русской* (*Русская пёчка, большая, как без неё?*), и дополнительно пристраиваемых к ней печей меньшего размера (*Столбянка – это метр восемьдесят высотой-то будет, она согреет, она и сварит, плита в её врезана. Маленькая пёчка, варить можно чигунки маленькие, всяко можно на столбянке. Столбóм слóжена. Поди да теплушку затопи, да пёчка это маленькая*). Пространство с различных сторон русской печи имело свои названия: *кутний* угол (*В кути, в кутнем углу во́жкаессё с едой-то*), *запечек* (*В запечек дак зимой сапоги ложили сушить*) и др. Особые названия информанты используют также для различных составляющих русской печи – основания (*Пёчка на ём стоит, из кирпича или из дёрева срёзы. Делали деревянные опёчки, а потом ложат печь. Пёчка сначала с подполья рубят, выводят его с подполья-то, на полу опёчек делают, а на ём и пёчку*), выступов и углублений в на-

ружных стенках печи (*Заха́бчик спёреди делали, где устье, спички класти, углубление это. Делают пёчку, под соиток выкладывают подтопок, угольё спёхи-вают. Печурка – это где носки сушат, сбоку пёчки были. Печурочка, это где спички хранятся, носки сушат, сбоку пёчки были. Брóвка-то идёт по всей пёчке, кирпичи высóвываются в три ряда, один, ещё один, для красоты. Самоварник-то – отверстие в пёчке, куды трубу от самовара-то выводили в общую трубу. Отдушина есть, куда ставят самовар. Отверстие выходит в общую трубу в печи, отдельное отверстие), горизонтальной поверхности сверху печи (*Зимой-то больно хорошо: на лежанку заберёшься, согреешься. Залезешь на пёчку, сразу на лежанку, а потом уж на самое горячее место*), а также находящихся возле нее деревянных приспособлений (*На прилавках дак мы ещё спали, в две доски шириной. Сбоку, ступеньки у пёчки, широкой такой, на пёчку залезают. Говорят: на гóбец-то забирайся. Чтоб лучше лазать на пёчку, приступочек делали. Сначала на подполье, потом на печурки, а там на пёчку, всё это приступок*). Детализируется также внутреннее устройство печи – система движения воздуха (*Шесток, а вот сверху-то, закрыть-то вот надо, чтобы дым не шёл, это вот кожух и есть. Неправильно будет топить печь, дак вся пёчка испачкается, весь кожух в саже будет. Там весь туда дым идёт, а потом он идёт в трубу, вот это кожух, его веником чистить надо часто. Это когда идёт кверху дым, труба сдёлана, вот этот дымоход и есть, кверху труба. Вьюшку открыть надо, чтобы воздух-то шёл, а то весь дым в избу напускаешь. Труба на вышке выкладена, с этого бóрова труба на крышу и выводит. Бóров – это труба, она идёт в князёк, меньше такую трубу дожжём мочит, по чердаку идёт на князёк. Ставок – да это труба железная на крыше*) и отдельные составляющие печи, актуализирующиеся во время её топки и термической обработки пищи (*Соиток – это вон тут, бабки чигуны ставят ухватами. Этта, перед устьём. Под дак в пёчке большой, на котóром пироги пекут, дрова кладут. Сверху как крыша-то у пёчки. Вот под, а потом там свод, чтоб – огонь там жжётся – тепло держалось. Поддувало у маленьких пёчек было, чтобы лучше растопилось, это маленькая дырка внизу у пёчки под двёркой. На плите готовят и суп, и всё. На плите дак две конфórки, дак вот на конфórках-то по три кружка на каждой. У нас три кружка: то большой, то маленькие, разные. Чигунки ставили на них на пёчку. У пёчки двёрка, ручка, чтоб открыть пёчку, закрыть пёчку. Устье закрывали, из железа делали заслонки-то. В пёчке загребём угольё в один угол. Ой, угарную загнёту, сколько оставили, угореть можно!). Печь, являясь, по мнению Г.В. Киселевой, элементом не только материальной, но и духов-**

ной культуры [Киселева 1998], фигурирует в многочисленных устных рассказах информантов: она, как мать, и накормит, и обогреет, и не даст пропасть семье в лихое время (*Ну-ко, пёчка-матушка, давай-ко разгорайся! Приезжаю из города-то, дак перво-наперво пёчку топлю. Без пёчки дак я тута сгину! Павлушке Николай дом без пёчки сдёлал, вон самой-то послёдней под горкой, железом закрытый. А какой дом без пёчки-то? Приезжает Павлуха, может, раз годок в пять, окупнётся в озере, и поминай как звали! Нету пёчки, дак как дача*). Современные печи, сложенные из красного кирпича, информанты сравнивают с глинобитными печами (*Полубитые печи раньше были из кирпича битого с глиной наделаны*), а также с печами, сложенными из камней (*В бане дак дровами топили, каменку из камня делали*).

Хозяйственные постройки. Информанты дифференцируют отдельные помещения для содержания лошадей (*Конюшня всегда отдельно была, с коровам кони не стоили*), пчел (*Ульи Коля Корягин держит и по сю пору, пять, поди, домиков*), собак (*Дамка жила у нас в конуре. А Жучке дак я конуры не делал – в дровянике живёт*) и кроликов (*Люба кроликов держит, для их сарай Юрка сдёлал, клеток наставил*). В непосредственной близости от дома располагаются помещения для хранения дров и хозяйственного инвентаря (*У Маринки под домом сарайка. А у нас вон в дровянике все инструменты сложены*), колодцы (*У нас в огороде колодец, у Грибовых колодец с цепью был, а у Кати журавель, на жердину ведро цепляли*) и погреба для хранения овощей (*Нинка не стала издить, дак ейный погреб Зина Корягина взяла*). Из коллективных хозяйственных построек жители деревни упоминают помещения для обработки и хранения зерна (*Вот где Павлушкин дом стоит, дак овин был, мы с дедушкой туда ночевать ходили, когда наша очередь выпадала печь топить. По амбарам кукурузу насыпали – а толку-то с неё?*), строения существовавших ранее возле деревни молочной фермы и маслозавода (*Новую-то ферму молдавана строили, шабашники. Маслобойня была, дедушко Проконий работал на ней*), помещения для хранения сельскохозяйственной техники (*Мастерские были, гараж – всё нарушилось!*).

Баня. В отличие от других построек семейного пользования бани располагались около водоемов (*Наша-то баня не больно на месте, дак у самого-то озера уж не втолчессе, и так вон понаставили*). Информанты положительно оценивают постройку бани по всем правилам плотницкого дела (*Дедко твой Вася бань этих оклал не одну сотню, поди, дело своё знал, дак по сию вон пору стоит банька-то!*), возможность комфортного размещения в ней человека (*У их не баня, а живописька: хоть на карачках мойсе!*), опрятность внутреннего

убранства (*Не баня, а хлев! Тута у их всякого жита по лопате, вот что за хозяйва-ти непутные?*), отсутствие недостатка в наличии дров, воды и банных принадлежностей (*В бане своя полынница сложена, как без дров-то! Воды два котла да в ведрах – куды как добро! Приехала весной, а на полке-то мышьиные говна, и мыло всё сожрали, не одну печатку! Чем хошь топёрь, тем и мойсе!*). Как излишества нового времени называются электрическое освещение (*Дмитриевна как баронь мётся – лампочка в бане горит, а мы по-старопрежнему, с фонарём, со свечкам*), подача воды с помощью электрического насоса и установка современных стиральных машин: *У нас чео: корыто вон да доска стиральная! А топёре понаставили машин – тут тебе и воду подвели с копанца, и само стираёт! Вот чео бабам топёре не жись, а? Нам посчастливилось зафиксировать достаточно подробное описание устройства и функционирования бани по-черному со слов Анны Алексеевны Шабровой (1911 г. р.): «Наша баня, первая, пониже была, тоже чёрная, без трубы топилась. Сгнила, дак дедко Василий приезжал, да Николай Девятилов с ним, да Коля наш – за одно лето баню оклали. Дверь на запирку закрывается. Ключ вон на зелёном тряпочке висит, у умывальника, за заборкой. Предбанник так-то большевский, двое дак раздёнутся, и трое, если не больно толстые. Сбоку вешалка под одежду, с крючками, а дальше дак ложу дрова, и ванна, стирать, лежат. Лавка, тут вон ведра и лейки, за водой ходит. Над предбанником не надо потолка, почто? А над мыльным-то местом потолок. Да над ним всё именье сложено: и чунки, и корыто, смотри, и грабли не одни лежат, всякого места насовано. Мыться, дак двери открывай, там каменка. Специально камни собирали, чтобы синих камней не было, от них угар может быть. Котёл вот тут большой. Его полным наливают, когда топят, да ещё подливают, если вода выкипает, а то разорвёт. И на зиму его с водой не оставляй – тоже разорвать может, а потом где котёл взять, да кто менять будет? На камни поддавали, чтобы жар был. Я-то не больно парюсь, а кто любит, дак наподдают – не видать и человек в бане, один пар! На полке, тут, друг друга и хлещут, веников, берёзы наломают, чистушки, да навьют. От дверей вон жердина до окошка невешана, грядка, переодёжу складывать. Тазы вон, на лавку ставь да мойся. Вехотки разные, я дак люблю старые, они больно хорошо трут. Ольга навезла вехоток-то новомодных, а мне дак не больно нравятся. Ковшик вон, вода в баках наношена, в этот котёл дак из большого котла отливаю. Топить, дак открой тута-то вьюшку, окошко в потолок, дым чтобы выходил, да через дверь тоже выходит, не задохнись – топить-то не больно просто!*

Ну, ишшо гадáли в бáне, бáбы рáньше в бáне рожáли, грéлись, подíи, когдá кто заболéет. Идéшь в бáню, дак скажíи: «Бáтюшко-бáвнушко, пусти в тéплую бáнюшку помýться да кóсточку погрéть!». А помóешься, дак бáвнушку нáдо тóже сказáть: «Спасíбо, бáтюшко-бáвнушко, за тéплую бáнюшку, за хорóший жар да пар!». Чегó в бáне нельзá дéлать? А матюкáться тут нé по что, и сíкать на пол не полóжено: в убóрную сходи, а потóm мóйся! И в грязную не ходят: натóпят, дак всё обмóют, и предбáнник, и úгольё приберут, да вýстоится пýтнё, потóm и иди. Бáню у реки полóжено стáвить, вон у Тамáры Стру́ничевой на хорóшом мéсте бáня сто́ит, у нас уж с Шúрой, Дмíтриевой, подáльше, носíть вóду, дак рúки оттéнёшь. А Валéрка вон, беспризóрник, на Клáшином ручьё по кóй-то лéшой бáню постáвил, ктó в лесу-то бáню дéлаат?». Этот рассказ даёт возможность не только уяснить логику строительства, внутреннего устройства и использования бани, но и понять её пограничное положение между «своим» и «чужим» пространством в диалектной языковой картине мира [Вахрос 1963; Байбурин 1988; Лённгрен 1993; др.].

Культовые сооружения. Деревня Борбушино расположена на относительно небольшом расстоянии от Кирилло-Белозерского, Горлицкого и Ферапонтовского монастырей, поэтому информанты часто вспоминают объекты, связанные с их внешним видом, историей и культурным влиянием: *У нас в гóрод сойдéшь, дак монастырь огромéнный – вíдели? На Фарафóнтово робята в шкóлу ходíли, шкóла бýла, в монастырё. Из Горíц монáшину когдý росстрелéли, дак с ёй нáшего какóго-то рóдственника тóже, уж не помню, кем он тяте нáшому был. Нáша цéрковь бýла Ильи Прорóка на Цытине, она к Ферафóнтову принадлежáла, дак у нас по ёй прáздник глáвный – Ильин день, втóрого áвгуста.* Из культовых строений на территории деревни до середины XX века стояла часовня (*Вóзле Грíши Корягина часóвенка бýла. Брёвна толстыё, дверь дубóвая, кýпол железом крытый. Кóля Маркéлов, пьяный, её тра́ктором скovyрну́л. Грíша потóm кýпол-то убрáл, сарáйку сдéлал*). Чаще всего информанты упоминают Покровскую церковь под Кирилловом и Ильинскую церковь на Цыпиной горе, так как возле них похоронено большинство односельчан: *У Покрóва бáушка лежít, с этой стороны, а прабáушка Анна возле сáмой цéрквы, а подáльше дак все дымковские, брáтская могила. В подклéте Ильинской-то цéрквы дéдушков брат Ивáн похорóнен, ребёнком пóмер.* Сохранилась традиция Ильинских гуляний, активно поддерживаемая в последние десятилетия администрацией Кирилловского района и Ферапонтовского сельского поселения: *К Ильинá дню все борбуш́инские, плáхинские, белоусовские, кто живóй, дак на Цытину приходят,*

к цéрквы, сво́их помяну́ть, да повстречáться, да узнáть, кто ещё жив.

Подводя итоги описания лексики тематического раздела «Крестьянское жилище», можно сделать вывод о том, что изменение характера трудовой деятельности жителей деревни неизбежно повлекло за собой переструктурирование пространства как деревни в целом, так и отдельной крестьянской усадьбы. Уменьшилось количество хозяйственных построек, современные жители деревни уже не вполне отчетливо дифференцируют их назначение. Наши наблюдения в этой сфере вполне соотносятся с выводами исследователей, характеризующих лексику крестьянского жилища в славянских языках [Бломквист 1956; Нидерле 2000; др.] и в различных территориальных диалектах.

Список литературы

- Андреев В.К. Названия подвальных помещений в псковских говорах // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования, 1997. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2000. С. 109–113.
- Андреева Е.П. Наименования хозяйственных помещений и надворных построек в тотемских говорах: этнолингвистический аспект // Русский Север – 2020: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия: сб. материалов науч. конф. Вологда: ВоГУ, 2020. С. 107–113.
- Баженова Т.Е. Некоторые особенности наименований хозяйственных построек (помещений для скота) в самарских говорах // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования, 2008. Санкт-Петербург: Наука, 2008. С. 163–170.
- Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян: монография. Ленинград: Наука, Ленинград. отд., 1983. 188 с.
- Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белоруссов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белоруссов в XIX – начале XX в. Москва: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 31. С. 134–457.
- Брысина Е.В. Усадьба и приусадебное хозяйство в лексике донских говоров // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования, 2006. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2006. С. 190–196.
- Вахрос И.С. К истории бани в свете ее наименований в славянских языках // Scando-Slavica. 1963. Т. 9. С. 153–168.
- Волкова Н.А., Орлова С.А. Лексические соответствия в ЛСГ «Крестьянское жилище» // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования, 1995. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 1998. С. 138–139.

Гольдин В.Е. К вопросу о структурно-семантических различиях в диалектной лексике (на материале названий построек и их частей в русских говорах): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 1967. 20 с.

Житникова М.Л. Дом как базовое понятие народного мировидения (лингвокультурологический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск: Томский гос. ун-т, 2006. 28 с.

Журавская О.С. Лексика, репрезентирующая постройки и их части в говорах Среднего Урала: структурно-семантический, ономазиологический, лексикографический и лингвогеографический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2009. 24 с.

Забродкина Е.А. Семантическое поле 'дом' в русских народных говорах: дис. ... канд. филол. наук. Арзамас: Арзамасский гос. пед. ун-т, 2008. 449 с.

Киселева Г.В. Русская печь как явление духовной культуры // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования, 1995. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 1998. С. 73–77.

Лёнгрен Т. Слово баня и его производные в русском литературном языке и в народных говорах // Scando-Slavica. 1993. Т. 39. С. 128–148.

Невский С.А. К истории лексики крестьянского строительства в русских говорах Карелии // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования, 2008. Санкт-Петербург: Наука, 2008. С. 155–159.

Недоступова Л.В. Наименования крестьянского жилища в говоре поселка Высокого Таловского района Воронежской области // Диалектологический альманах. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2015. Вып. 2. С. 35–41.

Нидерле Л. Славянские древности. Москва: Алетайа, 2000. 592 с.

References

Andreev V.K. *Nazvanija podval'nyh pomeshhenij v pskovskih govorah* [Names of basements in Pskov dialects]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnyh govorov: Materialy i issledovanija*, 1997 [Lexical atlas of Russian folk dialects: Materials and research, 1997]. St. Petersburg, ILI RAN Publ., 2000, pp. 109–113. (In Russ.)

Andreeva E.P. *Naimenovanija hozjajstvennyh pomeshhenij i nadvornyyh postroek v totemskih govorah: jetnolingvisticheskiy aspekt* [Names of utility rooms and outbuildings in Totemsky dialects: ethnolinguistic aspect]. *Russkij Sever – 2020: problemy izuchenija i sohraneniya istoriko-kul'turnogo nasledija: sbornik materialov nauchnoj konferencii* [Russian North – 2020: problems of studying and preserving historical and cultural heritage: collection of materials of scientific conference]. Vologda, VoGU Publ., 2020, pp. 107–113. (In Russ.)

Bazhenova T.E. *Nekotorye osobennosti naimenovanij hozjajstvennyh postroek (pomeshhenij dlja skota) v samarskikh govorah* [Some features of the names of outbuildings (premises for livestock) in the Samara dialects]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnyh govorov: Materialy i issledovanija*, 2008 [Lexical atlas of Russian folk dialects: Materials and research, 2008]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2008, pp. 163–170. (In Russ.)

Bajburin A.K. *Zhilishhe v obrjadah i predstavlenijah vostochnyyh slavjan: monografija* [Dwelling in the rituals and representations of the Eastern Slavs: a monograph]. Leningrad, Nauka Publ., 1983, 188 p. (In Russ.)

Blomkvist E.Je. *Krest'janskie postrojki russkikh, ukraincev i belorussov (poselenija, zhilishha i hozjajstvennye stroenija)* [Peasant buildings of Russians, Ukrainians and Belarusians (settlements, dwellings and household buildings)]. *Vostochnoslavjanskiy jetnograficheskiy sbornik. Oчерki narodnoj material'noj kul'tury russkikh, ukraincev i belorussov v XIX – nachale XX v.* [East Slavic ethnographic collection. Essays on the folk material culture of Russians, Ukrainians and Belarusians in the 19th - early 20th centuries]. Moscow, AN SSSR Publ., 1956, vol. 31, pp. 134–457. (In Russ.)

Brykina E.V. *Usad'ba i priusadebnoe hozjajstvo v leksike donskikh govorov* [Manor and household plots in the vocabulary of the Don dialects]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnyh govorov: Materialy i issledovanija*, 2006 [Lexical atlas of Russian folk dialects: Materials and research, 2006]. St. Petersburg, ILI RAN Publ., 2006, pp. 190–196. (In Russ.)

Vahros I.S. *K istorii bani v svete ee naimenovanij v slavjanskikh jazykah* [On the history of the bath in the light of its names in the Slavic languages]. *Scando-Slavica*, 1963, vol. 9, pp. 153–168. (In Russ.)

Volkova N.A., Orlova S.A. *Leksicheskie sootvetstviya v LSG "Krest'janskoe zhilishhe"* [Lexical correspondences in LSG "Peasant dwelling"]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnyh govorov: Materialy i issledovanija*, 1995 [Lexical atlas of Russian folk dialects: Materials and research, 1995]. St. Petersburg, ILI RAN Publ., 1998, pp. 138–139. (In Russ.)

Gol'din V.E. *K voprosu o strukturno-semanticheskikh razlichijah v dialektnoj leksike (na materiale nazvanij postroek i ih chastej v russkikh govorah): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [On the issue of structural and semantic differences in dialect vocabulary (on the basis of the names of buildings and their parts in Russian dialects): DSc thesis, summary]. Saratov, 1967, 20 p. (In Russ.)

Zhitnikova M.L. *Dom kak bazovoe ponjatije narodnogo mirovideniya (lingvokul'turologicheskii aspekt): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [House as a basic concept of the people's worldview (linguoculturological aspect): DSc thesis, summary]. Tomsk, 2006, 28 p. (In Russ.)

Zhuravskaja O.S. *Leksika, reprezentirujushhaja postrojki i ih chasti v govorah Srednego Urala: strukturno-*

semanticheskij, onomasiologicheskij, leksikograficheskij i lingvogeograficheskij aspekty: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Vocabulary representing buildings and their parts in the dialects of the Middle Urals: structural-semantic, onomasiological, lexicographic and linguo-geographical aspects: DSc thesis]. Ekaterinburg, 2009, 24 p. (In Russ.)

Zabrodkina E.A. *Semanticheskoe pole 'dom' v russkikh narodnyh govorah: dis. ... kand. filol. nauk* [Semantic field 'house' in Russian folk dialects: DSc thesis]. Arzamas, 2008, 449 p. (In Russ.)

Kiseleva G.V. *Russkaja pech' kak javlenie duhovnoj kul'tury* [Russian stove as a phenomenon of spiritual culture]. *Leksicheskij atlas russkikh narodnyh govorov: Materialy i issledovanija, 1995* [Lexical atlas of Russian folk dialects: Materials and research, 1995]. St. Petersburg, ILI RAN Publ., 1998, pp. 73–77. (In Russ.)

Ljonngren T. *Slovo banja i ego proizvodnye v russkom literaturnom jazyke i v narodnyh govorah* [The word bath and its derivatives in the Russian literary language and in folk dialects]. *Scando-Slavica*, 1993, vol. 39 pp. 128–148. (In Russ.)

Nevskij S.A. *K istorii leksiki krest'janskogo stroitel'stva v russkikh govorah Karelii* [On the history of the

vocabulary of peasant construction in the Russian dialects of Karelia]. *Leksicheskij atlas russkikh narodnyh govorov: Materialy i issledovanija, 2008* [Lexical atlas of Russian folk dialects: Materials and research, 2008]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2008, pp. 155–159. (In Russ.)

Nedostupova L.V. *Naimenovanija krest'janskogo zhi-shiha v govore poselka Vysokogo Talovskogo rajona Voronezhskoj oblasti* [Names of a peasant dwelling in the dialect of the village of Vysokoye Talovsky district of the Voronezh region]. *Dialektologicheskij al'manah* [Dialectological almanac]. Voronezh, Voronezhskij gos. un-t Publ., 2015, vol. 2, pp. 35–41. (In Russ.)

Niderle L. *Slavjanskije drevnosti* [Slavic antiquities]. Moscow, Aletaja Publ., 2000, 592 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 13.12.2021; одобрена после рецензирования 19.01.2022; принята к публикации 09.02.2022.

The article was submitted 13.12.2021; approved after reviewing 19.01.2022; accepted for publication 09.02.2022.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА КАК ОСНОВА ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА: ЖАНР СТИХОФРАЗЫ

Попова Анна Ростиславовна, доктор филологических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Орёл, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-8228-2755>, Studioaa2001@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена лингвистическому описанию жанра стихофразы, включающего в себя такие стихотворные тексты с заглавием-фразеологизмом, которые раскрывают информационный потенциал последнего и обнаруживают связи разных уровней языка с компонентным составом своего фразеологического заглавия. Текст-стихофраза рассматривается как реализация одного из векторов креативного потенциала фразеологизма. Такой текст наследует и преобразует денотативные, коннотативные, сочетаемостные, стилистические, культурологические и иные особенности базовой фразеологической единицы. В статье описываются существенные признаки фразеологической единицы, способствующие созданию на её базе поэтического текста: экстралингвистические, системно-языковые и внутренние, присущие конкретным фразеологизмам. Анализируются примеры реализаций креативного потенциала фразеологизма – авторские тексты (на данный момент существует более пятидесяти произведений данного нового жанра). Демонстрируется, каким образом в стихофразе, базирующейся на общепринятом, культурно освоенном значении фразеологизма во всём богатстве его макро- и микрокомпонентов, раскрываются и общеязыковое, типичное, и индивидуальное, субъективное, начала. В статье выявляется связь глобальных свойств русской фразеологии – антропоцентризма и антропометризма – с реализацией креативного потенциала фразеологизма в лирическом либо лироэпическом тексте жанра стихофразы. Устанавливается лингвистический и содержательный статус фразеологизма в поэтическом тексте-стихофразе, где фразеологизм играет доминирующую – жанрообразующую и текстообразующую – роль.

Ключевые слова: фразеологическая единица, компонент фразеологизма, жанр стихофразы, креативный потенциал, семантика, поэтический текст.

Для цитирования: Попова А.Р. Фразеологическая единица как основа поэтического текста: жанр стихофразы // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 150–156. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-150-156>

Research Article

PHRASEOLOGICAL ITEM AS THE BASIS OF A POETIC TEXT: THE GENRE OF POEMPHRASE

Anna R. Popova, Doctor of Philological Sciences, Turgenev Oryol State University, Oryol, Russia, <https://orcid.org/0000-0001-5342-7305>, mosalevagv@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the linguistic description of the genre of poemphrase including such poetic texts with a title phraseologism which reveal its informational potential and demonstrate the connections of different levels of language with the component composition of its phraseological title. The poem phrase text is considered as the realisation of one of the vectors of the phraseologism creative potential. Such text inherits and transforms denotative, connotative, combinable, stylistic, culturological and other features of the basic phraseological item. The article describes the essential features of a phraseological item that contribute to the creation of a poetic text on its basis – extralinguistic, system-linguistic and internal, peculiar to certain phraseological items. Examples of realisations of the creative potential of phraseology are analysed – the author's texts (at the moment there are more than fifty works of this new genre). The article demonstrates how in the poemphrase based on the generally accepted, culturally mastered meaning of phraseologism in all the richness of its macro- and microcomponents reveal both the common language, typical and individual, subjective beginnings. The article reveals the connection of the global properties of Russian phraseology (anthropocentrism and anthropometrism) with the realisation of the creative potential of phraseologism in a lyrical or lyroepic text of the genre of poemphrase. The linguistic and informative status of phraseologism in a poetic text-poemphrase in which a phraseologism plays a dominant genre-forming and text-forming role, is determined.

Keywords: phraseological item, component of phraseologism, genre of poemphrase, creative potential, semantics, poetic text.

For citation: Popova A.R. Phraseological item as the basis of a poetic text: the genre of poemphrase. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 150–156 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-150-156>

Русская фразеология не просто поэтична, мудра, всеобъемлюща и образна – она ещё и то зерно, из которого прорастает поэзия. И формальная, и содержательная специфика фразеологической единицы (далее – ФЕ) проявляет себя в поэтическом жанре *стихофразы*, где воплощается семантический (денотативный, коннотативный, ассоциативный), сочетаемостный, стилистический, культурологический потенциал фразеологизма, многопланово высвечивается внутренняя форма текстообразующего фразеологического заглавия.

На данный момент в жанре стихофразы нами создано более 50 текстов, базирующихся на заглавных ФЕ разной структуры и семантики (большая часть произведений опубликована в следующих изданиях: [Попова 2015; 2020]): *Быть на высоте, За семью замками, Меж двух огней, Впадать в детство, За каменной стеной, В одну реку не войти дважды, Жизнь сегодняшним днём* и мн. др. В стихотворениях такого типа имеет место не просто функционирование фразеологизма в тексте как частного художественного явления в многоуровневой системе средств языковой выразительности. Фразеологизм становится источником для порождения текста, обуславливающим форму и содержание последнего. Образование на базе ФЕ и «вокруг» неё художественного произведения, воплощающего явное и имплицитное, данность и потенции, есть одно из направлений реализации креативного потенциала фразеологизма.

О креативности фразеологизмов в лингвистике говорится, во-первых, в аспекте *функционирования* их в дискурсе, в различных речевых ситуациях, при этом единица обрастает целой системой новых смыслов, образов, ассоциаций – «фразеологическая креативность исследуется как культурный фактор, обуславливающий системное образование и дискурсивное функционирование фразеологизмов» [Зыкова: 5].

Во-вторых, детально исследуются богатейшие *трансформационные возможности* ФЕ. Так, А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко выводится стройная многоуровневая система, типология семантических и структурных фразеологических трансформаций [Мелерович].

В-третьих, фразеологизм обладает креативным потенциалом, в частности *слово- и фразеобразовательным*, поскольку способен рождать другие, вторичные, отфраземные номинанты – как лексемы, так и фразеологизмы. Но текст-стихофраза представляет собой иное, *высшее* проявление креативности единицы фразеологического уровня. Рождается не вариант того же самого фразеологизма, не иная номинативная

языковая единица – лексическая или фразеологическая, а гораздо более сложное образование, произведение, отличающееся набором признаков, обуславливающих его жанровую принадлежность.

В качестве примера приведём стихофразу *Нить жизни*, где заглавная ФЕ имеет значение «жизненный путь, судьба человека».

Ничто не уходит, нечего хоронить! И я понимаю, отчаянно повзрослев: от тех, кто ушёл, – до нас протянулась нить. Шершавая нить, кручёная, чёткий след. Никто не покинул: по-прежнему здесь и свой. Не бросил кутёнком в отныне пустом мирке... Та нить обмотала запястье. И мне, живой, тепло оттого, что кончик её – в руке.

Ожившая вереница, строка, глава. Размашистый почерк – неровный, узорный шов... А там, далеко-далеко, шелестит листва. И маленькой мне удивительно хорошо: мы за руку, вместе обходим заросший двор, тропа широка, а трава по краям чудна, и нитка луча из-за тополя чуть видна... И взрослая я – до ужаса, до сих пор запястьем и сердцем чувствую – вот она...

Невидимой нитью сшиты страницы книг, подшивки газет, картины и корабли, дымок сигареты, низенький дом, цветник... И строим, по ниточке – тянутся журавли... Нанизаны, скручены бусины-узелки. Они не рассыпались, горстью во тьму стучась. Читатели. И друзья. И ученики. И все, кто тогда. И все, кто потом, сейчас.

Что было с тобой и дорого – всё на ней: кто рядом прошёл, и кто был навечно люб. Как пёстрая галька волшебю цвела на дне. И нити-лучи над морем стекали вглубь. И сладкие дыни в янтарном густом меду. И жёлтые письма – отныне их сон глубок... Теперь я, как та Ариадна, иду-бреду. И катится предо мной, и бежит клубок.

И тянется нить на тысячи горьких дён. И шелест её, и свет меня обволок. Я верю, что мы идём... всё равно идём. Пока на запястье теплится узелок.

Причина необычного, активного, разнопланового развития креативного потенциала фразеологизма коренится в двух значимых обобщённых категориях объекта (прагматика и статика, «что реализуется» и «что изначально дано»), то есть:

– в *функциях* ФЕ (предназначении, актуальности для системы языка и для живой речи, в том числе и художественной),

– в *признаках* ФЕ (которые и объясняют, и стимулируют именно такое функционирование).

1. Рассмотрим функции фразеологизма, способствующие развитию текста-стихофразы на его ос-

нове. Полно и подробно предназначение фразеологических единиц в языке описано В.М. Савицким, который выделил систему функций фразеологизмов [Савицкий: 178–181]. Укажем те из них, которые находят отражение в тексте жанра стихофразы.

1. Любое художественное произведение обладает хронотопом, предполагающим содержательное и языковое раскрытие двух универсальных смыслов текста – времени и пространства. Следовательно, в стихофразах неизбежно реализуется *дейктическая* функция. Дейксис есть «указание на пространственную или временную локализацию действия, явления, события относительно точки отсчёта, релевантной в рамках той или иной речевой ситуации» [Бесшапошников: 35]. И фразеологические заглавия, и тексты стихофраз содержат обе разновидности дейксиса – и пространственный, и временной.

Примерами первого становятся ФЕ (и раскрывающие их тексты) *За каменной стеной, За семью замками, За тридцать земель, Не за горами, Меж двух огней, Мой дом – моя крепость, Не выносить сор из избы* и др. Как можно заметить, многие компоненты восходят к лексемам, номинирующим конкретные предметы, имеющие физические, пространственные характеристики: *стена, замок, земля, гора, дом, крепость, изба*; на пространственные отношения, образную локализацию места действия указывают даже компоненты-предлоги (*за, из, меж*).

Временной дейксис активно представлен в стихофразах, фразеологически озаглавленных *Впадать в детство, Время лечит, Жить сегодняшним днём, Кануть в Лету, После дождичка в четверг* и др. Компоненты этих ФЕ представляют собою лексемы со значением темпоральности (в своём свободном употреблении). Сами фразеологизмы, соответственно, тоже обладают временной семантикой, которая многогранно развёртывается в соответствующих стихофразах.

Например, стихофраза *Впадать в детство* передаёт попытку лирической героини проникнуть в искажённое мировосприятие девяностолетней женщины: *...Там, у неё, не хлещет злость, не реет войн седое знамя. А впрочем... впрочем, кто же знает, когда и где шатнуло ось. Где заблудилась, где ждала, где стало и светло, и просто – не здесь, на цифре 90, что запредельна и кругла...*

2. Стилистическая функция реализуется в тех стихофразах, базовая ФЕ которых, соответственно, сама обладает выраженными стилистическими особенностями. Так, в стихофразе *За тридцать земель* фольклорные, сказочные мотивы, специфика языка обусловливается именно свойствами заглавия: *...Реет ворон, стонет чудище и узорный вьётся змей, ничего я не хочу уже, лишь за тридцать земель. Там ворота золочёные, а за ними чудеса. Я хочу коту учёного между ушек почесать. Остудить младое ли-*

чишко в бело-розовой воде. К чёрту, к чёрту на кулички бы, прочь, из никуда, в нигде!..

3. *Текстообразующая* (контекстообразующая) функция фразеологизмов, по И.И. Чернышевой, заключается в том, что они способны, «наравне с грамматическими и лексическими средствами языка, создавать те звенья в структуре текста, которые являются элементами структуры и в отдельных случаях также и связующими средствами фрагментов текста» [Чернышева: 9].

Эта функция ярчайшим образом высвечивается в стихофразах. Например, текст стихофразы *Медовый месяц* содержательно связан с семантикой данной ФЕ (герой действительно вспоминает счастье медового месяца, первую поездку на море с юной женой), более того, оба компонента образовали свои лексические лейтмотивы на протяжении всего произведения. Ср. фрагменты стихофразы: *...Тонкий серебряный обруч – месяц волшебный отсвечивает в копне. Тёмно-гречишно-медовой. А в глубине, в мягкой кудрявой волне – мёд, но уже каштановый – красноватый... <...> Только – порой накатит, до слёз пройдёт. На голубой подушке – спутанные колечки. Серебряный месяц. Гречишный мёд.*

4. Фразеологизмам свойственно не только частное влияние на семантику и стилистику своего микроконтекста, но и влияние иного уровня, доминирующее, общее: они в принципе организуют жанр стихофразы. Важно подчеркнуть, что подобную жанрообразующую функцию В.К. Харченко обнаруживает у метафор [Харченко: 25–26]. А поскольку ФЕ зачастую образны и предполагают отображение одного объекта через сходный по формальным или ассоциативным сходствам, а частным случаем подобного сравнения выступает именно метафора, тождество функций вполне объяснимо.

5. *Моделирующей* функцией наделены ФЕ, содержащие символ и аллегорию [Савицкий: 178]. Подобные ФЕ в наших примерах детерминируют выбор героев стихофразы и композиционные особенности текста. Например, *лев* (что нам известно с детства и многократно отражено в баснях) – царь зверей, этот образ воплощён в литературе как аллегория силы и власти. Именно такой стереотип породил стихофразу с заглавием *Львиная доля*, где главным героем становится аллегорический правитель, *лев*, и фигурируют его подчинённые, номинации которых также являются обращения к аллегориям. Ср.: *...То шакальи подходцы барские, то осёл во спеси заплесневел, то нещадно давлю в зародыше выкрутасы моих гиен. <...> Я закрыт. От ехидства лисьего, острозубого, зубоскального, в лисах, право же, нечто львиное, взять, урвать – а потом чисты. Проклинали меня завистники: мол, свирепствую без раскаянья, эти зайчики все невинные, правдолюбы, чуть что – в кусты...*

II. Сами признаки фразеологизма способствуют развитию текста-стихофразы на его основе. Обращение к жанру стихофразы ставит перед автором два вопроса.

– Любые ли ФЕ – а если нет, то какие именно – пригодны для написания стихофраз?

– Какие свойства фразеологизма – «зародыша» будущего текста – выступают залогом того, что работа в данном жанре и возможна, и продуктивна?

Эти признаки целесообразно подразделить на три группы – *экстралингвистические, системно-языковые*, то есть показывающие место ФЕ в общей фразеологической системе, и *внутренние*, присущие данной конкретной ФЕ [Попова 2013: 37–39, 111–112].

1. Экстралингвистические свойства фразеологизма предполагают широту, общеизвестность, актуальность ситуации, психотипа, проблемы – то есть денотата ФЕ. Текст стихофразы, с его сюжетом, героями, морально-этическими вопросами и т. п., должен быть общепонятен. Так, произведения нередко строятся вокруг героя, его жизненных коллизий, его духовного мира, что актуально для читателя и в принципе задано антропоцентричностью многих фразеологизмов. Среди заглавий стихофраз имеются номинации и характеристики лица (*Архивная крыса, Маленькин сынок, Первая ласточка, Рыцарь на час*), обозначения признаков, качеств человека (*Звёзд с неба не хватает, Лёгкая рука. Бабушкина..., Выжатый лимон*), его поведения, поступков (*Жить сегодняшним днём (Усталость), Хоронить себя заживо, Кто скоро помог, тот дважды помог*) и мн. др.

2. Системно-языковые свойства, обеспечивающие продуктивность ФЕ для создания стихофразы, заключаются, по нашим наблюдениям, в следующем. В номинативной фразеологической системе эти ФЕ принадлежат основному словарному фонду, употребляются в литературном языке (а не в иной форме существования национального языка: в нашем материале нет стихофраз, написанных на основе диалектных, жаргонных, арготических, узкопрофессиональных ФЕ), входят в активный фразеологический запас (не являются историзмами, архаизмами, неологизмами). Именно такой отбор общепонятных единиц, опять же, рассчитан на потенциального читателя.

3. Внутренние свойства, обеспечивающие жанрообразование, разнообразны, поскольку сами ФЕ – сложное явление, подвергающееся разноаспектным исследованиям и классификациям.

Для того чтобы на базе фразеологизма развился текст-стихофраза, особенностью которого является обеспечение активных, повторяющихся связей компонентов заглавия и элементов текста, эти компоненты должны быть значимы, легко воспринимаемы и, наконец, общеизвестны. Поэтому наиболее продуктивной в плане создания стихофраз, по нашим

данным, оказалась «золотая середина» (употребим эту фразеологическую метафору) фонда ФЕ русского языка, *фразеологические единства*, обладающие большинством определяющих, категориальных признаков, – и практически отсутствуют *фразеологические сращения*.

Не только единицы, структурно равные словосочетанию, но и *фразеологические выражения* становятся заглавиями стихофраз, поскольку и в них связанность семантики компонентов не абсолютна. В использованных нами заглавиях – фразеологических выражениях вполне ощутима внутренняя форма: *В одну реку не войти дважды, Сердце не камень, Только свистни, Время лечит..., Мой дом – моя крепость, Дружбы между мужчиной и женщиной не бывает....* Отсюда следует вывод, что структура ФЕ, соотносимость её с определенной единицей синтаксического уровня – или словосочетанием, или предложением – является «минус-признаком», не влияющим на выбор единицы для создания стихофразы.

Степень слитности компонентов обуславливает другой, не менее актуальный для создания стихофраз признак ФЕ – *ощутимость её внутренней формы*, образа, который должен быть интерпретирован в тексте.

На обращении к внутренней форме ФЕ базируются практически все стихофразы, причём в некоторых из них актуализация внутренней формы задаёт систему образов и структуру стихотворения. Например, в стихофразе *После дождичка в четверг* – героиня из невыносимо знойного понедельника мысленно представляет скорое, но кажущееся невероятным, слишком радостное для неё будущее – дождь, четверг и приезд любимого.

Соответственно, многие ФЕ с нестёртой внутренней формой характеризуются *образностью* – впрочем, как и производные слова, и художественные тексты.

Для создания стихофразы крайне актуален *компонентный состав* ФЕ, причём здесь важны не просто единицы в составе целого, но и *генетические прообразы* – лексемы в их свободном употреблении во всём богатстве своей семантики, парадигматики и синтагматики.

С точки зрения *соотношения с частями речи* в заглавиях стихофраз наиболее частотны субстантивные ФЕ, поскольку заглавие есть презентация темы, и нередко в этой позиции находится существительное в именительном падеже – «Отцы и дети», «Война и мир», «Обрыв», «Белая гвардия» и мн. др. Именно такой тип заглавия и является преобладающим в стихофразах, так как соответствует морфологическим особенностям ФЕ, которые восходят к субстантивным атрибутивным словосочетаниям с согласованием: *Первая ласточка, Кривое зеркало, Львиная доля, Лебединая песня* и мн. др. Встречаются и субстантив-

ные ФЕ-заглавия иной структуры, но тем не менее содержащие компонент-существительное в имени-тельном падеже: *Рыцарь на час, Нить жизни, Ящик Пандоры, Бразды правления, Яблоко раздора* и мн. др.

На втором месте – глагольные ФЕ с инфинитивом, реализующим синтаксическую связь – управление: *Впадать в детство, Уходить в себя, Строить из себя, Кануть в Лету* и др. Эта процессуальность реализуется и в текстах стихофраз, которые сюжетны и рисуют события жизни героев. Разумеется, в качестве заглавий стихофраз фигурируют и ФЕ иной структуры, и фразеологические выражения, к которым понятие частеречной соотнесённости неприменимо.

Способность к разного рода варьированию – и семантических оттенков, и формы, компонентного состава – есть одно из значимых свойств многих ФЕ. Уже в заглавиях некоторых стихофраз мы сочли необходимым использовать не «основной вид», а трансформированные ФЕ. Например, *чёрно-белая зависть* – образование-контаминант, в основе которого – антонимы *чёрная зависть* и *белая зависть*. В стихотворении, соответственно, противопоставлены чувство, деструктивное для человека, унижающее объектов зависти, – и чувство позитивное, то есть беззлобное признание чьих-либо несомненных заслуг. Заглавие стихофразы *Язык мой, брат мой* претерпевает существенную лексическую, синтаксическую и пунктуационную трансформацию. Вместо двусоставного предложения *Язык мой – враг мой* автором употреблено нечленное предложение, представляющее собой распространённое обращение. Изменение лексического компонента *враг* на антонимичный ему компонент *брат* связано с общей идеей стихофразы – постижением языка и любовью к нему.

Внутритекстовая окказиональная фразеологическая вариантность как частный художественный приём также активно задействована в стихофразах, о чём свидетельствует и довольно значительное количество преобразованных ФЕ, и многообразии преобразований. Ср., например: лексическое варьирование: *дамоклов кодекс* (ср. *дамоклов меч*); лексическое и грамматическое варьирование: *сердце, отданное навеки, сердце, розданное на всех...*; расширение компонентного состава: *голый шахматный король*; контаминация двух ФЕ с разрушением структурной целостности обеих: *и пусть покой (не вечный, а приёмный)*; актуализация внутренней формы фразеологизма в контексте, меняющая его семантику: *Кто я? Точка пересечения. В многоточии у судьбы* и мн. др.

В семантике фразеологизма *обобщённость*, типологизация сочетаются с удивительной *точностью* номинации. ФЕ охватывает огромный круг сходных предметов, явлений, ситуаций и т.п., выступает для них обобщением, инвариантом. Аналогично и художественные тексты (при всей их конкретике,

даже если герой выписан «как живой») – представляют собой обобщения: рисуют нечто индивидуально-личностное, но свойственное и понятное многим.

Например, *маменькин сынок* – это не просто «зависимый от матери, не готовый к самостоятельной жизни мальчик или молодой человек, избалованный женским воспитанием» [Фёдоров]. В стихофразе нарисован юноша со своей историей: мать – известная кинозвезда, на её фоне отец и сын воспринимаются бледно и несамостоятельно, сын, от чьего лица и написана стихофраза, страдает от своего «несоответствия» великой матери: *Я непонятно что, лепесток букета, я элемент – декора ли, этикета, я не могу при ней – становиться кем-то, кроме как летописцем её побед. Рядом – кометы, солнца, и львы, и львицы, это такие глыбы... такие лица... (мама, тут ни забыться, ни застрелиться, а приглашать на ужин и на обед)...*

Для лирики и лироэпики, коей принадлежат стихофразы, значимы *антропоцентризм* и *антропометризм* фразеологии. «Мотивированность связанных значений слов в ФЕ, образующих лексико-грамматическую парадигму опорного наименования, обусловлена самой способностью образного их основания не только обозначать в процессе переосмысления заданный в этой парадигме смысл... но еще и выражать характерные для мировидения народа культурные установки, служа для них своего рода эталонами, символами, стереотипами и т. п.» [Телия: 258].

Фразеологизмы антропометричны, и не только семантикой, но и материальной стороной ориентированы на человека. Компонентный состав заглавий стихофраз весьма показателен в этом плане: здесь и личные существительные (*сынок, рыцарь, Пандора*), и соматизмы (*руки, ноги, сердце*), и субстантивы, именующие периоды жизни человека (*детство, правление*), и прилагательные, обозначающие признаки лица (*маменькин, святой*), и местоимения (*мой, себя*), и глаголы – номинации действий человека (*бросать, терять, уходить, жить, держаться, хоронить, выносить*) и др.

Стихофразы написаны о людях, об их проблемах – физических, психических, моральных; с точки зрения людей – в первом лице или же с помощью приёма субъективированного повествования – в третьем лице; наконец, для людей. Фразеологизмы, по Ф.И. Буслаеву, совмещают в себе «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам» [Буслаев: 37] – над ними возможно размышлять, а идеи, заключённые в них, – творчески развивать.

Таким образом, *лингвистический* статус ФЕ в стихофразе – это статус: 1) сильной позиции (обязательно – заглавия, а также вариательно – ключево-

го знака); 2) семантического центра; 3) формального центра; 4) первой реплики в особой коммуникативной структуре, где ответом на фразеологическое заглавие становится развёрнутая вторая реплика – поэтический текст.

Избранная как текстовая база, ФЕ становится залогом: 1) реализации в тексте локальной и глобальной связности – разных типов и в разных комбинациях; 2) определенной коннотации (текст может контрастировать с заданной словарно, принятой в языке, а может и следовать ей, но опирается на неё в любом случае); 3) стилистических особенностей текста.

Содержательный статус ФЕ поддаётся описанию с помощью категорий литературоведения. Так, фразеологизм есть основа: 1) тематики и (или) идеи, проблематики стихофразы; 2) определённого сюжета и типов героев; 3) хронологических особенностей; 4) авторской эмоции – иронии, сочувствия, негодования и т. п., личностного отношения к затронутой проблеме, что вообще свойственно художественному, поэтическому изложению, не копирующему, но преобразующему действительность.

Стихофраза работает не просто с объективным миром, как и любое художественное произведение. Она сначала апеллирует к иной субстанции – к языку, к языковым единицам, преобразуя их; а затем уже, соответственно, к объективному миру. Тогда стихофраза даёт не только представление о действительности, но и представление о части мира языка, о мире фразеологизма – организованной системе, микрокосме с его ядром и периферией, который получает своеобразное преломление в тексте.

Список литературы

Бешапошникова О.А. Временной и пространственный дейксис в семантике фразеологических единиц современного английского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 1987. 217 с.

Буслаев Ф.И. Русские пословицы и поговорки, собранные и объясненные. М.: Русский язык, 1954. 176 с.

Зыкова И.В. Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2014. 52 с.

Мелерович А.М., Мокленко В.М. Фразеологизмы в русской речи. М.: Русские словари: Астрель, 2001. 856 с.

Попова А.Р. Лексико-фразеологический комплекс как результат реализации креативного потенциала лексической единицы: дис. ... докт. филол. наук. Орёл, 2013. 537 с.

Попова А.Р. Стихофразы. 1-е изд. Орёл: ООО «Горизонт», 2015. 76 с.; 2-е изд., доп. Орёл: ООО «Горизонт», 2020. 128 с.

Савицкий В.М. Основы общей теории идиоматики. М.: Гнозис, 2006. 206 с.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель: АСТ, 2008. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literary-dictionary/index.htm> (дата обращения: 09.02.2022).

Харченко В.К. Функции метафоры. Воронеж: Воронежский университет, 1992. 88 с.

Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1964. 27 с.

References

Beshshaposhnikova O.A. *Vremennoj i prostranstvennyj dejksis v semantike frazeologicheskikh edinic sovremenno-go anglijskogo jazyka* [Temporal and spatial deixis in the semantics of phraseological units of the modern English language: CSc thesis]. Moscow, 1987, 217 p. (In Russ.)

Buslaev F.I. *Russkie poslovice i pogovorki, sobrannye i objasnjonnye* [Russian proverbs and sayings, collected and explained]. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1954, 176 p. (In Russ.)

Zykova I.V. *Rol' konceptosfery kul'tury v formirovani frazeologizmov kak kul'turno-jazykovyh znakov* [The role of the conceptual sphere of culture in the formation of phraseological items as cultural and linguistic signs: DSc thesis, summary]. Moscow, 2014, 52 p. (In Russ.)

Meleroevich A.M., Mokienko V.M. *Frazeologizmy v russkoj rechi* [Phraseological items in Russian language]. Moscow, Russkie slovari Publ., Astrel' Publ., 2001, 856 p. (In Russ.)

Popova A.R. *Leksiko-frazeologicheskij kompleks kak rezul'tat realizacii kreativnogo potenciala leksicheskoj edinicy* [Lexical and phraseological complex as a result of the realization of the creative potential of a lexical unit: DSc thesis]. Orel, 2013, 537 p. (In Russ.)

Popova A.R. *Stihofrazy* [Poemphrase]. Issue 1. Orel, Gorizont Publ., 2015, 76 p.; Issue 2. Orel, Gorizont Publ., 2020, 128 p. (In Russ.)

Savickij V.M. *Osnovy obshhej teorii idiomatiki* [Fundamentals of the general theory of idiomatics]. Moscow, Gnozis Publ., 2006, 206 p. (In Russ.)

Telija V.N. *Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekt* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects]. Moscow, Shkola «Jazyki russkoj kul'tury» Publ., 1996, 288 p. (In Russ.)

Fjodorov A.I. *Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo jazyka* [Phraseological dictionary of the Russian literary language]. Moscow, Astrel' Publ., AST Publ., 2008. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literary-dictionary/index.htm> (access date: 09.02.2022). (In Russ.)

Harchenko V.K. *Funkcii metafor* [Metaphor Functions]. Voronezh, Voronezhskij universitet Publ., 1992, 88 p. (In Russ.)

Chernysheva I.I. *Frazeologija sovremennogo nemetskogo jazyka* [Phraseology of the modern German language; DSc thesis, summary]. Moscow, 1964, 27 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 02.12.2021; одобрена после рецензирования 19.01.2022; принята к публикации 09.02.2022.

The article was submitted 02.12.2021; approved after reviewing 19.01.2022; accepted for publication 09.02.2022.

СУБЪЕКТНО-РЕЧЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РАССКАЗА ВЛАДИМИРА КОРНИЛОВА «ШИШКАРЬ»

Фокина Мадина Александровна, доктор филологических наук, профессор, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, madi.fokina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5914-2589>

Аннотация. В статье представлен филологический анализ языковых средств, определяющих своеобразие субъектно-речевой организации рассказа Владимира Корнилова, костромского прозаика второй половины XX века. Цель исследования заключается в выявлении структурно-семантических и прагматических свойств языковых единиц, которые формируют речевые планы перволичного рассказчика и главного героя, выступающего в роли сказителя. Определяются ведущие языковые приемы и средства стилизации разговорной речи: диалогизация монологического слова; использование просторечной и диалектной лексики, русских паремий; народные истолкования семантики слов. Костромские диалектизмы участвуют в создании речевого портрета героя и отражают региональные культурно-языковые особенности. Характеризуются ключевые метафорические образы, созданные лексическими и синтаксическими единицами языка. Последовательно рассматриваются сравнительные обороты, раскрывающие диалектическое единство *природа – человек*. Риторические вопросы и афористические фразы сказителя являются выразительными характеристиками событий и поступков персонажей. Детально анализируются фрагменты сказового повествования, в которых эксплицируется идея произведения, выражается авторская позиция. Прагматический потенциал языковых единиц проявляется в их активном влиянии на структурную и содержательную организацию художественного повествования. Лексические доминанты *дело* и *лад* объединяют отдельные композиционные части рассказа в общее повествовательное пространство и актуализируют философский смысл произведения. Взаимодействие речи перволичного рассказчика и речи сказителя образует двуголосое повествование, создает текстовую полифонию. В результате исследования языковых особенностей рассказа Владимира Корнилова выявлена система речевых средств и приемов стилизации, которые определяют своеобразие субъектной организации повествования и эксплицируют концептуальное содержание текста, обеспечивают его структурно-смысловое единство.

Ключевые слова: Владимир Корнилов, субъектно-речевой план, перволичный рассказчик, сказитель, повествовательная полифония, концептуальное содержание.

Для цитирования: Фокина М.А. Субъектно-речевая организация рассказа Владимира Корнилова «Шишкарь» // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 157–162. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-157-162>

Research Article

SUBJECT-SPEECH ORGANISATION OF VLADIMIR KORNILOV'S SHORT STORY "CONE PICKER"

Madina A. Fokina, Doctor of Philological Sciences, Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia, madi.fokina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5914-2589>

Abstract. The article presents a philological analysis of the linguistic means that determine the originality of the subject-speech organisation of the story written by Vladimir Kornilov, Kostroma prose writer of the second half of the 20th century. The purpose of the study is to identify the structural-semantic and pragmatic properties of the language units that form the speech plans of the primary narrator and the main character acting as a storyteller. The article analyses the leading language techniques and means of colloquial speech stylization – dialogisation of a monologue word; the use of colloquial and dialect vocabulary, Russian proverbs; folk interpretations of the semantics of words. Kostroma dialect words are involved in the creation of the character's speech portrait and reflect regional cultural and linguistic features. The article examines the key metaphorical images created by the lexical and syntactic language units. It also studies the comparative figures of speech that reveal the dialectical unity of nature and human. Rhetorical questions and aphoristic phrases of the narrator serve as expressive characteristics of the events and actions of the characters. The author of the article elaborates on the fragments of the tale narration in which the main idea of the story and the author's point of view are expressed. The pragmatic potential of the language units is manifested in their active influence on the structural and content organisation of fictional narration.

The lexical dominants ‘deed’ and ‘concord’ unite the separate compositional parts of the story into a common narrative space and actualise the philosophical meaning of the short story. The interaction of the primary narrator’s speech and the storyteller’s speech forms a two-voiced narration, creating textual polyphony. As a result of the study of the linguistic features of Vladimir Kornilov’s short story, the author of the article brings into focus a system of language means and stylisation techniques that determine the originality of the subjective organisation of the narrative, explicate the conceptual content of the text and ensure its structural and semantic unity.

Keywords: Vladimir Kornilov, subject-speech plan, primary narrator, storyteller, narrative polyphony, conceptual content.

For citation: Fokina M.A. Subject-speech organisation of Vladimir Kornilov’s short story “Cone Picker”. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 157–162 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-157-162>

Владимир Григорьевич Корнилов (1923–2002) – известный отечественный прозаик второй половины XX века, лауреат Государственной премии Российской Федерации имени Максима Горького (1985), автор романной трилогии «Семигорье», «Годины», «Идеалист», многочисленных повестей и рассказов. Долгие годы Корнилов жил и работал в Костроме, создал и на протяжении нескольких десятилетий возглавлял областную писательскую организацию, активно занимался общественной и культурно-просветительской деятельностью. Его художественные произведения, совсем не изученные в лингвистическом аспекте, представляют большой исследовательский интерес, так как отражают живую народную речь, характеризуют российскую провинцию, содержат культурно-языковую информацию о региональных фактах истории и экономики Костромского края, деревенского быта и сельской жизни.

Рассказ Владимира Корнилова «Шишкарь» имеет сложную субъектно-речевую организацию, которая является одной из составляющих повествовательной структуры художественного текста наряду с типом повествования и точкой зрения [Николина: 92]. В произведении представлена сложная модель коммуникации: автор – перволичный рассказчик – сказитель – читатель. Наиболее содержательно наполнены и стилистически выразительны субъектно-речевые планы рассказчика и сказителя, которые создают двуголосое повествование.

Современные отечественные исследователи определяют сказ как «особую форму авторской речи, проводимой на протяжении всего художественного произведения в духе языка и характера того лица, от имени которого ведется повествование» [Сковородников: 311–312]; «речь рассказчика, которую характеризует комплекс особенностей, выражающих её нелитературную и вообще неписьменную природу» [Кравченко: 233]. Обычно в сказовом повествовании осуществляется стилизация устной разговорной речи. Нередко в роли сказителей выступают простые крестьяне, ремесленники, народные умельцы, паломники, странники. Сказовое повествование ярко представлено в произведениях Н.В. Гоголя, Н.С. Лескова, П.И. Мельникова-Печерского, П.П. Бажова, И.Э. Бабеля, М.А. Шолохова, В.Я. Шишкова, Б.В. Шергина,

С.Г. Писахова. Теоретические основы изучения языка и стиля сказа были заложены в трудах отечественных филологов: М.М. Бахтина [2002], В.В. Виноградова [1980], Б. Эйхенбаума [1924]. Семантика и структура повествовательного дискурса рассматриваются в исследованиях Ж. Женетта [1998], Е.В. Падучевой [1996], Т.Б. Радбиля [2017], В. Шмида [2003] и др.

В рассказе Корнилова представлено перволичное повествование, которому свойственны субъективность изложения и активная диалогизация монологической речи рассказчика. Произведение состоит из четырех композиционных частей. В первой части преобладает субъектно-речевой план рассказчика, в его монологическое слово включаются фрагменты прямой, несобственно-прямой и косвенной речи главного героя. В последующих частях произведения доминирует речь старого лесничего Шишкаря, выступающего в роли сказителя. Каждая история имеет название, отражающее главную тему его воспоминаний о жизни людей и леса, о взаимоотношениях человека и природы, о сближении города и деревни.

Речь рассказчика содержит различные оценочные характеристики, создающие авторскую модальность текста. Художественное повествование начинается подробным описанием главного героя и его семьи:

«Старого Шишкаря узнал я по случаю, а потом таким крепким влечением к нему привязался, что дай, как говорится, бог в такой привязанности со своей родней жить.

Чем расположил он к себе, сразу не ответишь. А как вспомню редкую его бородавку до пояса, седой, в какой-то поздней осенней желтизне, придавленный тесной шапчонкой и потому всегда спутанный на голове волос, взгляд по-детски пылкий и до того цепкий, что и захочешь – не утаишься перед ним, – так и потянет к старику душу почистить живым немудрящим его словом.

Жил Шишкарь далеко от городских сует, на лесном кордоне, малой семьей: он да хозяйка, Анна Александровна, Ньюшонка, как обласкивал ее, окликающая, сам Шишкарь, невысоконая, телом сухонкая, лицом морщинистым приветная женщина с быстрыми движениями изработавшихся проворных рук. Да еще сын, последыш Никола, ко времени

моего знакомства с Шишкарем бывший уже крепким расторопным парнем, исполнявшим по дому и по лесу многие отцовы работы. Две дочери, родившиеся прежде Николы, проживали своими семьями...» [Корнилов: 540–541].

В речевом плане перволичного рассказчика создаются позитивные характеристики героев, к которым автор относится с симпатией: *взгляд по-детски пытливый и... цепкий; приветная женищина; крепкий расторопный парень*. Широко используются слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *бороденка, шапчонка; невысоконькая, сухонькая*. Антропонимы выражают доброе, нежное отношение Шишкаря к любимой жене и сыну: *Нюшонка, Никола*. Характеризуя искреннее расположение к Шишкарю, описывая душевную привязанность к нему, рассказчик передает свои внутренние чувства: *крепким влечением привязался; дай бог в такой привязанности со своей родней жить; потянет к старику душу почистить живым немудрящим словом*. Так создается семантический ряд слов, объединенных общим смыслом: *привязался – привязанность* (однокоренные лексемы); *влечение – привязанность; привязался – потянет* (контекстуальные синонимы). Загадка притягательной силы скромного, честного, трудолюбивого старика – в его большом житейском опыте и настоящей, бескорыстной любви к родной земле, окружающей природе, лесу. Все это он умеет просто и незамысловато передать «живым немудрящим словом», отчего рассказчик получает необходимое душевное очищение, испытывает эмоциональный подъем, достигает внутренней гармонии.

Продолжая повествование о Шишкаре, автор объединяет субъектно-речевые планы рассказчика и героя:

«Лесные его заботы я знал. Не раз при мне он сокрушался, глядя, как лысеет земля от неутолимости нужд людских. Но и радоваться не радовался, когда луга и поля, изгрызающие лес со всех сторон, окидывались бойким подростом, отбирая прежде сработанное людьми. В этом тоже был, по его рассуждению, умственный просчет. А всякий просчет рано или поздно оборачивался общей потерей, срамотой, как говорил Шишкарь. Срамоту же, даже малую, переживал он тяжело и жил в терпеливой надежде на то, что и у поля объявится свой хозяин, понимающий, что и как и куда следует двинуть дело, чтоб соблюден был и лесной, и всякий другой нужный интерес» [Корнилов: 542].

В контексте осуществляется диалогизация монологического слова рассказчика за счет следующих языковых приемов: 1) использование вводных конструкций, указывающих на субъект речи: *по его рассуждению; как говорил Шишкарь*; 2) употребление эмоционально-экспрессивного глагола, сопровождающего косвенную речь героя: *сокрушался (со-*

крушаться ‘сильно огорчаться, печалиться’ [СРЯ 4: 188]); 3) вкрапление несобственно-прямой речи героя, в том числе лексический повтор характерных слов, отражающих особенности его лексикона: *срамота* прост. ‘срам, стыд, позор’ [СРЯ 4: 237]; *двинуть дело (двинуть* перен. ‘направить куда-либо’ [СРЯ 1: 369]; ср. с фразеологизмом *делать дело* разг. ‘работать, трудиться, заниматься чем-либо’ [ФСРЛЯ 1: 181]). В размышлениях рассказчика происходит семантическое взаимодействие книжной, стилистически нейтральной и народно-разговорной лексики. Приметой книжной речи является распространенная генитивная метафора: *неутолимость нужд людских*.

Смысловыми доминантами рассказа становятся ключевые лексемы, которые отражают концептуальное содержание произведения: *дело, закон, лад, мир*. Они неоднократно употребляются и в речи рассказчика, и в речи героя-сказителя. Семантика лексемы *дело* раскрывается в прямой речи Шишкаря в первой части рассказа:

«– Что дано человеку сверх того, что есть у всего живого? Руки вот да ум. Тут все и завязано: чтоб ум и силу, тебе отпущенную, *в дело* перевести. Не в напраслиное, не для себя в утеху, – *в дело*. Так думаю: имя не запомнится, *дело* останется. Речь, понятно, не о *поделках*, – потряс он корзиной с не доплетенным еще верхом. – Этакое на ходовую потребу. *Дело* – оно выше. *Дело*, оно интерес многих обнимает! Отыщется *дело* – жить тебе. Не отыщется – так она, жизнь, враскидку и уйдет! Мое *дело*, эва, за окошками, вкруг избы, на версты мерено. За день, может, и обойдешь, и то ежели в силе. Лес – мое *дело*. А лес, мил человек, на вечность даден. Земле без лесу не прожить, потому как без легких и человек не жилец! Я-то помру, а лес, он – будет. Будет! Ежели, конечно, в людях соображение не переведется...» [Корнилов: 542].

Для Шишкаря *дело* – не просто любимая работа, а смысл жизни. Старик, сохраняя лес для потомков, думает о будущем, о продолжении жизни в новых поколениях людей. Ключевая лексема *дело* повторяется в контексте 8 раз и семантически взаимодействует с существительным *лес*: *Лес – вот мое дело*. Речь героя афористична и выразительна, наполнена мудрыми обобщениями. Сентенция *Земле без лесу не прожить, потому как без легких и человек не жилец!* восходит к известной крылатой фразе *Лес – легкие планеты*. Размышляя о значимости леса в жизни человечества, Шишкарь противопоставляет *дело* и *поделки*. Однокоренные слова создают здесь текстовую энантиосемию: с одной стороны, *дело* и *поделки* – результат трудовой деятельности человека; с другой стороны, *поделки* предназначены для повседневного, материального использования на какое-то определенное время, а *дело* связано с моральными представлениями героя о непрерывности существования земной жизни,

о вечных, непреходящих ценностях. Наряду с лексемами *дело* и *поделки* Шишкарь использует однокоренное диалектное слово *приделка*: «Вот что, Николка, завтра сам отправишься, нарежешь делянку у Горелого болота. У меня тут *приделок* набралось» [Корнилов: 542]. *Приделка* ‘дело, работа’ [СРНГ 31: 191]. Народно-разговорная лексика, которую активно употребляет старший лесничий, создает речевой портрет простого деревенского жителя, принадлежащего к крестьянскому миру: *напраслинное, в утеху, этакое, на потребу, враскидку, эва, за окошками, вокруг, ежели, даден, не жилец, помру* и др.

Индивидуальные особенности речи Шишкаря ярче раскрываются в последующих частях рассказа, где герой выступает в роли сказителя. Эти истории имеют заглавия «Браконьеры», «Асфальт», «Притоптух». Писатель создает колоритный речевой портрет героя, который рассказывает об интересных событиях своей жизни, о лесных происшествиях. Деревенский старик употребляет диалектные слова, которые связаны с его повседневной жизнью, сельским бытом. Диалектизмы называют предметы обихода, характеризуют людей и природу: «И *кошевка* расписная тут же. И в *кошевке* тулуп медвежий» (*кошевка* диал. ‘сани’ [СРНГ 15: 141]); «Был в миру мелконькой по душе людишко... Был у власти в услужении. По налогам. Ходил-сбирал. Каким таким *абатуром* на виду у сельсоветчиков оказался, то неведомо. Но власти лишку себе начерпал» (*абатур (оботур)* диал. ‘обманщик, плут’ [СРНГ 21: 352]). Многозначные диалектные лексемы *омет* и *сумет* используются в речи героя как синонимы [СРНГ 23: 200; 42: 233], обозначают снежный сугроб, под которым в зимнем лесу находилась медвежья берлога: «За медведицу-то я еще раньше отмолился, чтоб простилась мне неминуемая лесная потеря. А малых медвежат, что оказаться должны были под *суметом*, уберегчи задумал... Дружно тихой воздух ружейным треском опалили! Легла медведица. А через ее... *пестун* выкатывается! В недогадливости пошел в бег вокруг *омета*, тут его и *окоротили*» [Корнилов: 552]. Наряду с диалектными синонимами *сумет* – *омет* в контексте употребляются другие диалектизмы: *пестун* ‘медвежонок 1–2 лет, оставшийся при матери’ [СРНГ 26: 322]; *окоротить* ‘остановить, удерживать на месте’ [СРНГ 23: 152]. Диалектная лексика семантически взаимодействует с просторечными и разговорными словами: *лишку, неминуемая* (потеря), *уберегчи, выкатывается* и т. д.

В речевой партии сказителя осуществляется семантизация слов *браконьер* и *Притоптух*, которые являются заглавиями одноименных частей рассказа. Подвергая иноязычное слово *браконьер* народному истолкованию, Шишкарь делит его на две части и объясняет смысл каждой:

«И слово придумали, – от *брака*, что ли? Про *брак* на поле, в фабричной жизни давно шумят. А тут вроде бы самой природе *брак* делают? Может, отсюда и прозвище?..

Попрекаю себя: что же ты, старый, *брак* природе делают, а *«ньер»* этот самый в нетях ходит?! Побывал я в Теребрино, где, как мне чудилось, тот лихой *«ньер»* зародился. Угадал...» [Корнилов: 544; 546].

Притоптух – это прозвище бессовестного, хитрого, мстительного деревенского жителя:

«– *Притоптух-то?* – Шишкарь глянул на меня как на малого. Но пояснил: – Людишечко этакой вот, вроде бы доской ударенный, – голова в плечи вогнана. Беда не в том, что от природных затей людишечко тот невелик да широк. В том беда, что у *Притоптуха* ум хитрый. Извертливый ум и без совести...» [Корнилов: 554].

Оним *Притоптух* образован от глагола *притоптать* ‘погубить, растоптав’ [СРНГ 32: 22]; *притопух* диал. ‘о низкорослом человеке’ [СРНГ 32: 22]. Толкование Шишкаря является разносторонней, объемной характеристикой, он описывает не только внешний вид, но и моральные свойства человека: *вроде бы доской ударенный; голова в плечи вогнана; невелик да широк* (физические качества); *ум хитрый; извертливый ум и без совести* (внутренние качества). Негативное отношение сказителя к нравственно уродливому, подлому односельчанину, который неоднократно поджигал родительский дом сказителя, выражено повторяющейся лексемой *людишечко*, приобретающей в контексте пренебрежительную оценочность. И в то же время добродушный старик не держит зла на своего обидчика и не стремится ему отомстить.

Зоркий лесничий Шишкарь, заботливый хозяин леса, удивительно точно сравнивает человека с различными животными, птицами, насекомыми: «Девки *что птицы*. Птицы, они что? Порхнули из гнезда, следа не сыщешь» (о замужних дочерях); «Нынче же и по радио, и печатно – браконьеры, браконьеры. Стон стоит, *будто от комарья* на болоте!»; «Браконьер, он что, он хитрой. Он все в ум берет, всякую малость, всякий ход-выход. Он *волка бродячего изворотливей!*»; «Как в город его занарядишь, так ноздри и почнет раздувать, *ровно жеребец*, на волю пущенный» (о сыне); «Излазал весь глухой угол, *как крот* огородные грядки» (о себе); «Рот-то широкой, *вроде бы как от лягушки* подзаял, половина-то из-под рыжих усов вниз и загибается» (о нечестном, корыстолюбивом лесном технике); «такого... *зайчинного драпу* дал, только треск да шлеп, да на спине рубаха пузырем!» (о молодом браконьере); «Этаким вот *слепнем* не гудел. Нет, не гудел. А жалил вусмерть!» (о жестокосердом сборщике налогов) [Корнилов: 541, 544, 545, 549, 555].

Диалектическое единство *природа – человек* выражено в рассуждениях Шишкаря с помощью русской поговорки *Что в природе, то и в народе*. Герой задумывается над нравственным смыслом этой народной мудрости:

«– Скажи-ка мне, мил человек, как ты понимаешь такие слова: *что в природе, то в народе?*.. Я так думаю: сколь человек не выглядывает у природы, а мудрости, что в ней, не превосходит. В природе все установлено. Будто кто следит, что того-другого, всякого в равности было. Чтоб в силе никакая тварь лишку себе не прихватила...

Тесно среди лесов и вод. А у живности, у каждой, – свое место. И зло-напасти нет расплуду.

А в народе что? Худого, злого, доброго – всякого хватает. А закону на общий лад нет. Тако вот – нет!

Думаешь, умом человек раздобылся, так уж выше природы стал? Нет, мил человек. Сосна вон тоже вроде выше земли, да из ее, матушки, растет...» [Корнилов: 553–554].

Шишкарь опровергает традиционное мнение о том, что человек – царь природы. По его представлениям, люди, наделенные разумом, не умеют и не хотят жить в добре и согласии, между ними нет мира и лада, а природа гармонична и самодостаточна, в ней преобладает равновесие, всё подчинено естественному развитию и сохранению жизни. *А закону на общий лад нет* – так с сожалением старик определяет несовершенство человеческих отношений. *Лад и мир* для него являются важнейшими жизненными ценностями, критериями нравственной силы и величия человека, хозяина земли:

«В природе зла, в нашем понятии, не было и нет, всему свое место расписано. Отчего ж меж людьми зло обитает? Ум ли хитрой, без совести, в силу взошел, общий лад *порушил*? Или, супротив того, силы уму недостает, чтоб, как то положено, *лад сотворять?*..» [Корнилов: 558].

В субъектно-речевом плане сказителя эксплицируется идея произведения, выражается авторская позиция. С помощью повторяющейся лексики *лад* (разг. ‘согласие, мир, дружба’ [СРЯ 2: 159]) создается контекстуальная антонимия, характеризующая противоположные жизненные принципы: *лад порушил – лад сотворять*. Глаголы *порушил* (‘разрушил’) и *сотворять* (‘создавать’) являются здесь средством стилизации народной разговорной речи. Анализируемый контекст относится к завершающим эпизодам повествования. Риторические вопросы, поставленные в финальной части рассказа, являющейся сильной позицией текста, служат одним из сигналов адресованности читателю, способствуют декодированию художественного замысла. Многочисленные вопросы, пронизывающие сказовое повествование героя, диалогизируют его монологическое слово, создают

текстовую полифонию: *Что за чудо такое ныне явилось?* (начало рассказа о браконьерах); *Кому служба и в день и в ночь, а кому и в службе гулянье?* (о безответственных городских чиновниках, отмечающих праздник в рабочее время); *Да вот он, в гладкой доске сучок – всегда ли у человека ум к добру?* и др.

Характерной особенностью рассуждений Шишкаря являются также афористические высказывания, своеобразные сентенции, обобщающие его житейский опыт, являющиеся результатом многолетних наблюдений старика за природой и людьми: *Потомство – оно от природы, дело – от человека; Не грех взять, где пусто. Грех с пустом лес оставить; Силы набрал, умом не облагородился!* (ср.: *Сила есть, ума не надо* ‘с осуждением о том, кто, отличаясь физической силой, большим умом не наделен’ [Жуков: 298]); *Да ежели к уму совесть не привита, нрав извертливый может верх ухватить; Так считал: незачем жизнь печалить, ежели к соседу на свадьбу не попал. Свою свадьбу в душе имей!; Да ведь как оно бывает? – сам светел, да злоба в чужом глазу твои добрые дела чернит; Вот оно как: зло и бьешь – не убьешь, на добро живой воды не напасешься!* и т. д.

Таким образом, в результате взаимодействия субъектно-речевых планов перволичного рассказчика и сказителя в рассказе Владимира Корнилова «Шишкарь» создается двуголосое художественное повествование. Активная диалогизация монологических высказываний субъектов речи формирует повествовательную полифонию. В сказовом повествовании осуществляется стилизация разговорной речи путем широкого использования просторечия, диалектной лексики, русских поговорок, народного толкования семантики слов. К характерным особенностям образной речи сказителя относятся метафорические сравнения, энантиосемия, контекстуальные синонимы и антонимы, риторические вопросы, афористические фразы. В философских размышлениях главного героя рассказа выражается авторская позиция, эксплицируется концептуальное содержание произведения.

Список литературы

- Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Собр. соч.: в 7 т. Москва: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. С. 7–300.
- Виноградов В.В. Проблема сказа в стилистике // Виноградов В.В. О языке художественной прозы. Москва: Наука, 1980. С. 42–54.
- Женетт Ж. Повествовательный дискурс // Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 2. С. 60–280.
- Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 1991. 534 с.
- Корнилов В.Г. Шишкарь // Корнилов В.Г. Избранное: в 2 т. М.: Современник, 1990. Т. 1. С. 540–558.

Кравченко Э.Я. Сказ // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тмарченко. Москва: Изд-во Кулагиной: Intrada, 2008. С. 233–235.

Николина Н.А. Филологический анализ текста. М.: Академия, 2003. 256 с.

Падучева Е.В. Семантика нарратива // Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 195–418.

Радбиль Т.Б. Лингвопоэтика и нарратология // Радбиль Т.Б. Язык и мир: Парадоксы взаимоотражения. М.: Изд. дом «ЯСК», 2017. С. 423–559.

Сковородников А.П. Стилизация // Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. А.П. Сковородникова. 2-е изд. Москва: Флинта: Наука, 2009. С. 309–313.

Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.Н. Сорокалетов, С.А. Мызников. Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1965–2016. Вып. 1–49.

Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой; АН СССР, Институт русского языка. 3-е изд. Москва: Русский язык, 1985–1988.

Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / сост. А.И. Фёдоров. Москва: Цитадель, 1997.

Шмид В. Нарратология. Москва: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

Эйхенбаум Б.М. Иллюзия сказа // Эйхенбаум Б.М. Сквозь литературу. Ленинград: Academia, 1924. С. 152–156.

References

Bakhtin M.M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [Collected works: in 7 vols.]. Moscow, Russkie slovari, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2002, vol. 6, pp. 7–300. (In Russ.)

Vinogradov V.V. *Problema skaza v stilistike* [The problem of skaz in style]. Vinogradov V.V. *O iazyke khudozhestvennoi prozy* [On the language of artistic prose]. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 42–54. (In Russ.)

Zhenett Zh. *Povestvovatel'nyi diskurs* [Narrative discourse]. Zhenett Zh. *Figury: v 2 t.* [Genette G. Figures: in 2 vols.]. Moscow, Izd-vo im. Sabashnikovykh Publ., 1998, vol. 2, pp. 60–280. (In Russ.)

Zhukov V.P. *Slovar' russkikh poslovits i pogovorok* [Dictionary of Russian proverbs and sayings]. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1991, 534 p. (In Russ.)

Kornilov V.G. *Shishkar'* [Shishkar]. *Izbrannoe: v 2 t.* [Selected writings: in 2 vols.]. Moscow, Sovremennik Publ., 1990, vol. 1, pp. 540–558. (In Russ.)

Kravchenko E.Ia. *Skaz* [Tale]. *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i poniatii* [Poetics: a dictionary of actual terms and concepts], ed. by N.D. Tamarchenko. Moscow, Izd-vo Kulaginoi Publ.; Intrada Publ., 2008, pp. 233–235. (In Russ.)

Nikolina N.A. *Filologicheskii analiz teksta* [Philological analysis of the text]. Moscow, Akademiia Publ., 2003, 256 p. (In Russ.)

Paducheva E.V. *Semantika narrative* [Semantics of Narrative]. Paducheva E.V. *Semanticheskie issledovaniia (Semantika vremeni i vida v russkom iazyke)* [Semantic studies (Semantics of time and aspect in Russian)]. Moscow, Shkola "Iazyki russkoi kul'tury" Publ., 1996, pp. 195–418. (In Russ.)

Radbil' T.B. *Lingvopoetika i narratologiia* [Linguistic poetics and narratology]. Radbil' T.B. *Iazyk i mir: Paradoxy vzaimootrazheniia* [Language and World: Paradoxes of Mutual Reflection]. Moscow, Izd. Dom IaSK Publ., 2017, pp. 423–559. (In Russ.)

Skovorodnikov A.P. *Stilizatsiia* [Stylization]. *Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik: Vyrazitel'nye sredstva russkogo iazyka i rechevye oshibki i nedochety* [Encyclopedic Dictionary-Reference Book: Expressive means of the Russian language and speech errors and shortcomings], ed. by A.P. Skovorodnikov. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2009, pp. 309–313. (In Russ.)

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects], ed. by F.P. Filin, F.N. Sorokaleto, S.A. Myznikov. Leningrad; Sankt-Peterburg: Nauka Publ., 1965–2016, vol. 1–49 (In Russ.)

Slovar' russkogo iazyka: v 4 t. [Dictionary of the Russian language], ed. by A.P. Evgen'eva; AN SSSR, Institut russkogo iazyka. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1985–1988. (In Russ.)

Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo iazyka: v 2 t. [Phraseological dictionary of the Russian literary language: in 2 vols.], comp. A.I. Fedorov. Moscow, Tsitadel' Publ., 1997.

Shmid V. *Narratologiia* [Narratology]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2003, 312 p. (In Russ.)

Eikhnenbaum B.M. *Illuziia skaza* [Illusion of a tale]. Eikhnenbaum B.M. *Skvoz' literaturu* [Through Literature]. Leningrad, Academia Publ., 1924, pp. 152–156. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.12.2021; одобрена после рецензирования 14.01.2022; принята к публикации 09.02.2022.

The article was submitted 18.12.2021; approved after reviewing 14.01.2022; accepted for publication 09.02.2022.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 163–168. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 163–168. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 542.56

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-163-168>

ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ И ПОЛОЖЕНИЯ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ: ПОНЯТИЕ, ОСОБЕННОСТИ, ЗНАЧЕНИЕ

Грибкова Кристина Владимировна, Костромской государственный университет, Кострома, Россия, kmazurova@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-2747-0606>

Аннотация. Предметом исследования в настоящей статье являются существенные особенности судебных правоположений и правовых позиций как средств регулирования общественных отношений в процессе рассмотрения и разрешения различных категорий дел. В работе автор подчеркивает особую роль и значимость данных судебных усмотрений в правотворческом и правоприменительном процессе. Говорит о преодолении правовых коллизий и пробелов, а также проблемах их преодоления в той либо иной сфере общественных отношений судебными органами в процессе рассмотрения и разрешения конкретных дел. Анализирует понятия «правовая позиция», «судебное правоположение», апеллируя к различным воззрениям авторитетных исследователей по данной проблеме. Поднимает вопрос о необходимости и целесообразности принятия правовой концепции современного суверенного судебного нормотворчества, считая ее одним из основополагающих векторов модернизации национального права.

Ключевые слова: судебная практика, судебная правовая позиция, факторы формирования и развития судебных правовых позиций, правовое регулирование, судебное правоположение.

Для цитирования: Грибкова К.В. Правовые позиции и положения судебной практики: понятие, особенности, значение // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 163–168. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-163-168>

Research Article

LEGAL POSITIONS AND PROVISIONS OF JUDICIAL PRACTICE: CONCEPT, FEATURES, MEANING

Kristina V. Gribkova, Kostroma State University, Kostroma, Russia, kmazurova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2747-0606>

Abstract. The subject of the research in this article includes the essential features of judicial legal provisions and legal positions as means of regulating public relations in the process of consideration and resolution of various categories of cases. In the work, the author emphasises the special role and significance of these judicial discretion in the law-making and law enforcement process. We speak about overcoming legal conflicts and gaps, as well as problems of overcoming them in a particular sphere of public relations by judicial authorities in the process of considering and resolving specific cases. We analyse the concepts of “legal position”, “judicial legal position”, appealing to various views of authoritative researchers on this problem. We raise the question of the necessity and expediency of adopting the legal concept of modern sovereign judicial rulemaking, considering it one of the fundamental vectors of modernisation of national law.

Keywords: judicial practice, judicial legal position, factors of formation and development of judicial legal positions, legal regulation, judicial legal position.

For citation: Gribkova K.V. Legal positions and provisions of judicial practice: concept, features, meaning. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 163–168 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-163-168>

В современной доктрине права и правоприменительной практике отсутствует единство взглядов на определение терминов «судебное правоположение», «судебная правовая позиция». Для уяснения сущностного значения данных категорий обратимся к воззрениям авторитетных исследователей.

Аккумулировав точки зрения ученых разных лет на проблему понятийной нагрузки правоположений судебной практики, можно прийти к выводу, что в науке они рассматриваются в нескольких значениях:

- как синоним правовой нормы или в качестве ее разновидности [Краснов; Яковлева];
- как результат толкования и конкретизации нормы права [Лазарев];
- как способ преодоления юридической коллизии [Кузенков; Притченко].

Предмет других дискуссий, касающихся правоположений судебной практики, составляет определение субъектного состава, который может их формулировать. Мнения ученых на данную проблему можно объединить по двум направлениям.

Приверженцы первого из них предлагают рассматривать юридическую практику в качестве некой правовой реальности, структурно образованной правоположениями. Полагают, что отдельно взятый акт применения права включается в «опыт», который в дальнейшем в своей совокупности и образует практику. С течением времени, а также многократного применения он проходит испытание самой жизнью и, как следствие, подлежит обобщению высшими судебными инстанциями. Вместе с тем судебными органами за основу берется именно первичный опыт применения закона [Еремин, Кузенков].

Таким образом, авторы признают возможность формирования правоположений судебными органами всех уровней.

Противником такой позиции выступает М.З. Абесалашвили, считая, что судебные правоположения могут формироваться только лишь высшими судебными инстанциями [Абдуллаев, Абесалашвили].

Аналогичную позицию занимает Ю.А. Свирин, категорично отрицая возможность формирования правоположений судами по первой инстанции [Свирин].

Нам импонирует первая точка зрения. Мы считаем, что положение, сформулированное судом нижестоящей, скажем первой, инстанции, в момент своего образования (вынесения) свойством обобщенности и однородности в известной степени не обладает. Однако если такое положение с течением времени все-таки будет воспринято судебной практикой, произойдет его перерастание как «единичного», «казуального» правила в «общее», которое по своей природе в известной степени и можно назвать правоположением.

Здесь ключевым фактором выступает обнаружение различных правовых казусов той либо иной сферы общественных отношений, которое выявляется при разрешении конкретного спора, а при необходимости и конкретизация правовой нормы, что и является отправной точкой для формулирования правоположений.

Таким образом, справедливо утверждать, что деятельность по выработке правоположений осуществляется на уровне всех судебных инстанций:

- изначально она зарождается в процессе рассмотрения и разрешения индивидуального судебного спора;
- в дальнейшем развивается в вышестоящих судебных инстанциях;
- свой итог находит в формировании устойчивого правоположения.

Не менее дискуссионными являются вопросы формирования правовых позиций при разрешении конкретных дел.

В отличие от правоположений, правовые позиции – это результаты деятельности лишь высших судебных органов, Конституционного и Верховного суда РФ.

В юридической литературе большинство авторов сходятся во мнении, что правовые позиции указанных судебных органов следует определять в качестве юридически аргументированных выводов и обобщений, сделанных по результатам судебного толкования законодательных норм применительно к конкретной ситуации, обусловленной необходимостью обращения к высшим судебным инстанциям [Бугрова].

Есть и другие суждения, обобщив которые можно прийти к выводу, что правовые позиции в науке рассматриваются как:

- логико-юридические конструкции, выражающие отношение к праву в целом и его нормам в частности, а также к правовому регулированию [Краснов; Луць];
- некий итоговый вывод и приводимая аргументация судов вышестоящих инстанций [Андреева; Гук 2010];
- система правовых аргументов прецедентного характера, общих правовых ориентиров, сформулированная КС РФ и ВС РФ [Гасанова].

В своей структуре такие правовые позиции содержат судебное усмотрение (мнение) большинства судей, сформулированное на основе закона, их опыта и личного убеждения.

Заметим, на сегодняшний день все чаще как в практической деятельности (в частности, в судебном корпусе), так и научных кругах высказываются мнения о необходимости закрепления на законодательном уровне «судейского усмотрения» в качестве гарантии независимости судей [Тлий; Павлисова].

На наш взгляд, трактовка термина судейского усмотрения должна быть увязана с судейской совестью.

Вместе с тем ни один из действующих законодательных актов такой нормы не содержит.

Полагаем, назрела необходимость его закрепления в ст. 9 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации»¹. Более того, мы считаем, что усмотрение судей должно касаться лишь фактической стороны дела.

Судебные правовые позиции следует определять как результат аналитической деятельности высших судебных инстанций, имеющий цели конкретизации и устранения пробельности действующего законодательства, носящий обобщающий характер, обладающий особой правовой природой, образованный при помощи языковых, аргументационных и логических средств, в основе формирования которого заложены технико-юридические методы анализа правового материала, его оценка и последующее обобщение.

Предлагаем выделить такие существенные признаки рассматриваемых правовых позиций, как устойчивость и юридическая обязательность.

Первый признак устойчивости правовой позиции выражается посредством ее распространения на иные отношения при рассмотрении последующих дел.

Второй выделенный нами признак – обязательности – проявляется в ее юридической силе, поскольку такие правовые позиции обязательны к применению всеми судебными органами в процессе осуществления правоприменительной деятельности.

Так, например, П.Р. Закаева, Е.В. Лунева, А.А. Бикеев говорят о преюдициальной силе правовых позиций Конституционного суда Российской Федерации, закрепленных в актах его деятельности [Закаева 2020; Лунева, Бикеев].

Правовые позиции Конституционного суда Российской Федерации могут найти свое отражение как в его решениях, например в мотивировочной либо резолютивной части, а также могут быть сформулированы в иных актах, а именно определениях и постановлениях.

Правовые позиции формируются и в процессе деятельности Верховного суда РФ, находя свое закрепление в постановлениях пленума.

Значение их трудно переоценить. Так, например, Пленум Верховного суда РФ только в области защиты прав потребителей принял 25 постановлений, в которых содержится свыше 400 правовых позиций по указанной категории дел.

В данной области Президиум Верховного суда РФ обзорами утвердил более 200 правовых позиций [Андреева].

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что правовая позиция отвечает всем критериям правовой нормы, таким как:

- абстрактность;
- не имеет ограничений временного и пространственного характера;

- по своему содержанию действует в отношении неконкретизированного и неограниченного круга лиц;

- обладает признаком неоднократности в своем применении, что дает основание считать ее судебной нормой.

Считаем важным обратить внимание на тот факт, что исследуемые правовые позиции следует рассматривать в качестве некоего «базиса» (основы) принятия законодательных новелл, различного рода нормативно-правовых актов. Тем самым можно проследить непосредственное их влияние на формирование всего текущего законодательства.

На сегодняшний день деятельность судебных органов уже явно вышла за рамки непосредственного правоприменения, в ее процесс включилось судебное нормотворчество, играющее существенную роль для всего правового пространства РФ.

В связи с вышесказанным предлагаем, в поддержку позиций таких авторов, как П.Р. Закаева [Закаева 2021], П.А. Гук [Гук 2021], принять правовую концепцию современного суверенного судебного нормотворчества.

Именно оно, нормотворчество высших судебных инстанций, может и должно способствовать качественному и последовательному функционированию механизма систематизации судебной практики, результатом которого будут выступать обобщенные правовоположения, конкретизирующие смысл той или иной нормы либо вообще создавшие правило поведения в ситуациях, которые действующее законодательство напрямую не урегулировало.

Более того, принятие концепции позволит судьям, разрешая тот либо иной спор, применять оценочные правовые категории, апеллировать к ним, руководствуясь при этом своим индивидуальным усмотрением.

Все вышеизложенное обуславливает необходимость совершенствования национального законодательства путем:

1. Принятия правовой концепции современного суверенного судебного нормотворчества, в которой в том числе предусмотреть следующие определения.

Правоположения судебной практики – это устойчивый результат интеллектуальной деятельности суда, выражающийся в толковании и конкретизации нормы права, зарождающийся в процессе рассмотрения и разрешения индивидуального судебного спора, получающий свое дальнейшее развитие в вышестоящих судебных инстанциях.

Судебные правовые позиции – результат аналитической деятельности высших судебных инстанций, имеющий цели конкретизации и устранения пробельности действующего законодательства, носящий обобщающий характер, обладающий особой правовой природой, образованный при помощи языковых, аргументационных и логических средств.

Под судебным нормотворчеством предлагаем понимать выработку высшими судебными органами общих норм правового регулирования, толкование и конкретизацию норм и принципов права в процессе своей деятельности (в определенном виде судопроизводства) с закреплением этих результатов в судебном акте.

2. Дополнения Конституции РФ² новой статьей 127 «Судебное нормотворчество высших судебных органов», что дало бы импульс в развитии судебного нормотворчества в национальной правовой системе.

3. Закрепления принципа «единого суверенного судебного нормотворчества» в ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»³, согласно которому обобщенная и систематизированная правовая позиция судов вышестоящих инстанций облекается в форму «нормативного судебного акта», обладающего силой «общеобязательной модели» применения при разрешении конкретных дел в рамках конкретной правовой отрасли.

4. Расширения пределов права законодательной инициативы Верховного и Конституционного судов РФ применительно к любому из государственных и общественных вопросов, исключив из ч. 1 ст. 104 Конституции РФ фразу «по вопросам их ведения».

Считаем, что без разработки и принятия такой концепции и предложенных законодательных новелл в дальнейшем не представляется возможным рассчитывать не только на повышение авторитета власти судебной, но и всей российской системы права.

Примечания

¹ О статусе судей в Российской Федерации: Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 05.04.2021). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.08.2021).

² Конституция РФ 12 декабря 1993 года (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 № 11-ФКЗ, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.08.2021).

³ О судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020). Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.08.2021).

Список литературы

Абдуллаев А.Ю., Абесалашвили М.З. Правоположение и функции судебной практики // Актуальные вопросы развития современного общества: сб. ст. Курск, 2019. С. 12–14.

Андреева Т.К. Верховный суд должен заниматься не исправлением судебных ошибок, а выработкой правовых позиций // Закон. 2021. № 7. С. 8–16.

Бугрова Е.Г. Судебные правовые позиции: понятие, сущность и содержание // Острые углы уголовного судопроизводства: альманах Нижегородской научной школы процессуалистов. Н. Новгород, 2020. С. 192–195.

Власенко Н.А. Правовые позиции: понятие и виды. М.: Норма, 2008. С. 77–86.

Гасанова Д.П. Понятие и правовая природа правовых позиций: общетеоретический аспект // Державинский форум. 2019. Т. 3, № 9. С. 9–14.

Глоба М.В. К вопросу о факторах формирования и развития правовых позиций высших судебных органов России // Научные исследования и современное образование. Чебоксары, 2021. С. 139–141.

Гук П.А. Инновации судебного нормотворчества в России: доктрина, практика, техника // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 152–157.

Гук П.А. Правовая позиция как форма судебного нормотворчества // Законы России. 2010. № 7. С. 76–83.

Еремин А.Р., Кузенков К.Г. Место судебного правоположения в правовой системе РФ // Государственная власть и управление: проблемы и перспективы: Материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Саранск, 2020. С. 52–56.

Закаева П.Р. Концепция суверенного судебного нормотворчества как основа становления сильной судебной власти: предпосылки появления и перспективы развития // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Юридические науки. 2021. № 2 (42). С. 86–95.

Закаева П.Р. Сущность механизма систематизации судебной практики на примере правовых позиций Конституционного суда Российской Федерации // Правовые ценности в свете новых парадигм развития современной цивилизации: сб. науч. трудов. Сер.: Право. 2020. С. 357–363.

Краснов А.В. Правоположения, позиции судов и иные структурные феномены судебной практики // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». 2021. Т. 17. С. 11–18.

Кузенков К.Г. Определение места судебной практики в системе юридической деятельности России // Право и государство: теория и практика. 2021. № 4 (196). С. 33–36.

Лазарев В.В. Инновационная деятельность суда // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15. № 1. С. 85–93.

Лунева Е.В., Бикеев А.А. Сущность правоположений Конституционного суда Российской Федерации и их роль в нормотворческой деятельности // Власть Закона. 2016. № 4 (28). С. 101–113.

Луць Л.А. Аргументация и судебные правовые позиции // Юридическая техника. 2013. № 7–1. С. 19–22.

Притченко Р.С. Проблемное понимание судебной практики // Правовая держава. 2006. № 9. С. 192–197.

Пузиков Р.В., Гасанова Д.П. Значение судебных правовых позиций в механизме защиты прав человека // Права человека в механизме национальной безопасности: доктрина права и правовая жизнь. Тамбов, 2020. С. 195–217.

Свирин Ю.А. Судебный прецедент, правовые позиции суда и судебское усмотрение как источник права // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2020. № 4 (59). С. 26–30.

Стеничкин Н.Г. Вопросы ведения Верховного суда Российской Федерации при реализации законодательной инициативы // Российское правосудие. 2020. № 10. С. 32–41.

Тлий Н.И., Павлисова Т.Е. Влияние правовых позиций конституционного суда Российской Федерации на формирование правовой доктрины // Научное обеспечение агропромышленного комплекса: сб. ст. Краснодар, 2020. С. 1372–1375.

Щавинский Б.В. Правовая позиция в нормотворчестве: значение, техника выражения, проблемы реализации // Нормотворчество муниципальных образований России. Н. Новгород, 2002. С. 167–177.

Яковлева Л.В. О влиянии правоположений на судебную практику // Приоритеты современной российской уголовной политики: проблемы совершенствования уголовно-правового регулирования: междунар. науч.-практ. семинар. 2014. С. 166–172.

References

Abdullaev A.Iu., Abesalashvili M.Z. *Pravopolozhenie i funktsii sudebnoi praktiki* [Legal status and functions of judicial practice]. *Aktual'nye voprosy razvitiia sovremennogo obshchestva: sb. st.* [Actual issues of the development of modern society: digest of articles]. Kursk, 2019, pp. 12–14. (In Russ.)

Andreeva T.K. *Verkhovnyi sud dolzhen zanimat'sia ne ispravleniem sudebnykh oshibok, a vyrabotkoi pravovykh pozitsii* [The Supreme Court should not deal with the correction of judicial errors, but with the development of legal positions]. *Zakon* [Law], 2021, № 7, pp. 8–16. (In Russ.)

Bugrova E.G. *Sudebnye pravovye pozitsii: poniatie, sushchnost' i sodержanie* [Judicial legal positions: concept, essence and content]. *Ostrye ugly ugolovnoho sudoproizvodstva: al'manakh Nizhegorodskoi nauchnoi shkoly protsessualistov* [Sharp corners of criminal justice: almanac of the Nizhny Novgorod scientific school of processualists]. N. Novgorod, 2020, pp. 192–195. (In Russ.)

Vlasenko N.A. *Pravovye pozitsii: poniatie i vidy* [Legal positions: concept and types]. Moscow, Norma Publ., 2008, pp. 77–86. (In Russ.)

Gasanova D.P. *Poniatie i pravovaia priroda pravovykh pozitsii: obshcheteoreticheskii aspekt* [The concept

and legal nature of legal positions: a general theoretical aspect]. *Derzhavinskii forum* [Derzhavinsky Forum], 2019, vol. 3, № 9, pp. 9–14. (In Russ.)

Globo M.V. *K voprosu o faktorakh formirovaniia i razvitiia pravovykh pozitsii vysshikh sudebnykh organov Rossii* [To the question of the factors of formation and development of the legal positions of the highest judicial bodies of Russia]. *Nauchnye issledovaniia i sovremennoe obrazovanie* [Scientific research and modern education]. Cheboksary, 2021, pp. 139–141. (In Russ.)

Guk P.A. *Innovatsii sudebnogo normotvorchestva v Rossii: doktrina, praktika, tekhnika* [Innovations of Judicial Rulemaking in Russia: Doctrine, Practice, Technique]. *Iuridicheskai tekhnika* [Legal Technique], 2021, № 15, pp. 152–157. (In Russ.)

Guk P.A. *Pravovaia pozitsiia kak forma sudebnogo normotvorchestva* [Legal position as a form of judicial rule-making]. *Zakony Rossii* [Laws of Russia], 2010, № 7, pp. 76–83. (In Russ.)

Eremin A.R., Kuzenkov K.G. *Mesto sudebnogo pravopolozheniia v pravovoi sisteme Rossiiskoi Federatsii* [The place of judicial rule in the legal system of the Russian Federation]. *Gosudarstvennaia vlast' i upravlenie: problemy i perspektivy: materialy III Vseros. nauch.-prakt. konf.* [State power and management: problems and prospects: materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference]. Saransk, 2020, pp. 52–56. (In Russ.)

Zakaeva P.R. *Kontseptsiiia suverennogo sudebnogo normotvorchestva kak osnova stanovleniia sil'noi sudebnoi vlasti: predposylki poiavleniia i perspektivy razvitiia* [The concept of sovereign judicial rule-making as a basis for the formation of a strong judiciary: prerequisites for the emergence and development prospects]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser.: Iuridicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Ser.: Legal Sciences], 2021, № 2 (42), pp. 86–95. (In Russ.)

Zakaeva P.R. *Sushchnost' mekhanizma sistematizatsii sudebnoi praktiki na primere pravovykh pozitsii Konstitutsionnogo suda Rossiiskoi Federatsii* [The essence of the mechanism of systematization of judicial practice on the example of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Pravovye tsennosti v svete novykh paradig razvitiia sovremennoi tsivilizatsii: sb. nauch. trudov. Ser.: Pravo* [Legal values in the light of new paradigms of the development of modern civilization: collection of scientific papers. Ser.: Law], 2020, pp. 357–363. (In Russ.)

Krasnov A.V. *Pravopolozheniia, pozitsii sudov i inye strukturnye fenomeny sudebnoi praktiki* [Legal provisions, positions of the courts and other structural phenomena of judicial practice]. *Uchenye zapiski Kazanskogo filiala "Rossiiskogo gosudarstvennogo universiteta pravosudiia"* [Scientific notes of the Kazan branch of

the Russian State University of Justice], 2021, vol. 17, pp. 11–18. (In Russ.)

Kuzenkov K.G. *Opredelenie mesta sudebnoi praktiki v sisteme iuridicheskoi deiatel'nosti Rossii* [Determining the place of judicial practice in the system of legal activity in Russia]. *Pravo i gosudarstvo: teoriia i praktika* [Law and State: Theory and Practice], 2021, № 4 (196), pp. 33–36. (In Russ.)

Lazarev V.V. *Innovatsionnaia deiatel'nost' suda* [Innovative activity of the court]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava* [Actual problems of economics and law], 2021, vol. 15, № 1, pp. 85–93. (In Russ.)

Luneva E.V., Bikeev A.A. *Sushchnost' pravopolozenii Konstitutsionnogo suda Rossiiskoi Federatsii i ikh rol' v normotvorcheskoi deiatel'nosti* [The essence of the legal provisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and their role in rule-making activities]. *Vlast' Zakona* [Power of the Law], 2016, № 4 (28), pp. 101–113. (In Russ.)

Luts' L.A. *Argumentatsiia i sudebnye pravovye pozitsii* [Argumentation and judicial legal positions]. *Iuridicheskaiia tekhnika* [Legal technique], 2013, № 7–1, pp. 19–22. (In Russ.)

Pritchenko R.S. *Problemnoe ponimanie sudebnoi praktiki* [Problematic understanding of judicial practice]. *Pravovaia derzhava* [Legal Power], 2006, № 9, pp. 192–197. (In Russ.)

Puzikov R.V., Gasanova D.P. *Znachenie sudebnykh pravovykh pozitsii v mekhanizme zashchity prav cheloveka* [The value of judicial legal positions in the mechanism of protection of human rights]. *Prava cheloveka v mekhanizme natsional'noi bezopasnosti: doktrina prava i pravovaia zhizn'* [Human rights in the mechanism of national security: the doctrine of law and legal life]. Tambov, 2020, pp. 195–217. (In Russ.)

Svirin Iu.A. *Sudebnyi pretsedent, pravovye pozitsii suda i sudeiskoe usmotrenie kak istochnik prava* [Judicial precedent, legal positions of the court and judicial discretion as a source of law]. *Uchenye trudy Rossiiskoi akademii advokatury i notariata* [Scientific works of

the Russian Academy of Advocacy and Notaries], 2020, № 4 (59), pp. 26–30. (In Russ.)

Stenichkin N.G. *Voprosy vedeniia Verkhovnogo suda Rossiiskoi Federatsii pri realizatsii zakonodatel'noi initsiativy* [Issues of conducting the Supreme Court of the Russian Federation in the implementation of the legislative initiative]. *Rossiiskoe pravosudie* [Russian Justice], 2020, № 10, pp. 32–41. (In Russ.)

Tlii N.I., Pavlisova T.E. *Vliianie pravovykh pozitsii konstitutsionnogo suda Rossiiskoi Federatsii na formirovanie pravovoi doktriny* [Influence of the legal positions of the constitutional court of the Russian Federation on the formation of legal doctrine]. *Nauchnoe obespechenie agropromyshlennogo kompleksa: sb. st.* [Scientific support of the agro-industrial complex. Digest of articles]. Krasnodar, 2020, pp. 1372–1375. (In Russ.)

Shchavinskii B.V. *Pravovaia pozitsiia v normotvorchestve: znachenie, tekhnika vyrazheniia, problemy realizatsii* [Legal position in rule-making: meaning, expression technique, implementation problems]. *Normotvorchestvo munitsipal'nykh obrazovanii Rossii* [Rule-making of municipalities of Russia]. N. Novgorod, 2002, pp. 167–177. (In Russ.)

Iakovleva L.V. *O vliianii pravopolozenii na sudebnuu praktiku* [On the impact of legal provisions on judicial practice]. *Prioritety sovremennoi rossiiskoi ugolovnoi politiki: problemy sovershenstvovaniia ugolovno-pravovogo regulirovaniia. Mezhdunarodnyi nauchno-prakticheskii seminar* [Priorities of modern Russian criminal policy: problems of improving criminal law regulation. International scientific and practical seminar], 2014, pp. 166–172. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.10.2021; одобрена после рецензирования 13.12.2021; принята к публикации 09.02.2022.

The article was submitted 20.10.2021; approved after reviewing 13.12.2021; accepted for publication 09.02.2022.

НАЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С НЕЗАКОННОЙ ГОСПИТАЛИЗАЦИЕЙ В МЕДИЦИНСКУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ, ОКАЗЫВАЮЩУЮ ПСИХИАТРИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ В СТАЦИОНАРНЫХ УСЛОВИЯХ

Калужный Александр Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, Орел, Россия, kaluzniy-a-n@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7768-0874>

Аннотация. Существенная роль в раскрытии и расследовании преступлений, связанных с незаконной госпитализацией в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, принадлежит научно обоснованным методикам проведения судебно-экспертных исследований, в числе которых ключевое значение занимают рекомендации по назначению и производству судебно-психиатрической экспертизы. Возможности данной экспертизы позволяют определить наличие у потерпевшего психиатрического расстройства, подтвердить или опровергнуть основания госпитализации лица в психиатрический стационар, указать на законность или необоснованность действий врача-психиатра или комиссии таких врачей, являясь специфичными по рассматриваемой категории преступлений. С позиции законов диалектики, общенаучных и иных методов было проведено исследование специализированного медицинского законодательства и правоприменительной практики в рассматриваемой сфере, позволив выявить и охарактеризовать перечень объектов, истребуемых следователем и предоставляемых для производства рассматриваемой экспертизы. Автором аргументированы основания недобровольной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, которые обусловили предложенные рекомендации по составлению постановления о назначении соответствующей экспертизы. Изучение эмпирических данных выявило сущность судебно-психиатрической экспертизы по рассматриваемым преступлениям – установление факта тяжелого психического расстройства у потерпевшего, – позволив автору аргументировать неполноту «традиционных» вопросов, поставленных перед судебно-психиатрическими экспертами, обосновать их (вопросов) специфику по посягательствам, связанным с незаконной госпитализацией потерпевшего.

Ключевые слова: незаконная госпитализация, психиатрический стационар, судебная психиатрия, экспертиза, постановление, объекты исследования.

Для цитирования: Калужный А.Н. Назначение судебно-психиатрической экспертизы по преступлениям, связанным с незаконной госпитализацией в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 169–173. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-169-173>

Research Article

APPOINTMENT OF A FORENSIC PSYCHIATRIC EXAMINATION FOR CRIMES RELATED TO ILLEGAL HOSPITALISATION IN A MEDICAL ORGANISATION PROVIDING PSYCHIATRIC CARE IN IN-SITE SETTINGS

Alexander N. Kalyuzhny, Candidate of Jural Sciences, Associate Professor, Academy of the Federal Protective Service of Russia, Oryol, kaluzniy-a-n@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7768-0874>

Abstract. A significant role in the disclosure and investigation of crimes related to illegal hospitalisation in a medical organisation providing psychiatric care in an inpatient setting belongs to scientifically based methods of conducting forensic research, among which recommendations on the appointment and production of a forensic psychiatric examination are of key importance. The possibilities of this examination make it possible to determine whether the victim has a psychiatric disorder, to confirm or refute the grounds for hospitalising a person in a psychiatric hospital, to indicate the legality or unreasonableness of the actions of a psychiatrist or a commission of such physicians, being specific to the category of crimes under consideration. From the standpoint of the laws of dialectics, general scientific and other methods, a study of specialised medical legislation and law enforcement practice in the area under consideration was carried out, making it possible to identify and characterise the list of objects required by the investigator and provided for the production of the examination

in question. The author argued the grounds for involuntary hospitalisation in a medical organisation providing psychiatric care in an inpatient setting, which led to the proposed recommendations for drawing up a resolution on the appointment of an appropriate examination. The study of empirical data revealed the essence of a forensic psychiatric examination of the crimes in question – establishing the fact of a severe mental disorder in the victim, allowing the author to argue the incompleteness of the «traditional» questions posed to forensic psychiatric experts, to substantiate their (questions) specifics on encroachments related to illegal hospitalisation victim.

Keywords: illegal hospitalisation, psychiatric hospital, forensic psychiatry, examination, decision, objects of study.

For citation: Kalyuzhny A.N. Appointment of a forensic psychiatric examination for crimes related to illegal hospitalisation in a medical organisation providing psychiatric care in in-site settings. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 169–173 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-169-173>

Здоровье человека является одной из значимых категорий, проблематика исследования которого является приоритетной областью познания многих наук. Среди появляющихся новых направлений изучения здоровья не теряет актуальность разработка категорий психического, психиатрического здоровья (выявление дивиантных, делинкветных форм поведения, психических расстройств и др.) [Сергиенко: 99], занявшая центральное место в отражении благополучия человека в обществе.

Психическое здоровье выступает сложным, многомерным, динамическим процессом, для определения которого современная медицина использует множество показателей и критериев [Иванова: 16]. В то же время определение состояния психического здоровья может выступать инструментом в реализации преступных целей, совершения противоправных деяний, связанных с неправомерным завладением имуществом человека, приобретением права наследования, завладения бизнесом, преследования по политическим, религиозным, иным взглядам и т. п.

Возможность неправомерного ограничения или лишения физической свободы личности обязывает государство предусмотреть механизм защиты личности, закрепив соответствующие права: на охрану здоровья, на медицинскую помощь, на свободу личности, на обеспечение психического здоровья и др. Результатом данной деятельности стало закрепление в уголовном законодательстве страны совокупности посягательств, направленных на свободу личности, в числе которых – незаконная госпитализация лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (ст. 128 УК РФ).

Несмотря на существенную роль криминалистически значимой информации, получаемой в ходе производства различных следственных действий, доказывание преступлений, связанных с незаконной госпитализацией в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, невозможно без использования специальных знаний. Принципиальное значение среди них имеют результаты судебно-психиатрической экспертизы потерпевшего, которые укажут на наличие (или

отсутствие) психиатрического заболевания у жертвы, а также определяют необходимость применения в отношении лица принудительного психиатрического лечения.

Порядок производства судебно-психиатрической экспертизы определен приказом Министерства здравоохранения РФ¹, регламентирующим правила ее производства в государственных и специализированных судебно-психиатрических экспертных учреждениях. Особенности производства рассматриваемой экспертизы заключаются в оценке комиссией врачей-психиатров психиатрического, патопсихологического, сексологического (при необходимости) состояния пациента. Современные научные исследования дают значительное количество классификационных оснований психиатрических экспертиз, разграничиваемых по процессуальным отношениям, используемым областям специальных знаний, местам ее проведения, периодизации ее производства и т. п. [Спасенников, Копыткин: 14]. Предметом судебно-психиатрической экспертизы будут являться психические процессы, состояния, свойства психики потерпевшего, особенности его психической деятельности, а также временные изменения сознания под воздействием различных факторов [Носачев: 77].

Проведение судебно-психиатрической экспертизы является сложным, относительно длительным действием, требующим правильной организации ее производства, корректной формулировки вопросов комиссией врачей-психиатров, предоставления для ее производства определенного комплекса документации. Профессиональная принадлежность врачей-психиатров к единой профессии предопределяет необходимость выбора учреждения, в котором будет проводиться судебно-психиатрическая экспертиза, находящегося за пределами субъекта Российской Федерации, в котором совершено преступление, а также ориентацию на ведущие экспертные учреждения страны.

Для производства рассматриваемой экспертизы следователь должен предоставить все материалы уголовного дела, а также всю изъятую медицинскую и иную документацию: медицинскую карту стационарного больного² и приобщаемые к ней: заявление

лиц, ходатайствующих о проведении психиатрического освидетельствования без согласия пациента, с описанием причин его проведения, состояния и поведения человека; заключение медицинского работника о необходимости освидетельствования³; информированное добровольное согласие (отказ от него) на медицинское вмешательство (диагностические и лечебные исследования, процедуры); согласие потерпевшего или его представителей на обработку персональных данных; справки или амбулаторные карты из наркологического и психоневрологического диспансеров по месту регистрации потерпевшего; характеристику на потерпевшего по месту жительства, работы; письменное согласие на проведение экспертизы (потерпевшего или представителей жертвы в случае, если лицо таких имеет), а также акт психиатрического освидетельствования, составленный комиссией врачей-психиатров [Старчиков: 268–270].

В том случае, если для производства исследуемой экспертизы необходимы иные материалы, эксперты вправе самостоятельно их запросить и истребовать или их получить, взаимодействуя со следователем. Неполное предоставление документации для проведения судебно-психиатрической экспертизы приводит к затягиванию сроков ее проведения, может сказаться на объективности вынесенного экспертного заключения [Колмаков: 49].

Основанием для производства судебно-психиатрической экспертизы выступает постановление следователя, в описательной части которого должны быть подробно изложены обстоятельства события преступления. Особого внимания заслуживает постановка вопросов исследуемой экспертизы. Специфика и особенности состава преступления, связанного с незаконной госпитализацией в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, обуславливают постановку соответствующих вопросов [Савенко: 14], поскольку их «традиционная» формулировка: страдал ли потерпевший каким-либо психическим расстройством в указанный период времени и в настоящее время? способен ли он отдавать отчет в характере своих действий и руководить ими в указанный период времени и в настоящее время? нуждается ли он в применении принудительных мер медицинского характера и нет ли противопоказаний к этому? и др. – требует корректировки и не отражает всю полноту события преступления.

Поставленные перед комиссией экспертов вопросы должны исходить из положений ст. 29 закона «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»⁴, устанавливающих основания для недобровольного помещения лица в психиатрический стационар. Именно поэтому основной целью производства судебно-психиатрической экспертизы

будет являться установление факта тяжелого психического расстройства у потерпевшего (отсутствия такового тяжелого психиатрического расстройства) в период принятия врачом-психиатром решения о принудительной госпитализации (решения о незаконной госпитализации). Таким образом, первым вопросом будет являться: «Имелось ли у лица в период его недобровольной психиатрической госпитализации (указывается дата, время госпитализации) психическое расстройство? Если имелось, то относится ли оно к категории тяжких психических расстройств?»

Поскольку в содержании закона «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» указаны критерии отнесения психического расстройства к категории тяжких, они должны быть сформулированы в поставленном для производства исследуемой экспертизы вопросе: «Обусловлено ли имеющееся психическое расстройство одним из следующих обстоятельств: непосредственной опасностью потерпевшего для себя или окружающих; его беспомощностью (неспособностью самостоятельно удовлетворять основные жизненные потребности); существенным вредом его здоровью вследствие ухудшения психического состояния при оставлении без психиатрической помощи? Каким именно обстоятельством было обусловлено тяжелое психическое состояние подэкспертного?» [Макушин, Ткаченко: 573]

Для посягательства, связанного с незаконным помещением в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, установление наличия или отсутствия критериев тяжелого психического расстройства криминалистически значимо. При отсутствии таковых – имеются все основания признания врача-психиатра или комиссии врачей-психиатров виновными в совершении преступления, предусмотренного ст. 128 УК РФ.

Однако, как мы указывали ранее, даже наличие одного из вышеуказанных критериев еще не означает, что госпитализация в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, произведена законно. Врач-психиатр мог нарушить порядок такой госпитализации, методу проведения психиатрического исследования (освидетельствования) [Senyuta, Orlyuk, Buletsa: 190]. Указанное предопределяет необходимость постановки еще одного вопроса: «При отсутствии у лица в период недобровольной госпитализации психического расстройства, обуславливающего ее необходимость, произвел ли врач-психиатр необходимые действия для правильной диагностики заболевания?» На данный вопрос ответ экспертам дадут записи, сделанные врачом-психиатром в медицинской документа-

ции, а также показания врача-психиатра, данные им в ходе допроса. Особенностью разрешения данного вопроса будет являться исключение профессионально допустимых действий врача-психиатра в указанной в постановлении следователя ситуации и отраженной в медицинской документации, свидетельствуя об обладании им конкретным объемом информации [Шишков, Корзун: 66].

Таким образом, психическое расстройство потерпевшего могло и соответствовать критериям, указанным в ст. 29 закона «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»⁴, однако действия врача-психиатра могут не соответствовать требованиям законодательства (содержать грубые процедурные нарушения) и подпадать под признаки состава преступления, закрепленного в ст. 128 УК РФ.

Следует обратить внимание и на недопустимость постановки перед экспертами вопросов юридического характера, касающихся возможности несоблюдения врачом-психиатром юридических процедур реализации принудительной госпитализации. Они не относятся к специфике предмета судебно-психиатрической экспертизы. Данные вопросы должны быть решены путем допросов врачей-психиатров, заведующих отделениями, главных врачей и других медицинских работников в качестве специалистов, показания которых описывают особенности, специфику, механизм госпитализации, последовательность действий, которая должна была совершаться должностным лицом. В случае выявления нарушений следователем проводится их оценка с целью фиксации наличия состава уголовно наказуемого деяния, административного правонарушения или должностного проступка.

Подводя итоги изложенному, отметим, что мы рассмотрели лишь основные вопросы, которые ставятся перед экспертами судебной психиатрии. Практика расследования незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, а также обстоятельства, складывающиеся по конкретным уголовным делам, могут обуславливать постановку и решение других вопросов. Использование специальных знаний также не ограничивается сферой судебной психиатрии, детерминируя необходимость назначения и производства иных судебно-экспертных исследований, детерминированных обстоятельствами и ситуацией, имеющими место по рассматриваемым преступлениям.

Примечания

¹ Об утверждении Порядка проведения судебно-психиатрической экспертизы: Приказ Министерства здравоохранения РФ от 12 января 2017 г. № 3н // Российская газета. 2017. 17 марта. № 56.

² Об утверждении форм первичной медицинской документации учреждений здравоохранения: Приказ Минздрава СССР от 04 октября 1980 г. № 1030 // Гарант: справ. правовая система. URL: <https://base.garant.ru/5367302/> (дата обращения: 04.01.2022). Несмотря на отмену данного приказа, многие формы документов продолжают действовать до издания нового альбома образцов учетных форм.

³ О правомочности действия Приказа Минздрава СССР от 4 октября 1980 г. № 1030: Письмо Минздравсоцразвития РФ от 30 ноября 2009 г. № 14-6/242888 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: <https://base.garant.ru/71589802/> (дата обращения: 04.01.2022).

⁴ О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании: закон // Ведомости СНД и ВС РФ. 20.08.1992. № 33. Ст. 1913.

Список литературы

Иванова М.Г. Структурные, функциональные и динамические характеристики психологического здоровья личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2010. 23 с.

Колмаков П.А. О существующих проблемах при производстве судебно-психиатрических экспертиз // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2008. № 1. С. 48–51.

Макушин Е.В., Ткаченко А.А. Судебно-психиатрическая диагностика: монография. М.: Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского, 2017. 664 с.

Носачев Г.Н. «Парадоксы» предмета судебной психиатрии: попытка методологических рассуждений дилетанта // Психическое здоровье. 2020. № 5. С. 76–82.

Савенко Ю.С. О предмете судебной психиатрии и судебно-психиатрической экспертизы // Независимый психиатрический журнал. 2018. № 1. С. 10–17.

Сергиенко Н.А. Психологическое здоровье: субъективные факторы // Вестник РГГУ. Сер.: Психология. Педагогика. Образование. 2017. № 4 (10). С. 98–117.

Спасенников Б.А., Копыткин С.А. О проблемах судебно-психиатрической экспертизы в судебно-следственной практике // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 3 (35). С. 13–17.

Старчиков М.Ю. Предупреждение конфликтных ситуаций между медицинскими организациями и пациентами: положения законодательства, практические рекомендации и типовые образцы документов. М.: Инфотропик Медиа, 2019. 328 с.

Шишков С.Н., Корзун Д.Н. Предмет судебно-психиатрической экспертизы по уголовным делам о незаконной психиатрической госпитализации // Российский психиатрический журнал. 2020. № 2. С. 62–68.

Senyuta I, Orlyuk O, Buletsa S, Ivanchulynets D. Forensic medical and forensic psychiatric examination: some issues of legal regulation. Georgian Med News, 2020, Feb; (299):158-163. PMID: 32242865.

References

Ivanova M.G. *Strukturnye, funktsional'nye i dinamicheskie kharakteristiki psikhologicheskogo zdorov'ia lichnosti: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Structural, functional and dynamic characteristics of the psychological health of the individual: PhD thesis]. Saint Petersburg, 2010, 23 p. (In Russ.)

Kolmakov P.A. *O sushchestvuiushchikh problemakh pri proizvodstve sudebno-psikhiatricheskikh ekspertiz* [On the existing problems in the production of forensic psychiatric examinations]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie* [Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction], 2008, № 1, pp. 48–51. (In Russ.)

Makushin E.V., Tkachenko A.A. *Sudebno-psikhiatricheskaya diagnostika: monografiia* [Forensic psychiatric diagnostics]. Moscow, National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology named after V.P. Serbain Publ., 2017, 664 p. (In Russ.)

Nosachev G.N. «Paradoksy» predmeta sudebnoi psikhiatrii: popytka metodologicheskikh rassuzhdenii diletanta [“Paradoxes” of the subject of forensic psychiatry: an attempt at methodological reasoning by an amateur]. *Psikhicheskoe zdorov'e* [Mental Health], 2020, № 5, pp. 76–82. (In Russ.)

Savenko Iu.S. *O predmete sudebnoi psikhiatrii i sudebno-psikhiatricheskoi ekspertizy* [On the subject of forensic psychiatry and forensic psychiatric examination]. *Nezavisimyi psikhiatricheskii zhurnal* [Independent Psychiatric Journal], 2018, № 1, pp. 10–17. (In Russ.)

Sergienko N.A. *Psikhologicheskoe zdorov'e: sub'ektivnye faktory* [Psychological health: subjective factors]. *Vestnik RGGU. Ser.: Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Psychology. Pedagogy. Education], 2017, № 4 (10), pp. 98–117. (In Russ.)

Spasennikov B.A., Kopytkin S.A. *O problemakh sudebno-psikhiatricheskoi ekspertizy v sudebno-sledstvennoi praktike* [On the problems of forensic psychiatric examination in forensic investigative practice]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie* [Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction], 2016, № 3 (35), pp. 13–17. (In Russ.)

Starchikov M.Iu. *Preduprezhdenie konfliktnykh situatsii mezhdru meditsinskimi organizatsiyami i patsiyentami: polozheniia zakonodatel'stva, prakticheskie rekomendatsii i tipovye obraztzy dokumentov* [Prevention of conflict situations between medical organizations and patients: legal provisions, practical recommendations and standard documents]. Moscow, Infotropik Media Publ., 2019, 328 p. (In Russ.)

Shishkov S.N., Korzun D.N. *Predmet sudebno-psikhiatricheskoi ekspertizy po ugovolnym delam o nezakonnoi psikhiatricheskoi gospitalizatsii* [The subject of forensic psychiatric examination in criminal cases of illegal psychiatric hospitalization]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal* [Russian Psychiatric Journal], 2020, № 2, pp. 62–68. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 06.01.2022; одобрена после рецензирования 30.01.2022; принята к публикации 09.02.2022.

The article was submitted 06.01.2022; approved after reviewing 30.01.2022; accepted for publication 09.02.2022.

О НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ ДОГОВОРА АРЕНДЫ ЗДАНИЯ ИЛИ СООРУЖЕНИЯ

Семионов Дмитрий Леонидович, Костромской государственный университет, Кострома, Россия, partnerplus44@mail.ru

Сироткин Алексей Геннадьевич, кандидат юридических наук, Костромской государственный университет, Кострома, Россия, a_sirotkin@ksu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4066-1068>

Хлестакова Любовь Анатольевна, кандидат педагогических наук, Костромской государственный университет, Кострома, Россия, lub-kuku@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5649-405X>

Бекренев Павел Юрьевич, кандидат политических наук, Костромской государственный университет, Кострома, Россия, ppbb7@mail.ru

Аннотация. Реформирование гражданского законодательства путем принятия отдельных законов и внесения изменений в отдельные разделы Гражданского кодекса Российской Федерации стало причиной появления многих противоречивых и неопределенных положений в указанном нормативном акте. В статье рассматривается один из таких случаев относительно государственной регистрации договора аренды здания или сооружения. Целью государственной регистрации договора аренды недвижимости является установление в Едином государственном реестре недвижимости в отношении недвижимого имущества обременений, вытекающих из договора аренды недвижимости; в результате внесения в реестр сведений о договоре аренды права арендатора становятся известными всем третьим лицам (потенциальным покупателям, залогодержателям и другим). В настоящее время значительное место в регулировании отношений по государственной регистрации договора аренды недвижимости занимает судебная практика, компенсирующая недостатки законодательства. Авторы анализируют поэтапное развитие судебной практики Высшего арбитражного суда Российской Федерации, а затем Верховного суда Российской Федерации по применению норм, посвященных государственной регистрации договоров аренды здания или сооружения. С учетом сложившейся судебной практики в целях совершенствования правового регулирования договора аренды зданий и сооружений предлагается внести изменения в п. 2 ст. 651 Гражданского кодекса Российской Федерации, устранив тем самым противоречия между общими нормами о заключении договора и специальными нормами о договоре аренды здания или сооружения.

Ключевые слова: государственная регистрация, договор аренды, недвижимое имущество, противопоставимость, заключение договора, осведомленность.

Для цитирования: Семионов Д.Л., Сироткин А.Г., Хлестакова Л.А., Бекренев П.Ю. Правовое регулирование государственной регистрации договора аренды недвижимого имущества // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 174–179. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-174-179>

Research Article

ON THE UNCERTAINTY OF THE LEGAL REGULATION OF THE STATE REGISTRATION OF THE LEASE AGREEMENT OF A BUILDING OR STRUCTURE

Dmitry L. Semionov, Kostroma State University, Kostroma, Russia, partnerplus44@mail.ru

Aleksey G. Sirotkin, Candidate of Jural Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, a_sirotkin@ksu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4066-1068>

Lyubov A. Khlestakova, Candidate of Pedagogic Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, lub-kuku@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5649-405X>

Pavel Y. Bekrenev, Candidate of Political Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, ppbb7@mail.ru

Abstract. The reform of civil legislation through the adoption of separate laws and amendments to certain sections of the Civil Code of the Russian Federation has caused the appearance of many contradictory and uncertain provisions in this normative act. The article considers one of such cases concerning the state registration of a lease agreement for a building or structure. The purpose of state registration of a real estate lease agreement is to establish in the Unified State Register of Real Estate in respect of real estate encumbrances arising from a real estate lease agreement; as a result of entering information about the lease agreement into the register, the rights of the lessee become known to all third parties (potential buyers, mortgagees

and others). Currently, a significant place in the regulation of relations on the state registration of a real estate lease agreement is occupied by judicial practice, compensating for the shortcomings of legislation. The authors analyse the gradual development of judicial practice of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, and then the Supreme Court of the Russian Federation on the application of norms on the state registration of lease agreements of a building or structure. Taking into account the established judicial practice, in order to improve the legal regulation of the lease agreement of buildings and structures, it is proposed to amend paragraph 2 of Article 651 of the Civil Code of the Russian Federation, thereby eliminating the contradictions between the general rules on the conclusion of the contract and special rules on the lease agreement of buildings and structures.

Keywords: state registration, lease agreement, real estate, opposability, conclusion of contract, awareness.

For citation: Semionov D.L., Sirotkin A.G., Khlestakova L.A., Bekrenev P.Y. On the uncertainty of the legal regulation of the state registration of the lease agreement of a building or structure. *Vestnik of Kostroma State University*, 2022, vol. 28, № 1, pp. 174–179 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-174-179>

Во всем мире большое значение имеет юридическое оформление прав на недвижимое имущество. В процессе эволюции права в разных правовых порядках сложились разнообразные подходы к закреплению прав на недвижимое имущество. Выделяют две основные системы государственной регистрации недвижимости – актовую систему (система регистрации актов о сделках с недвижимостью) и титульную систему (система регистрации прав на недвижимое имущество) [Алексеев: 37–39].

В европейских государствах системы регистрации прав не являются единообразными, имея в своей основе либо «германскую», или «среднеевропейскую», модель (пообъектная регистрация прав в специальном реестре), либо «французскую» модель (транскрипционно-инскрипционная посубъектная регистрация прав на недвижимость). «Германская» модель построена на принципе внесения, который выражается в регистрации в реестре прав на недвижимое имущество. В такой системе государственной регистрации сделки с недвижимостью отодвигаются на второй план, так как они сами по себе не порождают прав на недвижимое имущество, а являются лишь основанием для регистрации перехода прав на недвижимое имущество в государственном реестре. Ответственный за ведение реестра недвижимости вносит запись о праве, и с этого момента у лица возникают соответствующие права на недвижимое имущество. «Французская» модель построена на принципе противопоставимости договора (зарегистрированного акта) третьим лицам [Церковников: 61–83]. Данный принцип означает, что регистрация (оглашение) сделок, заключенных в отношении недвижимого имущества, не создает права на недвижимое имущество, а лишь «опубличивает» их для остальных участников гражданского оборота; права на недвижимое имущество возникают в момент заключения договора.

Таким образом, если в «германской» модели права на недвижимое имущество возникают с момента их регистрации в реестре недвижимости, то во «французской» модели такие права возникают для лиц,

участвующих в сделке в момент ее заключения, но для третьих лиц – с момента государственной регистрации сделки.

В России долгое время одновременно в равной степени существовали две вышеназванные системы государственной регистрации недвижимости. Для перехода права собственности на недвижимое имущество необходимо было зарегистрировать как договор, так и переход прав на недвижимое имущество от отчуждателя к приобретателю.

В результате реформы Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) с 1 марта 2013 года введена в действие статья 8.1 ГК РФ, которая предусматривает государственную регистрацию прав на любое имущество, для которого такая регистрация обязательна¹. Также были отменены ряд специальных норм, посвященных государственной регистрации договоров по отчуждению недвижимого имущества.

Таким образом, по действующему законодательству права на недвижимое имущество возникают с момента внесения записи об этом в Единый государственный реестр недвижимости. Исключения предусмотрены для приобретения права собственности на недвижимое имущество в случае полной выплаты пая членом потребительского кооператива, в порядке наследования и реорганизации юридического лица (абзацы второй и третий п. 2, п. 4 ст. 218 ГК РФ, п. 4 ст. 1152 ГК РФ).

Вместе с тем французская модель системы регистрации недвижимости с его основополагающим принципом противопоставимости в усеченном виде продолжает существовать в российском частном праве. По-прежнему государственной регистрации подлежат долгосрочные договоры аренды зданий и сооружений, нежилых помещений, земельного участка, договоры участия в долевом строительстве многоквартирного дома, а также договоры цессии, заключаемые по вышеназванным договорам.

До реформы гражданского законодательства государственной регистрации подлежали практически все договоры с недвижимостью. В настоящее время в большинстве случаев регистрируется только пра-

вовой эффект заключенных договоров (переход права собственности, ипотека и так далее).

Одним из немногих договорных типов, подлежащих государственной регистрации, является договор аренды зданий и сооружений², а также договор аренды земельных участков, заключенных на срок один год и более.

Государственная регистрация договора аренды недвижимости основана на принципе противопоставимости, согласно которому незарегистрированный договор не может быть противопоставлен третьим лицам [Никулушкина: 160–175]. Р.С. Бевзенко указывает на то, что «сделка с недвижимостью является заключенной и действующей между сторонами в момент ее заключения, а как итог регистрации правовой результат сделки (права, возникшие из нее) считается возникшим в отношении всех третьих лиц. Последний эффект иногда называют принципом противопоставимости прав из зарегистрированных сделок» [Бевзенко: 209]. Следует согласиться с тем, что сама по себе государственная регистрация долгосрочного договора аренды зданий и сооружений не должна влиять на отношения сторон договора, как и на его заключенность.

Цель государственной регистрации договора заключается в обеспечении осведомленности третьих лиц (потенциальных покупателей недвижимости, залогодержателей и некоторых других) о наличии такой сделки между арендодателем и арендатором как своего рода обременения недвижимой вещи. Например, когда речь идет об аренде земельного участка, даже его осмотр перед покупкой может не позволить покупателю узнать о том, что участок предоставлен продавцом в аренду третьему лицу. Чтобы предотвратить такие ситуации, вводится регистрация долгосрочной аренды как обременения в целях придания правам арендатора публичного характера [Договорное право: 780].

В п. 2 ст. 651 ГК РФ указано, что договор аренды зданий и сооружений, заключенный на срок не менее года, подлежит государственной регистрации и считается заключенным с момента такой регистрации³. Из грамматического толкования вышеуказанной нормы следует, что от наличия государственной регистрации договора аренды зависит его заключенность между сторонами. Иными словами, нет регистрации – нет договора. Очевидно, что содержание данной нормы идет вразрез с целью государственной регистрации договора аренды недвижимого имущества, о которой мы писали выше.

Долгое время судебная практика ставила в зависимость от государственной регистрации договора его заключенность для самих сторон. Такой подход судов создавал большое количество злоупотреблений как со стороны арендодателя, так и со стороны арендатора.

Например, в одном из дел стороны заключили и зарегистрировали договор аренды складского помещения. Позже стороны заключили, но не зарегистрировали дополнительное соглашение к договору аренды, которым предусмотрели последующий выкуп складского помещения арендатором. Арендатор выплатил арендодателю выкупную стоимость складского помещения, но последний отказался исполнять условия дополнительного соглашения и не стал обращаться в органы регистрации прав на недвижимое имущество для регистрации перехода права собственности на объект недвижимости от арендодателя к арендатору. Арендатор, полагая, что его право нарушено, обратился в арбитражный суд о понуждении арендодателя к исполнению ранее заключенного дополнительного соглашения. Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации поддержал суд первой инстанции, который пришел к выводу, что дополнительное соглашение к договору аренды не заключено, так как не прошло государственную регистрацию; арендатору в иске было отказано⁴.

Так как случаи подобных злоупотреблений одной из сторон договора встречались довольно часто, Высший Арбитражный Суд Российской Федерации начал постепенно менять правовую позицию по данному вопросу.

Так, в п. 14 постановления Пленума ВАС РФ от 17 ноября 2011 г. № 73, введенным в текст постановления в 2013 г., суд указал, что «в случае если стороны достигли соглашения в требуемой форме по всем существенным условиям договора аренды, который в соответствии с названным положением подлежит государственной регистрации, но не был зарегистрирован, то при рассмотрении споров между ними судам надлежит исходить из следующего.

Если судами будет установлено, что собственник передал имущество в пользование, а другое лицо приняло его без каких-либо замечаний, соглашение о размере платы за пользование имуществом и по иным условиям пользования было достигнуто сторонами и исполнялось ими, то в таком случае следует иметь в виду, что оно связало их обязательством, которое не может быть произвольно изменено одной из сторон (ст. 310 ГК РФ), и оснований для применения судом положений статей 1102, 1105 этого Кодекса не имеется. В силу статьи 309 ГК РФ пользование имуществом должно осуществляться и оплачиваться в соответствии с принятыми на себя стороной такого соглашения обязательствами.

В то же время в силу ст. 308 ГК РФ права, предоставленные лицу, пользующемуся имуществом по договору аренды, не прошедшему государственную регистрацию, не могут быть противопоставлены им третьим лицам. В частности, такое лицо не имеет преимущественного права на заключение договора

на новый срок (п. 1 ст. 621 ГК РФ), а к отношениям пользователя и третьего лица, приобретшего на основании договора переданную в пользование недвижимую вещь, не применяется п. 1 ст. 617 ГК РФ»⁵.

Ранее похожая правовая позиция была высказана Президиумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в нескольких рассмотренных делах⁶.

Вышеуказанные разъяснения Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации позволяли нижестоящим арбитражным судам признавать не прошедшие государственную регистрацию долгосрочные договоры аренды недвижимости заключенными, если договор исполнялся сторонами.

Несмотря на то, что указанные позиции, разъяснения высших судебных инстанций во многом позволяли противостоять различным злоупотреблениям участников договора аренды недвижимости, этого было недостаточно.

Во-первых, совершенно неправильно ставить вопрос о заключенности консенсуального договора, каковым является договор аренды, в зависимости от его фактического исполнения. Во-вторых, не было ясности в вопросе о том, всегда ли третье лицо считается не знающим о незарегистрированном договоре аренды. К примеру, будет ли аффилированное с арендатором (или арендодателем) лицо считаться знающим о договоре аренды, если последний не был зарегистрирован?

Первая проблема получила свое решение в пунктах 2–4 информационного письма Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25.02.2014 года № 165, в котором судом была проведена идея о том, что договор аренды для сторон заключен с момента его подписания, а для третьих лиц – с момента его государственной регистрации. Также было разъяснено, что сторона договора, не прошедшего необходимую государственную регистрацию, не вправе на этом основании ссылаться на его незаключенность⁷.

Вторая проблема разрешена в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 49, в котором указано, что «арендатор здания по подлежащему государственной регистрации, но не зарегистрированному договору аренды не может ссылаться на его сохранение при изменении собственника (ст. 617 ГК РФ), если новый собственник в момент заключения договора, направленного на приобретение этого здания (например, договора продажи этого здания), не знал и не должен был знать о существовании незарегистрированного договора аренды»⁸.

Как мы видим, в Пленуме Верховного Суда Российской Федерации закреплена идея субъективной добросовестности третьего лица, которая выражается в следующем: если третье лицо знало или должно

было знать о том, что между сторонами существует договор аренды, оно не может ссылаться на отсутствие государственной регистрации договора в Едином государственном реестре недвижимости.

В 2015 году в рамках реформирования гражданского законодательства законодатель закрепил идею непротивопоставимости незарегистрированного договора в п. 3 ст. 433 ГК РФ, согласно которому договор, подлежащий государственной регистрации, считается для третьих лиц заключенным с момента его регистрации, если иное не установлено законом.

Вместе с тем, следуя общеизвестной формуле *lex specialis derogat generali* (специальный закон отменяет общий закон) строго формально мы не можем применить к правоотношениям, вытекающим из договора аренды здания или сооружения, п. 3 ст. 433 ГК РФ, минуя п. 2 ст. 651 ГК РФ. Также следует отметить, что в еще более общей норме, а именно в п. 1 ст. 164 ГК РФ, указано, что в случаях, если законом предусмотрена государственная регистрация сделок, правовые последствия сделки наступают после ее регистрации.

Таким образом, в настоящее время в действующем гражданском законодательстве наблюдается противоречивость и неопределенность правового регулирования в вопросе о значении государственной регистрации сделок с недвижимостью, в частности долгосрочного договора аренды зданий и сооружений. Многие авторитетные ученые не видят в этом большой проблемы. В частности, А.Г. Карапетов и М.А. Церковников рассматривают это противоречие как «технический» момент, не препятствующий судам толковать и применять специальную норму в соответствии со смыслом общей нормы [Договорное право: 820–821].

Тем не менее подобное положение, на наш взгляд, не способствует определенности правовых норм, которая является «первым условием упорядоченной общественной жизни» [Покровский: 64], и может повлечь ошибки при судебном разрешении споров, которые, даже в случае их исправления вышестоящими судами, негативно влияют на имущественный оборот. В качестве примера приведем судебное решение по спору, возникшему из смежных отношений, в которых также существует неопределенность правового регулирования. Речь идет о ст. 658 ГК РФ, в которой пункт о недействительности договора аренды предприятия расположен после пункта о государственной регистрации, что позволяет судам трактовать отсутствие регистрации как несоблюдение формы договора и признавать договор недействительным. Так, решением Арбитражного суда Кабардино-Балкарской Республики от 2 марта 2015 г. по делу № А20-3634/2014 был признан недействительной (ничтожной) сделкой договор аренды предприятия в связи с отсутствием

государственной регистрации (в дальнейшем это решение было отменено вышестоящей инстанцией)⁹.

Полагаем, что законодатель должен устранить логическое противоречие и существующую неопределенность правового регулирования в целях избежания судами двойного толкования и ошибочного применения последствий несоблюдения требований о государственной регистрации долгосрочных договоров аренды здания или сооружения.

С учетом вышеизложенного предлагаем внести изменения в п. 2 ст. 651 Гражданского кодекса Российской Федерации и изложить данную норму в следующей редакции: «Договор аренды здания или сооружения, заключенный на срок не менее года, подлежит государственной регистрации и считается для добросовестных третьих лиц заключенным с момента такой регистрации».

Примечания

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ: (в ред. от 21 декабря 2021 г.) // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=s7C1BA&base=LAW&n=402655&cacheid=C55A21A0FA1866F93981639B0F4426D5&mode=rubr#1Be8qvSPxurf15KD> (дата обращения: 25.12.2021).

² Согласно позиции Президиума ВАС РФ, изложенной в информационном письме от 01.06.2000 № 53 «О государственной регистрации договоров аренды нежилых помещений», правила о государственной регистрации договора аренды здания распространяются по аналогии закона также на договор аренды нежилого помещения, поскольку помещение неразрывно связано со зданием и в ГК РФ отсутствуют какие-либо специальные нормы о государственной регистрации договоров аренды нежилых помещений.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ: (в ред. от 01 июля 2021 г.) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=s7C1BA&base=LAW&n=377025&cacheid=3406BF7E8B89507BC3CD0C1BA6978292&mode=rubr#e7WaqvSvQHHzGIzwC> (дата обращения: 25.12.2021).

⁴ Постановление Президиума ВАС РФ от 27.01.2009 № 11680/08 по делу № А70-2321/10-2007 // Вестник ВАС РФ. 2009. № 5.

⁵ Постановление Пленума ВАС РФ от 17.11.2011 № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» // Вестник ВАС РФ. 2012. № 1.

⁶ Постановление Президиума ВАС РФ от 08.04.2008 № 1051/08 по делу № А40-13978/07-60/103 // Вестник ВАС РФ. 2008. № 7; Постановление

Президиума ВАС РФ от 06.09.2011 № 4905/11 по делу № А51-23410/2009 // Вестник ВАС РФ. 2011. № 12.

⁷ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.02.2014 № 165 «Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 4.

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

⁹ Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.01.2016 № 16АП-1547/2015 по делу № А20-3634/2014.

Список литературы

Алексеев В.А. Недвижимое имущество: государственная регистрация и проблемы правового регулирования. М.: ВолтерсКлувер, 2007. 504 с.

Бевзенко Р.С. Регистрационный конструктор, или Как создать идеальную регистрационную систему? (К русскому переводу работы Р. Торренса) // Вестник гражданского права. 2018. № 2. С. 202–225.

Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. Москва: М-Логос, 2020. 1425 с.

Никулушкина А.С. Принцип противопоставимости и п. 3 ст. 433 ГК РФ в практике арбитражных судов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 5. С. 160–175.

Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Петроград: Издание Юридического книжного склада «Право», 1917. 328 с.

Церковников М.А. Регистрация сделок с недвижимостью во Франции: принцип противопоставимости // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 3. С. 61–83.

References

Alekseev V.A. Nedvizhimoe imushchestvo: gosudarstvennaia registratsiia i problem pravovogo regulirovaniia [Real estate: state registration and problems of legal regulation]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2007, 504 p. (In Russ.)

Bevzenko R.S. Registratsionnyi konstruktor, ili kak sozdat' ideal'nuu registratsionnuu sistemu? (K russkomu perevodu raboty R. Torrensa) [Registration constructor, or How to create an ideal registration system? (To the Russian translation of R. Torrens' work)]. *Vestnik grazhdanskogo prava* [Bulletin of Civil Law], 2018, № 2, pp. 202–225. (In Russ.)

Dogovornoopravo (obshchaiachast'): postateinyi kommentarii k stat'iam 420–453 Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii [Contract law (general

part): article-by-article commentary to Articles 420–453 of the Civil Code of the Russian Federation], ed. by A.G. Karapetov. Moscow, M-Logos Publ., 2020, 1425 p. (In Russ.)

Nikulushkina A.S. *Printsip protivopostavimosti p. 3 st. 433 GK RF v praktike arbitrazhnykh sudov* [The principle of opposability and Clause 3 of Article 433 of the Civil Code of the Russian Federation in the practice of arbitration courts]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosu-diia Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation], 2019, № 5, pp. 160–175. (In Russ.)

Pokrovskii I.A. *Osnovnye problemy grazhdansko-go prava* [The main problems of civil law]. Petrograd, Izdanie Iuridicheskogo knizhnogo sklada “Pravo” Publ.,

1917, 328 p. (In Russ.)

Tserkovnikov M.A. *Registratsiia sdelok s nedvi-zhimost'iu vo Frantsii: printsip protivopostavimosti* [Registration of real estate transactions in France: the principle of opposability]. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation], 2012, № 3, pp. 61–83. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 22.11.2021; одо-брена после рецензирования 15.01.2022; принята к пуб-ликации 09.02.2022.

The article was submitted 22.11.2021; approved after reviewing 15.01.2022; accepted for publication 09.02.2022.

СИСТЕМА СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ПРИРОДООХРАННЫХ ПРОКУРАТУР РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ, ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И ПРИНЦИПЫ ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ

Орловская Ирина Викторовна, Костромской государственный университет, Кострома, Россия, irinorlovskaya@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9215-7181>

Аннотация. Одним из эффективных механизмов обеспечения экологической безопасности является система природоохранных прокуратур. Автор предпринял попытку по-новому, с учетом современных реалий, определить место и роль природоохранных прокуратур в системе органов государственной власти, изучить исторические предпосылки формирования бассейнового (экосистемного) принципа организации работы природоохранной прокуратуры, раскрыть его содержание, проанализировать вопрос возможности повышения эффективности и действенности надзорной деятельности природоохранных прокуратур, созданных по бассейновому (экосистемному) принципу. В исследовании сформулировано авторское определение понятия «бассейновый принцип внутриведомственной организации природоохранных прокуратур», сделан вывод об эффективности такой формы внутриведомственной организации надзорной деятельности. В работе раскрыты позиции различных исследователей по вопросу целесообразности создания природоохранных прокуратур, в том числе организованных по бассейновому (экосистемному) принципу, и их дальнейшего расширения. Автором сформулированы практико-ориентированные предложения по повышению результативности работы природоохранных прокуратур за счет реформирования их структуры. Методологической базой работы служат общенаучные методы логического, сравнительно-правового, нормативно-правового анализа, использованы возможности исторического и междисциплинарного подхода к исследованию.

Ключевые слова: прокуратура, природоохранная прокуратура, специализированная прокуратура, прокурорский надзор, бассейновый принцип, экосистемный принцип, надзор, экология, экологические права, экологическая безопасность.

Для цитирования: Орловская И.В. Система специализированных природоохранных прокуратур Российской Федерации: исторические, организационно-правовые аспекты и принципы ее формирования // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 180–192. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-180-192>

Research Article

THE SYSTEM OF SPECIALISED ENVIRONMENTAL PROSECUTOR'S OFFICES OF THE RUSSIAN FEDERATION: HISTORICAL, ORGANISATIONAL AND LEGAL ASPECTS AND PRINCIPLES OF ITS FORMATION

Irina V. Orlovskaya, Kostroma State University, Kostroma, Russia, irinorlovskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9215-7181>

Abstract. One of the effective mechanisms for ensuring environmental safety is the system of environmental prosecutor's offices. The author has made an attempt in a new way, taking into account modern realities, to determine the place and role of environmental prosecutor's offices in the system of public authorities, to study the historical prerequisites for the formation of the basin (ecosystem) principle of organising the work of the environmental prosecutor's office, to reveal its content, to analyse the possibility of improving the efficiency and effectiveness of the supervisory activities of environmental prosecutor's offices established on the basin (ecosystem) principle. The author's definition of the concept "basin principle of the intradepartmental organisation of environmental prosecutor's offices" is formulated in the study with the conclusion made about the effectiveness of this form of intradepartmental organisation of supervisory activities. The paper reveals the positions of various researchers on the feasibility of creating environmental prosecutor's offices, including those organised according to the basin (ecosystem) principle, and their further expansion. The author has formulated practice-oriented proposals to improve the effectiveness of environmental prosecutor's offices by reforming their structure. The methodological basis of the work includes the general scientific methods of logical, comparative legal, regulatory analysis with the possibilities of a historical and interdisciplinary approach to research used.

Keywords: prosecutor's office, environmental prosecutor's office, specialised prosecutor's office, prosecutor's supervision, basin principle, ecosystem principle, supervision, ecology, environmental rights, environmental safety.

For citation: Orlovskaya I.V. The system of specialised environmental prosecutor's offices of the Russian Federation: historical, organisational and legal aspects and principles of its formation. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 180–192 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-180-192>

XX в. знаменован зарождением экологических прав человека. В условиях непрекращающейся модернизации экономики повсеместно международное сообщество заговорило о необходимости обеспечения реализации экологических прав каждого, возникла потребность в современном и действенном механизме их обеспечения, реализации и защиты.

Одним из элементов российского внутригосударственного механизма защиты экологических прав должна была стать прокуратура. Возникновение в России надзорной деятельности за исполнением экологического законодательства предопределило именно выделение природоохранительной функции в качестве самостоятельной функции государства, и произошло это только в XX в.

Объективным фактором, решающим образом повлиявшим на изменение места и роли природоохранительной деятельности государства в системе его функций, явилось развитие научно-технической революции, которая неизбежно связана с многократно возросшим вовлечением окружающей природной среды в общественное производство, что, в свою очередь, вызывает негативные последствия в экологических системах [Байтин: 280].

Полагаем необходимым отразить социально-экономические условия, в которых формировалась экологическая функция государства, а за ней и прокурорский надзор за исполнением законов в сфере охраны окружающей среды и природопользования. Ведь именно для надлежащей реализации экологической функции государства и были созданы природоохранные прокуратуры.

Особое внимание вопросам охраны окружающей среды в Советском Союзе на государственном уровне впервые стали уделять в 1950-х гг. Именно в этот период прослеживается тенденция к формированию четкого правового регулирования и закрепления полномочий за определенными властными структурами в указанной сфере [Бижанова: 233].

В постановлении Верховного Совета СССР от 20.09.1972 «О мерах по дальнейшему улучшению охраны природы и рациональному использованию природных ресурсов»¹ охрана природы признана одной из важнейших государственных задач, для решения которой СССР последовательно осуществляются мероприятия, направленные на улучшение охраны природы и обеспечение рационального использования природных ресурсов.

В самых верхах руководства страны неоднократно констатируется, «... что с стране сложилась тревожная, а местами кризисная экологическая обста-

новка... На грани экологического кризиса... бассейны Волги... Черного, Азовского, Каспийского и Балтийского морей и ряд других регионов...» (постановление Верховного Совета СССР от 27.11.1989 № 829-1 «О неотложных мерах экологического оздоровления страны»²).

Устанавливая основные векторы развития и совершенствования природоохранительного законодательства в качестве одной из мер по повышению эффективности соблюдения законодательства в сфере охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов, Верховный Совет СССР³ поручил прокуратуре Союза ССР считать одним из основных направлений в деятельности по укреплению социалистической законности и правопорядка борьбу с нарушениями природоохранительного законодательства, принять дополнительные меры к предупреждению и пресечению нарушений законодательства об охране природы, к устранению причин и условий, им способствующих (п. 4).

Аналогичные поручения содержатся и в постановлении Верховного Совета СССР от 03.07.1985 «По отчету Генерального прокурора СССР о деятельности прокуратуры СССР по надзору за исполнением требований советских законов об укреплении правопорядка, охране прав и законных интересов граждан»⁴. Так, Верховный Совет СССР постановил Генеральному прокурору СССР и подчиненным ему прокурорам, руководствуясь решениями XXVI съезда КПСС и последующих Пленумов ЦК КПСС, Конституцией СССР, Законом о прокуратуре СССР, обеспечить дальнейшее повышение эффективности надзора за точным и единообразным исполнением законов государственными и общественными органами, должностными лицами, а также гражданами; принимать решительные меры по выявлению и своевременному устранению любых нарушений законности, борьбе с чуждыми социалистическому образу жизни явлениями; уделять при этом особое внимание строгому соблюдению требований законодательства об охране природы (абз. 2 п. 1).

Принятие вышеуказанных постановлений Верховного Совета СССР послужило отправной точкой для обособления такого вида прокурорской деятельности, как прокурорский надзор за исполнением экологического законодательства.

Еще в 1988 г. Генеральный прокурор СССР А.Я. Сухарев отмечал: «Важным условием прогресса нашего общества стала охрана природы... Прокурорского надзора в этой сфере, по существу, не было. Все сводилось к регистрации ЧП, иногда под напо-

ром общественности к ответственности привлекались “мелкие сошки”. Дело дошло до того, что у зданий некоторых прокуратур люди устраивали демонстрации. Сейчас обстановка меняется, сознание грозящей опасности рождает всенародную борьбу за очищение земли, воды и атмосферного воздуха. По-иному встал вопрос о месте прокуратуры. Сформировано 16 специальных природоохранных прокуратур...» [Сухарев: 193].

«...1985–1986 гг. ...надвигающийся экологический кризис и особенно Чернобыльская трагедия вынудили государство усилить надзор за исполнением природоохранного законодательства. Были приняты меры к совершенствованию прокурорского надзора на экологически неблагоприятных территориях...» [Виноградов: 24].

В СССР природные ресурсы конституционно признавались основой экономики социалистического строя, в связи с чем надзор прокуратуры в сфере охраны окружающей среды становился одним из приоритетных направлений работы органов прокуратуры, что, в свою очередь, требовало тщательной организации, планирования и системного подхода на данном участке прокурорской деятельности» [Бижанова: 235].

В обозначенных условиях принимаются знаковые решения. В 1989 г. образовано Управление по надзору за исполнением природоохранного законодательства⁵. Впервые в отечественной истории Верховным Советом СССР Прокуратуре Союза ССР поручается расширить систему природоохранных прокуратур⁶ (п. 7). В 1990 г., накануне распада СССР, природоохранных прокуратур насчитывалось 110, из них две трети – в России [Виноградов: 24]. Но этого количества явно было недостаточно.

Складывающиеся политические, социально-экономические условия требовали принятия быстрого и неординарного решения в части выбора организационной формы внутриведомственного устройства системы природоохранных прокуратур, позволяющей повысить эффективность прокурорской деятельности на таком стратегически важном направлении.

И такая организационная форма функционирования сети природоохранных прокуратур была найдена, она получила название «бассейновая».

Одной из первых прокуратур, сформированных по бассейновому принципу, была Каспийская бассейновая прокуратура (на правах областной), однако наибольшую известность получила Волжская межрегиональная природоохранная прокуратура. Приказом Генерального прокурора СССР А.Я. Сухарева от 27.04.1990 № 443ш «Об образовании прокуратуры»⁷ прокуратура со штатом 30 единиц была образована на правах областной с дислокацией в городе Калинин Калининской области (ныне г. Тверь, Тверская область).

Спустя 5 месяцев, в октябре 1990 г., приказом Генерального прокурора СССР № 647-ш⁸ были образованы 12 межрайонных природоохранных прокуратур, расположенных в городах, представляющих наибольшую экологическую опасность: Кострома, Кинешма, Череповец, Нижний Новгород, Ульяновск, Ярославль, Куйбышев, Саратов, Тверь, Осташков, Чебоксары и Казань.

В ноябре 1990 г. в сферу надзорной деятельности Волжской природоохранной прокуратуры вошла и Рязанская область, территорию которой пересекает приток Волги (приказ прокуратуры СССР от 11.11.90 г. № 705-ш⁹) с местом дислокации в г. Рязани.

В марте 1992 г., после упразднения прокуратуры Каспийского водного бассейна, приказом Генерального прокурора РСФСР В.Г. Степанкова (приказ от 04.01.1992 № 13-ш¹⁰) в подчинение Волжской межрегиональной прокуратуре были переданы Северо-Каспийская водная прокуратура, впоследствии переименованная в Астраханскую межрайонную природоохранную прокуратуру, и Нижневолжская водная прокуратура – ныне Волгоградская межрайонная природоохранная прокуратура (переименование – приказ прокуратуры РСФСР от 02.03.1992 № 208а-ш¹¹).

26 января 1998 г. приказом Генерального прокурора РФ № 34-ш¹² Волжская природоохранная прокуратура была переименована в Волжскую межрегиональную природоохранную прокуратуру.

Как следует из названия и организационной структуры, Волжская межрегиональная природоохранная прокуратура была призвана осуществлять прокурорский надзор за исполнением законов, направленных на защиту окружающей среды и экологических прав граждан, в бассейне реки Волги. Поднадзорной территорией стала территория 14 регионов страны.

Учитывая напряженную экологическую обстановку в бассейне р. Волги, в Приволжском экономическом районе, создание такой прокуратуры в Поволжье было экологически, экономически и юридически аргументированным управленческим решением.

Складывающаяся эколого-экономическая обстановка в СССР и в Российской Федерации, физико-географические особенности территории страны позволяли констатировать, что административно-территориальный принцип построения органов прокуратуры не является универсальным и не в полной мере выполняет свои роли в реализации экологических функций государства.

Экологические правоотношения не могут быть поставлены в зависимость от территориального деления страны. Напротив, экологические правоотношения существуют не только вне административно-территориальных границ регионов, но и государств. Невозможно изменить водный режим рек с учетом административных границ, запретить воздуху перемещаться, водным биологическим ресурсам и дру-

гим водным животным, объектам животного мира мигрировать и т. д. Последствия экологических правонарушений развиваются под влиянием природных закономерностей, а не законодательных положений отдельно взятого государства, региона.

Аналогичным образом было обращено внимание и на тот факт, что не поставлены в зависимость от административно-территориального деления страны, его федеративного устройства и хозяйственные, государственно-правовые структуры, за исполнением законов которыми необходимо надзирать природоохранному прокурору.

Так, система управления водным хозяйством России строится на территориальном (бассейновом) принципе. Данный принцип был внедрен в работу еще в 60-х годах прошлого столетия и оправдывает себя по настоящее время. Природные рубежи водных объектов довольно часто не совпадают с административно-территориальным делением Российской Федерации, что чревато возникновением правовой неопределенности в части принятия мер правовой охраны водных объектов, расположенных на территории двух и более регионов, а также в части водопользования.

В современном Водном кодексе Российской Федерации¹³ аналогичный подход получил законодательное закрепление в ст. 3, согласно которой основным принципом водного законодательства является принцип регулирования водных отношений в границах бассейновых округов (бассейновый подход).

Именно бассейновый подход к управлению водным хозяйством и был взят за основу при решении вопроса об организации системы природоохранных прокуратур.

Первый Волжский межрегиональный природоохранный прокурор В.П. Виноградов довольно просто объяснил суть бассейновой концепции: «...Я глубоко убежден в том, что проблему великой русской реки Воли нельзя решить в отдельно взятом регионе. Волга – это единая экосистема, это целостный неделимый организм, расчленение которого не позволит ему нормально функционировать. А потому и надзорные функции должны осуществляться единым специализированным органом...» [Виноградов: 4].

В.П. Рябцевым отмечается, что «Научные основы формирования и деятельности специализированных прокуратур подверглись серьезному испытанию, когда в 1990-х гг. под воздействием местнических тенденций была ослаблена централизация транспортных, природоохранных, специализированных (в закрытых административных образованиях и на спецобъектах) прокуратур, которые были переподчинены непосредственно прокурорам субъектов Федерации. Это ослабило управляемость, ухудшило информационно-аналитическую работу, планирование, координацию и взаимодействие правоохранительных структур, дей-

ствующих в специализированных сферах правовых отношений» [Рябцев: 26].

По мнению сторонников исследуемой концепции, «именно такая структура позволяет иметь целостную картину состояния законности во всем Волжском бассейне, глубоко вникнуть в суть экологических проблем Волги, видеть перспективу, акцентировать внимание на более острых вопросах. Такой подход позволяет обеспечивать комплексный и последовательный характер работы по предупреждению и пресечению экологических правонарушений, позволяет на деле противостоять местническим и узковедомственным интересам в использовании природных ресурсов, что в конечном итоге способствует укреплению государственной целостности России»¹⁴.

В обозначенных условиях формирование системы природоохранных прокуратур по бассейновому принципу было решением своевременным, основанным на потребностях того времени.

Длительный период времени велись дискуссии о практической значимости создания и существования природоохранных прокуратур. В указанном контексте затрагивался вопрос о допустимости построения прокурорской системы не по принципу административно-территориального деления страны.

Вначале вопрос необходимости существования специализированных прокуратур, в том числе и Волжской природоохранной, был поставлен под сомнение даже и. о. Генерального прокурора РФ А.И. Ильюшенко [Виноградов: 3].

Сторонников существования природоохранных прокуратур, в том числе и созданных по бассейновому принципу, было значительно больше.

Когда вопрос о природоохранной деятельности прокуратуры был вынесен на коллегию Генеральной прокуратуры РФ, бывший Генеральный прокурор РФ А.Я. Сухарев выступил в защиту природоохранного прокурорского надзора, убедительно доказывал его эффективность и отстаивал необходимость укрепления природоохранных прокуратур, их кадровой, технической и материальной обеспеченности, повышения их эффективности и завоевания достойного места в системе государственных правоохранительных и природоохранных органов, их деятельности по обеспечению законности в сфере охраны окружающей среды [Боголюбов: 49].

Профессор Э.Н. Жевлаков определенные надежды на улучшение экологической обстановки связывал с совершенствованием прокурорского надзора за исполнением законодательства об охране окружающей природной среды и развитием сети природоохранных прокуратур [Жевлаков: 10].

Профессором Т.А. Ащурбековым подчеркивается: «Одной из важнейших тенденций современного правового развития становится «экологизация»

права, что обусловлено интенсивным развитием хозяйственной жизни, обострением в стране экологической ситуации. В связи с этим существенным образом возрастают надзорные задачи природоохранных прокуратур, которые в основном объективно функционируют не на административно-территориальных, а на иных экономико-организационных принципах. Учет этих принципов, развитие форм и направлений их деятельности при организационно-структурном построении природоохранных прокуратур укрепляют федеративные начала российской государственности» [Ашурбеков: 17].

Профессором В.Д. Ермаковым указывается на необходимость усиления прокурорского надзора за исполнением данного законодательства, развития сети природоохранных прокуратур и углубления специализации [Ермаков: 14].

Профессором А.А. Алексеевым акцентируется внимание на особом значении специализации для общенадзорной деятельности, в процессе которой осуществляются наблюдение и проверка сотен, если не тысяч законодательных актов, регулирующих самые разнообразные отношения [Алексеев: 8].

По мнению профессора Ю.Е. Винокурова, «осуществление надзора требует от прокуроров глубокого знания огромного числа законов и подзаконных актов, исполнение требований которых проверяется прокурором. Максимально глубокое знание требований всех действующих на территории РФ законов, методов выявления и устранения их нарушений одним прокурором практически невозможно. Решением этой проблемы и является специализация, существующая не только в прокуратуре, но и в судебной системе (коллегии по уголовным и гражданским делам), системе МВД и других правоохранительных органов» [Винокуров: 27].

В.П. Виноградов отмечал, что «...важнейшим условием повышения результативности прокурорского надзора должно стать дальнейшее развитие и совершенствование системы природоохранных прокуратур... Межрайонные природоохранные прокуратуры, действующие разрозненно и на ограниченных территориях, не могут эффективно решать проблемы, выходящие на уровень регионов, чтобы своевременно и квалифицированно реагировать на экологические правонарушения межрегионального характера...» [Виноградов: 25].

В таких условиях формировалась система природоохранных прокуратур. На территории бывших союзных республик, а потом и на территории современной России были образованы природоохранные прокуратуры (районного звена) при прокуратурах субъектов Российской Федерации (в период СССР – на правах областных), а также межрегиональные природоохранные прокуратуры специали-

зированной типа с правами прокуратуры субъекта, созданные по так называемому бассейновому (экосистемному) принципу (концепции).

Прокурорским надзором как отраслью юридической науки был позаимствован принцип водного законодательства и, в частности, принцип организации управления с учетом не только административно-территориального, но и природно-географического районирования страны. То есть специализированные природоохранные прокуратуры образуются применительно к бассейнам основных внутренних морей (Каспийская бассейновая прокуратура), рек (Волжская межрегиональная природоохранная прокуратура), озер (Байкальская межрегиональная природоохранная прокуратура).

Изложенное свидетельствует, что именно в советской прокуратуре впервые была сформирована совершенно новая система внутриведомственного устройства специализированных природоохранных прокуратур, которая получила название «бассейновая».

С практической точки зрения бассейновый (экосистемный) принцип внутриведомственной организации системы природоохранных прокуратур – организационно-правовой механизм, призванный обеспечить большую гибкость, глубину, целенаправленность, последовательность и динамичность прокурорского надзора на закрепленной территории.

Для России такая форма внутриведомственной организации системы природоохранных прокуратур имеет большое практическое значение ввиду несоответствия границ бассейнов крупных водных объектов (например: Лена, Обь, Енисей и Волга) с административно-территориальными границами субъектов, в пределах которых они расположены. В таком случае оперативное, полное и достоверное получение целостной картины о состоянии законности в сфере охраны природы на конкретном природно-географическом участке возможно только за счет бассейнового (экосистемного) способа управления.

Исследуя процессы возникновения, развития, становления данной концепции, представляется возможным дать следующее определение бассейновому (экосистемному) принципу внутриведомственной организации системы природоохранных прокуратур – правило организации построения органов прокуратуры, основанное на эколого-территориальном объединении поднадзорных территорий на территории относительно замкнутой экосистемы – бассейна водного объекта, не связанное с административно-территориальным делением страны, позволяющее обеспечить экосистемный подход к решению вопросов оздоровления экологической ситуации в бассейне конкретного водного объекта и его частей.

Несмотря на тот факт, что о бассейновой системе внутриведомственного устройства природоохранных прокуратур не было ни одного упоминания в Законе СССР от 30.11.1979 г. № 1162-Х «О прокуратуре СССР»¹⁵ и нет ни одного упоминания в Законе о прокуратуре Российской Федерации¹⁶, эта модель устройства успешно реализуется на территории современной России.

С 20 сентября 2021 г. приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 01.07.2021 г. № 45-ш в Волжской межрегиональной природоохранной прокуратуре образованы Махачкалинская межрайонная природоохранная прокуратура (г. Махачкала), Дербентская межрайонная природоохранная прокуратура (г. Дербент), Северо-Каспийская межрайонная природоохранная прокуратура (г. Лаганы, Республика Калмыкия).

Таким образом, в настоящее время Волжская межрегиональная природоохранная прокуратура включает в себя 19 межрайонных природоохранных прокуратур, осуществляющих надзор за исполнением законов об охране окружающей среды и о природопользовании на территории 17 субъектов Российской Федерации, аппарат прокуратуры продолжает оставаться в г. Твери.

В целях усиления надзора за соблюдением законодательства в области охраны окружающей среды на Байкальской природной территории и в пределах Байкало-Ангарского бассейна, исполнения Федерального закона «Об охране озера Байкал», 1 декабря 2017 г. образована Байкальская межрегиональная природоохранная прокуратура (надзорная деятельность началась с 1 февраля 2018 г.) с местом дислокации в г. Иркутске и в г. Улан-Удэ. Полномочия Байкальского межрегионального природоохранного прокурора распространяются на территорию трех регионов: Иркутской области, Забайкалья и Республики Бурятия.

Удачный опыт такого бассейнового устройства природоохранных прокуратур лег в основу образования по бассейновому принципу в 2017 г. Амурской бассейновой природоохранной прокуратуры.

На основании приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 14.03.2017 г. № 11-ш¹⁷ образована Амурская бассейновая природоохранная прокуратура, которая осуществляет свою деятельность с 07.08.2017 г. Местом дислокации прокуратуры является г. Хабаровск. В ее состав входят семь межрайонных природоохранных прокуратур, охватывая территорию пяти регионов России: Забайкальского, Приморского, Хабаровского краев, Амурской и Еврейской автономной областей.

Река Амур – река федерального значения, является одним из основных рыбопромысловых водоемов Хабаровского края, воды которой подвергаются не-

гативному воздействию со стороны золото- и угледобывающих предприятий, промышленных центров и объектов коммунального хозяйства, расположенных в верховьях Амура¹⁸.

Таким образом, в России созданы и функционируют три межрегиональные природоохранные прокуратуры, организованные по бассейновому принципу. Подчинены такие прокуратуры напрямую Генеральному прокурору Российской Федерации, что говорит об их специфическом (неординарном) характере организационного устройства.

Анализ сайта Генеральной прокуратуры РФ¹⁹ показал, что по состоянию на 15.03.2020 г. всего при прокуратурах субъектов создано 42 специализированные природоохранные прокуратуры, а всего на территории Российской Федерации функционирует 73 природоохранные прокуратуры. Примечательно, что самое наименьшее число природоохранных прокуратур создано в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах. По состоянию на 15.03.2020 г. их было по одной в каждом из округов.

Современные исследователи в большинстве своем выступают за расширение сети природоохранных прокуратур, за повсеместное внедрение бассейнового (экосистемного) принципа организационного устройства системы природоохранных прокуратур.

На протяжении двадцати лет с предложением о необходимости расширения системы природоохранных прокуратур выступает и А.Ю. Винокуров, предлагая, чтобы хотя бы не менее одной такой прокуратуры было образовано в каждом субъекте Федерации. По его мнению, они смогли бы взять на себя основной объем природоохранной работы, возложенной на органы прокуратуры, в какой-то мере освободив от этой работы территориальные и другие прокуратуры [Винокуров: 27].

А.А. Демичев считает, что постепенно в каждом субъекте Российской Федерации должна быть создана межрайонная природоохранная прокуратура. Следующим звеном системы природоохранной прокуратуры должны быть межрегиональные природоохранные прокуратуры. Их создание возможно на основании разных принципов: бассейнового, территориального или иных. Главное, чтобы все межрайонные природоохранные прокуратуры входили в ту или иную межрегиональную природоохранную прокуратуру [Демичев: 18].

Таким образом, А.А. Демичев призывает отказаться от подчинения природоохранных прокуратур (с правами прокуратуры района) прокуратурам субъектов РФ, настаивая на подчинении их только специализированным межрегиональным природоохранным прокуратурам, для чего, безусловно, потребуются создание новых специализированных межрегиональных прокуратур.

С приведенными позициями следует согласиться. Представляется, что за прошедшие 35–40 лет такая модель организационного развития прокуратуры, как формирование узкоспециализированных подразделений, в полной мере себя оправдывает. Об этом свидетельствуют и показатели работы природоохранных прокуратур, качество и результативность принимаемых мер прокурорского реагирования, высокий уровень профессиональной квалификации таких прокурорских работников.

Видится необходимым создание по всей стране системы межрегиональных природоохранных прокуратур, в состав которых войдут межрайонные природоохранные прокуратуры, осуществляющие надзор за исполнением законов об охране окружающей среды и о природопользовании на всей территории региона без исключения. При этом такие межрайонные природоохранные прокуратуры будут подчинены только специализированным межрегиональным природоохранным прокуратурам. Таким образом, должна быть полностью ликвидирована практика создания межрайонных природоохранных прокуратур при региональных прокуратурах.

При создании межрегиональных природоохранных прокуратур необходимо учесть границы бассейновых округов (их всего 21), перечень которых закреплен в ст. 28 Водного кодекса Российской Федерации (Балтийский, Окский, Енисейский, Крымский и др.), функционирующие в настоящее время межрегиональные природоохранные прокуратуры были созданы без учета границ таких бассейновых округов.

Полагаем возможным не согласиться с позицией, приведенной в литературе, о том, что «ввиду малой эффективности целесообразно ликвидировать межрайонные природоохранные прокуратуры в субъектах Российской Федерации, организовав специализированный прокурорский надзор на особо охраняемых природных объектах» [Красных].

Создание специализированных природоохранных прокуратур только на особо охраняемых природных объектах существенно уменьшит общее число природоохранных прокуратур и поднадзорную им площадь, что не отвечает государственным интересам по реализации природоохранительной функции и не будет способствовать эффективной реализации экологических прав каждого. Экологическая функция государства не ограничивается только сохранением особо охраняемых природных территорий, площадь которых составляет всего 240,4²⁰ млн га, а это только 13 % всей территории страны.

По нашему мнению, необходимо продолжить работу по внедрению бассейнового принципа организации прокурорского надзора за исполнением природоохранного законодательства на территориях отдельных экосистем и крупных природных комплексов России,

предварительно устранив недостатки организации работы такой системы. Остановимся на некоторых из них.

В настоящее время в отдельных регионах функционирует одновременно несколько природоохранных прокуратур. Такие прокуратуры можно систематизировать следующим образом:

а) имеющие разную подчиненность: на территории Республики Татарстан свою деятельность осуществляет Казанская межрайонная природоохранная прокуратура, подчиненная Волжскому межрегиональному природоохранному прокурору, и Татарская природоохранная межрайонная прокуратура, подчиненная прокурору Республики Татарстан;

б) имеющие единую подчиненность: на территории Тверской области одновременно функционируют Тверская межрайонная природоохранная прокуратура, Осташковская межрайонная природоохранная прокуратура, подчиненные Волжскому межрегиональному природоохранному прокурору, кроме того, в региональном центре, а именно в г. Тверь, находится аппарат Волжской межрегиональной природоохранной прокуратуры; на территории республики Дагестан одновременно функционируют Махачкалинская природоохранная прокуратура и Дербентская природоохранная прокуратура, подчиненные Волжскому межрегиональному природоохранному прокурору; на территории Республики Коми находится сразу две природоохранные прокуратуры: Сыктывкарская природоохранная межрайонная прокуратура, Печорская природоохранная межрайонная прокуратура, подчиненные прокурору Республики Коми.

Из приказа прокурора Республики Коми от 18.01.2018 г. за № 7 (в ред. от 03.12.2019 г. № 193) «О разграничении компетенции территориальных прокуроров, природоохранных межрайонных прокуроров, прокуроров по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях и Воркутинского межрайонного прокурора по надзору за исполнением законов в угледобывающей отрасли»²¹ следует, что в данном случае дробление природоохранных прокуратур в пределах одного региона обосновано физико-географическими характеристиками региона, его экономическим развитием.

Какими обстоятельствами вызвано дробление природоохранных прокуратур, подчиненных одному межрегиональному прокурору в Республике Дагестан и в Тверской области, не ясно.

Если расстояние между Печорой и Сыктывкаром составляет около 600 км, площадь Республики Коми – более 416 тыс. кв. м, отдаленность и труднодоступность отдельных частей такого региона приводит к тому, что в зависимости от сезона проведение прокурорских проверок на территории поднадзорной Печорской межрайонной природоохранной прокуратуры

ры без использования вертолета бывает невозможно, то расстояние между Махачкалой и Дербентом – около 130 км, площадь всего региона 50 270 кв. м. Аналогичным образом, расстояние от Твери до Осташкова – в районе 180 км, а площадь всей Тверской области – всего 84 100 кв. м.

Кроме того, на территории Тверской области одновременно функционируют аппарат Волжской межрегиональной природоохранной прокуратуры, Тверская межрайонная природоохранная прокуратура, Осташковская межрайонная природоохранная прокуратура, подчиненные межрегиональному прокурору, при этом совместные полномочия таких прокуроров распространяются только на часть территории региона. На оставшейся территории Тверской области надзор за исполнением законодательства в сфере охраны окружающей среды и природопользования осуществляет прокурор Тверской области, подчиненные ему прокуроры²².

Таким образом, за Волжской межрегиональной природоохранной прокуратурой закреплены только 22 района из 28, расположенных на территории Тверской области, и 6 городов из 9.

Разграничение компетенции между Тверской и Осташковской межрайонными природоохранными прокурорами осуществляется распоряжением Волжского межрегионального природоохранного прокурора от 04.12.2012 г. № 63/20р «О разграничении компетенции между Тверской и Осташковской межрайонными природоохранными прокуратурами»²³, согласно которому за Тверской межрайонной природоохранной прокуратурой закреплены 15 районов из 22 и 4 города из 6.

Такое дробление природоохранных прокуратур в пределах одного региона, имеющих единую подчиненность, но осуществляющих надзор за исполнением законов об охране окружающей среды не на всей территории этого субъекта, явно излишне.

Анализируя пример с Тверской областью, представляется, что если на территории региона создано три природоохранные прокуратуры (одна из них – это аппарат межрегиональной прокуратуры), то полномочия таких природоохранных прокуроров должны распространяться на всю территорию Тверской области, а не избирательно.

Каких-либо исследований, позволяющих обосновать необходимость функционирования на территории Тверской области одновременно трех природоохранных прокуратур с немалым штатом работников, в настоящее время не имеется. Тверская область в экологическом рейтинге регионов²⁴ за 2021 г. заняла 45 место из 85, что позволяет говорить об относительной экологичности такой территории.

В обозначенном случае с Тверской областью представляется обоснованным оставление только одной

природоохранной прокуратуры районного звена, а именно Тверской межрайонной природоохранной прокуратуры, полномочия которой распространялись бы на территорию всей Тверской области. Штатную численность такой межрайонной прокуратуры следовало бы увеличить за счет штата Осташковской межрайонной природоохранной прокуратуры. Такое реформирование позволило бы уменьшить федеральные расходы на искусственно «раздутый» штат природоохранных прокуратур на территории Тверской области.

Следует отметить, что в отдельных регионах межрайонные природоохранные прокуратуры функционируют с делением на две структурные единицы. Так, например, Нижегородская межрайонная природоохранная прокуратура Волжской межрегиональной природоохранной прокуратуры дислоцируется в г. Нижний Новгород и имеет свое «представительство» в г. Дзержинске, где на постоянной основе находятся сотрудники такой прокуратуры. Аналогичная ситуация с Казанской межрайонной природоохранной прокуратурой, которая дислоцируется в г. Казани и имеет «представительство» в г. Набережные Челны.

Таким образом, для того чтобы осуществлять действенный надзор за исполнением экологического законодательства на территории региона, не требуется создавать две самостоятельные межрайонные прокуратуры со своим штатом работников.

Представляется, что в случае с Дербентской и Махачкалинской природоохранными прокуратурами Волжской межрегиональной природоохранной прокуратуры следовало бы поступить так же, оставив только Махачкалинскую межрайонную природоохранную прокуратуру, увеличив ее штат за счет штата Дербентской природоохранной прокуратуры и расположив в г. Дербенте «представительство» прокуратуры.

Аналогичным образом возможно поступить с Тверской и с Осташковской межрайонными природоохранными прокуратурами Волжской межрегиональной природоохранной прокуратуры, образовав в Осташкове «представительство» природоохранной прокуратуры.

Обоснованным видится функционирование нескольких природоохранных прокуратур в пределах одного региона только в случае, если их существование оправдано физико-географическими характеристиками региона (отдаленностью крайних точек региона, значительной площадью региона (например, Республика Коми, Якутия, Тюменская область), труднодоступностью местности, наличием ООПТ федерального значения), его экономическим развитием (например, в случае сосредоточения на небольшой территории (как правило, отдаленной от регионального административного центра) большого

числа предприятий, добывающих природные ресурсы) и в других исключительных случаях.

Никакой критике не подвергается факт существования на территории одного региона межрайонных природоохранных прокуратур, имеющих разную подчиненность.

На территории Республики Татарстан свою деятельность осуществляет Казанская межрайонная природоохранная прокуратура, подчиненная Волжскому межрегиональному природоохранному прокурору, и Татарская природоохранная межрайонная прокуратура, подчиненная прокурору Республики Татарстан.

Согласно п. 3 распоряжения Генерального прокурора РФ от 13.06.2018 № 360/7р «О территориальном разграничении компетенции прокуроров субъектов Российской Федерации и природоохранных прокуроров (на правах прокуроров субъектов Российской Федерации)»²⁵ полномочия Волжского межрегионального природоохранного прокурора в пределах компетенции распространяются на территории Республики Татарстан в пределах 22 районов республики из 43 и 2 городских округов из 14.

На оставшейся территории Республики Татарстан надзор за исполнением законодательства в сфере охраны окружающей среды и природопользования осуществляет республиканская прокуратура в лице структурного подразделения – Татарской природоохранной межрайонной прокуратуры.

Мотивы такого организационного устройства природоохранных прокуратур в пределах одного региона не ясны. В экологическом рейтинге регионов²⁶ за 2021 г. Республика Татарстан разместилась на 43 месте из 85. При этом верификационные исследования, подтверждающие необходимость дублирования природоохранных прокуратур в этом регионе, также отсутствуют.

Осуществление в пределах одного региона, в данном случае Республики Татарстан, надзора за исполнением законов об охране окружающей среды и природопользования природоохранными прокуратурами, имеющими разную подчиненность, не вполне оправдано. Такая структура не позволяет полно и оперативно аккумулировать информацию о состоянии законности в анализируемой сфере на территории всего субъекта, что само по себе затрудняет принятие комплексных мер по повышению эффективности осуществления надзорных и иных полномочий, в том числе и по координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в пределах такого региона.

Довольно сложно представить и тот факт, что природными процессами, самой природой можно управлять, создавать для них какие-то границы, в том числе и в виде границ компетенции природоохранных

прокуроров в пределах одного субъекта Российской Федерации.

Представляется абсолютно логичным присоединение Татарской природоохранной межрайонной прокуратуры, подчиненной прокурору Республики Татарстан, к Казанской межрайонной природоохранной прокуратуре, подчиненной Волжскому межрегиональному природоохранному прокурору.

При анализе распоряжения Генерального прокурора РФ от 13.06.2018 № 360/7р обращает на себя внимание тот факт, что Костромская, Волгоградская, Рязанская, Саратовская области не полностью поднадзорны межрайонным природоохранным прокурорам, входящим в систему Волжской межрегиональной природоохранной прокуратуры. Изложенное приводит к тому, что одновременно на территории перечисленных регионов надзор за исполнением экологического законодательства осуществляет и Волжский межрегиональный природоохранный прокурор, и соответствующий прокурор субъекта, но каждый – на закрепленной за ним территории. Последствия такого устройства системы органов прокуратуры в перечисленных субъектах аналогичны вышеприведенным на примере Республики Татарстан.

Учитывая изложенное, экосистемный (бассейновый) принцип внутриведомственной организации природоохранных прокуратур требует доработки. Для этого необходимо провести структурную ревизию системы природоохранных прокуратур и ее реформирование в целях: исключения фактов искусственного «раздувания» числа межрайонных природоохранных прокуратур в пределах одного региона, равномерного распределения служебных нагрузок между работниками таких прокуратур, обеспечения труднодоступных местностей «представительствами» природоохранных прокуратур.

В свою очередь требует законодательной проработки вопрос определения границ бассейна водных объектов, на территории которого в последующем должны быть созданы межрайонные природоохранные прокуратуры, объединенные в межрегиональную природоохранную прокуратуру. Для этого необходимо учитывать эколого-географические характеристики таких водных объектов и их частей, а также границы бассейновых округов.

Так, еще в 1990 г. при образовании межрайонных природоохранных прокуратур Волжской межрегиональной природоохранной прокуратуры было обращено внимание прокуратуры СССР на необходимость учета не только непосредственной площади бассейна р. Волги, но и его частей. Как указывалось выше, приказом прокуратуры СССР в ноябре 1990 г. в сферу надзорной деятельности Волжской природоохранной прокуратуры вошла и Рязанская область, территорию которой пересекает приток Волги.

Представляется обоснованным отнесение к бассейну водного объекта, поднадзорному межрегиональной природоохранной прокуратуре, не только самого водного объекта, но и его частей (притоков, водотоков, водоемов и т. д.). Данный вывод сделан исходя из анализа термина «бассейн водного объекта», ранее установленного в ст. 1 Водного кодекса РФ²⁷ от 16.11.1995 г., но отсутствующего в действующем Водном кодексе.

Изложенное позволяет заключить, что процесс учреждения и внедрения системы специализированных природоохранных прокуратур можно разделить на 4 этапа, каждый из которых имеет свои специфические признаки:

Первый этап (с 1950 до 1985 гг.) – выделение природоохранительной функции в качестве самостоятельной функции государства. Данный период характеризуется многократным увеличением антропогенного воздействия на окружающую природную среду за счет развития научно-технического потенциала страны. На общегосударственном уровне охрана природы впервые признается одной из важнейших государственных задач, для решения которой возникла потребность в совершенствовании правового регулирования и системы государственного управления, контроля и надзора в области охраны природы и рационального использования природных ресурсов.

Второй этап (с 1985 до 1992 гг.) – формирование и обособление прокурорского надзора за исполнением экологического законодательства как вида прокурорской деятельности. Данный исторический период знаменует техногенными авариями и катастрофами, Чернобыльской трагедией. В связи с этим борьбу с нарушениями природоохранительного законодательства Верховный Совет СССР постановил прокуратуре Союза ССР считать одним из основных направлений в деятельности по укреплению социалистической законности и правопорядка. Были образованы первые специализированные природоохранные прокуратуры. В 1989 г. создано Управление по надзору за исполнением природоохранного законодательства Прокуратуры Союза ССР. В целях реализации поручения о расширении системы природоохранных прокуратур была сформирована бассейновая (экосистемная) модель внутриведомственного устройства системы природоохранных прокуратур. В 1990 г. была образована по бассейновому принципу Волжская межрегиональная природоохранная прокуратура.

Третий этап (с 1992 по 2016 гг.) – переходный период: анализ, оценка практической значимости и эффективности работы природоохранных прокуратур, в том числе и созданных по бассейновому принципу. В обозначенный период активно на уровне руководства Генеральной прокуратуры РФ, в научных кругах ведутся дискуссии относительно целе-

сообразности функционирования природоохранных прокуратур и допустимости построения прокурорской системы не по принципу административно-территориального деления страны. Окончание периода знаменовано разработкой концепции развития системы межрегиональных природоохранных прокуратур по бассейновому принципу (в бассейнах самого большого озера планеты – Байкал, крупных рек Сибири и Дальнего Востока).

Четвертый этап (с 2017 г. по настоящее время) – период внедрения и повсеместного распространения бассейновой модели внутриведомственной организации системы природоохранных прокуратур. В 2017 г. созданы Амурская и Байкальская межрегиональные природоохранные прокуратуры, в 2021 г. расширена система Волжской межрегиональной природоохранной прокуратуры. Продолжается работа по расширению сети межрайонных природоохранных прокуратур для большего охвата территории.

Таким образом, проблема обеспечения экологической безопасности стала важнейшей составляющей национальной безопасности России. Особую роль в деле охраны окружающей природной среды призваны сыграть органы прокуратуры, являющиеся одной из основных опор государственной власти и главным инструментом обеспечения верховенства закона, экологической безопасности государства. Достижение высоких результатов работы на обозначенном направлении возможно при условии формирования системы узкопрофильных государственных органов, специализирующихся в сфере охраны окружающей природной среды и обеспечении экологической безопасности. К таким органам следует отнести и систему природоохранных прокуратур, являющуюся сравнительно новым и неординарным государственным органом, созданным во времена СССР и успешно функционирующим в современной России.

В свою очередь создание целостной системы природоохранных прокуратур должно сопровождаться: созданием природоохранных прокуратур в каждом регионе; уравниванием численности природоохранных прокуратур в каждом из федеральных округов, в том числе за счет исключения необоснованных фактов дробления природоохранных прокуратур в пределах одного субъекта Российской Федерации; укреплением и расширением системы межрегиональных природоохранных прокуратур; исключением практики ограничения полномочий природоохранного прокурора по территориальному принципу в границах субъекта, в котором он осуществляет свою деятельность; активным внедрением бассейнового (экосистемного) принципа организации системы природоохранных прокуратур на территориях отдельных экосистем и крупных природных комплексов России.

Примечания

¹ О мерах по дальнейшему улучшению охраны природы и рациональному использованию природных ресурсов: Постановление Верховного Совета СССР от 20.09.1972 № 3351-VIII. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_7902.htm (дата обращения: 01.01.2020).

² О неотложных мерах экологического оздоровления страны: Постановление Верховного Совета СССР от 27.11.1989 № 829-1. URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_18cbcd3b-3254-4e03-8b85-15f9b9544e89_16994/ (дата обращения: 30.09.2021).

³ О соблюдении требований законодательства об охране природы и рациональном использовании природных ресурсов: Постановление Верховного Совета СССР от 03.07.1985 № 2764-XI. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_12798.htm (дата обращения: 01.12.2019).

⁴ По отчету Генерального прокурора СССР о деятельности прокуратуры СССР по надзору за исполнением требований советских законов об укреплении правопорядка, охране прав и законных интересов граждан: Постановление Верховного Совета СССР от 03.07.1985. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_12796.htm (дата обращения: 01.01.2020).

⁵ Об изменении структуры Прокуратуры Союза ССР: Приказ Генерального прокурора СССР от 4 марта 1989 г. // Социалистическая законность. 1989. № 6. С. 71.

⁶ О неотложных мерах экологического оздоровления страны: Постановление Верховного Совета СССР от 27.11.1989 № 829-1. URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_18cbcd3b-3254-4e03-8b85-15f9b9544e89_16994/ (дата обращения: 30.09.2021).

⁷ Приказ Генерального прокурора СССР от 27.04.1990 № 443ш «Об образовании прокуратуры»: Волжские прокуроры от Осташкова до Астрахани. Кострома: ГУИПП «Кострома», 2000. С. 10.

⁸ Приказ Генерального прокурора СССР от 05.10.1990 № 647-ш «Об образовании прокуратур»: Волжские прокуроры от Осташкова до Астрахани. Кострома: ГУИПП «Кострома», 2000. С. 11–12.

⁹ Приказ Генерального прокурора СССР от 11.11.90 № 705-ш «Об образовании прокуратуры»: Волжские прокуроры от Осташкова до Астрахани., Кострома: ГУИПП «Кострома», 2000. С. 12.

¹⁰ Приказ Генерального прокурора СССР от 04.01.1992 № 13-ш «Об упразднении прокуратуры Каспийского водного бассейна и переподчинении межрайонных водных прокуратур»: Волжские прокуроры от Осташкова до Астрахани. Кострома: ГУИПП «Кострома», 2000. С. 13.

¹¹ Приказ прокуратуры РСФСР от 02.03.1992 № 208а-ш «О переименовании прокуратур»: Волжские прокуроры от Осташкова до Астрахани. Кострома: ГУИПП «Кострома», 2000. С. 14.

¹² Приказ Генерального прокурора РФ от 26.01.1998 № 34-ш «О Волжской межрегиональной природоохранной прокуратуре»: Волжские прокуроры от Осташкова до Астрахани. Кострома: ГУИПП «Кострома», 2000. С. 16.

¹³ Водный кодекс Российской Федерации: от 03.06.2006 № 74-ФЗ: (ред. от 30.12.2021) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60683/ (дата обращения: 01.02.2022).

¹⁴ Интервью с В.П. Виноградовым // Гарант: справ. правовая система. URL: <https://base.garant.ru/974375/> (дата обращения: 01.02.2022).

¹⁵ Закон СССР от 30.11.1979 № 1162-X «О прокуратуре СССР» // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=44512#y9pyZxSdXsMZwzw7> (дата обращения: 01.02.2022).

¹⁶ О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения: 01.02.2022).

¹⁷ Об образовании Амурской бассейновой природоохранной прокуратуры: Приказ Генерального прокурора РФ от 14 марта 2017 года № 11-ш // Гарант: справ. правовая система. URL: <https://base.garant.ru/71789762/> (дата обращения: 01.01.2020).

¹⁸ История прокуратуры. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/abpp/about-the-proc/history> (дата обращения: 01.11.2021).

¹⁹ Специализированные прокуратуры. URL: <https://genproc.gov.ru/structure/specific/> (дата обращения: 15.03.2020).

²⁰ Площадь заповедных территорий России в 2019 г. увеличится на 2 млн гектаров. URL: https://www.mnr.gov.ru/press/news/ploshchad_zapovednykh_territoriy_rossii_v_2019_g_uvelichitsya_na_2 mln_ gektarov/ (дата обращения: 14.02.2022).

²¹ О разграничении компетенции территориальных прокуроров, природоохранных межрайонных прокуроров, прокуроров по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях и Воркутинского межрайонного прокурора по надзору за исполнением законов в угледобывающей отрасли: приказ прокурора Республики Коми от 18.01.2018 за № 7: (в ред. от 03.12.2019 № 193). URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_11/documents/normative-act (дата обращения: 30.11.2021).

²² О территориальном разграничении компетенции прокуроров субъектов Российской Федерации и природоохранных прокуроров (на правах прокуроров субъектов Российской Федерации): Распоряжение Генерального прокурора РФ от 13.06.2018 № 360/7р. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/>

documents/normative-act?item=4764058 (дата обращения: 01.02.2022).

²³ О разграничении компетенции между Тверской и Осташковской межрайонными природоохранными прокуратурами: распоряжение Волжского межрегионального природоохранного прокурора от 04.12.2012 № 63/20р. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/vmtp/documents/normative-act> (дата обращения: 30.11.2021)

²⁴ Национальный экологический рейтинг. URL: <https://greenpatrol.ru/ru/stranica-dlya-obshchego-reytinga/ekologicheskii-reyting-subektov-rf?tid=418> (дата обращения: 13.02.2022).

²⁵ О территориальном разграничении компетенции прокуроров субъектов Российской Федерации и природоохранных прокуроров (на правах прокуроров субъектов Российской Федерации): Распоряжение Генерального прокурора РФ от 13.06.2018 № 360/7р. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/documents/normative-act?item=4764058> (дата обращения: 30.11.2021).

²⁶ Национальный экологический рейтинг. URL: <https://greenpatrol.ru/ru/stranica-dlya-obshchego-reytinga/ekologicheskii-reyting-subektov-rf?tid=418> (дата обращения: 14.02.2022).

²⁷ Водный кодекс Российской Федерации: от 16.11.1995 № 167-ФЗ (ред. от 31.12.2005). КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8366/ (дата обращения: 14.02.2022).

Список литературы

Алексеев А.А. Общий надзор: проблемы и перспективы // Законность. 1998. № 2. С. 6–11.

Ашурбеков Т.А. Российская прокуратура на новом этапе трансформации правовой системы: контуры новой доктрины ее развития // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2008. № 2 (4). С. 15–19.

Байтин М.И. Сущность и основные функции социалистического государства. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1979. 301 с.

Бижанова К.А. Исторические аспекты формирования прокурорского надзора в сфере охраны окружающей среды // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 7 (92). С. 232–242.

Боголюбов С.А. Стремление к законности в сфере охраны окружающей природной среды // Законность в Российской Федерации: вызовы эпохи (Сухаревские чтения). М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. 292 с.

Виноградов В.П. Обеспечение средствами прокурорского надзора экологической безопасности на территории Волжского бассейна. М.: МНЭПУ, 2000. 99 с.

Винокуров Ю.Е. Прокурорский надзор: учебник / Ю.Е. Винокуров, А.Ю. Винокуров, А.Б. Карлин, А.Ф. Козусев. М.: Высшее образование, 2005. 460 с.

Демичев А.А. Природоохранная деятельность органов прокуратуры // Экологическое право. 2018. № 3. С. 17–19.

Ермаков В.Д. Экологические преступления в России и прокурорский надзор в сфере охраны окружающей природной среды. М.: Изд. центр «Анкил», 1996. 95 с.

Жевлаков Э.Н. Уголовно-правовая охрана природной среды в Российской Федерации. М.: Интел-Синтез, 1997. 231 с.

Красных В.А. Развитие системы органов прокуратуры в условиях административной реформы. URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1236315> (дата обращения: 08.02.2020).

Рябцев В.П. Развитие теоретических основ организации деятельности прокуратуры // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2013. № 2 (34). С. 23–29.

Сухарев А.Я. XIX Всесоюзная партийная конференция и проблемы перестройки прокурорского надзора // Избр. труды. М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. С. 187–202.

References

Alekseev A. *Obshchii nadzor: problemy i perspektivy* [General supervision: problems and prospects]. *Zakonnost'* [Legality], 1998, № 2, pp. 6-11. (In Russ.)

Ashurbekov T.A. *Rossiiskaia prokuratura na novom etape transformatsii pravovoi sistemy: kontury novoi doktriny ee razvitiia* [Russian Prosecutor's office at a new stage of transformation of the legal system: contours of a new doctrine of its development]. *Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation], 2008, № 2 (4), pp. 15-19. (In Russ.)

Baitin M.I. *Sushchnost' i osnovnye funktsii sotsialisticheskogo gosudarstva* [The essence and main functions of the socialist state]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta Publ., 1979, 301 p. (In Russ.)

Bizhanova K.A. *Istoricheskie aspekty formirovaniia prokurorskogo nadzora v sfere okhrany okruzhaiushchei sredy* [Historical aspects of the formation of prosecutorial supervision in the field of environmental protection]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual problems of Russian law], 2018, № 7 (92), pp. 232-242. (In Russ.)

Bogolyubov S.A. *Stremlenie k zakonnosti v sfere okhrany okruzhaiushchei prirodnoi sredy* [Striving for legality in the field of environmental protection]. *Zakonnost' v Rossiiskoi Federatsii: vyzovy epokhi (Sukharevskie chteniia)* [Legality in the Russian Federation: challenges of the Epoch (Sukharev readings)]. Moscow, Akademiia general'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii Publ., 2016, 292 p. (In Russ.)

Vinogradov V.P. *Obespechenie sredstvami prokurorskogo nadzora ekologicheskoi bezopasnosti na territorii*

Volzhsкого basseina [Provision of prosecutorial supervision environmental security in the territory of the Volga basin]. Moscow, MNEPU Publ., 2000, 99 p. (In Russ.)

Vinokurov E.Yu. *Prokurorskii nadzor* [Prosecutor's supervision]. Moscow, Vyshee obrazovanie Publ., 2005, 460 p. (In Russ.)

Demichev A.A. *Prirodookhrannaia deiatel'nost' organov prokuratury* [Environmental protection activities of the Prosecutor's Office]. *Ekologicheskoe pravo* [Environmental law], 2018, № 3, pp. 17-19. (In Russ.)

Ermakov V.D. *Ekologicheskie prestupleniia v Rossii i prokurorskii nadzor v sfere okhrany okruzhaiushchei prirodnoi sredy* [Environmental crimes in Russia and prosecutor's supervision in the field of environmental protection]. Moscow, Izd. tsentr "Ankil" Publ., 1996, 95 p. (In Russ.)

Zhevlakov E.N. *Ugolovno-pravovaia okhrana prirodnoi sredy v Rossiiskoi Federatsii* [Criminal and legal protection of the natural environment in the Russian Federation]. Moscow, Intel-Sintez Publ., 1997, 231 p. (In Russ.)

Krasnykh V.A. *Razvitie sistemy organov prokuratury v usloviakh administrativnoi reformy* [Development of the system of prosecutor's offices in the con-

text of administrative reform]. URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1236315> (access date: 08.02.2020). (In Russ.)

Ryabtsev V.P. *Razvitie teoreticheskikh osnov organizatsii deiatel'nosti prokuratury* [Development of theoretical foundations of the organization of the Prosecutor's office]. *Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation], 2013, № 2 (34), pp. 23-29. (In Russ.)

Sukharev A.Ya. *XIX Vsesoiuznaia partiinaia konferentsiia i problemy perestroiki prokurorskogo nadzora* [XIX All-Union Party Conference and problems of restructuring of prosecutorial supervision]. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, Akademiia General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii Publ., 2017, pp. 187-202. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 29.11.2021; одобрена после рецензирования 14.12.2021; принята к публикации 09.02.2022.

The article was submitted 29.11.2021; approved after reviewing 14.12.2021; accepted for publication 09.02.2022.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Направляемый в редакцию материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других изданиях. Статьи, оформленные не по требованиям, не принимаются к рассмотрению!

Все материалы следует представлять в редакцию по электронной почте:

e-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Научные статьи принимаются в редакцию в течение всего года, публикуются в порядке живой очереди по мере наполнения портфеля редакции. Особые случаи с очередностью публикации статей решаются главным редактором.

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word**. Статью в редакцию необходимо прислать в форматах: *.doc, *.docx, *.rtf. Обязательно прикладывается файл статьи в формате *.pdf. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович).

Все статьи проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее **80%**.

Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

Минимальный объем текста статьи с – **не менее 10 000 знаков**. Максимальный объем текста не должен превышать **30 000 знаков (не более 16 страниц)**, включая все сведения об авторе, аннотацию и список литературы с references. Ограничения не распространяются на научные публикации, объем которых, превышающий требования, мотивирован логикой доказательств и количественными показателями публикуемых источников.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК

© **Инициалы и фамилия, 2019**

Аффилиация(и) автора: организация, где проводилось исследование,
г. Город, Страна

Название (жирным шрифтом, строчные буквы)

*Информация о финансировании (ссылки на гранты и пр.)
указывается после названия статьи курсивом*

Аннотация: 150–200 слов.

Аннотация к научной статье представляет собой краткую характеристику текста с точки зрения его назначения, содержания, вида, формы и других особенностей. Она передает главную, ключевую идею текста до ознакомления с его полным содержанием. Научная аннотация условно делится на три части:

- 1. Презентация вопроса или проблемы, которым посвящена статья.*
- 2. Описание хода исследования.*
- 3. Выводы: итоги, которых удалось достичь в результате проведенного исследования.*

В аннотации не допускается привлечение дополнительной информации (биографические данные, историческая справка, отступления, рассуждения и т.д.). В тексте аннотации не должны использоваться очень сложные предложения, изложение строится в научном стиле.

Ключевые слова: 7–10 слов, разделенных запятой.

Информация об авторе: Фамилия Имя Отчество, ORCID автора, ученая степень, ученое звание, место работы полностью: название организации, улица, дом, индекс, город, страна.

E-mail:

Дата поступления статьи: указывается дата отправки статьи в формате: 08.08.2008.

Дата приема статьи к публикации: заполняется в редакции.

Для цитирования: Фамилия И.О. Название статьи // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. XX–XX (страницы будут указаны в редакции). DOI:

Далее вся информация должна быть представлена на английском языке:

© Vladimir A. Smirnov, 2019.

Affiliation(s), Moscow, Russia

Name of the article

Information about financing (links to grants, etc.) is indicated after the title of the article in italics

Abstract: 150–200 word.

Keywords: 7–10 word, separated by a comma.

Information about the author:

E-mail:

Article received: August 08, 2019.

Published:

For citation: Smirnov V.A. Name of the article. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. XX–XX (In Russ.). DOI:

Текст статьи¹ Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи
Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи
статьи Текст статьи... [Анненков: 467].

Примечания (следуют после текста статьи)

¹ К сожалению, современное переиздание перевода Перцова книги Тэна лишено того изобилия фотоснимков и иллюстраций, которыми было богато снабжено его первое издание 1913, 1916 гг.

² О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642. URL: <http://www.consultant.ru/document/cons/> (дата обращения: 11.04.2019).

³ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2. Оп. 2. Д. 253.

Список литературы

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

References

Annenkov P.V. *Zamechatel'noe desiatiletie. 1838–1848. Iz literaturnykh vospominanii* [A wonderful decade. 1838–1848. From literary memories]. *Vestnik Evropy*, 1880, vol. 2, № 4, pp. 457–506. (In Russ.)

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ПРИМЕЧАНИЙ, БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК, СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ И REFERENCES

Примечания

В статье допустимы примечания, которые приводятся после текста, нумеруются арабскими цифрами (в виде верхних индексов) и представляют собой разъяснения, указания на переводы и пр.

Просьба не путать примечания со списком литературы!

Архивные материалы и законодательные материалы также оформляются в виде примечаний.

Архивные материалы:

Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 198. Оп. 7. Д. 68. Л. 22.

Законодательные материалы:

Об организации страхового дела в Российской Федерации: Федеральный закон от 27 нояб. 1992 г: (в ред. от 21 июля 2005 г. № 104-ФЗ) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307 (дата обращения: 28.10.2019).

Библиографические ссылки

Ссылки в тексте статьи оформляются *квадратными скобками* с указанием фамилии автора и страниц. После фамилии автора ставится знак «:» (двоеточие), а далее номер страницы [Коровин: 187].

Книга или статья одного автора: [Лебедев: 28], двух и трех авторов: [Шмидт, Князьков: 52]. Если в книге четыре, пять и более авторов, то она описывается под заглавием [Методика: 34].

Для многотомных изданий и изданий из нескольких выпусков указывается номер тома или выпуска: [Толстой, 12: 415]; [СРНГ, 44: 170].

Для описания книги под заглавием в тексте приводится первое слово или словосочетание (если первое слово определение) названия книги: [Необъявленная война: 102].

В том случае, если в списке литературы есть несколько авторов с одной фамилией, в квадратных скобках необходимо указать фамилию и инициалы автора [Мережковский Д.С. 1990, 3: 256].

Если в списке литературы приводятся две и более публикации одного автора, после фамилии автора указывается год издания, а уже далее страницы [Коровин 2019: 187].

Несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, оформляются добавлением буквенной аббревиатуры к году: [Андреева 2019а: 10]. В этом случае необходимо сделать соответствующее указание в списке литературы: *Андреева В.Г.* Личные интересы героев и мотив ожидания в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019а. № 1 (178). С. 8–12.

Список литературы

После статьи следует список литературы. Он должен быть представлен *в алфавитном порядке*.

Сначала приводятся все русскоязычные источники в алфавитном порядке, после – все источники на иностранных языках.

Фамилия и инициалы автора в списке литературы выделяются *курсивом*.

Между фамилией и инициалами на протяжении всей статьи, в том числе в списке литературы, ставится неразрывный пробел (инициалы при этом пробелом не разделяются). К примеру: Смирнов (**н.п.**) В.А.

Книга одного автора

Хазова С.А. Ментальные ресурсы субъекта: феноменология и динамика. Кострома, КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. 386 с.

Книга двух и трех авторов

Если в книге два или три автора, то указывают всех.

Божиллов И., Тотоманова А., Билярски И. Бориллов синодик. София: Паблшинг компани, 2010. 386 с.

Книга четырех или более авторов

Если у издания четыре, пять и более авторов, то оно описывается под заглавием, за косой чертой указывают фамилии первых трех авторов с добавлением «и др.»

Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студентов / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева и др.; под ред. Е.С. Полат. М.: Академия, 2002. 272 с.

Книга, описанная под заглавием

Жизнь и приключения Максима Горького / сост. И. Груздев. М.; Л.: ГИЗ, 1926. 164 с.

Многотомное издание

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худ. лит, 1928–1958.

Один том из многотомного издания

Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 12. 596 с.

Статьи из сборников

Панкратова Т.М. Образ семьи как механизм ее успешного функционирования // Психологическое благополучие современной семьи. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. С. 119–122.

Королева Е.М., Крюкова Т.Л. Роль диадического копинга в супружеских отношениях // Семья, брак и родительство в современной России; под ред. А.В. Махнач, К.Б. Зуева. М.: Институт психологии РАН, 2015. Вып. 2. С. 105–113.

Статьи из журналов

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

Статьи из газет

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. 1993. 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2003. 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 336–337.

Диссертации и авторефераты диссертаций

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 497 с.

Иностранные источники

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's *There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn* and Plautus' *Aulularia*. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

Материалы из сети Интернет

Симонова И.А. Ф.В. Чижов и А.А. Иванов. URL: http://ruskline.ru/analitika/2008/03/12/f_v_chizhov_i_a_a_ivanov (дата обращения: 20.06.2019).

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре XVI–XVIII вв. // Образовательный портал «Слово». Филология. [Б. г.]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Список литературы должен содержать не менее 10 источников по теме исследования, желательно присутствие в нем источников на иностранных языках.

Редакция рекомендует включение в список литературы новых научных исследований (за последние пять лет). Все художественные тексты, воспоминания и пр. также включаются в список литературы.

References

После списка литературы на русском языке в статье должен быть представлен транслитерированный список литературы: References.

Транслитерируются только источники, написанные кириллицей; французские, немецкие, итальянские, польские и пр. источники не переводятся, а остаются в references неизменными.

Для выполнения транслитерации необходимо использовать специальную программу.

✓ Зайти на сайт <https://translit.ru> и выбрать в верхнем правом разделе в появляющемся списке под ▼ позицию LC. Вставить в специальное поле весь текст библиографии на русском языке и нажать кнопку «В транслит».

✓ Затем копировать транслитерированный текст в готовящийся список References.

✓ Далее необходимо отредактировать полученное и добавить переводы на английский язык:

– перевести на английский язык название статьи, книги, журнала и др. и вставить его в квадратных скобках [] после соответствующих названий;

– заменить знак «//» на точку;

– заменить знак «/» на запятую;

– перевести на английский язык место издания (например, было М. – после редактирования: Moscow);

– заменить знак «:» (двоеточие) после названия места издания на запятую;

– после транслитерации названия издательства добавить Publ.;

– при необходимости исправить обозначение страниц: вместо 235 с. – 235 p., вместо S. 45–47 – pp. 45–47;

– курсивом выделить название источника и название журнала;

– в конце транслитерированной библиографической ссылки необходимо добавить указание на оригинальный язык статьи (In Russ.)

Примеры транслитерации источников

Проскурина В.Ю. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: НЛО, 2006. 332 с

Proskurina V.Iu. *Mify imperii. Literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II* [The myths of the empire. Literature and power in the era of Catherine II]. Moscow, NLO Publ., 2006, 332 p. (In Russ.)

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М.: Прогресс, Универс, 1994. 2030 стб. (Репринт. изд. 1903–1909 гг.)

Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka*: v 4 t. [Dictionary of the living Russian language: in 4 vols.], ed. by I.A. Boduena de Kurtene. Moscow, Progress Publ., Univers Publ., 1994, 2030 col. (In Russ.)

Морозов И.Л. «Горестная профанация» (Неопубликованные письма П.В. Анненкова о революции 1848 г. в Париже) // Исторический сборник, 1935, № 4. С. 223–258.

Morozov I.L. “*Gorestnaja profanacija*” (*Neopublikovannye pis'ma P.V. Annenkova o revoljucii 1848 g. v Parizhe*) [“Woeful profanation” (unpublished letters of P.V. Annenkov about the 1848 revolution in Paris)]. *Istoričeskij sbornik* [Historical collection], 1935, № 4, pp. 223–258. (In Russ.)

Непомнящий В.С. Пушкин в свете очевидностей // Новый мир. 1998. № 6. С. 190–216.

Непомнящий В.С. *Pushkin v svete očevidnosti* [Pushkin in the light of evident facts]. *Novyi mir*, 1998, № 6, pp. 190–216. (In Russ.)

Методика воспитательной работы / Л.А. Байбородова, Л.К. Гребенкина, О.В. Еремкина и др.; под ред. В.А. Слостенина. М.: Академия, 2002. 144 с.

Metodika vospitatel'noi raboty [Methodology of educational work], L.A. Baiborodova, L.K. Grebenkina, O.V. Ermkina and etc., ed. by V.A. Slastenin. Moscow, Akademia Publ., 2002, 144 p. (In Russ.)

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 497 с.

Andreeva V.G. *Natsional'noe svoebrazie russkogo romana vtoroi poloviny XIX veka*: dis. ... dokt. filol. nauk [National identity of the Russian novel of the second half of the XIX century: DSc thesis]. Moscow, 2017, 497 p. (In Russ.)

Шеметова Т.Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2011. 47 с.

Shemetova T.G. *Biograficheski mifo Pushkine v russkoi literature sovetskogo i postsovetskogo periodov*: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk [Biographical myth of Pushkin in Russian literature of the Soviet and post-Soviet periods: DSc thesis, summary]. Moscow, 2011, 47 p. (In Russ.)

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре // Образовательный портал «Слово». URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Ranchin A.M. *Teoriya «Moskva – Tretij Rim» i ee mesto v russkoj kul'ture* [The theory “Moscow – Third Rome” and its place in Russian culture]. *Obrazovatel'nyj portal «Slovo»*. *Filologiya* [Educational portal “Word”]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (access date: 27.08.2017). (In Russ.)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).
2. В указании дат используются сокращения типа г., гг., в., вв. (полностью слова «год», «годы» не пишутся). *Эти сокращения отделяются от даты неразрывным пробелом!*
3. Кавычки в тексте – елочки « », если появляются кавычки внутри кавычек, то используются лапки “ ”.
4. При первом упоминании автора в тексте приводятся инициалы, далее представляется только фамилия. *Инициалы с фамилией разделяются неразрывным пробелом.*
5. В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например: (рис. 2).
Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tiff (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).
6. Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например: (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование меньшего кегля, чем основной, но не менее 10.)
7. Формулы выполняются только в редакторе **MS Equation**.
8. Десятичные дроби имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), при перечислении каждая из десятичных дробей отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2022 – Т. 28 – № 1

Учредитель и издатель
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Костромской государственный университет»

Главный редактор
ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе КГУ

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-75265 от 07.03.2019 г.

Подписано в печать 16.02.2022.
Дата выхода в свет 20.04.2022.
Формат 60×90 1/8. Усл. печ. л. 24,7.
Уч.-изд. 25,7 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 19.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, Костромская обл., г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 31-13-22**,
E-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна